

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2026, Том 6, № 1

Подписано к публикации: 16.01.2026

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-1

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2026

Содержание

Инаркаев А.М., Манцаева А.Н. Сравнительно-сопоставительный анализ соматического компонента английских и чеченских фразеологизмов по семантическому признаку	5-11
Дай С. Функционирование сочетания «с учетом того, что» в союзной функции	12-18
Кадачиева Х.М., Абдулаева Д.Э. Элиминирование эмотивных лакун в переводах произведений Р. Гамзатова на английский язык	19-25
Васильев А.М. Маркировка текстов с участием ИИ как фактор медиадобверия: результаты экспериментального исследования	26-29
Газизов Р.Р., Спирчагова Т.А., Байрактар М.Х. Филологический потенциал магистерских программ по направлению «Телевидение»	30-36
Гайс М.Ю. Дискурсивные приемы манипуляции и пропаганды в виртуальном медиaprостранстве (на материале русскоязычных и арабоязычных Telegram-каналов)	37-50
Коршунова Е.С. Лингвостилистические средства выражения иронии в английской художественной литературе и способы ее передачи на русский язык (на примере романа Джонатана Свифта “Gulliver’s Travels”)	51-56
Пупырева С.О. Реализация стратегий фрейминга в современном испаноязычном политическом дискурсе	57-63
Мирзаева Д.У. «Отмена» как парадокс: лингвистические и дискурсивные механизмы конструирования гипервидимости в цифровую эпоху	64-70
Сокольников А.Д. Традиционный детский фольклор в его жанровом и содержательном освещении (обзор регионального корпуса текстов)	71-82
Сурхаева Д.И. Свадебный предметный код в английском и лезгинском языках	83-87
Аврутина А.С., Чобаноглу Й.М. Сопоставительный анализ юридической терминологии турецкого и русского языков: эволюция и стратегии перевода (на материале Договора о торговле и мореплавании между СССР и Турецкой Республикой от 8 октября 1937 г.)	88-100
Ещенко И.О. Модальность полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом в коротких рассказах (на материале произведений Дж.Голсуорси и Дж.Лондона)	101-106
Томин В.В. Лингвомаркеры конфликтогенеза в цифровой коммуникации студенческой молодежи	107-111
Хорошевская Ю.П. Фантастика и фантастическое в прозе Чингиза Айтматова: пути расширения жанрового канона	112-118
Гремицкая М.В. Объективация ирреальности посредством гипотетического сравнения в немецком языке	119-124

Саенко О.А., Степанова Н.П. Функционирование прилагательного-определения в репортажах журналов о путешествиях (на материале французских интернет-изданий)	125-131
Бандурко З.В., Ашмарина И.С. Особенности локализации видеоигр (по мотивам игры «Ведьмак 3: Дикая охота»)	132-140
Руденко Е.Н. Роль крымских СМИ в формировании исторической памяти	141-146
Акинина П.С. Специфика медицинского перевода	147-151
Албагачиева Х.И. Художественное пространство Европы и его разоблачающая роль в романе И.С. Тургенева «Дым»	152-158
Алиева Л.Б. Репрезентация представлений о женском и мужском интеллекте на основе русских фразеологических единиц	159-164
Багдасарова И.Ю. Ассоциативный портрет современного студента в контексте готовности к восприятию текста исторического романа	165-171
Го Лихун, Ван Цзыно Языковая личность и имидж политика (на материале официальных выступлений С.В. Лаврова)	172-177
Косоножкина Л.В. Эллиптические конструкции в английской художественной литературе	178-184
Курбанова Э.О., Сиражудинова К.К. Сопоставительный анализ изучения вопросов фразеологии и фразеологии английского и русского языков	185-189
Ма Юаньшао "Текст в тексте" в романе «Мастер и Маргарита» и механизм порождения смысла	190-196
Бараненко А.П. Актуальная классификация лингвистических методов информационных войн в печатных СМИ	197-203
Климакина Е.А., Гильфанова Г.Т., Садриева Г.А. Дискурсивные маркеры как репрезентанты категорической достоверности в диалогической коммуникации	204-209
Шестов Н.А. Игровые стримеры: новые лидеры мнений, формирующие информационное пространство XXI века	210-216

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.373.7

¹ Инаркаев А.М., ¹ Манцаева А.Н.

¹ Чеченского государственного университета
им. А.А. Кадырова

Сравнительно-сопоставительный анализ соматического компонента английских и чеченских фразеологизмов по семантическому признаку

Аннотация: в статье выявлены особенности фразеологизмов английского и чеченского языков с соматическим компонентом по семантическому признаку. Достигнуто понимание, что фразеологизмы транслируют специфику восприятия человеком окружающей действительности. Они демонстрируют умственные способности личности. В работе определены сходства и различия в специфике формирования соматического компонента в английском и чеченском языках, его концептуальные, когнитивные и структурные особенности. Фразеологические единицы, называемые в западной науке идиомами, являются самой эмоциональной, яркой и аутентичной частью словарного запаса языка. Они отражают накопленные народом в ходе истории языковые образы его традиций, пережитков, заблуждений, предрассудков, событий и народного творчества. В них цитаты великих поэтов соседствуют с сомнительным достоянием мещанской мудрости и грубых острот бедноты. Это еще одна определяющая сторона фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизмы, языковая единица, соматический компонент, семантический признак, английский язык, чеченский язык

Для цитирования: Инаркаев А.М., Манцаева А.Н. Сравнительно-сопоставительный анализ соматического компонента английских и чеченских фразеологизмов по семантическому признаку // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 5 – 11.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Inarkaev A.M., ¹ Mantsaeva A.N.

¹ Kadyrov Chechen State University

Comparative-contrastive analysis of the somatic component of English and Chechen phraseological units by semantic feature

Abstract: the presence of a language is of particular importance in the spiritual and historical development of any nation. Language is the main indicator of the spiritual self-worth of a people and its cultural status. Nowadays, for many peoples of the world, the problem of language preservation and development is of unequivocal relevance. In this regard, we believe that any study that sheds light on the features of language and its structural units becomes important. The goals and objectives of the research are to study the formation of phraseological units with a somatic component in English and Chechen, correlate these processes, determine their typologies and other aspects. The method of comparative and typological analysis was used to solve the research topic.

Conclusions: the article reveals the peculiarities of phraseological units of the English and Chechen languages with a somatic component on a semantic basis; it is understood that phraseological units convey the specifics of human perception of the surrounding reality, demonstrate the mental abilities of the individual; similarities and differences in the specifics of the formation of the somatic component in English and Chechen languages, its con-

ceptual, cognitive and structural features. The research results are of practical importance because they can be used in practical and seminar classes devoted to the problems of studying linguistics (phraseology) at the university.

Keywords: phraseological units, linguistic unit, somatic component, semantic feature, the English language, the Chechen language

For citation: Inarkaev A.M. Mantsaeva A.N. Comparative-contrastive analysis of the somatic component of English and Chechen phraseological units by semantic feature. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 5 – 11.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность работы. В духовно-историческом развитии любого народа особое значение имеет наличие у него языка. Язык является главным показателем духовной самооценности народа, его культурного состояния. В наши дни для многих народов мира проблема сохранения и развития языка имеет однозначную актуальность. В этой связи, полагаем, приобретает важность любое исследование, проливающее свет на особенности языка и его структурные единицы.

Цели и задачи исследования: изучение вопросов формирования фразеологизмов с соматическим компонентом в английском и чеченском языках, соотнесение этих процессов, определение их типологий и прочих аспектов.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются фразеологизмы английского и чеченского языков с соматическим компонентом по семантическому признаку; реализация темы исследования выстроено на методе сравнительно-сопоставительного и типологического анализа.

В решении темы исследования использован метод сравнительно-сопоставительного и типологического анализа.

Результаты исследования имеют практическую значимость, поскольку они могут быть использованы на практических и семинарских занятиях, посвященных проблемам изучения лингвистики (фразеологии) в вузе.

Результаты и обсуждения

«Одним из главных средств изучения человека и окружающего мира на протяжении многих веков остается язык. Но только в XX веке лингвисты осознали необходимость изучать человека и язык в одной совокупности, чему и послужило формирование антропоцентрической парадигмы, которая заключалась в исследовании языковой личности во всем ее многообразии» [5, с. 171–173].

«Фразеологизм, являясь устойчивым выражением с целостным значением», помимо своей выразительности и красочности, набирает свои ресурсы из самых глубин народной речи [6, с. 112]. Помимо своей выразительности и красочности, она набирает свои ресурсы из самых глубин народной речи. Ещё одна особенность фразеологических единиц – возможность заполнять лакуны. Это необходимо для того, чтобы имелась возможность объяснить некоторые явления в лексической системе языка, которые необходимо познать. Фразеологизмы дают возможность изучить развитие не только языка, но и историю народа, его быт и нравы, его культуру и этноментальные ценности. Этим обусловлен яркий национальный окрас языка.

Среди лингвистов XX века уже давно сформировалось представление о системности языка. Системностью они называют «закон», которому подчинены все основные единицы языка и категории. Отдельной ветвью в учении о системности языка является системность лексики. Советский лингвист и академик Д.Н. Шмелев отмечает: «Учитывая особенности лексики, мы должны заранее предположить, что установление системных связей здесь значительно сложнее, чем в грамматике или фонологии, нет поэтому ничего удивительного в том, что самое понимание лексики как системы оказывается у различных исследователей весьма неоднородным» [8, с.154].

Вопросы фразеологии как отдельного раздела лингвистики в активном исследовании выстраивались во второй половине прошлого века (60–70-е). Большой вклад в процесс формирования фразеологии внес Н.М. Шанский. Свое видение вопроса он излагал в многочисленных работах, написанных им с начала 1950-х гг. Одна из них – «Фразеология современного русского языка» (1963).

Акценты в книге Н.М. Шанского были выстроены на понимании проблемы следующим образом: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде единица языка из двух или более ударных

компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [7, с. 27]. Кроме Н.М. Шанского, изучением фразеологии занимались В.Л. Архангельский («Устойчивые фразы в современном русском языке», 1964), А.И. Молотков («Основы фразеологии русского языка», 1977), Р.Н. Попов («Фразеологизмы современного русского языка с архаическими значениями и формами слов», 1976) и многие другие.

Таким образом, благодаря усилиям лингвистов разных взглядов и позиций, было выведено следующее общее определение: «Фразеологическая система языка – это составная часть системы языка как его подсистемы, представляющая собой однородное множество единиц, имеющие сходные системные свойства» [3, с. 245].

Сочетаемость и взаимодействие уникальных по своему семантическому и лексическому значению компонентов фразеологических единиц с внешними категориями и структурой современного языка, демонстрирует необходимость в своеобразной методике изучения, применимой к этому разделу лингвистики, поскольку такое свойство компонентов фразеологических единиц является уникальным явлением в языке. Это же определяет роль фразеологии в лингвистике, поскольку уникальный характер компонентов фразеологических единиц является следствием необходимости налаживания связей со смежными научными дисциплинами, к примеру, с историей и этнографией. Это делает исследования в области фразеологии еще более ценными, поскольку это способствует формированию важных не только в рамках лингвистической науки знаний, но и важных для смежных дисциплин: истории, культурологии, этнопсихологии и т.д.

«Соматизмы занимают особое место в системе пространственных концептов, во-первых, потому что в процессе ориентации, как правило, объект соотносится с человеческим телом, а во-вторых, потому что сами части тела концептуализируются в сознании говорящего в аспекте пространственных категорий» [4, с. 74]. Соматические фразеологические единицы представляют собой продукт сознательной деятельности человека. Комплексность формирования соматического компонента строится на причинности системного ряда концептуальных образов в языке, находящихся свое отражение в отдельно взятой соматической единице.

Как известно, «лексика и фразеология, относящиеся к соматической сфере, занимают большое место в словарном составе диалекта и относится к его древнейшим пластам и представляет большой интерес не только с чисто языковой точки зрения, но и лингвокультурологической» [2, с. 25]. Социокультурное начало в языке полагается на двойственность его восприятия человеческим сознанием, которая проявлена через существование в языке культурных универсалий (архетипических связей) и автономных этнокультурных специфических особенностей, находящихся в постоянной динамике развития. Они и составляют культурно-языковые особенности, существующие и в соматическом компоненте. На этом основании вполне разумно заявить о наличии этих связей и в английском и чеченском языках.

Исследованные нами соматические компоненты английского и чеченского языков могут находить свое подобие и различие не только внутри своей конкретной языковой системы (и даже языковой группы), но и вне ее. Соматизмы «голова», «глаза», «рука», «рот», «спина», «нога» и «лицо» имеют крайне гибкую лексико-семантическую природу и такую же гибкую логико-функциональную природу. Сходства и различия, существующие в рамках этого, можно разделить по определению факторов, влияющих на его лексико-семантическую структуру и логико-функциональное положение в содержании и в контексте. Так, на основе этих факторов можно сформировать целостные типологические группы, дающие понимание разницы в семантике и ее когнитивного, социокультурного и концептуального оформления.

В ходе исследования нами была разработана семантическая классификация английских и чеченских фразеологизмов с соматическим компонентом.

Семантическая классификация английских и чеченских фразеологизмов с соматическим компонентом

1. Движения и действия:

up in arms about – «злостно протестовать против чего-либо»;

get someone's back up – «раздражать кого-либо или разозлить»;

be on (or get off) someone's back – «тревожить (или перестать тревожить) кого-либо»;

set your face against – «решительно противостоять чему-то»;

make someone's mouth water – «вызвать сильный аппетит у кого-либо»;

put words in (or into) someone's mouth – «передать ложные слова кого-либо»;

take the words out of someone's mouth say – «сказать что-то, что кто-то другой собирался сказать»;

give someone a mouthful – «разговаривать с кем-то очень грубо и громко»;

say a mouthful – «сделать броское или важное заявление»;

get your feet wet – «начать участие в какой-либо деятельности»;

get your own back – «отомстить, вернуть должок»;
keep someone or something at arm's length – «избегать близкого контакта с кем-то или с чем-то»;
put the arm on – «попытка заставить или принудить кого-либо сделать что-то»;
up in arms about – «злостно протестовать против чего-либо»;
would give your right arm for – «быть готовым заплатить высокую цену за что-либо» [9].
букъ берзо – «удрать, обратиться в бегство»;
бага са кхаьчна – «с большим усердием, упорством, напряжением, прилагая все силы»; *бага Iomta (та-са)* – «присваивать что-либо себе. Непосредственно кому-либо, обычно в качестве взятки, давать, совать и т.п. что-либо. Есть, а также давать есть кому-либо»; *багара даккха* – «перейти дорогу кому-либо, взявшись за дело этого человека. Урвать, похитить, выпрашивать у кого-либо что-то необходимое, применяя силу, лесть, обман и т.п.»; *бага юкъя* – «заставлять молчать, не говорить о чём-либо (обычно подкупом, лестью). Бага сацо шегахь»; *бага яста* – «заставить кого-либо заговорить, запеть и т.п. Начать говорить, болтать и т.п.»; *бий ког гIортийна (дуьхьалъяла)* – «делать что-либо с большим напряжением, с полной отдачей сил»; *корта бетта* – «умолять, упрашивать кого-либо» [1].

В группу движения и действия из английского и чеченского языков вошли фразеологизмы с разными соматическими компонентами в обоих языках, однако наблюдается определенное сходство в их семантическом применении. Так, соматический компонент «рот» в обоих языках чаще используется для выражения речевых, общительных концепций. Для описания действий, связанных с динамикой человеческого тела в английском языке, чаще прибегают к использованию соматических компонентов «рука» и «нога».

Соматический компонент «спина» в обоих языках также отражает динамику тела. В целом, можно сказать, что в зависимости от компонента, в описании действий и движений английские и чеченские соматические фразеологические единицы достаточны схожи. Примеры: «John got his back up when his parents brought up the subject of college» – «Джон разозлился, когда родители затронули тему колледжа» [9]. «Ша Iадланерга вахнери царна хийча, букъ берзина дIаведира иза» - «Когда он понял, что они узнали, что он был у Адлана, он быстро удрал». «Jonathan bullied me mercilessly at school, but I eventually got my own back when I bought out his father's business and became his boss» – «Джонатан безжалостно издевался надо мной в школе, но в конце концов я вернул должок, когда выкупил бизнес его отца и стал его боссом» [10]. «Мовсари бага ца юкъяхь, гIуллак хира дацари кхийтира Iийса» – «Иса понял, что, если не заставить Мовсара молчать, ничего не выйдет» [1].

2. Положение, качество и отношение

be hanging over your head – «висеть над головой»; *King Charles's head* – «навязчивая идея»; *be on someone's (own) head* – «нести личную ответственность (о последствиях)»; *a beam in your eye* – «бревно в своем глазу»; *at the back of your mind* – «на задворках ума, не думать об этом сейчас, но понимать и знать что-либо»; *know something like the back of your hand* – «знать что-то как свои пять пальцев»; *on your back* – «находиться в постели, восстанавливаясь от травмы или болезни»; *the acceptable face of* – «терпимое или привлекательное проявление чего-то или аспект»; *with your back to (or up against) the wall* – «в отчаянном положении»; *have the ball at your feet* – «иметь наилучшие возможности для успеха»; *keep your eye on (or take your eye off) the ball* – «обрати внимание (или прекрати обращать внимание) на текущих задачах»; *bang people's heads together* – «отчитать людей, особенно если они громко спорят»; *at the back of your mind* – «на задворках ума, не думать об этом сейчас, но понимать и знать что-либо»;

put your back into – «энергично подходить к задаче»;

all my eye and Betty Martin – «вздор, чепуха»;

cost an arm and a leg – «быть очень дорогим»;

give an arm and a leg for – «заплатить большую цену»;

the long arm of coincidence – «удивительное совпадение»;

the long (or strong) arm of the law – «полиция воспринимается как строгая и пугающая сила» [9].

as long as your arm – «очень длинный»;

бIаьрган негIар а тухур дац – «о человеке, не поддающемся чувству страха, умеющем преодолеть его, не боящемся опасности, неустрашимом»; *бIаьрган негIар тухучу юккъяхь (тохале)* – «очень скоро, быстро»; *бIаьрган хьесапца (тидамца, чьотаца)* – «примерно, приблизительно»; *багахь мотт болуш* – «об ораторе, грамотном, образованном»; *бага шегахь кхаба, сацо* – «молчать, умение сдерживаться в разговоре»; *бага шера ю* – «кто-либо способен много говорить, умно, красиво говорить»; *аьлIачу тIера ког юхабоккхур боцуш* – «оставаться верным принятому решению»; *бага ваха* – «становиться предметом разговора, обсуждения, пересудов, критики»; *кога хIомта* – «оправляться от болезни; делаться самостоятельным, приобре-

тать независимость»; *ший (а) куьг айба* – «быть полностью за что-либо»; *куьйго куьг дуьлу, цундела ший а цлена лаьтта* – «о взаимоподдержке, взаимовыручке двух или более лиц (обычно о мошенниках)»;

беха букъ – «о человеке большого роста»;

юьхь лаьржа хлотта – «потерять престиж, опозориться»;

ког таса клел – «исподтишка, с умыслом вредить»;

ког тоьхча хи а докхур долуш – «способный на все, о решимости»;

корта бац – «кто-либо не сообразителен, не догадлив»;

корта болх беш бу – «кто-либо сообразителен, догадлив»;

корта буьзна – «кто-либо обременен какими-либо знаниями, сведениями кто-либо полон забот, дум» [1].

Это наиболее обширная семантическая группа фразеологизмов с соматическим компонентом. Она включает в себя многие соматические фразеологические единицы. Первое, на что стоит обратить внимание, – это использование соматического компонента «рука» в обоих языках для различных оценок. Как ранее отмечалось, рука выполняет функцию наиболее мобильной части тела в когнитивном отражении в обоих языках. Семантика, при этом, различается по социокультурным факторам, где в английском рука также представляет собой абстрактную метафору власти. В чеченском языке конкретная концепция соматического компонента «рука» сочетается с абстрактным семантическим образом (как и в большинстве чеченских соматических фразеологических компонентах).

В обоих языках часто используется соматический компонент «глаз» для оценки и описания качества. Семантическая основа этого компонента строится вокруг ассоциативного соотношения схожих фактов (чаще в чеченском) и метафорической гиперболы (чаще в английском). В английском языке данный компонент чаще описывает качества, в чеченском языке он чаще дает оценку. Соматический компонент «рот» в обоих языках имеет, в целом, схожую семантическую структуру. Если часть фразеологических единиц с соматическим компонентом «рот» в первой группе выражала действия, связанные с речью и общение в обоих языках, то в данный пласт этих соматизмов входят только чеченские соматизмы, выражающие качества речи, речевого аппарата и общения. В данном отношении два языка немного различны, однако структура данных соматизмов и в английском, и в чеченском языках обнаруживает сильное сходство.

Соматический компонент «голова» также выражает в обоих языках положение и качества, однако, как ранее отмечалось, его структура в двух языках заметно отличается, касается это и семантики. Семантически, фразеологизмы с данным компонентом в английском языке выражают качества, поскольку компонент «голова» в чеченском языке рассматривается как интеллектуальный и эмоциональный центр.

В английском языке компонент «голова» в семантическом отношении выражает положение, а сам по себе рассматривается в английском языке как ценный объект в смысле части тела. Примеры: «We actually grew up in the same town in Kansas, but through *the long arm of coincidence*, met and fell in love in India nearly 30 years later» – «На самом деле мы выросли в одном городе в Канзасе, но по воле случая встретились и полюбили друг друга в Индии почти 30 лет спустя» [9].

«Адамехь а, Керимехь а олуш дара – *куьйго куьг дуьлу, цундела ший а цлена лаьтта*» – «Про Адама и Керима говорили, что у них сильная взаимовыручка». «If he says he's good at tennis, it's all my eye—he's terribly uncoordinated on the court» – «Если он говорит, что хорошо играет в теннис, то это чепуха – он ужасно плохо координирует свои действия на корте» [10]; «*Блаьрган неглап тухучу юккъехь*, длаведира Мансур» – «Мансур очень быстро убежал». «*Бага шегахь кхаба хууш* стаг ву 1илман, цундела ца оьшуш долу кьамелаш юккъахь иза ца хуьлу» – «Илман умеет сдерживать себя в общении, поэтому он редко ведет напрасные разговоры» [1]. «I'm so glad that exam is over—it's been *hanging over my head* for months» – «Я так рада, что экзамен позади – он висел у меня над головой несколько месяцев» [9]. «*Корта боцуш* адам ду Хьамид, цхьа болх бала мегара дац цунна» [1].

3. Эмоции и чувства

the apple of your eye – «кто-то или что-то, чем вы гордитесь и дорожите»;

with open arms – «с сильной симпатией или энтузиазмом»; *like a bear with a sore head (of a person)* – «очень раздражительный человек»; *have (or get) a foot in the door* – «получить первое впечатление о работе или профессии» [10].

Блаьргаш хье тле бала – «удивляться, выражать крайнее недоумение (иногда притворное, неискреннее); *букье зуз дан* – «ощущать озноб от сильного страха, волнения, ужаса»; *ког лаьттац ца кхеташ* – «в радостном, приподнятом настроении»; *корта охьабхийта* – «приходить в сильное уныние, в отчаяние, испытывать душевное волнение» [1].

В семантическую группу эмоций и чувств вошли английские и чеченские фразеологизмы с соматическим компонентом, отражающие различные категории эмоциональности и чувственности. В английских соматизмах наблюдается большая апелляция к личности, к чувственному отношению к ней. Наблюдается выражение семантики через конкретные концепции соматизмов с компонентами «голова» – «*like a bear with sore head*», однако при сохранении абстрактного значения семантики, в случае с данным соматизмом, еще и отстраненного от лексического значения.

То же наблюдается и с компонентами «глаз» («*the apple of your eye*») и «рука» («*with open arms*»). Компонент «нога» при этом представляет собой случай близости лексического и семантического значений («*have (or get) a foot in the door*» – «получить первое впечатление о работе или профессии»). Примеры: «He has five kids, but his only daughter is clearly *the apple of his eye*» – «У него пятеро детей, но единственная дочь – самая большая гордость» [9], «Janet was *like a bear with a sore head* when she found out she had missed her connecting flight» – «Джанет была очень раздражена, когда узнала, что опоздала на стыковочный рейс» [9], «Good luck getting a foot in the door in Hollywood» – «Удачи вам в Голливуде» [9].

В соматизмах чеченского языка семантическая структура выражена через конкретное лексическое значение, тем не менее наблюдается гипербола концепции для усиления значения семантики – «*ког лаьтташ ца кхетаиш*» – дословно «не дотрагиваясь ногой до земли» – «в радостном, приподнятом настроении». В целом, в чеченском языке лексическое значение близко к семантическому. Сама семантика чеченских фразеологизмов с соматических компонент отражает общие эмоции и чувства, людей без прямой или косвенной апелляции к личности. Примеры: «Мовсар *ког лаьтташ ца кхетаиш* цIа вахара, оха и кхана тхайцани хIордан тIе кхайкхича» – «Мовсар ушел в приподнятом настроении, когда мы позвали его с собой на море», «Хьамзати *букъе зуз деара*, чан хезича хьуьнахъ» – «Хамзата охватил озноб от сильного страха, когда он услышал медведя в лесу», «Аш аьллачунах *бIаьргаш хье тIе* бевлира Iимрани» – «От моих слов у Имира глаза полезли на лоб» [1].

Семантическая классификация английских и чеченских фразеологических единиц с соматических компонентом дает нам основание говорить о полярном применении тех или иных компонентов для описания различных явлений. Несмотря на семантическую и лексическую близость некоторых компонентов, к примеру, компонентов «спина» и «лицо» семантические значения, выражаемые ими в обоих языках довольно различны. Хотя лексическое значение все равно обнаруживает в этих компонентах определенное подобие.

Выводы

В целом, семантическая структура двух языков различна, опирается на несхожие идейные образы и апеллирует к различным вещам. В английском языке ощущается влияние определенных социокультурных явлений, когда в чеченском языке через лексическое значение, выраженное общими явлениями и функциями применяемых компонентов также выражается общее семантическое значение без явной апелляции к чему-либо. Другими словами, наблюдается определенное соответствие лексического и семантического значений. Таким образом, сопоставительный анализ семантики соматического компонента фразеологизмов английского и чеченского языков показывает наличие большего числа различий, чем сходств в семантической структуре фразеологической единицы.

Список источников

1. Байсултанов Д.Б. Чеченско-русский фразеологический словарь. Грозный: Издательство «Книга», 1992. 320 с.
2. Бердникова Т.А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов. М., 2000. С. 25.
3. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1968. С. 245.
4. Трофимова У.М. Пространственная концептуализация соматизмов: типологический взгляд // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Выпуск 10. № 4. С. 74.
5. Ушатикова К.С., Ачаева М.С. Словообразовательные гнезда натуральных соматизмов в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 1. С. 171 – 173.
6. Цепкова А.С. Сопоставительный анализ соматизмов в английском и русском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2-2 (77). С. 112.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Москва: Стереотип, 2021. С. 27.
8. Шмелев Д.Н. Слово и образ. Москва: Просвещение, 1964. С. 154.
9. Judith Siefring. The Oxford dictionary of idioms. Second edition. New York: Oxford University Press, 2005. 340 с.
10. <https://www.thefreedictionary.com>.

References

1. Baysultanov D.B. Chechen-Russian Phraseological Dictionary. Grozny: Kniga Publishing House, 1992. 320 p.
2. Berdnikova T.A. Lexical and Phraseological Field of Somatism. Moscow, 2000. 25 p.
3. Molotkov A.I. Phraseological Dictionary of the Russian Language. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1968. 245 p.
4. Trofimova U.M. Spatial Conceptualization of Somatism: A Typological View. Bulletin of the Buryat State University. 2014. Issue 10. No. 4. 74 p.
5. Ushatikova K.S., Achaeva M.S. Word-Formation Families of Natural Somatism in the English and Russian Languages. Philological Sciences. Theory and Practice. Iss. 2017. No. 11 (77). Part 1. P. 171 – 173.
6. Tsepikova A.S. Comparative Analysis of Somatism in English and Russian. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2023. No. 2-2 (77). 112 p.
7. Shansky N.M. Phraseology of the Modern Russian Language. Moscow: Stereotype, 2021. 27 p.
8. Shmelev D.N. Word and Image. Moscow: Prosveshchenie, 1964. 154 p.
9. Judith Siefring. The Oxford Dictionary of Idioms. Second Edition. New York: Oxford University Press, 2005. 340 p.
10. <https://www.thefreedictionary.com>.

Информация об авторах

Инаркаев А.М., Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, г. Грозный

Манцаева А.Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, г. Грозный, klaramantsaeva@yandex.ru

© Инаркаев А.М., Манцаева А.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81`367.634

¹ Дай Сяхун

¹ Дальневосточный федеральный университет

Функционирование «сочетания с учетом того, что» в союзной функции

Аннотация: в настоящем исследовании проведен комплексный анализ лексической единицы «с учётом того, что» в аспекте грамматикализации. Рассматривается переход сочетания, приобретающего специфику служебной единицы, в статус составного причинного союза. Материал исследования получен из Национального корпуса русского языка, а его интерпретация проводилась с применением методов контекстуального и описательного анализа. Основное внимание уделяется выявлению реализации принципа односубъектности в конструкциях с единицей с учетом того, что. Установлено, что субъект может быть прямым, косвенным или имплицитным, может быть оформляться как вводно-модальные сочетания, реализоваться во вставных предложениях. В таких случаях сохраняется односубъектность, что соответствует норме для отглагольного существительного. Вместе с тем выявлены случаи, где соблюдение принципа односубъектности нарушается, что свидетельствует об усилении союзной функции анализируемой единицы. Дополнительным аргументом в пользу грамматикализации служит её сочетаемость с коррелятом «то», что характерно для ряда двойных союзов. В результате делается вывод, что единица с учётом того, что находится на начальной стадии грамматикализации, она сохраняет элементы лексического значения существительного «учет», что препятствует ее полному переходу в союз. Полученные выводы могут быть использованы в теоретических трудах по грамматике русского языка, в практике преподавания, а также в прикладных задачах автоматической обработки текста.

Ключевые слова: составной союз, девербатив, грамматикализация, норма, односубъектность, разносубъектность

Для цитирования: Дай С. Функционирование сочетания «с учетом того, что» в союзной функции // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 12 – 18.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Dai Xiahong

¹ Far Eastern Federal University

The functioning of the combination «s uchetom togo, chto» in the conjunction function

Abstract: the study provides a comprehensive analysis of the lexical unit "s uchetom togo, chto" in terms of grammaticalization. The transition of a combination that acquires the specificity of a service unit to the status of a compound causal conjunction is considered. The research material was obtained from the National Corpus of the Russian Language, and its interpretation was carried out using the methods of contextual and descriptive analysis. The main focus is on identifying the implementation of the principle of monosubjectivity in constructions with the unit "s uchetom togo, chto". It was established that the subject can be direct, indirect, or implicit, can be formalized as introductory-modal combinations, and realized in inserted sentences. In such cases, monosubjectivity is preserved, which corresponds to the norm for a verbal noun. At the same time, cases were identified where compliance with the principle of monosubjectivity is violated, which indicates a strengthening of the conjunction function of the

analyzed unit. An additional argument in favor of grammaticalization is its compatibility with the correlate "that," which is characteristic of a number of binary conjunctions. This leads to the conclusion that the unit, given its initial stage of grammaticalization, retains elements of the lexical meaning of the noun "accounting," which prevents its complete transformation into a conjunction. These findings can be used in theoretical works on Russian grammar, in teaching practice, and in applied problems of automatic text processing.

Keywords: *compound conjunction, deverbative, grammaticalization, norm, single subjectivity, multiple subjectivity*

For citation: Dai Xiahong. The functioning of the combination «s uchetom togo, chto» in the conjunction function. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 12 – 18.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование использования методов познания, позволяющего осуществить интеграцию человеческого (природного), субъектно-психического и рационального начал в единое целое посредством согласованного действия, обсуждения, размышления и модерации, что соответственно влияет на эффективность рецепции при обучении фразеологических единиц.

Цели и задачи исследования состоят в анализе и освещении вопросов формализма в преподавании, возникающие в обучении фразеологических единиц английского языка, когда преподаватель уделяет все внимание овладению студентами той или иной лексической и грамматической формой данных единиц, при этом совершенно упуская из виду необходимость объяснения содержания, семантического поля этих единиц. Фразеологические языковые единицы характеризуются сложной семантикой, включающей в себя информацию утилитарной направленности, где представлены полисемантические информационные структуры, которые могут включать в себя: интерпретации, отражающие основную сущность значения, так называемое денотативное ядро; отношение говорящего к языковой ситуации, где используются фразеологизмы; эмоционально-оценочная составляющая к смыслу, выраженному внутренней формой фразеологических единиц и ассоциативно-образных представлений, связанных с языковыми образами мира; функциональное и стилистическое значение.

Целью данного исследования является установление стадии перехода с учетом того, что в союз. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: выявить признаки грамматикализации и доказать функционирование названной единицы как союза.

В процессе развития русского языка в его системе наблюдается постоянное пополнение и обогащение классов служебных слов – предлогов и союзов. Многие союзы возникли в результате участия предлогов в формировании составных союзов. Таким образом, с одной стороны, происходит расширение системы предлогов, а с другой стороны, новые предлоги создают определенные предпосылки для развития системы союзов. В «Русской грамматике» 1980 отмечается, что образование большинства составных союзов происходит с участием простых многозначных союзов, одним из которых является союз что, на основе которого возникло значительное количество таких союзов [11, с. 717]. Указанный процесс образования составных союзов привлек внимание исследователей. Исследованию союзов, образованных на основе производных предлогов, посвящены диссертационные исследования Т.Н. Глущенко [2], М.А. Аверинной, которая в своей диссертации использует термин «фразеологизм-союз» [1, с. 8]. Статьи М. И. Конюшкевич посвящены теоретическим вопросам, касающимся роли предложно-падежных форм в образовании составных союзов: «способность предлога к образованию союзного средства может быть если не универсальной, то свойственной большинству предложных единиц» [7, с. 21]. Много внимания исследователь уделяет системным отношениям между составными союзами, сформировавшимися на базе производных предлогов [8, с. 185]. В монографии В.Н. Завьялова представлена систематизация русских союзов с точки зрения их морфологической и синтаксической структуры, в этой работе также значительное место отведено составным союзам, включающим в свой состав производные предлоги [5, с. 185].

Объект нашего исследования – сочетание с учетом того, что, состав которой типичен для составных союзов: в него входит предложно-падежная форма с учетом, которая находится на пути перехода в предлог [3, 2024], косвенная форма местоимения того и асемантический союз что. Есть основания полагать, что единица с учетом того, что также имеет потенциал перехода к союзу.

Материалы и методы исследований

Материалы, использованные в данной статье, были собраны из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). При обработке материала были выбраны все предложения, в которых слово «что» в сочетании с учетом того, что представляет собой асемантический союз. То есть были удалены примеры, в которых слово «что» является местоимением. В ходе исследования применялась методика контекстуального анализа, а также описательный метод.

Результаты и обсуждения

Как уже было сказано выше, предложно-падежная форма *с учетом (чего)* находится в процессе перехода от знаменательного слова к предлогу, и этот процесс еще не завершился. Об этом свидетельствует тот факт, что «распределение лексико-семантических групп левого компонента не противоречит базовому лексическому значению» существительного *учет* [3, с. 130]. Поэтому сформированная на его основе лексическая единица *с учетом того, что* не должна была утратить значения базового существительного.

Существительное *учет* – отглагольное (девербатив): *Действие по знач. глаг. учесть – учитывать* [12, с. 543]. У любого действия есть субъект действия. В структуре предложения субъект действия связан прежде всего со спрягаемыми формами глагола и с деепричастием как особой формой глагола.

На базе деепричастий возникают отглагольные производные предлоги, например, *спустя, включая, исключая, благодаря, исходя из* и другие, которые могут сохранять, но могут и утрачивать свойства деепричастий, связанные с субъектностью. В связи с этим в исследованиях таких предлогов, например, в работах М.А. Овсянниковой [9], Е.С. Шереметьевой, Е.С. Зарубиной [6], односубъектность и разносубъектность рассматриваются как одно из свидетельств развития степени грамматикализации подобных единиц.

Девербатив, в том случае, когда он сохраняет глагольную семантику, также может быть ориентирован на связь с субъектом действия, которое он называет.

Что касается объекта нашего исследования, то наблюдается изосемичность структур с производными единицами, в которые входит предложно-падежная форма девербатива (*с учетом чего, с учетом того, что*) и деепричастием *учитывая*. Например:

(1). *Институт был построен и оборудован с учетом опыта и на уровне стандартов лучших физических институтов Западной Европы* [«Знание-сила», 2013].

(2). *Учитывая* опыт предыдущих выпусков, о котором говорили эксперты – учителя, с большой долей вероятности можно записать обе вышеназванные категории в постоянных мигрантов [«Человек», 2005].

(3). Естественно, это сделано *с учетом того, что* там есть подземные пешеходные переходы, по которым пешеходы могут быстро и безопасно перейти дорогу [Афиша Daily, 2018].

(4). О специфике формирования эпистемических сообществ в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) стоит сказать особо, *учитывая то, что* этот мировой регион становится аттрактором мирового экономического развития [«Информационное общество», 2012].

В то же время замена производных единиц деепричастием возможна не всегда. Тем не менее мы можем спроектировать правила употребления деепричастия на правила употребления девербатива и, таким образом, использовать эти правила для проверки того, отклонилась ли производная единица от первоначальных правил употребления исходной части речи.

Обратимся к грамматическим правилам употребления деепричастий.

«Современные грамматические описания русского деепричастия включают формулировку правила построения деепричастной конструкции – правило односубъектности» [10, с. 218]. Правило односубъектности заключается прежде всего в том, что субъект сказуемого (обычно личное подлежащее) в предложении должен совпадать с субъектом деепричастия. Однако не все предложения с деепричастным оборотом имеют личное подлежащее. Например, по мнению Н.К. Онипенко и О.С. Биккуловой, в предложении *Шагая по горной тропинке, туристам нужно внимательно смотреть под ноги* употребление деепричастия *шагая* также воспринимается нормативным, соответствует норме [10, с. 221], хотя в нем нет личного подлежащего в форме именительного падежа.

Исследователи отмечают, что с течением времени и появлением цифровой коммуникации использование деепричастия становится все более свободным. Субъект в предложении все больше определяется его текстовым контекстом, а не синтаксическими и грамматическими правилами [4, с. 15]. В статье Н.К. Онипенко и О.С. Биккуловой подробно рассмотрены все случаи современного функционирования деепричастия в соотношении с модусной составляющей высказывания. По их мнению, аномальность в употреблении деепричастия может возникать в тех случаях, когда «деепричастие оказывается между субъектом основной предикативной единицы и личной сферой модусного субъекта» [10, с. 220]. Но такие употребления

деепричастия могут быть аномальными с точки зрения формальной, а семантически – нормативными и осмысленными.

В предложениях с единицей *с учетом того, что* всегда есть субъект, при этом существительное «учет» называет действие, которое может совершать только лицо или группа лиц.

Субъект в таких предложениях может выражаться разными способами.

1. Субъект – личное подлежащее, то есть грамматическое подлежащее называется лицом. Это прямой способ номинации субъекта. В таких предложениях субъект действия, названного девербативом *учет*, формально и семантически совпадает с субъектом глагола-сказуемого.

Например: (5). *С учетом того, что в регионе эпидемиологическая ситуация в целом не критическая, врио губернатора Александр Цыбульский пообещал разрешить местным автошколам работать, но только при соблюдении мер предосторожности* [Парламентская газета, 2020.04.16]. В этом предложении субъект главного предложения – *Александр Цыбульский* (личное грамматическое подлежащее), одно из его действий названо личной формой глагола (*пообещал*), второе действие названо косвенной формой девербатива – *с учетом*. Между двумя действиями наблюдаются причинные отношения: спокойная эпидемиологическая ситуация стала причиной разрешения автошколам продолжать свою работу. Единица *с учетом того, что* выполняет союзную функцию, связывая две предикативные единицы. Данное предложение может быть перестроено в грамматически правильное предложение с деепричастием: *Учитывая некритическую эпидемиологическую ситуацию в регионе, Александр Цыбульский пообещал разрешить местным автошколам работать*.

В некоторых случаях субъектом выступает не конкретное лицо, а организация. Такие случаи также полностью соответствуют норме как по форме, так и по семантике. (6) *Поэтому Кабмин предлагает пересмотреть перечень универсальных услуг связи, а также механизмы обеспечения их оказания. Особенно с учетом того, что сегодня в стране более 25 тысяч населенных пунктов численностью от 100 до 250 человек остаются без современных услуг связи* [Парламентская газета, 2020.03.19]. Действия «предлагать пересмотреть перечень» и «учёт» осуществляются одним и тем же субъектом – Кабинетом Министров, что проявляется как на формальном (в качестве грамматического подлежащего), так и на семантическом уровне. В данном контексте *Кабмин* употреблен в метонимическом значении: он отсылает не к физическому пространству, а к коллективу сотрудников, в нем работающих.

2. Субъект оформлен формами **дательного падежа, родительного падежа**, то есть как косвенный субъект. Например, (7). *С учётом того что сейчас очень активно пропагандируется вакцинация не только от гриппа, но и от коронавируса, и речь идёт о новых, ещё не совсем опробованных вакцинах, тем более нам надо принимать эту норму и повышать ответственность за поствакцинальные осложнения*, – *подчеркнул он* [Парламентская газета, 2020.09.25]. В данном предложении косвенный субъект главного предложения выражен и эксплицирован формой дательного падежа местоимения **нам**. Основное действие этого субъекта выражено инфинитивными группами *надо принимать* и *(надо) повышать*. Логический субъект действия *с учетом*: мыслящее лицо (или группа лиц), которое производит умственную операцию учёта аргументов. Этим субъектом является «нам». Если заменить предлог «с учётом» деепричастием «учитывая», получается грамматически корректное предложение: *Учитывая, что сейчас активно пропагандируется вакцинация..., мы должны принять эту норму и повысить ответственность...*

3. Косвенный субъект может оформляться вводно-модальными сочетаниями **по мнению кого, на чей взгляд, по словам кого, по чьему оценке и др.** В терминологии Г.А. Золотовой такие вводно-модальные сочетания определяются как одно из средств авторизации [13, с. 232]. В этих сочетаниях скрыт субъект мысли. Как отмечают Н.К. Онипенко и О.С. Биккулова, «конструкция признается осмысленной, а значит, грамматически корректной, если субъектом деепричастной и основной предикативных единиц является субъект мысли, речи и восприятия» [10, с. 218]. То же самое можно сказать о предложениях с единицей *с учетом того, что*, например: (8) *По его мнению, инвестпрограмма монополии до 2023 года в последней версии выглядит довольно сбалансированно с учетом того, что основные инвестиции по Южному кластеру и ВСМ запланированы на более поздние годы и могут быть пересмотрены* [Коммерсант, 09.12.2020]. Несмотря на то, что грамматическое подлежащее *инвестпрограмма монополии* неличное, грамматическая и семантическая структуры предложения соответствуют норме. Содержание предикативной единицы, введенной союзным средством *с учетом того, что*, – это содержание мысли, оценка субъекта, эксплицированного в сочетании *по его мнению* местоимением «его». Местоимение называет субъект действия, которое обозначено девербативом *учет*. Мыслительная деятельность (*с учетом того*) производится тем же субъектом, который представлен в предложении как субъект мнения. Таким образом, семантически субъект один и тот же. Такой случай не нарушает правила употребления девербатива, Перестройка в предложение с дее-

причастием приводит к грамматической аномалии, но семантическое нарушение односубъектности отсутствует: *По его мнению, инвестпрограмма монополии до 2023 года в последней версии выглядит довольно сбалансированно, учитывая, что основные инвестиции по Южному кластеру и ВСМ запланированы на более поздние годы и могут быть пересмотрены.*

Аналогичные примеры: (9). *С учетом того, что "Телемакс" – региональный игрок, хорошо представленный на рынке СЗФО и некоторых регионов ЦФО, на мой взгляд, было бы более правильным развиваться на Северо-Западе и в Центральном регионе, а не идти так далеко – в Нижний Новгород* [Коммерсант, 18.12.2012]. В отличие от примера (8), главное предложение является безличным, без грамматического подлежащего. Но в данном предложении субъект мыслительной деятельности (*с учетом того*) и субъект оценки (*было бы правильным*) эксплицирован в сочетании *на мой взгляд* с помощью местоименного прилагательного «мой».

4. Еще один типичный случай – субъект может быть оформлен как вставочное предложение. (10). *<...>, поставка автоматов Калашникова такой крупной стране, как Индия, очень престижна, продолжает эксперт, особенно с учетом того, что на этом рынке очень высокая конкуренция и он открыт для ведущих мировых производителей* [Ведомости, 2021.11.17]. Модусный компонент, включающий субъект, – *продолжает эксперт*, этот компонент оформлен как вставка. Оценка (*престижна*) и мыслительная деятельность «принимать во внимание» (*с учетом*) производится одним субъектом (*эксперт*).

5. Субъект может быть оформлен как компонент структуры с прямой речью, обозначен в компоненте «речь автора». В таких предложениях главная, диктальная часть обычно выражается безличным или неличным предложением. Например: (11). *С учетом того что часть населения перешла на удаленную работу в долгосрочной перспективе, не стоит ожидать снижения спроса на загородную недвижимость, население в период пандемии убедилось в преимуществах проживания за городом*, – *отмечает профессор кафедры национальной и региональной экономики РЭУ им. Плеханова Надежда Седова* [Ведомости, 2021.01.18]. Такой случай аналогичен примерам со субъектом, оформленным как вставочное предложение. Субъект деятельности *учет* и субъект оценки, оформленной как предикативная основа главного предложения (*не стоит ожидать*), семантически один и тот же.

6. Субъект может быть скрытым, имплицитным, не вербализованным ни прямым, ни косвенным образом.

(12). *Решение было принято с учётом того, что за счёт бюджета можно получить только первое образование, а в творческие профессии люди нередко приходят в зрелом возрасте* [Парламентская газета, 2021.11.14]. Данное предложение отличается от предыдущих синтаксической структурой главной части: предикативная единица представляет собой пассивную конструкцию, с предикатом – кратким причастием (*принято*). Для пассивных конструкций отсутствие вербализованного субъекта типично, *с учетом того, что* соотносится с субъектом действия «принято» в сознании адресата. Такая конструкция также является грамматически правильной. Но перестроить ее в структуру с деепричастием нельзя: норма будет нарушена.

Описанные выше типы не отклоняются от правил употребления отглагольного существительного, которое, так же, как и деепричастие, требует односубъектности. Однако обнаружены случаи нарушения этого требования. Например: (13). *Объем зарезервированных средств в бюджете вполне адекватен с учетом того, что пандемия продолжается и могут потребоваться дополнительные меры поддержки населения и бизнеса* [Парламентская газета, 2021.11.30]. В данном предложении есть неличное подлежащее и оценочный предикат, при этом синтаксически это активная конструкция. Однако субъект, производящий мыслительную операцию (*с учетом*) и операцию оценивания (*адекватен*) никак не обозначен. Такое предложение семантически не соответствует норме, так не отвечает принципу односубъектности: в данном предложении наблюдается разносубъектность. Однако предложение не вызывает представления о грамматической аномалии. Между главным и придаточным предложениями устанавливаются причинные отношения, оформляемые с помощью *с учетом того, что*. Это может свидетельствовать о том, что сочетание *с учетом того, что* начинает приобретать свойства служебной единицы, то есть грамматикализироваться.

Кроме этого, лексическая единица *с учетом того, что* имеет некоторые дополнительные признаки грамматикализации. Встречаются факты, в которых единица употребляется с коррелятом *то*, подобно другим союзам с факультативным компонентом (*если – то, когда – то*).

Например: (14). *С учетом того, что у нас большое количество фишинговых сайтов появилось, которые генерируют условно фейковые QR-коды, то мы сейчас рассматриваем ограничение возможности чтения прививочных сертификатов только нашим приложением*, – *сообщил 19 ноября глава Минцифры Максуд Шадаев* [Парламентская газета, 2021.12.12].

(15). *С учетом того, что у нас гораздо меньше было ограничений, меньше локдаунов, меньше пострадала экономика, то я считаю, что и лучше», – заявил он* [Ведомости, 2021.05.23].

Такие факты говорят о том, что *с учетом того, что* в сознании носителей языка представляется уже как средство выражения причинных отношений, а не как существительное, называющее определенный мыслительный процесс.

Выводы

На основании вышеприведенного анализа можно заключить, что в сочетании *с учетом того, что* девербатив в большинстве случаев сохраняет свое лексическое значение, а предложения с данным сочетанием в целом соответствуют нормам употребления девербатива.

В связи с тем, что девербативы стоят существенно дальше от спрягаемой формы глагола, чем деепричастия, у девербативов значительно больше нормативных возможностей употребления в структурах с разными способами выражения субъекта: прямой способ (им. падеж личного существительного), косвенные способы с помощью косвенной формы существительного (дательный падеж и родительный падеж), с помощью вводно-модальных сочетаний и др.

В то же время такие более широкие возможности приводят к этапу утраты девербативом лексического значения и постепенного развития в определенных конструкциях служебной функции

Подводя итог, можно сказать, что синтаксическая функция сочетания *с учетом того, что* постепенно расширяется: в предложениях с признаками разносубъектности она укрепляет логическую причинно-следственную связь между главным и придаточным предложениями, а форма становится более гибкой. Однако исходное лексическое значение существительного «учет» по-прежнему доминирует, поэтому можно говорить, что единица *с учетом того, что* находится стадии перехода в союз на начальном этапе грамматикализации.

Список источников

1. Аверина М.А. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов-союзов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 23 с.
2. Глущенко Т.Н. Образование союзных скреп на базе предлогов результате предикативной номинации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронежский гос. унт. Воронеж, 1997. 18 с.
3. Дай С. Путь к грамматикализации словоформы «с учетом»: специфика лексико-семантической сочетаемости // Филология: научные исследования. 2024. № 11. С. 121 – 131. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72115.
4. Добрушина Е.Р. Абсолютные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2020. № 63. С. 9 – 18. DOI 10.15382/sturIII202063.9-18.
5. Завьялов В.Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов: монография. Хабаровск: ДВГГУ, 2008. 242 с.
6. Зарубина Е.С., Шереметьева Е.С. Формирование подчинительных союзов на базе производных предлогов: союз исходя из того(,) что // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10 № 2.
7. Конюшкевич М.И. Потенциал предлога для образования союзных средств // Южнославянский филолог. 2014. Т. 70. С. 17 – 33.
8. Конюшкевич М.И. Категория союза в морфосинтаксической концепции: синтагматика и парадигматика // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сборник научных статей. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2022. С. 78 – 86.
9. Овсянникова М.А. Отглагольные предлоги русского языка в свете теории грамматикализации // Труды Института лингвистических исследований. 2008. Т. 4. С. 135 – 139.
10. Онипенко Н.К., Биккулова О.С. Проблема деепричастной нормы и категория субъекта // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 10. С. 220 – 232.
11. Русская грамматика. Т.1: Синтаксис / глав. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 788 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, Т. 4. С-Я. 1988.
13. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 1998. 528 с.

References

1. Averina M.A. Structural-semantic and functional properties of phraseological conjunctions: diss. ... Cand. Philological Sciences. Chelyabinsk: ChSPU, 2004. 23 p.
2. Glushchenko T.N. Formation of conjunctive connectors based on prepositions as a result of predicative nomination: author's abstract. diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Voronezh State University. Voronezh, 1997. 18 p.
3. Dai S. The path to grammaticalization of the word form "taking into account": the specifics of lexical-semantic combinability. *Philology: scientific research*. 2024. No. 11. P. 121 – 131. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72115.
4. Dobrushina E.R. Absolute participles: norm and usage, microdiachrony, and the current situation. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 3: Philology*. 2020. No. 63. P. 9 – 18. DOI: 10.15382/sturIII202063.9-18.
5. Zavyalov V.N. Morphological and syntactic aspects of the description of the structure of Russian conjunctions: monograph. Khabarovsk: DVGGU, 2008. 242 p.
6. Zarubina E.S., Sheremetyeva E.S. Formation of subordinating conjunctions based on derivative prepositions: conjunction based on the fact that(,). *Theoretical and Applied Linguistics*. 2024. Vol. 10. No. 2.
7. Konyushkevich M.I. Potential of a preposition for the formation of conjunctive means. *South Slovenian Philologist*. 2014. Vol. 70. P. 17 – 33.
8. Konyushkevich M.I. The category of conjunction in the morphosyntactic concept: syntagmatics and paradigmatics. *Slavic world and national speech culture in modern communication: collection of scientific articles*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno, 2022. P. 78 – 86.
9. Ovsyannikova M.A. Verbal prepositions of the Russian language in the light of the theory of grammaticalization. *Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2008. T. 4. P. 135 – 139.
10. Onipenko N.K., Bikkulova O.S. The problem of the adverbial norm and the category of the subject. *Proceedings of the Russian Language Institute named after. V.V. Vinogradova*. 2016. No. 10. P. 220 – 232.
11. *Russian grammar. Vol. I: Syntax / ch. ed. N.Yu. Shvedova*. M.: Nauka, 1980. 788 p.
12. *Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian language; edited by A.P. Evgenieva*. 3rd ed., stereotype. M.: Russian language. Vol. 4. S-Ya. 1988.
13. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Communicative grammar of the Russian language*. M: Institute of Russian language RAS named after. V.V. Vinogradova, 1998. 528 p.

Благодарности, Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ».

Информация об авторах

Дай Сяхун, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет, dai.sya@dvfu.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно- сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.25

¹ Кадачиева Х.М., ¹ Абдулаева Д.Э.

¹ Дагестанский государственный университет

Элиминирование эмотивных лакун в переводах произведений Р. Гамзатова на английский язык

Аннотация: в статье рассматриваются основные способы элиминирования эмотивных лакун, возникающих при переводе поэтических произведений Расула Гамзатова на английский язык. Сложность передачи эмотивов объясняется национально-культурными и индивидуальными особенностями эмоциональной номинации. В качестве материала исследования были отобраны переводы произведений Р. Гамзатова на русском и английском языках, выполненные Н. Гребневым, Я. Козловским и П. Темпестом соответственно. Анализ проведен на материале контекстов, включающих репрезентацию таких эмоций, как радость и любовь в разноструктурных языках.

Теоретической базой исследования послужили научные работы отечественных и зарубежных ученых в области эмотиологии, лингвокультурологии и переводоведения. Необходимость исследования способов перевода эмотивных лакун в типологически разных языках обосновывается потребностью в получении сведений о национально-специфических особенностях эмоциональных картин мира носителей разных лингвокультур.

Выявленные многочисленные эмотивные лакуны в анализируемых текстах, представляющие собой реалии дагестанской нравственной культуры, адаптируются в текстах переводов посредством различных переводческих приемов, представленных статистически для демонстрации стратегий, к которым прибегают переводчики в художественном тексте.

Ключевые слова: эмотивная лакуна, радость/joy, любовь/love, элиминирование, перевод, прагматический эффект

Для цитирования: Кадачиева Х.М., Абдулаева Д.Э. Элиминирование эмотивных лакун в переводах произведений Р. Гамзатова на английский язык // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 19 – 25.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Kadachieva Kh.M., ¹ Abdulaeva D.E.

¹ Dagestan State University

Elimination of emotive lacunas in English versions of R. Gamzatov's verses

Abstract: the present paper considers what factors influence the process of elimination of emotive lacunas in English versions of Rasul Gamzatov's poems. Verses of Dagestani poet are translated into Russian by N. Grebnev and Ya. Kozlovsky, and into English – by P. Tempest. We limit the analysis of the given material to emotions joy and love verbalized and represented in typologically different languages.

The theoretical foundation of the investigation is built up by researches of Russian and foreign scholars in emotiology, cultural linguistics, and theory of translation. The adequate interpretation of emotive lacunas in the given languages makes it possible to account for ethnically specific characteristics of the emotional worldviews

of speakers of different linguistic cultures. The complexity of interpretation of emotive elements is explained by national, cultural, and individual peculiarities of emotion nomination.

The exposed emotive gaps reveal the realities of Dagestani moral culture. The lacunas are eliminated by various translation techniques representing definite translation strategies used by translators in literary texts. Being statistically proved they guarantee reliability and truthfulness of results

Keywords: emotive lacuna, joy, love, translation, elimination, pragmatic effect

For citation: Kadachieva Kh.M., Abdulaeva D.E. Elimination of emotive lacunas in English versions of R. Gamzatov's verses. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 19 – 25.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы. В современной лингвистике первоочередную роль отводят таким направлениям науки, которые исследуют язык как неотделимую часть жизни и мышления человека, а также как инструмент, влияющий на формирование культуры и познание мира. Одной из существенных составляющих человеческой жизни является ее эмоциональная сторона, которая находит яркое и многообразное проявление в языке. Возросший в последнее время интерес лингвистов к эмоционально-когнитивной сфере человека, потребность в получении сведений о национально-специфических особенностях эмоциональной номинации мира носителей разных лингвокультур, необходимость исследования способов перевода эмоциональных лакун в типологически разных языках определили актуальность данного исследования.

В связи с недостаточной изученностью творчества Р. Гамзатова в российском и зарубежном литературоведении и практике перевода, цель исследования состоит в установлении способов передачи эмотивных лакун в разноразличных языках, что способствует сохранению и глубокому пониманию специфики определенного этноса. В задачи исследования входит выявление компенсации и замены как основных способов элиминирования эмотивных лакун в процессе перевода на английский язык художественных произведений Р. Гамзатова, способствующих раскрытию сдвига в трансляции национально-культурного и идиостилистического своеобразия художественных текстов автора. С этой целью были изучены способы репрезентации положительных эмоций в произведениях Р. Гамзатова, а также проанализированы приемы элиминирования лакун, образовавшихся при переводе указанных эмоций на английский язык. Анализ проведен на материале контекстов, включающих репрезентацию таких эмоций, как радость и любовь.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили переводы произведений Р. Гамзатова на русском и английском языках, выполненные Н. Гребневым, Я. Козловским и П. Темпестом соответственно, взятые из книги «Избранные стихотворения Р. Гамзатова. Rasul Gamzatov – Selected Poems» [1].

В работе использовались следующие методы и приемы: метод сопоставительного анализа, позволивший выявить общие и дифференциальные признаки текстов ИЯ и ПЯ на лингвокультурологическом уровне; методы компонентного анализа, контекстуального анализа, лингвистического описания, интерпретационного анализа, прием сплошной выборки, а также количественный анализ полученных данных анализа.

Результаты и обсуждения

На протяжении многих столетий проблема «переводимости – непереводимости» сохраняет статус неразрешенной, по той причине, что каждый язык содержит особые лингвистические и когнитивно-культурные феномены, которые трудно перевести при помощи языковых средств переводящего языка. Различая понятия лингвистической и культурной непереводимости, Д. Кэтфорд указывает на отсутствие, с одной стороны, эквивалента лексической единице ИЯ, а с другой – самих явлений и понятий в ПЯ» [2, с. 77].

В совокупности эти факторы обуславливают возникновение лакун – «пробелов, пустых клеток, нереализованных единиц» [3, с. 163], «темных мест в текстах» [4, с. 143], «заусенцов (национально-специфических элементов), которые «задираются» в процессе межкультурной коммуникации и создают препятствия для взаимопонимания между представителями разных лингвокультур» [5, с. 82]. «Наличие или отсутствие лакун (мера лакунизации), возможность их элиминирования (заполнения) обусловлены степенью устойчивости (гибкости) или неустойчивости (податливости) одной культурной модели к инокультурным влияниям другой» [6, с. 9-10].

Эмотивная лакунарность непосредственно связана с лексической системой языка, благодаря которой выражаются эмоции человека. Возникновение эмотивных лакун обусловлено отсутствием в другой языко-

вой системе коннотативного синонима, репрезентирующего тот или иной оттенок значения исходной единицы. А. Вежбицкая полагает, что «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык» [7, с. 18].

Эмотивные лакуны, будучи культурно детерминированными единицами языка, могут выявляться в процессе межкультурной коммуникации, при переводе художественной или исторической литературы. Поскольку в таких лакунах содержатся семы непереводимости, при осуществлении перевода на другой язык переводчики применяют квазисинонимы, которые лишь приблизительно передают их значение.

Исследование творчества Расула Гамзатова показывает, что для его текстов характерны контекстуализация, символизм, образность и эмоциональный резонанс. Поэт часто дает контекстные подсказки в своих стихах, которые помогают читателям эмоционально проникнуть в тексты. Встраивая культурные ссылки и личный опыт, он создает богатую картину, которая побуждает к интерпретации. Помимо этого, тексты Р. Гамзатова отличаются яркими образами, которые сопровождаются различными стилистическими тропами и средствами. Задействуя чувства читателя, Р. Гамзатов способствует более глубокой связи с темами и посланиями своей поэзии. Все эти особенности текста необходимо учитывать при переводе ИЯ на английский язык, а общепринятые приемы элиминирования лакун – заполнение и компенсация – зависят от понимания эмоционального и лингвокультурного фонов произведения.

В рамках данного исследования были подробно изучены репрезентанты эмоций *радость* и *любовь* с точки зрения их представленности в произведениях Р.Гамзатова на русском языке и адекватности их перевода на английский язык.

Радость – одна из простейших эмоций с точки зрения выражения и распознавания. Она имеет звуковое, мимическое, кинетическое и тактильное выражение, а также может представлять собой и внутреннее переживание, не выраженное внешне [8]. Лексемы, номинирующие данную эмоцию и способы ее выражения, представлены в соответствующих лексикографических источниках русского и английского языков.

Анализ способов элиминирования лакун, образовавшихся в результате репрезентации положительных эмоций, в частности, эмоции радости в русском языке и при переводе ее на английский язык, показал, что для английского языка характерно использование следующих коррелятов: *радость* → *joy*, *радость* → *pleasure*, *радость* → *gladness*, *смеяться* → *joy*, *радоваться* → *to raise a cheer*, *радость* → *passion*, *веселье* → *deep-felt pleasure* и др., преимущественно усиливающих прагматический эффект. Рассмотрим примеры, демонстрирующие проявление более интенсивных эмоций в английском языке.

Перевод Н. Гребнева «Есть три заветных песни у людей»	Перевод П. Темпеста «There are three songs people treasure»
<i>Есть три заветных песни у людей, И в них людское горе и веселье. Одна из песен всех других светлей – Ее слагает мать над колыбелью.</i>	<i>There are three songs people treasure, Songs to which they smile and cry: First, a song of deep-felt pleasure, Is a mother's lullaby.</i>

В данном примере эмоция *радости* репрезентирована в русском тексте посредством способа ее проявления – *веселья*, которое представлено в стихотворении в сочетании с лексемой *горе*. В отличии от *веселья*, *горе* выступает как самостоятельная эмоция. Для русской языковой картины мира характерно традиционное описание *горя* в соседстве с *радостью* (половицы *И в горе, и в радости; От радости кудри вьются, в печали секутся; Не видав горя, не узнаешь и радости*), что доказывает мысль о том, что *веселье* в данном случае репрезентирует эмоцию *радости*. Это подтверждается использованием в английском варианте лексемы *smile*, которая, с одной стороны, может репрезентировать эмоцию *радости*, а с другой, быть признаком смущения, сарказма и даже страдания, также, как и *cry* может быть проявлением не только *горя*.

В результате, в английском варианте переводчик не только сохраняет проявления эмоции *радости*, но и вводит дополнительное сочетание *deep-felt pleasure*, которое является избыточным на фоне русского языка. По семантическому объему лексема *веселье* ≠ *pleasure*, на наш взгляд, более адекватным был бы вариант *enjoyment*.

Перевод Н. Гребнева «Что же ты молчишь, заброшенный дом»	Перевод П. Темпеста «Old stone house my father built»
<i>Камни сказали: «Пойми наконец, Что нам за радость, неумный птенец, Если под крышу родного гнезда Гостем ты на день влетишь иногда».</i>	<i>"I can see you're back again. But what pleasure is it If you come just now and then On a flying visit?"</i>

Для репрезентации эмоции *радость* автор использует не только саму эмоцию, но и создаёт контекст, в котором радость представлена упреком *Что нам за радость, неумный птенец*. В английском переводе эмоция *радость* передается отличающейся по интенсивности лексемой *pleasure*, которая характеризуется как «положительная эмоция, вызываемая тем, что происходит нечто хорошее или желательное для субъекта (удовольствие, радость) ... и обозначает самый широкий класс состояния» [9, с. 318-319]. Такой выбор переводчика приводит к тому, что в английском переводе наблюдается определённая элиминация эмоциональной нагрузки, которая присутствует в русском варианте. В русском языке присутствует упрек, которого в английском варианте нет, и эмоция радости в английском переводе реализуется в риторическом вопросе *what pleasure is it*. Так, в русском языке прагматический эффект ярче, чем в английском, так как *радость* интенсивнее по своему значению, чем *pleasure* (удовольствие).

Характерной особенностью репрезентации эмоций в поэзии Р.Гамзатова является их амбивалентность, демонстрирующая сочетание лексем, номинирующих отрицательные и положительные эмоции или их проявления: *горе и веселье* → *smile and cry*, *радость и горе* → *gladness and bad times*, *радость и горе* → *heartly warms*, *печаль и радость* → *anguish and joy*, *боль и радость* → *anguish and joy* и др. В английском языке амбивалентность в большинстве случаев сохранялась, но акцент мог смещаться с номинирования эмоции на ее физиологические проявления или замещаться близкими по смыслу и аксиологической оценке коррелятами.

Перевод Н. Гребнева «Дождь шумит за моим окном»	Перевод П. Темпеста «Down my window raindrops pour»
<i>Дождь шумит за моим окном, Гром гремит за моим окном. Все в душе у меня слилось: Боль и радость, любовь и злость.</i>	<i>Down my window raindrops pour And I hear the thunder roar: Passions set my soul alight – Joy and Anguish, Love and Spite.</i>

В русском варианте фраза *Все в душе у меня слилось* переводчик использует метафору, которая иллюстрирует сложное слияние эмоций, где эмоция *радость* соседствует с болью, любовью и злостью. Здесь *радость* представлена как одно из равнозначных эмоциональных состояний: но *радость* не является изолированной эмоцией, а существует наравне с другими чувствами. Это создает ощущение глубины и сложности эмоционального состояния, подчеркивая, что *радость* не может быть полностью отделена от боли и других эмоций.

Переводчик пытается сохранить указание на амбивалентность эмоций и ему это удается в полной мере. Он прибегает к практически эквивалентной конструкции. Пытаясь сохранить ритмическую организацию стиха, он меняет местами *joy* и *anguish*. Особенностью перевода Питера Темпеста является то, что он часто дополняет английский текст словами, которые отсутствуют в тексте оригинала. Так, в английском варианте переводчик добавляет слово *passions*, указывающее на страсть, которая отсутствует в русском языке, что придает описываемым эмоциям более яркое и страстное выражение. Кроме того, в английском варианте эмоции не только переплетаются, но и озаряют светом душу, что, несомненно, имплементирует другую метафору. В результате прагматический эффект этого изменения может заключаться в том, что английское предложение вызывает более острое ощущение динамики и эмоционального состояния, но при этом может меньше акцентировать внимание на тесной связи между *радостью* и другими переживаниями, как это делается в русском.

Одной из центральных тем в поэзии Р. Гамзатова является любовь: любовь к матери, любовь к женщине, любовь к природе и Родине.

Любовь к матери

Перевод Н. Гребнева «Матери»	Перевод П. Темпеста «To my mother»
<i>А ты, с любовью, не с упреком, Взглянув тревожно на меня, Вздыхнешь, как будто ненароком, Слезинку тайно оброну.</i>	<i>Anxiously, but without censure, Mother mine, you glance at me, Heave a sigh and let a gentle Tear fall surreptitiously.</i>

В русском языке эмоция любви репрезентируется через существительное *любовь*, тем самым проявляется глубокая эмоциональная связь между лирическим героем и его матерью. Выражения *с любовью* и *взглянув тревожно* указывают на любовь и заботу в отличие от английского перевода, в котором эмоция любви репрезентируется через наречие *anxiously* «in a way that shows you are worried or nervous; in a way that shows you are eager to get or do something» [10]. Тем самым переводчик сохраняет частично оригинальную интерпретацию материнских чувств, добавляя элемент беспокойства, и, сохраняя только контекст родительской

заботы. Лакуна элиминируется частично, так как в английском варианте представлена только *забота* как одно из проявлений *любви*. Прагматический эффект в английском переводе уменьшен. Перевод сохраняет основной смысл, однако выражение *anxiously, but without censure* менее эмоционально насыщено, чем *с любовью, не с упреком*. Элементы, такие как *Heave a sigh* и *let a gentle tear fall surreptitiously*, несмотря на свою поэтическую природу, не передают ту же глубину чувств, как в русском оригинале. Метафора *слезинку тайно оброня* не имеет аналогичного эквивалента в английском, теряя свою эмоциональную нагрузку. Слова *с любовью* и *не с упреком* дают больше культурного контекста о материнской любви в русском варианте, чего не хватает в английском тексте.

Любовь к женщине

Перевод Н. Гребнева «Парень гор» - Тебе, красotka, бог судья, Любовь мою проверь: Скажи, что должен сделать я, Чтоб ты открыла дверь?	Перевод П. Темпеста «The mountain youth» <i>My witness be the Lod above,</i> <i>My honour you may test:</i> <i>What must I do to prove my love?</i> <i>Speak, what is your behest?</i>
--	--

В русском языке лексема *любовь* передает представление о романтической любви, соответствие которой переводчик на английский язык передает посредством лексической замены *honour*. И лакуна, которая локализует эмоцию любви, восполняется за счет следующего предложения *What must I do to prove my love?*, повторно обращаясь к героине. Переводчику удается элиминировать лакуну, но при этом имеет место семантическая избыточность.

Перевод Н. Гребнева «Если б каждая дума моя о тебе» <i>Если б каждая дума моя о тебе</i> <i>Стать могла стихотворной строкой,</i> <i>Я уверен, что книги большой о любви</i> <i>Ты второй не сыскала б такой.</i>	Перевод П. Темпеста «In every loving thought thought and look» <i>In every loving thought and look</i> <i>Became a lyric line,</i> <i>There'd be no bigger poetry book</i> <i>On themes of love than mine.</i>
---	--

Эмоция любви в данном примере в русском языке реализуется через лексему *любовь*, которая находит эквивалент *love* в английском переводе. Однако лакунарность возникает в непереводе архаизма *дума* на английский язык. В результате переводчик прибегает к конкретизации и добавлению, употребляя стилистически нейтральное существительное *thought* в сочетании с эпитетом *loving* «любящий» и существительным *look* «взгляд». Тем самым *любовь* в английском переводе приобретает еще и физическое проявление, усиливая воздействие на читателя за счет двойного упоминания: *loving thought* и *themes of love*. Однако возникает вопрос, насколько оправдана данная трансформация, в частности, добавление лексемы *look* в переводе, так как это может не соответствовать той кавказской или горской любви, о которой пишет поэт. Возможность видеть любимую являлось редкостью, как правило, горец мог однажды только увидеть девушку до женитьбы.

Перевод Н. Гребнева «Я влюблен в сто девушек» <i>Таил насмешку быстрый взор...</i> <i>Её люблю я до сих пор.</i>	Перевод П. Темпеста «A hundred women I adore» <i>Her glance, so keen and fancy-free,</i> <i>Still to this day entrances me.</i>
--	---

В русском варианте эмоция *любви* репрезентируется глаголом настоящего времени единственного числа первого лица *люблю*. Лирический герой повествует о своих причинах любить женщину – *таил насмешку быстрый взор*. В английском переводе глагол *любить* подменяется глаголом *entrances* со значением «someone or something that entrances you is so beautiful or interesting that you cannot stop listening to or watching him, her, or it» [10]. Данная лексема указывает лишь на то, что взгляд любимой, описанный эпитетами *so keen* и *fancy-free*, вызывает восхищение и обожание у героя, частично элиминирует образовавшуюся лакуну.

Перевод Н. Гребнева «Я влюблен в сто девушек» Люблю я взгляд веселых глаз <i>Одной девчонки милой,</i> <i>Что в восхищенье столько раз</i> <i>Стихи мои хвалила.</i>	Перевод П. Темпеста «A hundred women I adore» <i>Another girl I still adore</i> <i>With merry twinkling eyes,</i> <i>Who praised a hundred times or more</i> <i>My poetry to the skies.</i>
---	---

В данном контексте эмоция *любви* репрезентируется глаголом *любить*, который в английском переводе элиминируется глаголом *adore*, являющимся синонимом глагола *to love*, со значением «to love someone very much, especially in a way that shows a lot of admiration or respect, or to like something very much» [10]. Данная лексема имеет отличную от оригинальной коннотацию, так как сема включает значение «восхищение, ува-

жение», которое находит эквивалент в исходном контексте в строке *Что в восхищенье столько раз*. Эмоциональность создается сочетанием *любовь* и *восхищение*, которые в ПЯ передаются одной лексемой *adore*, т.е. можно говорить о сохранении общего прагматического эффекта.

Перевод Н. Гребнева «Я влюблен в сто девушек»	Перевод П. Темпеста «A hundred women I adore»
<i>С Твоей любовью</i> окрылен, <i>Их всех</i> зову я "милой", – <i>Я И в сотню девушек влюблен</i> <i>С одной и той же силой.</i>	<i>I call them all "my dear", "my dove"</i> <i>With ardour bold and dashing –</i> <i>There are a hundred girls I love</i> <i>All with an equal passion.</i>

Эмоция любви в русском языке репрезентируется двумя лексемами – существительным *любовь* и кратким причастием *влюблен*. В английском языке наблюдается грамматическая трансформация и частичное элиминирование лакуны существительным *ardour* со значением «great enthusiasm or love» [10], глаголом *to love* и существительным *passion*. Примечательно, что далее в качестве эквивалента лексеме *сила* переводчик использует лексему *passion* со значением «a very powerful feeling, for example of sexual attraction, love, hate, anger, or other emotion» [10], которая в данном контексте, также указывает на эмоцию *любви*, но на уровне страсти. Выбор данных лексем и ряд трансформаций, добавление эпитетов, характеризующих и усиливающих эмоциональный фон английского текста *ardour, bold, dashing, loving, tender*, повтора *my dear, my dove* не может не усиливать прагматический эффект и делать текст перевода более эмоционально окрашенным.

Анализ способов элиминирования лакун, образовавшихся в результате перевода репрезентаций эмоции любви русского языка на английский язык, показал, что для последнего также характерен выбор в пользу более интенсивных эмоций: *любовь* → *love, ardour, entrance, быть влюбленным* → *to love with passion, любить* → *adore, to feel a stronger love, to care for, с любовью* → *anxiously* и др., что способствует созданию более напряженного прагматического эффекта, не характерного для дагестанского этноса.

Выводы

Сравнительный анализ переводов художественных произведений Р. Гамзатова с русского на английский язык позволил выявить эмотивные лакуны, причиной возникновения которых являются этнокультурная составляющая стихотворений поэта, их стилистическая разнородность, многообразие культурно-маркированной лексики, лингвокультурологические расхождения между исходным языком и языком перевода. В условиях межкультурной коммуникации интерпретация художественных текстов Р. Гамзатова требует от переводчиков на английский язык обширных фоновых знаний. Передача произведений Р. Гамзатова на английский язык влечет за собой семантические и грамматические трансформации, усложнение идиостилистических особенностей оригинальных текстов, сдвиг в трансляции их этнокультурной специфики. В рамках рассмотренных 50 контекстов положительных эмоций были выявлены следующие способы элиминирования эмотивных лакун: добавление (24%), грамматическая трансформация (17%), конкретизация (13%), лексическая замена (13%), опущение (11%), эквивалентный перевод (9%), генерализация (9%), синонимический перевод (2%) и смысловое развитие (2%). Детальное их изучение позволяет установить наиболее оптимальные переводческие трансформации.

Многочисленные эмотивные лакуны в анализируемых текстах, представляющие собой реалии дагестанской нравственной культуры, адаптируются в текстах переводов посредством приемов конкретизации, генерализации и лексико-семантической замены. Компенсация эмотивных лакун в процессе перевода на английский язык художественных произведений Р. Гамзатова приводит к сдвигу в трансляции национально-культурного и художественных текстов автора, а изучение и выявление способов передачи эмотивных лакун в разносистемных языках способствует сохранению и глубокому пониманию специфики определенного этноса.

Финансирование и благодарности

Работа выполнена при поддержке фонда Гаджи Махачева.

Список источников

1. Гамзатов Р. Избранные стихотворения. Selected Poems: сборник на русском и английском языках; перевод с аварского на русский выполнен Н. Гребневым, Я. Козловским; перевод на английский выполнен П. Темпестом. Москва: Progress Publishers, 1976. 352 с.
2. Кэтфорд Дж.К. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики: монография; перевод с английского В.Д. Мазо. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
3. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация: монография. Москва: Прогресс, 1996. 221 с.

4. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка: монография. Москва: Наука, 1977. 264 с.
5. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 77 – 92.
6. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. 1988. С. 7 – 14.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: монография; перевод с английского А.Д. Шмелева. Москва: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
8. Антонова Д.А. Проблема классификации причин и способов проявления эмоционального состояния радости в русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-klassifikatsii-prichin-i-sposobov-proyavleniya-emotsionalnogo-sostoyaniya-radosti-v-russkom-i-angliyskom-yazykah> (дата обращения: 21.11.2025).
9. Апресян Ю.Д. Англо-русский синонимический словарь / под ред. Ю.Д. Апресяна, В.В. Ботяковой, Т.Э. Латышевой, А.И. Розенмана. Москва: Русский язык, 1979. 544 с.
10. Cambridge Dictionary: англоязычный толковый словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=mc872zx0sg529868166> (дата обращения: 24.11.2025).

References

1. Gamzatov R. Selected Poems: a collection in Russian and English; translated from Avar into Russian by N. Grebnev and Ya. Kozlovsky; translated into English by P. Tempest. Moscow: Progress Publishers, 1976. 352 p.
2. Catford J.K. Linguistic Theory of Translation: On One Aspect of Applied Linguistics: a monograph; translated from English by V.D. Mazo. Moscow: Editorial URSS, 2004. 208 p.
3. Ulukhanov I.S. Units of the Word-Formation System of the Russian Language and Their Lexical Realization: a monograph. Moscow: Progress, 1996. 221 p.
4. Budagov R.A. What is the Development and Improvement of Language: monograph. Moscow: Nauka, 1977. 264 p.
5. Gachev G.D. On National Pictures of the World. Peoples of Asia and Africa. 1967. No. 1. P. 77 – 92.
6. Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu. Culture and Its Ethnopsycholinguistic Value. Ethnopsycholinguistics. 1988. P. 7 – 14.
7. Vezhbitskaya A. Semantic Universals and Description of Languages: monograph. Translation from English by A.D. Shmelev. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 776 p.
8. Antonova D.A. The Problem of Classification of Causes and Methods of Manifestation of the Emotional State of Joy in Russian and English Languages. Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2014. No. 7-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-klassifikatsii-prichin-i-sposobov-proyavleniya-emotsionalnogo-sostoyaniya-radosti-v-russkom-i-angliyskom-yazykah> (accessed: 21.11.2025).
9. Apresyan Yu.D. English-Russian Synonymous Dictionary. Edited by Yu.D. Apresyan, V.V. Botyakova, T.E. Latysheva, A.I. Rosenman. Moscow: Russky Yazyk, 1979. 544 p.
10. Cambridge Dictionary: English-language explanatory dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=mc872zx0sg529868166> (accessed: 24.11.2025).

Информация об авторах

Кадачиева Х.М., Дагестанский государственный университет

Абдулаева Д.Э., Дагестанский государственный университет

© Кадачиева Х.М., Абдулаева Д.Э., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1:004.8:303.621.322

¹ Васильев А.М.

¹ Российский Университет Дружбы Народов
им. Патриса Лумумбы

Маркировка текстов с участием ИИ как фактор медиадоверия: результаты экспериментального исследования

Аннотация: статья посвящена исследованию влияния различных формулировок маркировки текстов, созданных с участием искусственного интеллекта, на уровень доверия аудитории. В условиях активного внедрения больших языковых моделей в медиакоммуникации вопрос прозрачности использования ИИ становится ключевым для поддержания доверительных отношений с аудиторией. Проведённый онлайн-эксперимент с участием 420 респондентов выявил значимые различия в восприятии текстов в зависимости от типа маркировки. Наиболее эффективной оказалась детализированная маркировка, поясняющая характер участия ИИ и степень редакторского контроля. Результаты исследования имеют практическое значение для выработки стандартов этичного использования ИИ в медиаиндустрии.

Ключевые слова: большие языковые модели, медиадоверие, искусственный интеллект в журналистике, маркировка контента, медиаэтика, восприятие текста

Для цитирования: Васильев А.М. Маркировка текстов с участием ИИ как фактор медиадоверия: результаты экспериментального исследования // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 26 – 29.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Vasilyev A.M.

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of
Russia

Text tagging with AI as a factor of media trust: results of an experimental study

Abstract: the article focuses on the impact of different labeling formulations for texts created with the participation of artificial intelligence on the level of audience trust. In the context of the active implementation of large language models in media communication, the issue of transparency in the use of AI becomes crucial for maintaining trusting relationships with the audience. An online experiment involving 420 respondents revealed significant differences in the perception of texts depending on the type of labeling. Detailed labeling, which clarifies the nature of AI involvement and the degree of editorial control, proved to be the most effective. The results of this study have practical implications for developing standards for the ethical use of AI in the media industry.

Keywords: large language models, media trust, artificial intelligence in journalism, content labeling, media ethics, text perception

For citation: Vasilyev A.M. Text tagging with AI as a factor of media trust: results of an experimental study. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 26 – 29.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Современная медиасфера переживает период фундаментальной трансформации, обусловленной стремительным развитием технологий искусственного интеллекта. Российский медиарынок демонстрирует аналогичные тенденции: по оценкам Ассоциации медиаменеджеров России, к 2027 году до 30% новостного контента региональных СМИ может производиться с применением ИИ-технологий. Проникновение больших языковых моделей в медиапроизводство ставит перед научным сообществом и медиаиндустрией ряд этических и практических вопросов. Центральным из них становится проблема обеспечения прозрачности происхождения контента и сохранения доверия аудитории. Доверие, являясь краеугольным камнем медиакommunikации, оказывается под угрозой в условиях, когда читатель не может с уверенностью определить источник и способ создания текста. В международной практике набирает обороты дискуссия о необходимости маркировки ИИ-генерируемого контента [1, с. 45-52]. Европейский альянс новостных медиа в 2023 году разработал рекомендации по добровольной маркировке контента, созданного с помощью ИИ. Аналогичные инициативы обсуждаются в рамках Альянса по регулированию ИИ. Значимым шагом в этом направлении стал регламент Европейского парламента и Совета об искусственном интеллекте, в котором закреплены требования к прозрачности при использовании систем ИИ [2]. Однако универсальные стандарты маркировки до сих пор не выработаны, а эффективность различных формулировок остается малоизученной [3, с. 36]. Особую актуальность проблема маркировки приобретает в контексте русскоязычного медиапространства [4, с. 112-123]. Культурные особенности восприятия технологий, исторически сложившееся отношение к медиа как к институту социальной ответственности, специфика доверия к цифровым платформам – все эти факторы обуславливают необходимость отдельного исследования, ориентированного на российскую аудиторию [5, с. 48]. Существующие исследования демонстрируют неоднозначное отношение аудитории к ИИ-генерации контента. С одной стороны, отмечается настороженность в отношении автоматически созданных текстов, с другой – признание эффективности ИИ в решении рутинных задач [6, с. 1763]. Однако специфика восприятия русскоязычной аудиторией различных формулировок маркировки ИИ-контента остаётся малоизученной. Настоящее исследование опирается на концепцию медиадоверия, разработанную в работах Кохена и Цимбала. Согласно их подходу, доверие к медиа представляет собой многокомпонентный конструкт, включающий когнитивный (восприятие достоверности), аффективный (эмоциональное отношение) и конативный (готовность к действию) элементы [7, с. 128-146]. В контексте ИИ-генерации контента особое значение приобретает теория «алгоритмической прозрачности», разработанная Диакопулосом. Автор отмечает, что раскрытие информации об использовании алгоритмов является необходимым условием для поддержания доверия в цифровую эпоху [8, с. 809-828]. Важным теоретическим основанием для нашего исследования также служит концепция «объяснимого ИИ», получившая развитие в работах Адебайо и Миллера. Согласно этой концепции, системы искусственного интеллекта должны предоставлять понятные для пользователя объяснения своих действий и решений [9, с. 82-102]. С точки зрения лингвистики и медиакommunikаций, маркировка ИИ-контента представляет особый интерес как новый тип метатекстовых элементов, влияющих на восприятие основного содержания. Работы Уиттенберга, Эпстайна и Берински показывают, что метатекстовые пометы могут существенно изменять интерпретацию текста реципиентом. Цель исследования – выявить влияние различных формулировок маркировки на уровень доверия к текстам, созданным с участием ИИ [10, с. 22].

Основные исследовательские вопросы: 1. Как различные формулировки маркировки влияют на воспринимаемую достоверность текста? 2. Какая форма маркировки наиболее эффективна для поддержания доверия аудитории? 3. Способна ли аудитория самостоятельно идентифицировать ИИ-участие в создании контента? Гипотезы: H1: Детализированная маркировка повышает доверие к тексту по сравнению с общей маркировкой. H2: Отсутствие маркировки снижает способность аудитории к распознаванию ИИ-участия. H3: Уровень образования респондентов коррелирует с чувствительностью к различным типам маркировки.

Материалы и методы исследований

Дизайн исследования: онлайн-эксперимент с межсубъектным дизайном. Участники (N=420) были случайным образом распределены на три группы. Выборка была стратифицирована по полу, возрасту и уровню образования для обеспечения репрезентативности.

Характеристики выборки: 54% женщин, 46% мужчин; возраст: 18-25 лет (32%), 26-35 лет (28%), 36-45 лет (22%), старше 45 лет (18%); образование: среднее (15%), среднее специальное (25%), высшее (60%). Экспериментальные условия: Группа А (n=140): текст без маркировки ИИ; Группа В (n=140): текст с маркировкой «Создано с участием ИИ»; Группа С (n=140): текст с маркировкой «ИИ помог в черновике, факты проверены редактором» [5]. Стимульный материал – новостная статья объёмом 2500 знаков на тему внедрения цифровых технологий в образование. Текст был создан с использованием GPT-4 с последующей ре-

дактурой профессиональным журналистом. Для контроля тематического влияния был выбран нейтральный с точки зрения политической и социальной значимости topic. Процедура исследования включала: 1. Рандомизацию участников по экспериментальным группам; 2. Чтение стимульного материала; 3. Заполнение опросника; 4. Дебрифинг с разъяснением целей исследования. Инструментарий: адаптированная шкала доверия Макнайта (12 пунктов, α Кронбаха = 0.87), шкала намерения поделиться контентом (5 пунктов, α = 0.79), тест на запоминание фактов (8 вопросов), открытые вопросы для качественного анализа, шкала технологической компетентности (4 пункта). Для статистического анализа использовались методы описательной статистики, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), пост-хок тест Тьюки, корреляционный анализ Пирсона.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования показали следующее. Анализ данных выявил статистически значимые различия между группами по уровню доверия к тексту ($F(2,417)=18.34$, $p<0.001$). Группа С продемонстрировала наивысшие показатели доверия ($M=4.2$, $SD=0.8$), тогда как группа В показала наименьшие значения ($M=3.1$, $SD=1.0$). Группа А заняла промежуточное положение ($M=3.8$, $SD=0.9$). Пост-хок анализ выявил значимые различия между всеми парами групп ($p<0.01$). Наибольший эффект наблюдался между группами В и С (d Коэна = 1.21), что свидетельствует о сильном влиянии детализированной маркировки на доверие. Только 34% участников группы А предположили использование ИИ при создании текста. Среди тех, кто идентифицировал ИИ-участие, преобладали респонденты с высшим образованием (72%) и высокими показателями технологической компетентности. В группах с маркировкой осведомленность об использовании ИИ была ожидаемо высокой: 98% в группе В и 96% в группе С. Показатели группы С ($M=3.9$, $SD=0.9$) значительно превышали результаты группы В ($M=2.8$, $SD=1.1$) и группы А ($M=3.5$, $SD=1.0$), $F(2,417)=12.76$, $p<0.001$. Корреляционный анализ выявил умеренную положительную связь между доверием и намерением делиться контентом ($r=0.62$, $p<0.01$). Образование оказалось значимым фактором: респонденты с высшим образованием демонстрировали большую чувствительность к типу маркировки ($F(3,416)=4.28$, $p<0.01$). Возраст и пол не показали значимого влияния на восприятие маркировки. Качественный анализ ответов на открытые вопросы выявил следующие тенденции. Участники группы В часто выражали скептицизм: «Надпись "создано с участием ИИ" вызывает вопросы – а кто именно отвечает за содержание?» Респонденты из группы С отмечали: «Указание, что факты проверены редактором, придает уверенности в достоверности информации» В группе А преобладали высказывания типа: «Текст выглядит обычной новостной статьёй, ничего необычного не заметил» Результаты исследования подтверждают все три выдвинутые гипотезы. Детализированная маркировка, раскрывающая характер взаимодействия ИИ и редактора, способствует повышению доверия (H1). Низкий процент распознавания ИИ-участия в группе А свидетельствует о необходимости внешней маркировки для обеспечения прозрачности (H2). Влияние уровня образования на восприятие маркировки подтверждает H3. Полученные данные согласуются с концепцией «объяснимого ИИ» в медиа, подчёркивая важность не просто информирования о использовании технологии, но и разъяснения характера её применения. Формулировка «факты проверены редактором» служит своеобразным «якорем доверия», снижая опасения относительно достоверности информации. Интересно отметить, что общая маркировка («Создано с участием ИИ») показала наихудшие результаты. Это можно объяснить эффектом «алгоритмической настороженности» – явления, когда упоминание ИИ без дополнительных пояснений вызывает у аудитории необоснованные опасения. Выявленная связь между уровнем образования и чувствительностью к маркировке согласуется с теорией медиаграмотности Поттера, согласно которой более образованные пользователи проявляют большую критичность к источнику и способу создания контента. Следует отметить ряд ограничений проведенного исследования: использование только одного тематического контента, лабораторные условия проведения эксперимента, отсутствие учета долгосрочного эффекта маркировки.

Выводы

Проведённое исследование демонстрирует значимое влияние формулировок маркировки на восприятие ИИ-контента аудиторией. Детализированная маркировка, включающая информацию о распределении ролей между ИИ и редактором, способствует поддержанию медиадоверия. Практические рекомендации для медиаиндустрии включают: внедрение многоуровневой системы маркировки с указанием степени участия ИИ, разработку внутриредакционных стандартов верификации ИИ-генерируемого контента, проведение образовательной работы с аудиторией по объяснению принципов использования ИИ в журналистике. Перспективы дальнейших исследований включают изучение долгосрочного эффекта маркировки, анализ кросс-культурных различий в восприятии ИИ-контента, а также разработку стандартов для различных жанров медиатекстов.

Список источников

1. Самарцева М.В. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Правовые исследования. 2025. № 3. С. 45 – 52.
2. Европейский парламент. Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте (AI Act): офиц. текст. Брюссель, 2024. Ст. 52.
3. Каспарьянц Д., Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ». Маркировка ИИ-контента: социологический обзор. М., 2025. С. 36.
4. Зверева Е.А., Стрыгина О.А. Правовые аспекты авторства медиатекстов, созданных алгоритмами искусственного интеллекта // Российская школа связей с общественностью. 2025. № 1. С. 112 – 123.
5. Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ». Маркировка контента, сгенерированного искусственным интеллектом: обзор. М., 2025. С. 48.
6. Nanz Andreas, Binder Alice, Matthes Jörg. AI in the Newsroom: Does the Public Trust Automated Journalism and Will They Pay for It? Digital Journalism. London. 2025. 1763 p.
7. Tsfati Yariv, Cohen Jonathan. Perceptions of media and media effects: The third-person effect, trust in media and hostile media perceptions. In: Erica Scharrer (ed.). International Companion to Media Studies: Media Effects / Media Psychology. New York. 2013. P. 128 – 146.
8. Diakopoulos Nicholas, Koliska Michael. Algorithmic Transparency in the News Media. Digital Journalism. London. 2016. P. 809 – 828.
9. Barredo Arrieta Alejandro, Díaz-Rodríguez Natalia, Del Ser Javier и др. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, Taxonomies, Opportunities and Challenges toward Responsible AI. Information Fusion. 2019. P. 82 – 102.
10. Wittenberg C., Epstein Z., Berinsky A.J., Labeling AI-generated content: promises, perils, and future directions // In: The Politics and Governance of Generative AI. MIT, 2024. 22 p.

References

1. Samartseva M.V. Labeling of results autonomously generated by generative artificial intelligence. Legal Studies. 2025. No. 3. P. 45 – 52.
2. European Parliament. Regulation (EU) 2024/1689 on artificial intelligence (AI Act): official text. Brussels, 2024. Art. 52.
3. Kaspar'yants D., Scientific and Technical Center FSUE "GRChTs". Labeling of AI content: a sociological review. Moscow, 2025. 36 p.
4. Zvereva E.A., Strygina O.A. Legal aspects of authorship of media texts created by artificial intelligence algorithms. Russian School of Public Relations. 2025. No. 1. P. 112 – 123.
5. Scientific and Technical Center FSUE "GRChTs". Labeling of Content Generated by Artificial Intelligence: A Review. Moscow, 2025. 48 p.
6. Nanz Andreas, Binder Alice, Matthes Jörg. AI in the Newsroom: Does the Public Trust Automated Journalism and Will They Pay for It? Digital Journalism. London. 2025. 1763 p.
7. Tsfati Yariv, Cohen Jonathan. Perceptions of media and media effects: The third-person effect, trust in media, and hostile media perceptions. In: Erica Scharrer (ed.). International Companion to Media Studies: Media Effects. Media Psychology. New York. 2013. P. 128 – 146.
8. Diakopoulos Nicholas, Koliska Michael. Algorithmic Transparency in the News Media. Digital Journalism. London. 2016. P. 809 – 828.
9. Barredo Arrieta Alejandro, Díaz-Rodríguez Natalia, Del Ser Javier, et al. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, Taxonomies, Opportunities and Challenges toward Responsible AI. Information Fusion. 2019. P. 82 – 102.
10. Wittenberg C., Epstein Z., Berinsky A.J., Labeling AI-generated content: promises, perils, and future directions // In: The Politics and Governance of Generative AI. MIT, 2024. 22 p.

Информация об авторах

Васильев А.М., кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский Университет Дружбы Народов Им. Патриса Лумумбы, 1142230713@pfur.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.77:001.8

¹ Газизов Р.Р., ¹ Спирчагова Т.А., ¹ Байрактар М.Х.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Филологический потенциал магистерских программ по направлению «Телевидение»

Аннотация: раскрываются особенности функционирования магистерских программ по направлению 42.04.04 – Телевидение. Данный профиль занимает значимое место в системе современного медиаобразования, что делает актуальным рассмотрение его структурных-содержательных специфик. В качестве системообразующих характеристик выделяется роль дисциплин филологического профиля по программам «Современная международная журналистика в цифровом медиaprостранстве» и «Продюсирование в креативных индустриях». Отличительная особенность представленного исследования заключается в том, что авторы являются ключевыми разработчиками и руководителями указанных программ. Предложена классификация, установлены приоритеты преподавания и изучения данных программ. Анализируется нормативная база, учебно-исследовательские материалы и планы, а также корпоративная и медийная информация. Выявляются соответствующие достижения Казанского (Приволжского) федерального университета, где накоплен солидный опыт подготовки медиаспециалистов различного уровня. Методология исследования основана на системном, содержательном, сравнительно-сопоставительном анализе учебных программ и материалов. Результаты научного исследования представлены данными о количественно-качественных характеристиках магистерских программ, об определении их филологической направленности и потенциала. Уточняется, что филологический характер определяется присутствием гуманитарных курсов, направленных на изучение духовной культуры общества в контексте языковых и стилистических средств, где ключевые задачи – создание и анализ медиатекстов, а также их восприятие массовой аудиторией.

Ключевые слова: магистратура, медиаобразование, телевидение, журналистика, медиапродюсирование, международная журналистика, креативные индустрии, экранные искусства

Для цитирования: Газизов Р.Р., Спирчагова Т.А., Байрактар М.Х. Филологический потенциал магистерских программ по направлению «Телевидение» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 30 – 36.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Gazizov R.R., ¹ Spirchagova T.A., ¹ Bayraktar M.H.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

The philological potential of Master's degree programs in the field of Television

Abstract: the article reveals the specifics of the functioning of master's degree programs in the field of 42.04.04 – Television. This profile occupies a significant place in the system of modern media education, which makes it relevant to consider its structural and substantive specifics. The role of academic disciplines in the programs "Modern International Journalism in the digital Media space" and "Production in the creative Industries" is highlighted as system-forming characteristics. A distinctive feature of the presented research is that the authors are the key developers and managers of these programs. The classification is proposed, the priorities of teaching and studying these programs are established. The regulatory framework, educational and research materials and plans, as well

as corporate and media information are analyzed. The corresponding achievements of Kazan (Volga Region) Federal University are revealed, where solid experience in training media specialists of various levels has been accumulated. The methodology of the study is based on a systematic, meaningful, comparative analysis of curricula and materials. The results of the scientific research are presented by data on the quantitative and qualitative characteristics of master's degree programs, on determining their philological orientation and potential. It is clarified that the philological character is determined by the presence of humanitarian courses aimed at studying the spiritual culture of society in the context of linguistic and stylistic means, where the key tasks are the creation and analysis of media texts, as well as their perception by a mass audience.

Keywords: *master's degree, media education, television, journalism, media production, international journalism, creative industries, early arts*

For citation: Gazizov R.R., Spirchagova T.A., Bayraktar M.H. The philological potential of Master's degree programs in the field of Television. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 30 – 36.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность представленного исследования заключается в растущей роли медиаобразования в современном обществе, необходимости анализа и оценки трендов его развития. В этой связи, взятые авторами в разработку результаты деятельности Казанского (Приволжского) федерального университета представляют несомненный научный интерес. Несмотря на масштабную цифровизацию медиаотрасли, группа авторов настоящего исследования исходит из важности гуманитарной составляющей, и в определении образовательной модели обращает внимание на специфику и характер дисциплин и программ филологического профиля.

Целью исследования является выявление филологической составляющей магистерских программ, реализуемых в Казанском (Приволжском) федеральном университете по направлению 42.04.04 – Телевидение. Задачи исследования заключаются в структурировании магистерских программ «Современная международная журналистика в цифровом медиапространстве» и «Продюсирование в креативных индустриях» в контексте лингвистической направленности.

Тенденции высшего медиаобразования были и остаются приоритетом ученых из различных стран мира. Исследуются организационные, законодательные, политические, экономические, этические аспекты функционирования данной сферы. Особое внимание научного и педагогического сообщества направлено на учебные приоритеты, трансформацию учебных программ и планов, новации в преподавании. Так, Т.Н. Иващенко, И.Б. Стукаловой рассматриваются роль и значение магистратуры в системе высшего образования [3, 7]. Накоплен внушительный объем исследовательских материалов, касающихся контроля, качества, эффективности и результативности магистратуры [1, 4, 6, 8, 10].

В фокусе исследовательского интереса А.А. Поздеевой, И.А. Трубчениновой и А.Б. Бусыгиной оказываются научные, творческие, психологические и профессиональные аспекты функционирования магистерских программ [5, 9]. Отмечается незначительный объем исследований, касающихся оценки и изучения опыта реализации магистерских программ в области экранных искусств и медиаобразования [2].

Учитывая растущий потенциал учебных программ в области цифровых медиа, журналистики, медиаведения, визуальных коммуникаций, интегрированных медиакоммуникаций, возникает потребность в осмыслении, систематизации, сопоставлении и прогнозировании процессов, происходящих в ходе их разработки и реализации.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на материале магистерских программ, реализуемых в Казанском (Приволжском) университете. Речь идет о профилях «Современная международная журналистика в цифровом медиапространстве» и «Продюсирование в креативных индустриях», функционирующих по направлению 42.04.04 – Телевидение и относящихся к области экранных искусств. Исследуются учебные планы, карты и матрицы компетенций, рабочие программы дисциплин, фонды оценочных средств, иные материалы в области планирования и организации учебного процесса. В ходе исследования применяются методы структурного и содержательного анализа, позволившие определить роль и место дисциплин лингвистического профиля в системе преподавания в магистратуре. Филологический характер определяется присутствием дисциплин гуманитарного характера, объектом рассмотрения в которых выступает духовная культура общества сквозь

призму языковых и стилистических средств и приемов. Авторское внимание обращено на дисциплины, задачами которых является создание и анализ текстовых специфик, а также восприятие данных процессов массовой аудиторией.

Результаты и обсуждения

Анализ магистерских программ, их существенные особенности, филологический характер заключаются в следующем.

Магистерская программа «Современная международная журналистика в цифровом медиапространстве» была запущена в 2024 г. Она ориентирована на подготовку профессиональных кадров для глобальных цифровых медиа. Особое внимание уделяется изучению перспективных направлений развития медиасферы: международным медиарасследованиям, технологиям медийного манипулирования, сторителлингу, этнодокументалистике и др. Подготовка также предполагает освоение ключевых тенденций развития мировой политики и современных международных отношений. Выпускникам открываются перспективы деятельности в ведущих российских и зарубежных медиаструктурах. Структурный анализ демонстрирует присутствие 27 дисциплин в ее учебном плане, представленных в нескольких блоках: 1) обязательная часть; 2) часть, формируемая участниками образовательных отношений; 3) ФТД. Факультативные дисциплины. Статистика показывает, что 15 из 27 дисциплин имеют филологическую направленность, что составляет 55,6%. При этом детализация картины функционирования филологических курсов выглядит неравномерной: 1) так, в обязательной части из девяти дисциплин выделяется одна, что составляет 11,1%; 2) в части, формируемой участниками образовательных отношений, достигает максимальной концентрации, и из 17 курсов занимает 12, что составляет 62,5%; 3) среди факультативных дисциплин отмечается 100%, но здесь заявлены всего две дисциплины. Таким образом, лингвистическая представленность дисциплин показывает их преобладание в анализируемом учебном плане.

В обязательной части присутствуют такие дисциплины, как история и теория медиа, техника и технология телерадиовещания, экономика цифровой медиаиндустрии, компьютерная обработка результатов научного исследования, методология и методика медиаисследований, организация и продюсирование на телевидении и других медиа, право и медиа, медиапсихология, иностранный язык в деловых коммуникациях. Как видим, в них рассматриваются теоретические, методологические, технические, экономические, юридические, психологические аспекты деятельности медиа. Лишь дисциплина иностранный язык в деловых коммуникациях имеет выраженный лингвистический вектор, ориентирована на деловые коммуникации, представляет собой специализированный стиль английского языка. Курс включает в себя разделы грамматики, специальной лексики, а также формирование языковых компетенций для организации и участия в публичных мероприятиях, бизнес-презентациях, деловой переписке, а также иного функционала.

В части, формируемой участниками образовательных отношений, широко представлены дисциплины филологического профиля. Это, главным образом, объясняется желанием и необходимостью предусмотреть, организовать, реализовать приобретение студентами – будущими журналистами важных профессиональных знаний и навыков. Содержатся девять дисциплин, а также восемь курсов по выбору; из них соответственно – семь и пять дисциплин – имеют выраженную лингвистическую специфику, что равняется 62,5%. В целом рамках всего учебного плана данные дисциплины занимают 44,4%. Речь идет о таких курсах, как технологии создания позитивного имиджа России, теория и практика зарубежного телевидения, глобальные цифровые медиарасследования, цифровая журналистика и международные отношения, международно-политическая коммуникация, кросс-культурные коммуникации, манипулятивные технологии в масс-медиа. Среди дисциплин по выбору: сторителлинг и креативные индустрии, духовно-просветительские проекты в международном медиапространстве, организация деятельности редакции современного радиоканала, этнодокументалистика: российский и мировой опыт, современный культурный процесс в глобальном медиапространстве.

Языковая специфика в данном блоке представлена как комплексное явление, требующее как теоретического, так и практического изучения. Например, курс по технологиям создания позитивного имиджа России основан на анализе медиапрактики, а также формированию у обучающихся стратегий медиаповедения по освещению указанных событий и процессов в глобальном масштабе. В курсе по манипулятивным технологиям в масс-медиа обращается внимание на специфику различных приемов и средств, среди которых выделяются: метафоры, сравнения, термины, трюизмы и др. В рамках изучения современного культурного процесса в глобальном медиапространстве уделяется внимание языковой динамике репрезентации темы в ведущих международных цифровых и печатных изданиях, а также теле- и радиоканалах.

Факультативный блок содержит дисциплины: Россия в современном мировом информационном пространстве, иностранный язык в сфере медиатехнологий. Здесь, с одной стороны, мы видим четкую адапта-

цию дисциплин под рамки профессиональной деятельности; с другой – присутствуют аспекты, связанные с речевым общением, языковой медиакulturой, нормами и приемами их применения в СМИ.

Магистерская программа «Продюсирование в креативных индустриях» ориентирована на решение реальных задач, с которыми сталкиваются медиапродюсеры на телевидении. Большое внимание уделяется практическим занятиям, мастер-классам от действующих профессионалов, стажировкам на телеканалах и в производственных компаниях. Анализ медиатекстов составляет основу учебных дисциплин в магистерской программе. Обучение методам анализа различных типов медиатекстов (фильмов, телепередач, рекламных роликов, веб-сайтов, социальных медиа и т.д.) с точки зрения их содержания, формы, структуры и идеологического подтекста способствует развитию критического мышления и способностям выявлять скрытые предположения и предвзятость, аргументированно формировать свою точку зрения, оценивать перспективы, эффективно коммуницировать с коллегами, партнерами и аудиторией, убедительно представлять свои идеи и позицию.

Характеристика учебных курсов и учебных программ для студентов телевизионного профиля магистерской программы «Продюсирование в креативных индустриях» строится вокруг формирования компетенций, необходимых для успешной работы в современной телеиндустрии. Цель – выпуск специалистов, способных не только генерировать идеи и управлять проектами, но и глубоко понимать особенности телевизионного производства, тренды и экономику отрасли.

В блоке обязательных дисциплин у магистрантов развивается понимание лингвистических особенностей типов медиаконтента (новостей, рекламы, художественной литературы, социальных сетей), что позволяет выявлять скрытые значения, идеологические подтексты и манипулятивные техники. Знания семиотики, получаемые на более осмысленном теоретическом уровне, улучшают интерпретацию визуальных и аудиальных элементов медиаконтента. Филология позволяет понимать, как эффективно убеждать, используя риторические приемы, и создавать захватывающие истории, удерживающие внимание аудитории. Филологический потенциал в магистерском образовании развивает навыки эффективной устной и письменной коммуникации, что необходимо для работы с командой, партнерами, инвесторами и аудиторией, умение четко и убедительно представлять свои идеи для продвижения медиапроектов и привлечения финансирования.

Блок дисциплин, формируемых участниками образовательных отношений, сосредоточен на ценностной ориентации и гражданской позиции: индекс ответственности за производимый контент, понимание важности создания контента, способствующего позитивным социальным изменениям. Формирование уважения к различным культурам, точкам зрения и социальным группам в свою очередь ведет к пониманию важности создания инклюзивного контента, отражающего разнообразие общества. Гуманитарные знания образовательного трека по продюсированию помогают лучше понимать потребности, ценности и культурные особенности целевой аудитории, что позволяет создавать более эффективный и релевантный контент, лучше понимать творческие процессы, находить нестандартные решения и эффективно управлять креативной командой. Глубокое понимание медиа и культуры дает медиапродюсеру конкурентное преимущество на рынке труда и позволяет создавать инновационный и востребованный контент.

Таким образом, гуманитарная составляющая в магистерской программе по медиапродюсированию в креативных индустриях является важным элементом подготовки профессионалов, способных не только создавать качественный контент, но и осознавать его влияние на общество, а также эффективно коммуницировать и управлять креативными процессами. Филологический потенциал магистерской программы проявляется в учебных дисциплинах по сценарному мастерству и драматургии, сосредоточен на работе с текстом и нарративом. Филологическое образование дает прочную базу для понимания структуры повествования, принципов построения сюжета, создания запоминающихся персонажей и написания диалогов. Это критически важно для разработки сценариев фильмов, сериалов, видеоигр, рекламных роликов и других видов медиаконтента. Филологическое знание грамматики, стилистики и орфографии позволяет медиапродюсеру обеспечивать высокое качество текстов, используемых в медиапроектах (сценарии, статьи, рекламные материалы, веб-контент и т.д.).

Выводы

По направлению «Современная международная журналистика в цифровом медиапространстве»:

- 1) в программе магистратуры дисциплины филологического профиля занимают 55,6%;
- 2) максимальная концентрация лингвистических курсов отмечается в части, формируемой участниками образовательных отношений, и среди факультативных дисциплин, – 62,5% и 100% соответственно;
- 3) к филологически направленным курсам относятся: иностранный язык в деловых коммуникациях, технологии создания позитивного имиджа России, теория и практика зарубежного телевидения, глобаль-

ные цифровые медиарасследования, цифровая журналистика и международные отношения, международно-политическая коммуникация, кросс-культурные коммуникации, манипулятивные технологии в масс-медиа, сторителлинг и креативные индустрии, духовно-просветительские проекты в международном медиапространстве, организация деятельности редакции современного радиоканала, этнодокументалистика: российский и мировой опыт, современный культурный процесс в глобальном медиапространстве и др.

Филологический статус магистерской программы «Продюсирование в креативных индустриях» обеспечивает выпускникам уникальный набор навыков и знаний, необходимых для успешной работы в современных медиа, которые становятся все более мультикультурными. Глубокое понимание языка как инструмента коммуникации основано на анализе разноуровневых медиатекстов (рекламные ролики, сценарии, новости, посты в социальных сетях) с точки зрения их структуры, стиля, риторики и воздействия на аудиторию. В свою очередь обучающиеся готовятся создавать более эффективный и убедительный контент, который будет релевантным и привлекательным для целевой аудитории. При работе с международными проектами в разработку берутся навыки адаптации контента для разных языков и культур, с учетом социальных особенностей. Это же позволит будущим продюсерам избежать культурных ошибок и недопонимания.

Профессиональная работа с текстом и контентом в ходе обучения обеспечивает в дальнейшей деятельности создание медиапродуктов высокого качества, в частности, презентовать запоминающиеся и продающие рекламные тексты и слоганы, которые не только привлекают внимание, но и мотивируют к действию. SEO-оптимизация: владение языком и понимание алгоритмов поисковых систем позволяет оптимизировать контент для поисковых запросов, увеличивая его видимость в интернете. Лингвистические методы используются для анализа больших объемов текстовых данных, например, комментариев в социальных сетях, чтобы обнаружить тенденции и настроения аудитории. В учебных программах прослеживается логика проведения лингвистических исследований медиаконтента, разработка медиатекстов и адаптации существующих для требовательной аудитории.

Лингвистический профиль значительно обогащает программу в контексте востребованности и способностей продвижения медиапродуктов. Способность реализовывать сложный новаторский художественный замысел в профессиональном творческом коллективе, владеть теорией и технологией создания медиапродукции на основе синтеза традиционных и новейших методов и технических средств, обеспечено дисциплинами PR-сопровождение в продюсировании, международное партнерство в креативных индустриях, продвижение медиапроектов в Интернете и фандрайзинг в медиасфере.

По итогам освоения курсов по основам современной драматургии и сценарного мастерства, теории экранных видов искусств, медиаискусству и цифровым технологиям, а также мультимедийным технологиям и созданию медиаконтента, магистрант потенциально берет на вооружение навыки создания, предварительной подготовки и трансляции как отдельных программ, так и масштабных, и новаторских цифровых медиапроектов.

К оказанию консультационной помощи по разработке инновационных проектов и программ в области цифровых медиа, телевидения, кинематографии, культуры, образования, массовой коммуникации обучающемуся необходимо проработать образовательный контент по продюсированию теле и кинопроизведений, креативному моделированию в цифровой медиаиндустрии, познать секреты управления творческим коллективом, изучить искусственный интеллект и алгоритмы брендинга в медиаиндустрии.

В качестве подготовленного продюсера, автора проекта, сценариста, режиссера-постановщика, оператора-постановщика и ведущего в творческом и производственном процессе подготовки и трансляции постановочных телевизионных программ, реализации цифровых медиапроектов магистрант использует накопленный опыт по изучению курсов по этике и этикету делового общения в медиасфере, цифровому сторителлингу в креативных индустриях и цифровизации и визуальной культуре. Изучение дисциплин, связанных с креативными технологиями в медиа и стратегическим медиаменеджментом оказывают поддержку по созданию концепции, системному построению производственного процесса и планированию индивидуального/коллективного телевизионного и мультимедийного продукта с применением современных технологий. Филологический потенциал магистерских программ по направлению «Телевидение» является ценным активом для медиапродюсера в креативных индустриях. Он обеспечивает прочную базу для работы с текстом, нарративом, анализа и интерпретации контента, коммуникации и критического мышления. Это позволяет медиапродюсеру создавать качественный, эффективный и социально значимый контент, который пользуется успехом у аудитории.

Список источников

1. Аржанова И.В., Барышникова М.Ю., Перфильева О.В. Подход к оценке магистратуры на основе показателей развития институциональной среды // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 6. С. 81 – 87.
2. Газизов Р.Р., Наговицина Т.А., Николок Я.Н. Приоритетные направления современного университетского медиаобразования // Современный ученый. 2023. № 2. С. 126 – 129.
3. Иващенко Т.Н. Роль института магистратуры в системе российского образования // Вестник гос. и муницип. управления. 2015. № 4. С. 75 – 79.
4. Мутовкина Н.Ю. Методы оценки эффективности и результативности образовательных программ высшего образования // Экономика и менеджмент систем управления. 2017. Т. 26. № 4-3. С. 385 – 392.
5. Поздеева С.И. Магистратура как пространство профессионально-личностного развития студента и преподавателя // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 3. С. 144 – 152.
6. Разработка методик анализа эффективности магистерских программ: коллективная монография / под ред. Е.А. Сухановой. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2019. 109 с.
7. Стукалова И.Б. Развитие магистратуры в России: предпосылки, проблемы и перспективы // Современное образование. 2018. № 3. С. 1 – 8. DOI: 10.25136/2409-8736.2018.3.26892.
8. Трубоченинова И.А., Газизов Т.Р. Практика реализации оценки качества магистерских программ // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2018. Вып. 8 (197). С. 177 – 184. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-177-184.
9. Трубоченинова И.А., Бусыгина А.В. Привлечение магистрантов к реализации научных проектов как эффективный способ организации научно-исследовательской работы // Научная сессия ТУСУР– 2018: материалы Междунар. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: В-Спектр, 2018. Т. 5. С. 311 – 312.
10. Шупак К.С. Формирование метода оценки эффективности магистерских программ СПбГЭУ // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 6 (126). С. 60 – 63.

References

1. Arzhanova I.V., Baryshnikova M.Yu., Perfilieva O.V. An Approach to Assessing Master's Degrees Based on Institutional Environment Development Indicators. University Management: Practice and Analysis. 2018. Vol. 22. No. 6. P. 81 – 87.
2. Gazizov R.R., Nagovitsina T.A., Nikoljuk Ya.N. Priority Areas of Modern University Media Education. Sovremenny Scientist. 2023. No. 2. P. 126 – 129.
3. Ivaschenko T.N. The Role of the Master's Degree Institute in the Russian Education System. Bulletin of State and Municipal Management. 2015. No. 4. P. 75 – 79.
4. Mutovkina N.Yu. Methods for Assessing the Effectiveness and Performance of Educational Programs in Higher Education. Economics and Management of Management Systems. 2017. Vol. 26. No. 4-3. P. 385 – 392.
5. Pozdeeva S.I. Master's Degree as a Space for Professional and Personal Development of Students and Teachers. Higher Education in Russia. 2018. Vol. 27. No. 3. P. 144 – 152.
6. Development of a Methodology for Analyzing the Effectiveness of Master's Programs: A Collective Monograph. Ed. by E.A. Sukhanova. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2019. 109 p.
7. Stukalova I.B. Development of Master's Degree Programs in Russia: Prerequisites, Problems, and Prospects. Modern Education. 2018. No. 3. P. 1 – 8. DOI: 10.25136/2409-8736.2018.3.26892.
8. Trubcheninova I.A., Gazizov T.R. Practice of Implementing Quality Assessment of Master's Programs. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2018. Iss. 8 (197). P. 177 – 184. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-177-184.
9. Trubcheninova I.A., Busygina A.V. Involving Master's Students in the Implementation of Research Projects as an Effective Way of Organizing Research Work. Scientific Session of TUSUR–2018: Proc. of the Int. sci.-tech. conf. students, postgraduates, and young scientists. Tomsk: V-Spectr, 2018. Vol. 5. P. 311 – 312.
10. Shupak K.S. Formation of a method for assessing the effectiveness of master's programs at St. Petersburg State University of Economics. Problems of Modern Science and Education. 2018. No. 6 (126). P. 60 – 63.

Информация об авторах

Газизов Р.Р., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, gazizov-da@yandex.ru

Спирчагова Т.А., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 1114.69@mail.ru

Байрактар М.Х., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, hanafi@yandex.ru

© Газизов Р.Р., Спирчагова Т.А., Байрактар М.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81`42

¹ Гайс М.Ю.

¹ Северо-Кавказский федеральный университет

Дискурсивные приемы манипуляции и пропаганды в виртуальном медиапространстве (на материале русскоязычных и арабоязычных Telegram-каналов)

Аннотация: медиапространстве все чаще становятся объектом научного внимания в условиях эскалации информационных войн и глобальных военных конфликтов. Цель исследования состоит в выявлении и типологизации языковых и семиотических механизмов конструирования враждебного образа противника в арабоязычных и русскоязычных Telegram-каналах для установления универсальных и культурно-специфических закономерностей манипулятивного воздействия в цифровой среде. Материалом исследования послужили посты, комментарии и мультимедийные материалы из репрезентативной выборки специализированных Telegram-каналов, освещающих военные конфликты в период 2024–2025 годов, общим объемом около 3500 единиц анализа. Методологическую основу составили критический дискурс-анализ, лингво-прагматический анализ, семиотический анализ мультимодальных текстов и сопоставительный анализ.

Научная новизна исследования заключается в первом комплексном лингвосемиотическом и сравнительном анализе дискурсивных стратегий манипуляции и пропаганды в арабском и русском сегментах цифрового военного медиадискурса Telegram-платформы, что позволило выявить механизмы символического вытеснения противника из моральной общности и установить прагматический потенциал таких дискурсивных практик в процессах мобилизации и демобилизации аудитории. Полученные результаты показали, что манипулятивное воздействие в исследуемых языковых средах реализуется через комплекс взаимосвязанных тактик дегуманизации (зоометафоризация, овецствление, отрицание агентивности), делегитимации (криминализация, демонизация, историческая фальсификация) и эмоционального воздействия (апелляция к архетипам, использование сакральной лексики, создание контрастных образных систем). При этом арабский дискурс демонстрирует большую роль религиозных и исторических фреймов, тогда как русскоязычные каналы активнее применяют геополитический фреминг и апелляцию к национальным интересам. Результаты исследования вносят вклад в теорию медиадискурса, конфликтологии и лингвопрагматики, имеют практическое значение для развития методик медиаграмотности, противодействия информационным манипуляциям и подготовки специалистов по информационной безопасности.

Ключевые слова: дискурсивные приемы манипуляции, цифровой военный дискурс, Telegram-каналы, дегуманизация противника, лингвосемиотический анализ

Для цитирования: Гайс М.Ю. Дискурсивные приемы манипуляции и пропаганды в виртуальном медиапространстве (на материале русскоязычных и арабоязычных Telegram-каналов) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 37 – 50.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Gais M.Yu.

¹ North Caucasus Federal University

Discursive techniques of manipulation and propaganda in the virtual media space (based on Russian-language and Arabic-language Telegram channels)

Abstract: *discursive manipulation and propaganda techniques in virtual media space increasingly become the focus of scientific attention amid escalating information warfare and global military conflicts. The aim of this research is to identify and typologize linguistic and semiotic mechanisms of constructing hostile enemy images in Arabic-language and Russian-language Telegram channels to establish universal and culturally specific patterns of manipulative influence in digital environments. The research material comprises posts, comments, and multimedia materials from a representative sample of specialized Telegram channels covering military conflicts during 2024–2025, totaling approximately 3,500 units of analysis. The methodological framework includes critical discourse analysis, linguistic pragmatic analysis, semiotic analysis of multimodal texts, and comparative analysis.*

The scientific novelty lies in the first comprehensive linguosemiotic and comparative analysis of discursive manipulation and propaganda strategies in the Arabic and Russian segments of digital military media discourse on the Telegram platform, which revealed mechanisms of symbolic exclusion of the opponent from the moral community and established the pragmatic potential of such discursive practices in processes of audience mobilization and demobilization. The findings demonstrate that manipulative impact in the studied linguistic environments is realized through a complex of interrelated tactics of dehumanization (zoometaphorization, reification, denial of agency), delegitimization (criminalization, demonization, historical falsification), and emotional influence (appeals to archetypes, use of sacred vocabulary, creation of contrasting image systems). Notably, Arabic discourse demonstrates a greater role of religious and historical frames, whereas Russian-language channels more actively employ geopolitical framing and appeals to national interests. The research results contribute to media discourse theory, conflict studies, and linguopragmatics, and have practical significance for developing media literacy methods, countering information manipulation, and training information security specialists.

Keywords: *discursive manipulation techniques, digital military discourse, Telegram channels, enemy dehumanization, linguosemiotic analysis*

For citation: Gais M.Yu. Discursive techniques of manipulation and propaganda in the virtual media space (based on Russian-language and Arabic-language Telegram channels). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 37 – 50.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность исследования

В XXI веке военные конфликты смещают свой коммуникативный центр в цифровое пространство социальных сетей, где формирование общественного мнения осуществляется через специализированные дискурсивные стратегии. Платформы типа Telegram, благодаря своей анонимности, скорости распространения контента и минимальной модерации, становятся активными инструментами информационных войн [4, с. 164]. В этом контексте дискурсивные приемы манипуляции и пропаганды, направленные на дегуманизацию противника, героизацию своей стороны и конструирование враждебного образа конфликта, требуют пристального лингвистического анализа.

Социальные медиа и цифровые платформы обеспечивают беспрецедентные возможности для масштабного развертывания манипулятивных стратегий. Мультимодальный характер коммуникации, сочетающий текстовые, визуальные и аудиальные элементы, создает синергетический эффект воздействия на сознание аудитории. Особенно актуальна проблема сравнительного анализа дискурсивных практик в различных языковых и культурных средах, поскольку выявление универсальных и специфических механизмов конструирования образа врага способствует глубокому пониманию особенностей информационных войн в условиях глобализации.

Степень разработанности проблемы

Вопросы военного дискурса, пропаганды и манипулятивного воздействия получили определенное освещение в отечественной и зарубежной научной литературе. Исследования военного медиадискурса представлены в работах О.В. Рябова [11], О.Л. Михалевой [10], в зарубежных традициях – N. Fairclough [15], R. Wodak [22]. Психологические механизмы дегуманизации анализируются в публикациях N. Haslam [16], S. Bruneau [14].

Однако проблема специфических дискурсивных приемов манипуляции и пропаганды в цифровом пространстве социальных сетей, особенно в их сравнительно-сопоставительном аспекте (арабский и русский языки), остается недостаточно разработанной. В частности, отсутствуют комплексные исследования, которые:

- систематически выявляют и классифицируют дискурсивные тактики в рамках цифровых платформ;
- проводят сравнение различных языковых и культурных парадигм конструирования образа врага;
- анализируют перлокутивные эффекты таких стратегий с учетом специфики Telegram-коммуникации;
- применяют методологию критического дискурс-анализа к мультимодальным материалам.

Таким образом, выявленная лакуна обуславливает научную необходимость проведения настоящего исследования.

Цель исследования

Цель: выявить и типологизировать дискурсивные приемы манипуляции и пропаганды в арабоязычных и русскоязычных Telegram-каналах, раскрывающих военные конфликты, для установления механизмов конструирования враждебного образа противника и формирования мобилизационных установок аудитории.

Задачи исследования

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить теоретико-методологические основы анализа дискурсивных приемов манипуляции в цифровом военном медиадискурсе, в том числе уточнить понятийный аппарат (манипуляция, пропаганда, дегуманизация, дискурсивная стратегия, речевая тактика).
2. Систематизировать лингвистические средства и семиотические тактики, используемые для манипуляции в арабоязычных и русскоязычных Telegram-каналах, на основе критического дискурс-анализа и лингвопрагматического подхода.
3. Установить специфические механизмы конструирования враждебного образа противника в каждой языковой среде, включая анализ применяемых метафор, номинаций, фреймирования и эмоционального воздействия.
4. Провести сопоставительный анализ выявленных стратегий и тактик в арабском и русском дискурсах, определив универсальные и культурно-специфические закономерности.
5. Определить прагматический потенциал и перлокутивные эффекты исследуемых дискурсивных практик в процессах мобилизации аудитории и формирования враждебных установок.

Методы исследования

В исследовании применяются следующие методы:

- Критический дискурс-анализ (КДА) – для выявления идеологических аспектов манипулятивного дискурса и анализа связи языка и власти [15, 25];
- Лингвопрагматический анализ – для определения прагматических целей высказываний и их перлокутивных эффектов;
- Семиотический анализ – для интерпретации мультимодальных элементов (изображений, видео, графики), усиливающих манипулятивное воздействие;
- Сопоставительный анализ – для выявления сходств и различий дискурсивных практик в арабском и русском медиадискурсе;
- Элементы корпусного анализа – для статистической обработки частотности дискурсивных маркеров и выявления паттернов манипуляции.

Исследование опирается на классические и современные концепции критического дискурс-анализа (N. Fairclough, T. van Dijk, R. Wodak), теорию речевых стратегий и тактик (О.С. Иссерс, В.И. Карасик), лингвистику социальных медиа (Т.Г. Добросклонская, М.А. Буряк), психологические исследования дегуманизации (N. Haslam, S. Bruneau), а также на отечественные работы по военному дискурсу и пропаганде (О.В. Рябов, О.Л. Михалева).

Практическая значимость

Результаты исследования имеют практическое применение для:

- разработки методик повышения медиаграмотности населения и критического осмысления информации в цифровой среде;
- подготовки специалистов по информационной безопасности и противодействию информационным манипуляциям;
- разработки инструментов мониторинга и анализа пропагандистского контента в социальных сетях;
- совершенствования методов межкультурной коммуникации и преодоления языковых барьеров в условиях глобальных конфликтов.

Материалы и методы исследований

Материал исследования состоит из постов, комментариев, репостов и мультимедийных материалов (изображения, видео, гифки, инфографика) из репрезентативной выборки арабоязычных и русскоязычных Telegram-каналов, посвященных освещению военных конфликтов. Период сбора материала – январь 2024 г. – октябрь 2025 г. Общий объем проанализированного материала составляет около 3500 единиц анализа (посты, комментарии, мультимедийные элементы).

Арабоязычная выборка включает каналы, специализирующиеся на освещении конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Русскоязычная выборка охватывает каналы, освещающие современные региональные конфликты. Отбор материала проводился с учетом репрезентативности источников, актуальности тематики и интенсивности обновления контента.

Результаты и обсуждения

Виртуальный военный медиадискурс социальных сетей представляет собой особый тип институционального дискурса, характеризующийся специфическими параметрами коммуникативного пространства, участников и целевых установок. По определению Т.Г. Добросклонской, медиадискурс есть функционально обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [3, с. 182]. Виртуальная среда социальных сетей вносит в эту концепцию существенные коррективы, связанные с интерактивностью, многоканальностью и децентрализованным характером коммуникации.

М.Р. Желтухина выделяет следующие конституирующие признаки медиадискурса социальных сетей: групповая соотнесенность (адресант разделяет взгляды определенной группы), публичность и массовая направленность, диссенсная ориентированность (намеренное создание противоречий), инсценированность коммуникативного события [63, с. 27–40]. В контексте военного дискурса эти характеристики приобретают особую значимость, поскольку способствуют поляризации аудитории и усилению конфронтационных настроений.

Telegram как коммуникативная платформа обладает рядом специфических особенностей, принципиально важных для анализа военного дискурса. Относительная анонимность пользователей снижает социальные барьеры для использования экстремальных форм речевого воздействия. Канальная структура обеспечивает быстрое распространение контента среди единомышленников, создавая эффект эхо-камер и способствуя радикализации мнений. Ограниченная модерация контента позволяет распространять материалы, которые были бы заблокированы на других платформах [5, с. 164]. Кроме того, отсутствие алгоритмической фильтрации (в отличие от других соцсетей) означает, что контент может распространяться независимо от соответствия нормам платформы, если он опубликован на канале с достаточной аудиторией.

Мультимодальность как фундаментальная характеристика цифрового дискурса значительно усиливает воздействующий потенциал дегуманизирующих и делегитимирующих сообщений. По определению К. Kress и Т. van Leeuwen, мультимодальный текст представляет собой произведение, в котором для создания смысла и коммуникативного эффекта используются несколько семиотических кодов (вербальный, визуальный, аудиальный, кинетический) [20, с. 34]. В контексте Telegram-канала мультимодальность включает комбинирование текстовых постов, фотоизображений, видеоклипов, GIF-анимаций и инфографики, создающих многослойный текст, воздействующий одновременно на различные сенсорные и когнитивные каналы восприятия. Этот синергетический эффект значительно усиливает манипулятивное воздействие, поскольку визуальные элементы часто обрабатываются предсознательно и недостаточно критически, чем вербальная информация [4, с. 87].

Манипуляция как дискурсивный феномен в цифровой среде определяется исследователями в соответствии с социокогнитивным подходом Т. van Dijk как скоординированное воздействие на ментальные модели реципиентов через отбор и интерпретацию информации таким образом, чтобы способствовать достижению целей коммуникатора в ущерб интересам аудитории [25, с. 373]. Манипуляция отличается от убежде-

ния тем, что нарушает принцип взаимного информационного равенства: манипулятор скрывает свои подлинные цели и использует неполную или искаженную информацию, тогда как убеждающий открыто апеллирует к рациональным и эмоциональным ресурсам аудитории, предоставляя ей возможность критического выбора.

Пропаганда, в отличие от манипуляции, предполагает открытое апеллирование к ценностям, идеологии и интересам целевой группы с целью формирования или укрепления определенных установок. В контексте военного конфликта пропаганда часто направлена на мобилизацию, героизацию своей стороны и демонизацию противника. О.Л. Михалева указывает, что в современном медиадискурсе манипуляция и пропаганда часто переплетаются, создавая гибридные дискурсивные практики, которые одновременно используют скрытые механизмы манипуляции и открытые риторические стратегии пропаганды [10, с. 156]. Такое гибридное воздействие оказывается особенно эффективным, поскольку комбинирует преимущества обеих стратегий: эмоциональный резонанс пропаганды и скрытность манипуляции.

Теоретико-методологическая база анализа дискурсивных приемов манипуляции требует синтеза подходов критического дискурс-анализа, социокогнитивной лингвистики, медиасемиотики и теории мультимодальной коммуникации. Критический дискурс-анализ, развиваемый в работах N. Fairclough и T. van Dijk, предоставляет инструментарий для выявления идеологических аспектов дискурса и анализа связи между языком и властью [15, 25]. Социокогнитивный подход акцентирует внимание на том, как дискурс влияет на ментальные модели аудитории, которые, в свою очередь, определяют их установки, мнения и поведение. Медиасемиотика обеспечивает методологию анализа визуальных и иконических кодов, которые играют все более значительную роль в цифровых сообщениях. Теория мультимодальной коммуникации позволяет рассматривать медиатексты как единства вербальных и невербальных компонентов, взаимодействующих для создания смысла.

Эффективность манипулятивного дискурса в Telegram-каналах обеспечивается несколькими факторами. Во-первых, вовлеченность аудитории в процесс интерпретации событий: интерактивность платформы позволяет аудитории не пассивно принимать информацию, а активно участвовать в создании смысла через комментарии и репосты, что повышает психологическую значимость воспринимаемого содержания. Во-вторых, мультимодальность воздействия обеспечивает воздействие на различные сенсорные и когнитивные каналы одновременно. В-третьих, селективное использование информации: отбор и интерпретация фактов в соответствии с предопределенной логикой создает впечатление объективности при наличии систематического смещения в представлении событий.

Речевые стратегии и тактики, используемые в манипулятивных целях, уже получили определенное освещение в работах О.С. Иссерс, В.И. Карасика и других отечественных исследователей. Однако применение этих концепций к цифровому военному медиадискурсу требует уточнения и расширения понятийного аппарата. Речевая стратегия определяется как комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной коммуникативной цели [7, с. 54], тогда как тактика представляет собой конкретный приём реализации стратегической линии.

В контексте манипуляции посредством Telegram-каналов выделяются следующие основные тактики, реализуемые на лингвистическом уровне: лексическая номинация (выбор наименования для обозначения явления или субъекта), грамматическая трансформация (модификация грамматической структуры для изменения перспективы), синтаксическая фокусировка (расположение элементов высказывания с целью выделения значимых компонентов), фонетико-ритмическая организация (использование звуковых и ритмических средств для усиления эмоционального эффекта). На семиотическом уровне выделяются тактики визуальной номинации (выбор изображений, создание инфографики), иконической репрезентации (использование символов, знаков, цветовых схем), композиционного фокусирования (расположение элементов в кадре), временной модуляции (монтаж видеоклипов с определенной ритмикой).

Лексическая номинация в манипулятивном дискурсе часто осуществляется посредством использования пейоративных названий (слов с отрицательной коннотацией) для обозначения противника. Использование зоонимов (названий животных) в качестве метафорических номинаций противника создает дегуманизирующий эффект, позволяя в сознании аудитории ассоциировать врага с низшими биологическими организмами. Примеры из арабоязычных Telegram-каналов включают использование терминов таких как «хиши» (животное), «зулм» (угнетатель) в отношении противной стороны. Параллельно используются эвфемизмы для обозначения насилия, применяемого своей стороной, что создает асимметрию в оценке действий. Например, применение силы своей стороной часто обозначается как «оборона» или «законная защита», тогда как действия противника именуется «агрессией» или «террором».

Метафорическая система, применяемая в текстах манипуляции, часто строится на основе концептуальных метафор, структурирующих восприятие реальности по определенному образцу. Война как природное бедствие, враг как болезнь, территория как тело – эти концептуальные метафоры используются в обоих языковых средах, но с культурно-специфическими особенностями. В русскоязычных Telegram-каналах частотны метафоры «защиты наследия» или «сохранения справедливого порядка», которые апеллируют к исторической памяти и национальному самосознанию. В арабоязычных каналах метафоры часто связаны с религиозными концепциями «борьбы с нечестием» или «защиты веры», которые активируют глубинные ценностные ориентации аудитории.

Грамматическая трансформация в манипулятивном дискурсе часто связана с изменением активно-пассивного соотношения в высказывании. Пассивизация деятельности своей стороны (например, «произошли потери» вместо «наши войска понесли потери») снижает агентивную ответственность, создавая впечатление вынужденности или объективности события. В материале арабоязычных Telegram-каналов встречаются конструкции типа «*المدن بين اسد تهداف ت م*» (были поражены гражданские), где пассивный залог маскирует агента действия. Напротив, при описании действий противника часто используется активный залог с явным указанием агента (например, «враг уничтожил»), усиливая впечатление преднамеренности и злодейства.

Модализация высказывания (использование модальных глаголов и наречий, выражающих необходимость, возможность, желательность) также служит инструментом манипуляции: фраза «нужно защищаться» семантически сильнее, чем нейтральное описание ситуации. Использование личных местоимений первого лица множественного числа («мы», «нас») в контексте опасности создает чувство общей судьбы и солидарности, тогда как дистанцирующие формы третьего лица применяются при упоминании противника.

Синтаксическая фокусировка осуществляется посредством расположения элементов высказывания: тема (начало высказывания) обычно получает наибольшее внимание, поэтому размещение упоминания о враге в начале предложения повышает салиентность (заметность) этого элемента. Парцелляция (расчленение высказывания на отдельные фрагменты) часто сопровождает эмоциональные высказывания, усиливая их выразительность. В Telegram-постах частотны конструкции типа: «Враг на наших землях! Враг убивает мирных! Враг должен быть остановлен!» Повтор синтаксических структур (анафора, эпифора) создает ритмический эффект, облегчающий запоминание и укрепляющий эмоциональное воздействие.

Использование риторических вопросов и побудительных конструкций активирует аудиторию, создавая впечатление участия в дискурсивном процессе. Вопросы типа «Неужели мы должны терпеть это?» или «Кто защитит нас, если не мы сами?» создают ощущение неотложности и морального долга, минуя рациональный анализ ситуации.

На семиотическом уровне мультимодальной коммуникации в Telegram-каналах выделяются следующие тактики. Визуальная номинация предполагает отбор изображений, которые кодируют определенные смыслы: фотографии разрушений кодируют смысл жестокости противника, изображения праздников кодируют смысл силы и уверенности своей стороны. В арабоязычных Telegram-каналах при обсуждении палестино-израильского конфликта используются образы исторических памятников, символизирующих историческое право на территорию. В русскоязычных каналах используются образы советских героев, исторических побед, что апеллирует к национальной славе и достоинству.

Иконическая репрезентация использует символические элементы (флаги, гербы, логотипы, цветовые схемы), активирующие ассоциативные связи с определенными ценностями и идеологиями. Композиционное фокусирование в визуальных элементах (расположение фигур, масштабирование, фокус) создает иерархию значимости и управляет вниманием зрителя. Лица врагов часто представляются в негативном освещении, с гримасами или в деконтекстуализированных ситуациях, усиливая негативное восприятие.

Исследования в области психологии восприятия показывают, что визуальные элементы обрабатываются быстрее текстовой информации и оказывают более сильное воздействие на формирование установок и стереотипов [2, с. 87]. В военном контексте мультимодальность приобретает особое значение, поскольку позволяет создавать эмоционально насыщенные сообщения, способные преодолевать рациональные барьеры критического мышления.

Систематизация лингвистических и семиотических тактик манипуляции выявляет, что манипулятивное воздействие в Telegram-каналах осуществляется посредством многоуровневого воздействия на различные составляющие текстового и визуального восприятия аудитории. Каждый уровень (лексический, грамматический, синтаксический, визуальный) усиливает эффект других уровней, создавая синергетический эффект, который значительно превосходит суммарное воздействие отдельных элементов. Такое комплексное воздействие обеспечивает высокую эффективность манипуляции в цифровой среде социальных сетей.

Концепции дегуманизации и делегитимации представляют собой ключевые механизмы конструирования враждебного образа противника. Дегуманизация как социально-психологический феномен определяется исследователями как отрицание принадлежности определенных групп людей к человеческому роду [17, с. 409]. N. Haslam выделяет два основных типа дегуманизации: анималистическую (animalistic dehumanization), при которой людям отказывают в специфически человеческих качествах (рациональность, моральность, культурность), приравнивая их к животным; и механистическую (mechanistic dehumanization), лишаящую человека эмоциональности, спонтанности, индивидуальности [17, с. 252-264].

В лингвистическом плане дегуманизация реализуется через комплекс взаимосвязанных тактик. Зоометафорическая номинация предполагает использование названий животных, чаще всего с негативными коннотациями, для обозначения представителей враждебной группы. В арабоязычных Telegram-каналах встречаются конструкции, в которых враги описываются как «свиньи» (وانز), «обезьяны» (قرد), или «гиены» (ضباع). В русскоязычных каналах используются метафоры типа «овцы», «быдло», «животные», применяемые для дегуманизации противника. Медицинская метафоризация представляет противника как источник болезни, инфекции, требующий лечения или ампутации. Использование терминов «бактерии», «вирус», «опухоль» применительно к враждебной группе создает впечатление объективной необходимости их устранения.

Овеществление трансформирует людей в неодушевленные объекты, сырье, отходы, что психологически облегчает применение к ним насилия [21, с. 901-919]. В текстах Telegram часто встречаются конструкции, где враги описываются как «цели», «мишени», «препятствия», которые должны быть «удалены», «нейтрализованы», «устранены». Такая объективизация врага снижает психологический дискомфорт при рассмотрении применения насилия.

Делегитимация как дискурсивная стратегия направлена на подрыв морального авторитета, правовых оснований и социальной поддержки деятельности противника. В. Bar-Tal определяет делегитимацию как категоризацию группы или групп в крайне негативные социальные категории, исключаящие их из сферы приемлемых норм и ценностей [13, с. 65]. В отличие от дегуманизации, которая действует преимущественно на психологическом уровне, делегитимация апеллирует к социально-политическим и правовым нормам.

Тактики делегитимации включают криминализацию (представление противника как преступника), демонизацию (наделение сверхъестественными злодейскими качествами), стигматизацию (приписывание социально порицаемых характеристик), историческую фальсификацию (переписывание прошлого в невыгодном для противника ключе). В Telegram-каналах криминализация реализуется через приписывание враждебной группе преступных деяний, часто без предоставления доказательств или с использованием контекстуально деформированной информации. Демонизация используется путем приписывания врагу исключительно деструктивных мотивов, отрицания любых благородных целей.

Особенно эффективной является тактика перевернутой жертвы, при которой агрессор представляется как жертва, а жертва как агрессор [25, с. 373]. Эта тактика особенно часто встречается в арабоязычных Telegram-каналах, где описание действий противника часто сопровождается утверждением о самообороне и справедливом ответе на предшествующую агрессию, независимо от объективной хронологии событий.

Фрейминг (от англ. frame – рамка, рамки интерпретации) представляет собой процесс представления информации в определенных рамках, которые направляют восприятие и интерпретацию события. В арабоязычных Telegram-каналах конструирование враждебного образа противника часто опирается на религиозные и исторические фреймы. Использование концепций джихада, мученичества (шахадата) и священной защиты интегрирует военный конфликт в религиозную парадигму, где противник предстает не просто врагом, но богохульником или нечестивцем. Исторические аллюзии к периодам арабского величия и периодам унижения служат контрастному фреймированию: история представляется как чередование периодов справедливости (когда арабы были верны исламу) и несправедливости (периоды колониального господства и современных интервенций). Текущий конфликт интерпретируется как часть этого исторического нарратива, где враг выступает как наследник колониальных и неоколониальных порядков.

В русскоязычных Telegram-каналах доминирует геополитический фрейминг, в котором конфликт интерпретируется через призму борьбы за государственный суверенитет, национальные интересы и справедливый мировой порядок. Враг часто представляется как инструмент западной гегемонии, стремящейся подчинить себе государства периферии и навязать им чуждые ценности. Исторические аллюзии используются иначе: история представляется как борьба России против различных форм внешнего давления (от монгольского нашествия до современных санкций), что конструирует национальный нарратив сопротивления и достоинства. Враг в этом контексте предстает не столько как нечестивец или варвар, сколько как иностранный агент, нарушающий суверенность и угрожающий национальной идентичности.

Синергетический эффект дегуманизации и делегитимации создает феномен, описанный Н. Kelman как моральное исключение (*moral exclusion*), позволяющий применять к противнику действия, которые были бы неприемлемы в отношении полноправных членов общества [18, с. 48-61]. В результате морального исключения противник перестает восприниматься как субъект, имеющий право на сочувствие, справедливое обращение или даже на жизнь.

Механизм морального исключения включает несколько этапов. На первом этапе враждебная группа исключается из сферы общечеловеческих норм морали и справедливости посредством дегуманизирующих номинаций и делегитимирующих утверждений. На втором этапе их действия интерпретируются в соответствии с предустановленной враждебной схемой, при которой благие намерения своей стороны контрастируют с исключительно злодейскими намерениями противника. На третьем этапе совершается окончательное отчуждение, при котором противник не только исключается из морального сообщества, но и активно представляется как угроза, требующая устранения.

В контексте Telegram-коммуникации процесс морального исключения ускоряется за счет мультимодальности, интерактивности и скорости распространения контента. Визуальные образы человеческих страданий, контролируемые из источников враждебной стороны, являются якорными точками для эмоционального осмысления событий. Комментарии пользователей, содержащие экстремистский контент, получают высокие оценки (лайки, репосты), создавая впечатление социального одобрения враждебного отношения к противнику.

Механизмы конструирования враждебного образа противника в Telegram-каналах включают координированное использование дегуманизирующих и делегитимирующих тактик, поддерживаемых культурно-специфическими фреймами (религиозными в арабском контексте, геополитическими в русском) и усиливаемых мультимодальной природой цифровой коммуникации. Результирующий эффект – построение в сознании аудитории образа врага как сущности, исключенной из сферы применения обычных норм морали и справедливости, что психологически подготавливает аудиторию к принятию и оправданию экстремальных мер в отношении противника.

Сравнительный анализ дискурсивных практик в различных языковых и культурных средах выявляет как универсальные закономерности человеческой коммуникации, так и культурно-специфические особенности. Арабская и русская лингвокультуры, имея различные исторические корни и культурные коды, тем не менее демонстрируют сходные механизмы конструирования образа врага, что свидетельствует о глубинном характере соответствующих психологических и социальных процессов.

К универсальным характеристикам манипулятивного дискурса в обоих языковых средах относятся следующие: бинарная поляризация образа врага (противник либо полностью зло, либо полностью опасен), при которой элиминируется возможность восприятия противника как сложного социального субъекта с множественными мотивами и интересами; отрицание внутренней гетерогенности враждебной группы (враг представляется как монолитный субъект без различий во взглядах и интересах), что позволяет избежать когнитивного диссонанса при существовании противоположных свидетельств о разнообразии противостоящей стороны; конструирование абсолютной антагонистичности (между нами и ими нет общих интересов или ценностей), предполагающее, что любое сотрудничество или компромисс невозможен; апелляция к защите жизненно важных ценностей (жизнь, территория, честь, семья, вера), которые якобы находятся под непосредственной угрозой.

Эти универсальные характеристики отражают глубинные механизмы социальной категоризации и конфликта, описанные в теории социальной идентичности Н. Tajfel и J. Turner, согласно которой принадлежность к социальной группе является одним из центральных элементов самоидентификации индивида, и внутригрупповой фаворитизм сочетается с внегрупповым антагонизмом, особенно в контексте воспринимаемого конфликта интересов.

При наличии универсальных закономерностей, культурно-специфические различия проявляются в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, в выборе аксиологических рамок (ценностей, через которые интерпретируется конфликт): арабский дискурс активнее апеллирует к религиозным ценностям, рассматривая конфликт как часть вечной борьбы между верующими и неверующими, между справедливостью, санкционированной Богом, и мировым порядком, построенным на несправедливых принципах; русский дискурс предпочитает геополитические ценности, интерпретируя конфликт как борьбу за государственный суверенитет, независимость и справедливый мировой порядок, основанный на уважении к национальным интересам всех государств.

Во-вторых, в используемых метафорических системах: арабский дискурс часто использует метафоры природных катаклизмов (наводнение, землетрясение, ураган, которыми врага метафорически уподобляются

стихийные бедствия), болезни (инфекция, опухоль, которыми обозначаются враждебные группы), осквернения (загрязнение, осквернение, которыми описывается влияние врага); русский дискурс активнее использует метафоры войны как защиты или восстановления справедливости, исторического долга, наследия предков, которые конструируют конфликт не как экзогенное событие, а как результат исторического развития и естественное следствие попыток внешних сил подавить национальный суверенитет.

В-третьих, в степени релятивизации моральных норм применительно к противнику: если в арабском дискурсе релятивизация часто обосновывается религиозными концепциями (враг – нечестивец, кафир, на которого не распространяются обычные моральные нормы, регулирующие поведение по отношению к единовременцам), то в русском дискурсе она часто обосновывается геополитическими аргументами (враг использует запретные методы, поэтому мы имеем право на адекватный ответ; враг угрожает национальной безопасности, поэтому экстремальные меры оправданы).

В-четвертых, в различии отношения к интертекстуальности (использованию ссылок на прошлые тексты, события, культурные коды): арабский дискурс обильнее использует исторические и религиозные тексты (аяты Корана, хадисы, события ранней исламской истории, биографии пророков и героев исламского мира, события эпохи Крестовых походов), образуя многослойный текст, насыщенный культурными аллюзиями, которые активируют глубинные религиозные и исторические памяти аудитории. Русский дискурс также использует исторические аллюзии, но преимущественно к российской национальной истории (защита от Наполеона, Вторая мировая война, холодная война, современные геополитические противостояния), образуя интертекстуальное поле, ограниченное национальной историей и апеллирующее к национальной гордости и исторической справедливости.

Лингвистический анализ выявляет специфические маркеры дегуманизации и делегитимации, которые различаются в зависимости от языковой и культурной среды. В арабоязычных Telegram-каналах частотными являются конструкции, использующие собирательные существительные, которые предполагают однородность враждебной группы. Используются дефиниции типа «الاحلال» (оккупация) применительно к политическому субъекту, что трансформирует врага в отвлеченное явление, требующее устранения. Часто встречаются номинативные конструкции без личных местоимений, что создает впечатление объективности описания («الأرض تحريراً» – «освобождение земли» вместо «мы должны освободить землю»), что психологически дистанцирует говорящего от субъективности высказываемого суждения.

В русскоязычных Telegram-каналах характерны использование собирательных существительных типа «Запад», «враги», «либерасты», которые снижают персонификацию противника и создают впечатление борьбы с абстрактной враждебной силой. Активно используются конструкции с местоимениями «мы» и «они», которые создают четкую внутригрупповую/внегрупповую дихотомию. Часто встречается использование уменьшительных или иронических названий применительно к противнику («киевский режим», «укрофашисты»), что обезличивает и дегуманизирует противостоящую сторону.

Специфичность используемых стратегий объясняется тем, что наиболее эффективное манипулятивное воздействие осуществляется через апелляцию к культурно-укорененным ценностям, исторической памяти и социальной идентичности целевой аудитории. В арабском контексте апелляция к религиозным концепциям имеет высокую резонансность, поскольку ислам представляет собой доминирующий культурный и идеологический код в большинстве арабских обществ. В русском контексте апелляция к национальной истории и государственному суверенитету имеет высокую резонансность, поскольку российское национальное самосознание традиционно строится вокруг концепций величия государства, противостояния внешним угрозам и исторической справедливости.

Таким образом, сопоставительный анализ выявляет, что универсальные механизмы дегуманизации и делегитимации в обоих языковых средах реализуют культурно-специфические ценностные системы и исторические нарративы, что обеспечивает как эффективность манипулятивного воздействия (благодаря опоре на глубинные эмоции и идентичность аудитории), так и культурную легитимность этого воздействия в глазах адресатов. Понимание этих культурно-специфических различий критически важно для разработки эффективных контрмер против манипуляции и для повышения медиаграмотности населения.

Сравнительный анализ дискурсивных стратегий в арабском и русском военном медиадискурсе демонстрирует наличие универсальных механизмов социальной поляризации и враждебного конструирования, которые одновременно опираются на культурно-специфические ценности, исторические нарративы и метафорические системы. Это взаимодействие универсальных психологических процессов и культурно-специфических содержаний обеспечивает как когнитивную эффективность манипулятивного дискурса (понятность и логичность с точки зрения предложенной интерпретационной рамки), так и эмоциональную резонансность (соответствие глубинным чувствам, ценностям и историческому опыту аудитории).

R. Wodak в рамках дискурс-исторического подхода подчеркивает важность исторического контекста для понимания дискурсивных практик [26, с. 87]. Прагматический потенциал манипулятивного дискурса определяется не только лингвистическими свойствами текста, но и контекстом его функционирования, включая исторические травмы, политические напряжения, социальные ожидания аудитории и актуальное состояние военного конфликта.

Перлокутивные эффекты (воздействие высказывания на адресата и его поведение) манипулятивного дискурса в Telegram-каналах включают несколько основных типов воздействия. Во-первых, формирование враждебных установок, то есть изменение отношения к противнику с нейтрального или позитивного на резко отрицательное, включающее усиление предрассудков, формирование стереотипов и развитие враждебных убеждений. Во-вторых, мобилизация к социальному действию, то есть активизация и побуждение к присоединению к действиям своей группы, распространению контента, участию в акциях протеста, в наиболее экстремальных случаях – включение в вооруженные действия. В-третьих, укрепление внутригрупповой солидарности, то есть усиление чувства принадлежности к своей группе через контраст с враждебной группой, повышение чувства группового единства и общей судьбы. В-четвертых, снижение когнитивных барьеров к принятию насилия, то есть ослабление моральных возражений против использования экстремальных мер, создание впечатления неизбежности и оправданности насилия в отношении противника.

Исследования в области психологии убеждения и медиавоздействия показывают, что эффективность манипулятивного дискурса зависит от трех основных факторов. Во-первых, вовлеченность аудитории в процесс интерпретации событий. Интерактивность платформы Telegram позволяет аудитории не пассивно принимать информацию, а активно участвовать в создании смысла через комментарии, репосты и обмен материалами. Это повышает психологическую значимость воспринимаемого содержания, поскольку аудитория чувствует себя соавтором интерпретационного процесса. Комментарии, содержащие экстремистский контент, получают высокие оценки (лайки, эмодзи поддержки), что создает впечатление социального одобрения враждебного отношения к противнику и стимулирует дальнейшее производство контента с аналогичным содержанием.

Во-вторых, мультимодальность воздействия обеспечивает воздействие на различные сенсорные и когнитивные каналы одновременно. Сочетание текстовых, визуальных и аудиальных элементов создает многоканальное воздействие, которое преодолевает критические барьеры, возводимые логическим и критическим мышлением. Исследования в области психологии восприятия показывают, что визуальные элементы обрабатываются быстрее текстовой информации и оказывают более сильное воздействие на формирование установок и стереотипов [2, с. 87]. Видеофрагменты, в особенности те, которые содержат запечатленные сцены насилия или разрушений, имеют особенно высокий эмоциональный потенциал и способны преодолевать рациональные возражения аудитории.

В-третьих, селективное использование информации. Отбор и интерпретация фактов в соответствии с predetermined логикой создает впечатление объективности при наличии систематического смещения в представлении событий. Замалчивание информации, которая противоречит желаемому нарративу, сопряжено с гиперболизацией информации, которая этот нарратив поддерживает. Такой селективный доступ к информации создает в сознании аудитории искаженную картину реальности, которая, тем не менее, воспринимается как объективная в силу общего предположения о верификационном характере распространяемого контента.

В.Е. Чернявская отмечает особую роль интертекстуальности в конструировании медиадискурса [12, с. 89]. Манипулятивные тексты активно используют интертекстуальные отсылки к произведениям массовой культуры, историческим событиям, религиозным и мифологическим сюжетам. Это создает многослойную семантическую структуру, воздействующую на различные уровни культурной памяти аудитории и повышающую эффективность манипуляции за счет апелляции к уже укорененным в сознании образам и нарративам. В арабоязычных каналах частотны ссылки на события исламской истории, образы героев борьбы против крестоносцев, на события недавней колониальной истории. В русскоязычных каналах ссылки на событие Второй мировой войны, на советское прошлое, на образы исторических государственных деятелей.

Исследования нейролингвистики показывают, что эмоционально окрашенная информация обрабатывается быстрее и запоминается лучше, чем нейтральная [19, с. 170-191]. В манипулятивном дискурсе это свойство используется для создания устойчивых негативных ассоциаций с образом противника, обусловленных не столько рациональным анализом фактов, сколько эмоциональными реакциями. Использование образов человеческих страданий, сопровождаемое экстремальными лингвистическими выражениями

(«кровавая мясорубка», «звериные зверства») создает высокий уровень эмоционального возбуждения, которое затрудняет рациональную обработку информации.

Структура Telegram-каналов обеспечивает особый тип коммуникативного усиления, при котором голоса наиболее экстремистски настроенных членов сообщества получают наиболее высокую видимость. Механизм социального усиления, осуществляемый через систему лайков, репостов и комментариев, создает впечатление подавляющей поддержки враждебного контента со стороны аудитории. Тот факт, что высокие оценки получают именно наиболее радикальные и экстремистские комментарии, создает давление на членов сообщества к принятию все более радикальных позиций, чтобы сохранить социальный статус и влияние в группе.

Процесс групповой поляризации (group polarization), описанный С. Sunstein, утверждает, что обсуждение в гомогенных группах (где все члены группы разделяют исходные убеждения) приводит к радикализации групповой позиции [23, с. 176]. В контексте Telegram-каналов, посвященных военным конфликтам, такая гомогенность практически гарантирована, поскольку каналы специализируются на определенной идеологической позиции, и аудитория обычно состоит из индивидов, уже разделяющих эту позицию. Результирующий эффект – прогрессивная радикализация дискурса и все большая отдаленность групповых убеждений от умеренных позиций.

На уровне общественного дискурса манипулятивное воздействие Telegram-каналов проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, в распространении враждебных стереотипов и предрассудков, которые становятся мейнстримом общественного мнения и интериоризируются членами сообщества как объективные описания реальности. Во-вторых, в политизации и радикализации гражданского общества, при которой политический вопрос военного конфликта становится предметом интенсивного общественного обсуждения и мобилизации. В-третьих, в делегитимации альтернативных голосов и позиций, которые выступают против распространяемого нарратива: такие позиции часто обозначаются как «предательство», «антипатриотизм» или «сотрудничество с врагом».

Долгосрочные перлокутивные эффекты включают фундаментальное изменение восприятия противника и изменение морального горизонта аудитории. Индивиды, подвергнутые длительному воздействию манипулятивного дискурса, переходят к состоянию, при котором враг воспринимается уже не как политический противник, требующий политических решений, а как экзистенциальная угроза, требующая устранения. Это изменение восприятия может привести к готовности применения экстремальных мер, которые в других контекстах были бы невообразимы.

Прагматический потенциал дискурсивных практик манипуляции в Telegram-каналах коренится в их способности активизировать глубинные механизмы социальной категоризации, групповой идентичности и морального суждения, используя при этом культурно-специфические ценностные системы и исторические нарративы. Многоуровневое воздействие манипулятивного дискурса (лингвистическое, визуальное, эмоциональное, социальное) обеспечивает как когнитивную эффективность (легкость обработки информации благодаря предоставленной интерпретационной рамке), так и эмоциональную резонансность (соответствие глубинным чувствам и тревогам аудитории). В контексте социальной сетевой динамики Telegram механизмы групповой поляризации и социального усиления радикальных позиций обеспечивают прогрессивное усиление манипулятивного воздействия во времени, приводя к фундаментальному изменению морального горизонта и готовности к экстремальным действиям.

Выводы

На основе проведенного комплексного лингвосемиотического и сравнительного анализа дискурсивных приемов манипуляции и пропаганды в арабоязычных и русскоязычных Telegram-каналах, освещающих военные конфликты, предлагаются следующие основные выводы по решенным исследовательским задачам.

Первая задача касалась определения теоретико-методологических оснований анализа дискурсивных приемов манипуляции в цифровом военном медиадискурсе и уточнения понятийного аппарата. Исследование показало, что манипуляция в контексте цифрового медиадискурса представляет собой скоординированное воздействие на ментальные модели аудитории через специализированные дискурсивные практики, направленные на формирование предопределенных интерпретаций событий. Пропаганда, в отличие от манипуляции, предполагает открытое апеллирование к ценностям и идеологии целевой группы. Оба явления в виртуальном пространстве Telegram-платформы проявляют синергетический эффект, усиливая друг друга через механизм мультимодального воздействия.

Вторая задача была посвящена систематизации лингвистических средств и семиотических тактик, используемых для манипуляции в Telegram-каналах. Проведенный анализ выявил, что основные манипулятивные тактики включают лексическую номинацию (использование пейоративов, эвфемизмов, метафор с

деградирующим потенциалом), грамматическую трансформацию (пассивизация агентов, номинализация действий, модуляция модальности), прагматическую фокусировку (выделение конкретных аспектов события, умолчание о контекстных факторах) и аффективное маркирование (апелляция к эмоциям, использование архетипических образов, конструирование моральных дихотомий).

Третья задача требовала установления специфических механизмов конструирования враждебного образа противника в каждой языковой среде. Полученные результаты демонстрируют, что арабоязычные Telegram-каналы активнее всего используют религиозные и исторические фреймы, апеллируя к концепции джихада, мученичества и священного долга. Русскоязычные каналы предпочитают геополитический фреминг, апеллируя к национальным интересам, государственному суверенитету и идее справедливого мироустройства. Оба типа дискурса демонстрируют систематическое применение механизмов дегуманизации (зоометафоризация, овеществление, отрицание когнитивных и морально-психологических способностей) и делегитимации (криминализация, демонизация, надделение врага исключительно деструктивными мотивами).

Четвертая задача касалась проведения сопоставительного анализа выявленных стратегий и тактик. Исследование установило, как универсальные закономерности, так и культурно-специфические различия. К универсальным характеристикам относятся: бинарная поляризация образа врага (противник либо полностью зло, либо полностью опасен), отрицание внутренней гетерогенности враждебной группы, конструирование монолитного враждебного субъекта, апелляция к защите жизненно важных ценностей. Культурно-специфические различия проявляются в выборе аксиологических рамок (религиозные vs. геополитические), в используемых метафорических системах, в степени релятивизации моральных норм применительно к противнику.

Пятая задача предполагала определение прагматического потенциала и перлокутивных эффектов исследуемых дискурсивных практик. Анализ показал, что дискурсивные приемы манипуляции обладают высокой степенью эффективности в формировании враждебных установок благодаря трем основным факторам: вовлеченности аудитории в процесс интерпретации событий (интерактивность платформы), мультимодальности воздействия (сочетание текстовых, визуальных и аудиальных элементов) и селективному использованию информации (отбор и интерпретация фактов в соответствии с предопределенной логикой). Перлокутивные эффекты включают формирование враждебных установок, мобилизацию к социальному действию, укрепление внутригрупповой солидарности и снижение когнитивной барьеров к принятию насилия.

Практическое значение полученных результатов распространяется на несколько областей. Для медиаобразования выявленные механизмы манипуляции могут служить основой для разработки специализированных программ обучения критическому анализу медиатекстов, способствуя развитию медиаграмотности населения. Для информационной безопасности классификация дискурсивных тактик может быть использована при разработке систем автоматического мониторинга пропагандистского контента и выявления манипулятивных сообщений. Для международных отношений анализ различий в характере дискурсивного воздействия в различных языковых сообществах может улучшить понимание процессов поляризации и конфликтогенеза в условиях информационных войн.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях. Требуется расширение временного диапазона анализируемого материала для выявления динамики изменения дискурсивных стратегий на протяжении продолжительного периода конфликта. Необходимо проведение экспериментальных исследований перлокутивных эффектов манипулятивного контента на контингентах различных социальных и возрастных групп. Перспективным представляется применение методов нейролингвистики и нейромаркетинга для изучения когнитивных и эмоциональных механизмов воздействия манипулятивного дискурса. Кроме того, актуальным является развитие методологии автоматического анализа мультимодального контента с использованием машинного обучения и искусственного интеллекта для детектирования манипулятивных паттернов в режиме реального времени.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теории медиадискурса, конфликтологии, лингвопрагматики и теории манипулятивного воздействия, демонстрируя, что дискурсивные практики в цифровой среде социальных сетей подчиняются закономерностям, которые могут быть выявлены, описаны и объяснены с использованием инструментария современной лингвистики, дискурс-анализа и семиотики. Результаты исследования позволяют предположить, что понимание механизмов манипуляции в цифровом пространстве является критически важным для сохранения информационной безопасности, укрепления критического мышления населения и создания условий для более справедливого и этичного функционирования медиасферы в условиях глобальных конфликтов.

Список источников

1. Андриянова Т.В. Медиафера как пространство взаимодействия традиционных и новых медиа. *Медиакоммуникации*. 2023. № 4. С. 138 – 147.
2. Bar-Tal D. Causes and consequences of delegitimization: Models of conflict and ethnocentrism. *Journal of Social Issues*. 1990. Vol. 46. No. 1. P. 65 – 81. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1990.tb00268.x>.
3. Bruneau E., Kteily N., Laustsen L. The unique effects of blatant dehumanization on attitudes and behavior toward Muslim refugees during the European refugee crisis across four countries. *European Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 48. No. 5. P. 645 – 662. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2357>.
4. Буряк М.А. Концепция медиаферы: теоретические основания и практические приложения. Москва: Изд-во МГУ, 2019. 234 с.
5. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. Москва: Флинта, 2018. 136 с.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва: Флинта, 2020. 180 с.
7. Ефанов А.А. Дискурсивные практики в пространстве социальных медиа. *Вопросы философии*. 2023. № 6. С. 160 – 168.
8. Ефанов А.А., Осокин Н.В. Социальные медиа как среда формирования дискурса // *Социологические исследования*. 2022. № 8. С. 35 – 44.
9. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995. 265 p.
10. Haslam N. Dehumanization: An integrative review. *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. No. 3. P. 252 – 264. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_4.
11. Haslam N., Loughnan S. Dehumanization and infrahumanization. *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. P. 399 – 423. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115033>.
12. Желтухина М.Р. Специфические признаки медиадискурса // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018. № 2. С. 27 – 40.
13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
15. Kelman H.C. Violence without moral restraint: Reflections on the dehumanization of victims and victimizers // *Journal of Social Issues*. 1973. Vol. 29. No. 4. P. 25 – 61. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1973.tb00102.x>.
16. Koelsch S. Brain correlates of music-evoked emotions. *Nature Reviews Neuroscience*. 2014. Vol. 15. No. 3. P. 170 – 180. <https://doi.org/10.1038/nrn3666>.
17. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Second Edition. London: Routledge, 2006. 310 p.
18. Kteily N., Bruneau E. Darker demons of our nature: The need to (re)focus attention on blatant forms of dehumanization. *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. No. 6. P. 487 – 494. <https://doi.org/10.1177/0963721417720969>.
19. Кравец П.С. Формирование образа врага посредством СМИ в процессе манипуляции общественным сознанием // *Политическая лингвистика*. 2021. № 4. С. 76 – 82.
20. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. Москва: ЛИБРОКОМ, 2019. 256 с.
21. Рябов О.В. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // *Женщина в российском обществе*. 2005. № 3. С. 20 – 29.
22. Sheyval E.I. *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnosis, 2000. 326 p.
23. Sunstein C.R. The Law of Group Polarization. *Journal of Political Philosophy*. 2002. Vol. 10. No. 2. P. 175 – 195. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00148>.
24. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7 – 24.
25. Van Dijk T.A. Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 2006. Vol. 17. No. 3. P. 359 – 383. <https://doi.org/10.1177/0957926506060250>.
26. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. London: Palgrave, 2009. 252 p.

References

1. Andrianova T.V. Mediasphere as a Space of Interaction between Traditional and New Media. *Media Communications*. 2023. No. 4. P. 138 – 147.
2. Bar-Tal D. Causes and Consequences of Delegitimization: Models of Conflict and Ethnocentrism. *Journal of Social Issues*. 1990. Vol. 46. No. 1. P. 65 – 81. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1990.tb00268.x>.

3. Bruneau E., Kteily N., Laustsen L. The Unique Effects of Blatant Dehumanization on Attitudes and Behavior Toward Muslim Refugees during the European Refugee Crisis Across Four Countries. *European Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 48. No. 5. P. 645 – 662. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2357>.
4. Buryak M.A. The Concept of the Media Sphere: Theoretical Foundations and Practical Applications. Moscow: Moscow State University Press, 2019. 234 p.
5. Chernyavskaya V.E. Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence. Moscow: Flinta, 2018. 136 p.
6. Dobrosklonskaya T.G. Media Linguistics: Theory, Methods, Directions. Moscow: Flinta, 2020. 180 p.
7. Efanov A.A. Discursive Practices in the Space of Social Media. *Questions of Philosophy*. 2023. No. 6. P. 160 – 168.
8. Efanov A.A., Osokin N.V. Social Media as a Discourse-Forming Environment. *Sociological Studies*. 2022. No. 8. P. 35 – 44.
9. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995. 265 p.
10. Haslam N. Dehumanization: An integrative review. *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. No. 3. P. 252 – 264. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_4.
11. Haslam N., Loughnan S. Dehumanization and infrahumanization. *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. P. 399 – 423. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115033>.
12. Zheltukhina M.R. Specific Features of Media Discourse. *Vestnik of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2018. No. 2. P. 27 – 40.
13. Issers O.S. *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 288 p.
14. Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
15. Kelman H.C. Violence without moral restraint: Reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of Social Issues*. 1973. Vol. 29. No. 4. P. 25 – 61. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1973.tb00102.x>.
16. Koelsch S. Brain correlates of music-evoked emotions. *Nature Reviews Neuroscience*. 2014. Vol. 15. No. 3. P. 170 – 180. <https://doi.org/10.1038/nrn3666>.
17. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Second Edition. London: Routledge, 2006. 310 p.
18. Kteily N., Bruneau E. Darker demons of our nature: The need to (re)focus attention on blatant forms of dehumanization. *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. No. 6. P. 487 – 494. <https://doi.org/10.1177/0963721417720969>.
19. Kravets P.S. Formation of the image of the enemy through the media in the process of manipulating public consciousness. *Political Linguistics*. 2021. No. 4. P. 76 – 82.
20. Mikhaleva O.L. *Political discourse: Specifics of manipulative influence*. Moscow: LIBROKOM, 2019. 256 p.
21. Ryabov O.V. Nation and Gender in Visual Representations of Military Propaganda. *Woman in Russian Society*. 2005. No. 3. P. 20 – 29.
22. Sheyval E.I. *Semiotics of Political Discourse*. Moscow: Gnosis, 2000. 326 p.
23. Sunstein C.R. The Law of Group Polarization. *Journal of Political Philosophy*. 2002. Vol. 10. No. 2. P. 175 – 195. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00148>.
24. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7 – 24.
25. Van Dijk T.A. Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 2006. Vol. 17. No. 3. P. 359 – 383. <https://doi.org/10.1177/0957926506060250>.
26. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. London: Palgrave, 2009. 252 p.

Информация об авторах

Гайс М.Ю., Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, ghogho.mahfoud7965@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 811.111-26

¹ Коршунова Е.С.

¹ Тюменский государственный университет

Лингвостилистические средства выражения иронии в английской художественной литературе и способы ее передачи на русский язык (на примере романа Джонатана Свифта “Gulliver’s Travels”)

Аннотация: статья рассматривает лингвостилистические средства выражения иронии в первой части романа “Gulliver’s Travels” Джонатана Свифта под названием “A voyage to Lilliput”, раскрывающие образ лилипутов. Автор анализирует способы передачи средств выражения иронии с английского на русский язык. В художественной литературе ирония связана с употреблением слова в противоположном смысле, выражая субъективное мировоззрение писателя, на которого влияют господствующие в определенную эпоху образ жизни людей и страны в целом. Подробно описаны языковые уровни, на которых представлены средства выражения иронии. Автор заключает, что образ лилипутов включает в себя отрицательные черты, обнажающие пороки современного Свифту общества. Зафиксированы различные способы перевода средств выражения иронии, самым частотным из которых стал дословный перевод, который помог переводчику максимально близко передать мысли автора в оригинале. Материал данной работы можно использовать в преподавании стилистики, сравнительно-сопоставительной лингвистики, курсах теории и практики перевода, литературоведении.

Ключевые слова: иронический смысл, художественное произведение, образ лилипутов, языковые средства выражения иронии, способ перевода

Для цитирования: Коршунова Е.С. Лингвостилистические средства выражения иронии в английской художественной литературе и способы ее передачи на русский язык (на примере романа Джонатана Свифта “Gulliver’s Travels”) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 51 – 56.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Korshunova E.S.

¹ University of Tyumen

Linguostylistic means of irony expression in English fiction and modes of their translation into Russian (on the example of the novel “Gulliver’s Travels” by Jonathan Swift)

Abstract: the article considers linguostylistic means of irony expression in the first part of the novel “Gulliver’s Travels” by Jonathan Swift called “A voyage to Lilliput”, revealing the image of Lilliputians. The author analyzes modes of translation of irony expression means from English into Russian. In fiction irony uses the word in the opposite meaning, conveying the subjective worldview of the writer who is affected by the lifestyle of people and the country as a whole dominating in certain epoch. Language levels are described in detail which represent the irony expression means. The author comes to conclusion that the image of Lilliputians includes the negative features, showing the vices of modern Swift society. Different translation modes of irony expression means are depicted among which literal translation became the most common used – all of them helped the translator convey the

thoughts of the author in the original. The material of this work could be used in teaching of stylistics, comparative linguistics, courses of theory and practice of translation, literary study.

Keywords: *ironic meaning, work of fiction, image of Lilliputians, language means of irony expression, translation mode*

For citation: Korshunova E.S. Linguostylistic means of irony expression in English fiction and modes of their translation into Russian (on the example of the novel “Gulliver’s Travels” by Jonathan Swift). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 51 – 56.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Ирония представляет собой многогранный языковой феномен, который украшает речь, делая ее более эмоциональной. Вся история культуры пронизана иронией. Особенно часто она представлена на страницах произведений художественной литературы, отражая широкий спектр чувств и эмоций. Порой читателю из-за незнания языка, культуры, обычаев и характерных черт людей, говорящих на этом языке, бывает проблематично распознать иронию в художественном тексте. Еще сложнее приходится переводчику, который должен уловить иронический смысл и передать его на другой язык, сохраняя мировоззрение автора и его отношение к определенным явлениям действительности. Перевод – процесс, при котором текст на одном языке преобразуется в эквивалентный ему текст на другом языке [1, с. 127]. В искусстве перевода не может быть готовых эталонов и определенных правил и решений. Следовательно, успех перевода во многом зависит от мастерства и интуиции переводчика [3, с. 140], который не только заменяет один язык другим, а сталкивается с различными культурами, разными эпохами, разными традициями, разными складами мышления. Данная проблема является актуальной, так как поиск необходимых языковых средств передачи иронии на язык перевода является трудной задачей для переводчика, который постоянно находится в поиске подходящего эквивалента, доступного для понимания читателю, и должен обладать высокой эрудицией и фоновыми знаниями, чтобы уловить заложенный автором смысл.

Целью настоящей работы является выявление лингвостилистических средств выражения иронии, формирующих образ лилипутов в первой части романа “Gulliver’s Travels” Джонатана Свифта – “A voyage to Lilliput”, и анализ способов их перевода с английского на русский язык.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые был проведен комплексный анализ характерных для Свифта лингвистических и стилистических языковых средств выражения иронии, используемых для создания образа лилипутов в романе “Gulliver’s Travels”, а также выявление переводческих приемов их передачи с английского на русский язык.

Материалы и методы исследований

В качестве практического материала исследования были использованы три источника. Первый источник представляет собой оригинал романа на английском языке – Gulliver’s Travels. Jonathan Swift [14]; второй источник – русская версия романа Джонатана Свифта «Приключения Гулливера» в исполнении А.А. Франковского [12], третий источник – комментарии Е.П. Брандиса к роману «Путешествия Гулливера» [11].

Среди методов данного исследования применялись – метод сплошной выборки, метод лингвостилистического анализа, сравнительно-сопоставительный метод, описательный метод.

Результаты и обсуждения

Ирония свойственна всем культурам мира, являясь важной составляющей человеческого общения. Ее часто можно распознать как в речи, так и в текстах художественной литературы. В разных областях гуманитарного знания, например, лингвистике, философии, литературоведении, стилистике понятие иронии трактуется по-разному, поэтому не существует его точного определения. Каждая наука вкладывает в него свой собственный смысл. Существует достаточное количество определений иронии. Рассмотрим некоторые из них.

С помощью иронии автор сообщает противоположное тому, что подразумевается [7, с. 208].

А.А. Потебня утверждал, что слушатель осознает наличие иронии не по форме ее выражения, не по значению, вытекающему из языковой формы, а из возникающего чувства, сопровождающего это значение [8].

Ирония играет особую роль в художественных произведениях, которая выражает неудовлетворенность автора окружающим миром особым образом. На мировоззрение авторов влияют господствующие в опреде-

лённую эпоху политические, этические и философские явления и образ жизни страны и людей и определяют тип ирониста и способы иронизирования [8, с. 73].

Согласно С.И. Походне, иронии можно поделить на ситуативную и ассоциативную в зависимости от условий реализации [11, с. 98]. Ситуативная ирония осознается реципиентом мгновенно, представляя собой явный тип иронии с яркой эмоциональной окраской. Иронический смысл порождается контрастом между прямым значением слова, словосочетания или предложения и ситуативным контекстом. Ассоциативная ирония – это скрытый тип иронии, выражающий авторскую характеристику персонажей, а также его собственное мировосприятие. Для реализации и понимания ассоциативной иронии требуется весь текст или произведение.

Литературный жанр, в котором используется ирония для высмеивания недостатков, ошибок и негативных явлений в обществе, называется сатира.

В тексте любого произведения ирония реализуется через языковые средства, среди которых можно выделить, по мнению М. Е. Лазаревой, фонетический, морфологический, лексический, синтаксический уровни [6, с. 35-37].

В данной работе предпочтение было отдано фантастико-сатирическому роману “Gulliver’s Travels”, автором которого является Джонатан Свифт – известный английский писатель. Он искусно высмеивает нравы современной ему буржуазно-дворянской Англии XVIII века – времени, когда страна превратилась в могущественную капиталистическую державу, тем самым открывая огромные возможности для капиталистов грабить массы народы и совершать разбои в колониях с целью обогащения [2].

В первой части – “A voyage to Lilliput” Гулливер, главный герой романа, который после кораблекрушения осознает, что был взят в плен лилипутами – целым государством человечков маленького роста. Постепенно он начинает понимать язык аборигенов, завоевывает их доверие и получает свободу, присягнув верности королю Лилипутии. Под лилипутами писатель подразумевает современное ему английское общество, представители которого ничтожны по своим качествам.

Мы определим, какие лингвостилистические средства отражают иронический эффект в первой части своего произведения, создавая образ лилипутов, и проанализируем, какие способы их перевода применил переводчик А. А. Франковский в своей переводной версии «Путешествие в Лилипутию» и какие из них являются самыми часто используемыми.

В работе рассматривается текст перевода с английского на русский язык, выполненный А.А. Франковским, как признанный в ряде школ переводоведения классическим и наиболее полным русским переводным вариантом романа, в большинстве ситуаций отражая достоинства художественного языка текста оригинала.

Дополнительным источником осмысления средств реализации иронии в русскоязычном тексте романа послужили комментарии Е.П. Брандиса, литературоведа, критика, прозаика.

В основу данной работы легли способы перевода иронии Т.А. Казаковой [4] и классификация переводческих трансформаций и приёмов перевода В.Н. Комиссарова [5].

В результате целенаправленной выборки мы поделили все средства, выражающие иронию, в зависимости от языкового уровня, на котором они представлены в первой части романа – “A voyage to Lilliput”: морфологическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом.

Морфологический уровень представлен превосходной степенью прилагательного “most mighty”, характеризующего императора Лилипутии, которое имеет буквальный перевод – «могущественнейший».

На лексическом уровне ирония выражена именами собственными – антропонимами и топонимами. Свифт иронизирует над продажностью и угодничеством различных политических деятелей – Флимнапом (*Flimnap*), канцлером казначейства, генералом Лимтоком (*Limtoc*), обер-гофмейстером Лелькеном (*Lalcon*) и верховным судьей Бельмафом (*Balmuff*), которые составили доклад, обвиняющий Гулливера в государственной измене и других тяжких преступлениях, которых он не совершал, лишь только для того, чтобы избавиться от него. Весьма длинное имя императора Лилипутии – *Golbasto Momaren Evlame Gurdilo Shefin Mully Ullly Gue* (Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гу) имело цель отразить его высокомерие и раздутое до невероятных размеров самомнение. Переводчик передал все вышеперечисленные антропонимы с помощью транслитерации – графического воссоздания лексической единицы оригинала буквами языка перевода.

Такие качества, как высокомерие, самолюбие, самоуверенность, самонадеянность лилипутов выражены топонимами *Lilliput* and *Blefuscu* [14], которые переводчик удачно транслитерировал – *Лилипутия* и *Блефуску* [12]. Комизм в том, что лилипуты с Блефускуанцами считали себя единственными на планете, даже не допуская мысли о существовании других народов.

На синтаксическом уровне ирония представлена перечислениями, представляющими собой последовательное расположение грамматически однородных единиц и придающие предложению ритм, неожиданный контекст, подчеркивая его смысловое разнообразие, что приводит к проявлению иронии.

Честолюбие лилипутского императора, который все сделал бы ради достижения своей цели стать владыкой вселенной, описано перечислением герундиальных форм *destroying*, *compelling*, которые в русском языке имеют эквиваленты – «истребить», «принудить». Речь идет о намерении императора *истребить* тупоконечников (*destroying the Big-endian exiles*) и *принудить* всех блефускуанцев разбивать яйца с острого конца (*compelling that people to break the smaller end of their eggs*).

Стилистический уровень включает сравнения, эпитеты, идиомы, антитезу, аллюзии и метафоры как средства выражения иронии. Писатель создает образ лилипутов, которые, несмотря на свой маленький рост в шесть дюймов, были довольно враждебно настроены к чужестранцам. В тексте романа кавалерия лилипутов (субъект сравнения) комично сравнивается с природной стихией (объект сравнения), когда те напали на Гулливера – “It looked as if ten thousand flashes of lightning” [14]. Сравнение передано переводчиком дословно без каких-либо потерь – «Казалось, будто десять тысяч молний разом вспыхивали со всех сторон небесного свода» [12].

В романе автор сравнивает лилипутов с английскими дамами, выставляя напоказ их приторные манеры, – “... like ladies in England” [14] – «... как английские дамы». Данное сравнение было полностью передано при переводе.

Свифт с иронией описывает императора Лилипутии как идеального со всех сторон, которому нет равных, сравнивая его с временами года при помощи эпитетов – *pleasant as the spring; fruitful as autumn* [14]. Переводчик придерживается дословного перевода на русский язык данных сравнений – *приятный, как весна; обильный, как осень* [12].

Писатель показывает угодничество и ловкость, которые требуются для того, чтобы сделать карьеру при дворе лилипутов. Данные качества отчетливо представлены идиомой “to cut a caper”, обозначающей «скакать, дурачиться, выкидывать шутки, номера» [15]. Переводчик передал данную идиому как «совершить прыжок на туго натянутом канате» с помощью адекватной замены. Данная идиома означает, что высокую должность получают те кандидаты, которые лучше всех развлекут его императорское величество танцами на канате двенадцати дюймов от земли, при этом не упав с него. При этом не учитываются умственные способности претендентов. Таким умением обладал канцлер казначейства – Флимнап.

С помощью антитезы “delight and terror of the universe”, дословно переведенную как «отрада и ужас вселенной», читатели еще больше познают сущность натуры императора Лилипутии, который, несмотря на видимую гуманность, внушал страх всем окружающим.

Аллюзия “to break the smaller end of their eggs” иронически реализует убеждение лилипутов, что яйца нужно разбивать только с острого конца, в противном случае поданного ждет строгое наказание. Это выразительное средство было переведено с помощью эквивалента «разбивать яйца с острого конца». Данная идеология относилась к религиозному течению «остроконечников», которые противостояли «тупоконечникам», поводом к войне между которыми послужили разногласия, с какой стороны лучше разбивать яйца. Под этой войной сатирически изображен раскол христианской церкви на католиков и протестантов, разногласия между которыми, по мнению Свифта, были столь же несущественны, как разногласия остроконечников и тупоконечников [11].

Автор романа упоминает две враждующие партии “high heels” и “low heels”, которые всегда спорили, кому в государстве быть главнее. В данном случае Свифт использует метафору, которую можно охарактеризовать как образно-экспрессивный смыслообразующий компонент идиостиля автора. По своей природе она антропометрична и в художественной речи участвует в передаче индивидуально-авторского видения мира, его оценки [13, с. 2915]. Переводчик дословно перевел данные метафоры на русский язык – «Высокие Каблуки» и «Низкие Каблуки». В названии партий используются заглавные буквы, видимо, для того, чтобы оттенить их важную роль для страны. Комический эффект заключается в том, что на самом деле они не занимались ничем важным, как враждовать между собой за высоту каблуков, что не являлось существенным и никак не влияло на решение важных государственных вопросов. Под «Высокими и Низкими каблуками» Свифт имел в виду тори и вигов, которых король приглашал к себе во дворец, не решаясь, кому отдать предпочтение [11].

Выводы

Подводя итог нашему исследованию, можно сказать, что ирония является одним из самых интересных приемов в литературе, который поэты и писатели часто используют в своих произведениях. Лингвостили-

стические средства выражения иронии помогают автору создать неповторимый и понятный образ персонажей, а также выразить свое отношение к происходящему.

Нам удалось заключить, что Джонатан Свифт искусно выразил возможности языка, создав полноценный образ лилипутов, включающий в себя лилипутского императора, его приближенных, ученых и чиновников, обнажая такие их отрицательные качества, как лицемерие, продажность, высокомерие, невежество, угодничество, самолюбие, враждебность, честолюбие, вычурность, невежественность и некоторые другие. Особенно подробно и ярко в первой главе представлен император Лилипутии, которого писатель описывает с помощью средств морфологии, лексики и стилистики. Символом мелочности и ничтожности дел лилипутов является их маленький рост. Лилипутия в романе Д. Свифта “Gulliver’s Travels” отражает ничтожную и подлую английскую действительность того времени. Большинство примеров в исследовании относятся к ассоциативной иронии, которую читатель расшифровывает на протяжении всего текста первой главы.

В создании образа лилипутов самыми разнообразными и часто встречаемыми являются средства выражения иронии на стилистическом уровне, так как считаются наиболее выразительными при передаче юмора Свифта.

Среди способов перевода средств выражения иронии всех языковых уровней были зафиксированы полный (почти дословный) перевод, транслитерация; инверсия; поиск эквивалента; грамматическая, лексико-семантическая, адекватная замены; технические приемы опущения и добавления. К самому распространенному способу передачи иронии с английского на русский язык мы отнесли дословный (почти полный) перевод, следуя которому переводчик постарался максимально точно передать информацию на язык перевода и выразить отношение автора к проблеме деградации человеческого общества.

А.А. Франковский, по нашему мнению, полностью сделал перевод средств выражения иронии в первой части романа “A voyage to Lilliput” удобным и понятным, за счет чего в сознании русскоязычного читателя конструируется тот образ лилипутов, который создал сам писатель.

Целью дальнейшего исследования может стать выявление языковых средств реализации иронии в произведениях других англоязычных писателей, сравнение переводов данных средств с английского на русский язык в исполнении двух и/или более переводчиков.

Список источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Брандис Е. Джонатан Свифт и его роман «Путешествия Гулливера». URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/2490/31805/Swift/brandis-e-dzhonatan.htm> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. Москва: Р. Валент, 2009. 360 с.
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English↔Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. Санкт-Петербург: Издательство Союз, 2001. 320 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. Москва: ЭТС, 2002. 424 с.
6. Лазарева М.Е. Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 198 с.
7. Ликинова О.А. Виды иронии – насмешки и средства их выражения в звучащем англоязычном художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2020. № 2 (5). С. 1276 – 1279.
8. Петрова О.Г. Ирония как способ создания образов персонажей в идиостилиях Ч. Диккенса и У.М. Теккерея // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 36. С. 73 – 77.
9. Потехня А.А. Теоретическая поэтика: учеб. пособие. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.
10. Походня С.И. Языковые средства и виды реализации иронии. Киев: Наук. думка, 1989. 126 с.
11. Свифт Джонатан. Путешествия в некоторые отдаленные страны Лемюэля Гулливера. http://az.lib.ru/s/swift_d/text_1727_gulliver-engelgardt.shtml.
12. Свифт Джонатан. Путешествия Лемюэля Гулливера. URL: http://az.lib.ru/s/swift_d/text_0020.shtml.
13. Сессорова С.А. Лингвопрагматические аспекты перевода стилистических доминант Кейт ДиКамилло с английского языка на русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. № 9. С. 2912 – 2917.
14. Gulliver’s Travels. Jonathan Swift. URL: https://www.globalgreybooks.com/online-ebooks/jonathan-swift_gullivers-travels_complete-text.html#ch2.
15. Large English-Russian phrasebook. URL: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/4697/cut_a_caper (дата обращения: 09.02.2024).

References

1. Barkhudarov L.S. Language and Translation (Problems of General and Particular Theory of Translation). Moscow: International Relations, 1975. 240 p.
2. Brandis E. Jonathan Swift and His Novel "Gulliver's Travels." <http://ino-lit.ru/lit/text/2490/31805/Swift/brandis-e-dzhonatan.htm> (accessed: 07.10.2024).
3. Vlahov S.I., Florin S.P. The Untranslatable in Translation. Moscow: R. Valent, 2009. 360 p.
4. Kazakova T.A. Practical Foundations of Translation. English↔Russian. Series: Learning Foreign Languages. St. Petersburg: Soyuz Publishing House, 2001. 320 p.
5. Komissarov V.N. Modern Translation Studies. A Textbook. Moscow: ETS, 2002. 424 p.
6. Lazareva M.E. Linguistic Means of Expressing Irony Based on Norwegian Journalistic Texts: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Moscow, 2005. 198 p.
7. Likinova O.A. Types of Irony – Ridicule and Means of Expressing Them in English-Language Fiction. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 2 (5). P. 1276 – 1279.
8. Petrova O.G. Irony as a Way of Creating Character Images in the Idiostyles of Charles Dickens and W.M. Thackeray. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. No. 36. P. 73 – 77.
9. Potebnya A.A. Theoretical Poetics: A Manual. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 344 p.
10. Pokhodnya S.I. Language Means and Types of Implementation of Irony. Kyiv: Nauk. Dumka, 1989. 126 p.
11. Swift Jonathan. Travels into Some Remote Countries of Lemuel Gulliver. http://az.lib.ru/s/swift_d/text_1727_gulliver-engelgardt.shtml.
12. Swift Jonathan. Travels of Lemuel Gulliver. URL: http://az.lib.ru/s/swift_d/text_0020.shtml.
13. Sessorova S.A. Lingvopragmatic aspects of translating Kate DiCamillo's stylistic dominants from English into Russian. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. No. 9. P. 2912 – 2917.
14. Gulliver's Travels. Jonathan Swift. https://www.globalgreybooks.com/online-ebooks/jonathan-swift_gullivers-travels_complete-text.html#ch2.
15. Large English-Russian phrasebook. https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/4697/cut_a_caper (accessed: 09.02.2024).

Информация об авторах

Коршунова Е.С., Тюменский государственный университет, г. Тюмень, e.s.korshunova@utmn.ru

© Коршунова Е.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)

УДК 811.134

¹ Пупырева С.О., ¹ Палутина О.Г.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Реализация стратегий фрейминга в современном испаноязычном политическом дискурсе

Аннотация: актуальность исследования заключается в том, что изучение реализации стратегий фрейминга в политическом дискурсе Йоланды Диас позволяет глубже понять, как язык испанских политиков используется для формирования общественного мнения и мобилизации граждан. Анализ стратегий фрейминга в испанском языке показывает, как язык адаптируется к различным коммуникативным контекстам. Цель данной статьи – выявить возможные различия в дискурсе испанского политика Йоланды Диас, сравнив два периода, электоральный и неэлекторальный. Материал исследования составили сообщения, опубликованные в официальных аккаунтах политика в социальных сетях, отобранные методом сплошной выборки. Методология исследования сосредоточена на анализе различных стратегий фрейминга и соответствующих им языковых категорий. В частности, интенциональная стратегия фрейминга рассматривается через призму иллокутивной природы речевого акта, а тематическая стратегия фрейминга – через анализ тематического содержания текстов. Для обработки данных также использовались два типа программного обеспечения (Lingmotif для анализа экспрессивности и Planetcalc для анализа частотности лексем). Результатом исследования является вывод об особенностях реализации стратегий фрейминга в разных коммуникативных контекстах.

Ключевые слова: испанский язык, политический дискурс, фрейминг, тематическая стратегия фрейминга, интенциональная стратегия фрейминга, речевые акты

Для цитирования: Пупырева С.О. Реализация стратегий фрейминга в современном испаноязычном политическом дискурсе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 57 – 63.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Pupyreva S.O., ¹ Palutina O.G.

¹ Kazan (Volga region) Federal University

The implementation of framing strategies in modern Spanish-language political discourse

Abstract: the relevance of this study consists in the fact that examining the implementation of framing strategies in Yolanda Diaz's political discourse allows for a deeper understanding of how Spanish politicians use language to shape public opinion and mobilize citizens. An analysis of framing strategies in Spanish shows how language adapts to different communicative contexts. The purpose of this article is to identify possible differences in the discourse of Spanish politician Yolanda Diaz by comparing two periods, electoral and non-electoral. The research material consisted of messages published on the politician's official social media accounts, selected by continuous sampling. The research methodology focuses on the analysis of various framing strategies and their corresponding linguistic categories. In particular, the intentional framing strategy is considered through the prism of the illocutionary nature of the speech act, and the thematic framing strategy is considered through the analysis of the thematic content of the texts. Two types of software were also used to process the data (Lingmotif for analyzing ex-

pressiveness and Planetcalc for analyzing lexeme frequency). The result of the study is a conclusion about the peculiarities of the implementation of framing strategies in different communicative contexts.

Keywords: *the Spanish language, political discourse, framing, thematic framing strategy, intentional framing strategy, speech acts*

For citation: Pupyreva S.O. The implementation of framing strategies in modern Spanish-language political discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 57 – 63.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью современного испаноязычного политического дискурса, находящегося в состоянии постоянной динамики. Политический ландшафт Испании претерпевает значительные изменения, классическая бипартийность более не является его определяющей чертой, что приводит к активному продвижению новых политических сил, таких как Sumar, Vox и Ahora Repúblicas. Однако дискурс этих новых партий и их лидеров, включая Й. Диас, пока не получил достаточного освещения в лингвистике. В связи с этим, исследование стратегий фрейминга в политическом дискурсе Й. Диас представляется актуальным.

Й. Диас являлась одним из важнейших политических акторов в избирательной кампании 2023 года в Испании. Благодаря частым публикациям и аудиовизуальному контенту ей удалось привлечь большое внимание и активность пользователей в социальных сетях. Согласно ряду исследований, именно она и С. Абаскаль были кандидатами, вызвавшими наибольший отклик онлайн-пространстве [6].

Исследованиями фрейминга в политическом дискурсе занимались такие отечественные и зарубежные лингвисты, как: А. Ардевол-Абреу [5], Б. Гайардо-Паульс [7], М.В. Ларионова [1], А. Мансера Руеда [9], Э. Наварро Лопес [11], А.В. Нагорная [2], Филаткина Г.С [3], Е.Ю. Филиппова [4] и др.

Целью настоящего исследования является выявление трансформаций в реализации стратегий фрейминга в дискурсе Й. Диас в диахронном срезе.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили два корпуса текстов:

- Корпус I включает публикации Й. Диас в социальных сетях за трехмесячный период, непосредственно предшествующий выборам 2023 года, то есть период с 1.05.2023 по 1.08.2025.
- Корпус II включает публикации из того же источника за трехмесячный период, не связанный с избирательными кампаниями с 1.09.2025 по 1.12.2025. Выбор данного периода обусловлен необходимостью обеспечения сопоставимости.

Материал исследования составляет 152 поста, опубликованных Й. Диас. Всего корпус насчитывает 4451 слово, 22 033 знаков. Выбор дискурса испанского политика Й. Диас, основательницы партии Sumar, обусловлен ее важной ролью в политическом ландшафте страны. Й. Диас является ключевой фигурой в политике Испании, в настоящее время занимает пост министра труда и социальной экономики и второго вице-президента правительства. Ее работа во главе Министерства труда получила признание различных профсоюзных и общественных организаций, что делает ее одной из самых влиятельных политиков, представляющих левые взгляды [8].

В ходе исследования был задействован комплекс методов. Материал отбирался с помощью метода сплошной выборки. Для обработки текстов применялся компьютерный анализ данных с использованием программ Lingmotif Sentiment Analysis и Planetcalc, что позволило подсчитать частотность слов. Количественный анализ обеспечил определение числа сообщений и языковых единиц, а также выявление преобладающих тенденций. Кроме того, методы прагмалингвистического и контент-анализа были использованы для установления стратегий фрейминга в испанской политической коммуникации.

Результаты и обсуждения

В рамках настоящего исследования были проанализированы посты, опубликованные Й. Диас в два периода – трёхмесячный период, непосредственно предшествующий выборам 2023 года (с 1.05.2023 по 1.08.2023) и аналогичный трёхмесячный период вне избирательной кампании (с 1.09.2025 по 1.12.2025). Сравнение двух корпусов позволяет выявить, какие стратегии фрейминга используются преимущественно в предвыборный период, а какие остаются актуальными вне кампаний, что обеспечивает более точное понимание динамики политического дискурса.

Анализ, проведённый в рамках исследования, опирается на метод, предложенный Б. Гайардо-Паульс, в котором выделяется девять стратегий фрейминга [7]. В настоящей работе рассматриваются две из них: интенциональная и тематическая. Следуя устоявшейся традиции испанских исследований фрейминга, мы используем термин «стратегии». Эти стратегии отражают различные аспекты анализа текста и взаимодействия между содержанием высказывания и его выражением:

1) Интенциональная стратегия фрейминга связана с намерениями или целями, которые стоят за конкретным высказыванием.

2) Тематическая стратегия фрейминга фокусируется на выборе и организации тематических элементов в тексте. Она определяет, какие темы, аспекты событий или проблемы будут выделены и подчеркнуты в тексте.

Тематическая стратегия фрейминга реализуется посредством выделения ведущих тем. Превалирующая тема определяется на основе количества доминирующих ключевых слов по конкретной теме. Анализ тематической стратегии фрейминга важен для исследования, поскольку тема сообщения политика отражает тот акцент, который он делает в своей речи. Для определения ключевых тем в дискурсе был проведён анализ, основанный на методике, предложенной профессором Гарвардского университета Т. Паттерсоном и позднее усовершенствованной лингвистом Г. Маццолини. В соответствии с их классификацией, выделяются четыре основные группы тем, присутствующих в политических выступлениях: 1) темы социальной и экономической политики, 2) политические темы, 3) темы личной жизни, 4) темы избирательной кампании [10, 12].

Таблица 1

Тематическая стратегия фрейминга.

Table 1

Thematic framing strategy.

Корпус сообщений	Темы избирательной-кампании	Темы социальной и экономической политики	Политические темы	Темы личной жизни
Корпус I	71	13	8	0
Корпус II	1	59	18	2

Результаты анализа тематической стратегии фрейминга сообщений корпуса I и II представлены в таблице 1. Следует отметить, что суммарные показатели не достигают 100%, поскольку одно сообщение может охватывать несколько тем одновременно. Количественные данные (см. Таблицу 1) демонстрируют, что в предвыборный период (корпус I) основное внимание в сообщениях уделяется теме выборов и вопросам социальной и экономической политики. В сообщениях повторяются призывы: идти голосовать *El domingo hay que ir a votar – В воскресенье нужно идти голосовать*; мобилизовать весь электорат *Necesitamos que toda la España progresista vaya a votar – Мы должны обеспечить участие всей прогрессивной Испании в выборах*; подчеркнуть решающий характер выборов *Este 23J nos jugamos mucho y la esperanza puede ganar – 23 июля на кону очень многое, и надежда может победить*. Тема будущих выборов и мобилизации избирателей отражается в частотности таких лексем как: *sumar* (24), *ganar* (14), *elecciones* (10).

Центральной линией дискурса партии Sumar является политика для людей, улучшение повседневной жизни, в связи с этим лидер партии акцентирует внимание на повышении минимальной зарплаты *Subir el salario mínimo es una medida feminista y de justicia social – Повышение минимальной зарплаты – это феминистская и социально справедливая мера*; доступе к жилью *La vivienda es un derecho, no un negocio – Жилье – это право, а не бизнес*; финансовой поддержке молодежи *Invertir en la juventud es invertir en el futuro del país – Инвестировать в молодёжь значит инвестировать в будущее страны*.

В непередвыборный период (корпус II) акцент смещается на преимущественно социально-экономические и политические темы. В сообщениях поднимаются такие подтемы как: права трудящихся *Nos tomamos muy en serio el tiempo robado a la gente trabajadora. Ponemos en marcha una nueva norma de Registro Horario para garantizar que los derechos se cumplen – Мы очень серьёзно относимся к времени, украденному у работающих людей. Вводим новую норму учёта рабочего времени, чтобы гарантировать соблюдение прав*; гендерное равенство и права женщин *Un mensaje para las mujeres divorciadas de nuestro país. Vamos a acabar con una desigualdad que os afecta – Обращение к разведенным женщинам нашей страны. Мы положим конец несправедливости, от которой вы страдаете*; международная политика и права человека *El pueblo palestino respira con cierto alivio tras el alto al fuego – Палестинский народ вздохнул с некоторым*

облегчением после прекращения огня; экология и устойчивая экономика *Nos hemos reunido con las principales organizaciones ecologistas de España y con el Colegio Oficial de Ingenieros Técnicos Forestales – Мы встретились с ведущими природоохранными организациями Испании и с Официальной ассоциацией технических инженеров лесного хозяйства.* Эти подтемы находят отражение в частотности лексем, например, *derechos* (19), *trabajador* (17), *trabajo* (8), *economía* (7).

Таким образом, в период выборов тематическая стратегия фрейминга Й. Диас ориентирована на мобилизацию граждан и освещение социальных вопросов, акцент делается на позитивное будущее и участие избирателей. В отличие от предвыборного периода, в неподвыборный период Й. Диас сосредоточена преимущественно на информировании о проделанной работе, конкретных политических мерах и социальных проблемах, при этом мотивационные компоненты играют менее значимую роль.

Интенциональная стратегия фрейминга, основанная на иллокутивной природе речевого акта, является ключевым элементом анализа в рамках данной стратегии. В данном исследовании была выбрана классификация речевых актов Дж. Серля, в которой выделяются следующие типы речевых актов: репрезентативный, директивный, комиссивный, экспрессивный и декларативный [13].

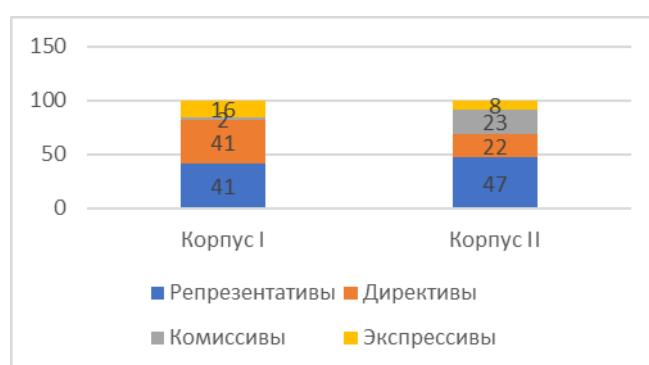

Рис. 1. Типы речевых актов в дискурсе Й. Диас (в % соотношении).
Fig. 1. Types of speech acts in the discourse of Y. Diaz (in % ratio).

Количественный анализ показал, что в предвыборный период в сообщениях Й. Диас наиболее частотными являются директивные (“*Europa debe tomarse muy en serio la reducción de la desigualdad*”, “*El 23J salid a votar por la sanidad, por los derechos laborales, por la educación pública. Salid votar para que no vuelvan esos tiempos de la austeridad y los recortes*”), репрезентативные речевые акты (“*<...> El artículo 47 de la Constitución Española habla del derecho a una vivienda digna. El 128 dice que toda la riqueza del país está sujeta el interés general <...>*”). В неподвыборный период доминируют репрезентативные акты, что отражает более информативный и описательный характер коммуникации. Например, *En Berkeley lo digo claro: en democracia manda la ciudadanía, no las grandes empresas.* В процентном соотношении результаты представлены на рисунке 1 (см. Рис. 1).

Полученные результаты логично соотносятся с особенностями политической коммуникации. Предвыборная кампания, насыщенная митингами, обращениями к избирателям и публичными дебатами, создает благоприятные условия для активного использования директивных речевых актов, направленных на побуждение аудитории к действию. Например, *El próximo domingo, vota por ti – В следующее воскресенье проголосуй за себя.*

В свою очередь, в неэлекторальный период преобладание репрезентативных речевых актов позволяет сосредоточиться на передаче информации, отчетах о проделанной работе или комментариях текущих событий. Как подчеркивает Б. Гайардо-Паульс, в современном политическом дискурсе репрезентативные речевые акты позволяют сохранять нейтральный тон, что подтверждает выявленную в анализе тенденцию [7].

Мы также проанализировали экспрессивные речевые акты в дискурсе Й. Диас с помощью программы Lingmotif. Lingmotif Sentiment Analysis – это лингвистическая программа, разработанная для комплексного анализа эмоциональной окраски текста и его прагматических характеристик. Она позволяет определить, какие эмоции преобладают, какова общая тональность сообщения (позитивная, негативная или нейтральная), а также выделяет лексические элементы, влияющие на эмоциональный фон. Полученные данные свидетельствуют о том, что в период избирательной кампании в коммуникации политика преобладают позитивные экспрессивные речевые акты, в то время как в неэлекторальный период доминируют негативные.

Пример позитивного речевого акта (электоральный период): *¡Viva la vida, viva la alegría! Gracias Aina Vidal – Да здравствует жизнь, да здравствует радость! Спасибо, Айна Видаль!* Пример негативного речевого акта (неэлекторальный период): *El "milagro Amazon" es este: Jeff Bezos al servicio de Trump, no pagar impuestos, destruir el pequeño comercio y maltratar a sus trabajadores – «Чудо Amazon» заключается вот в чём: Джефф Безос на службе у Трампа, неуплата налогов, уничтожение малого бизнеса и жестокое обращение с работниками.* Результаты количественного анализа, представленные на рисунках 2 и 3, демонстрируют, что в дискурсе Й. Диас преобладают слова с ярко выраженной позитивной или негативной коннотацией. Так, среди наиболее частотных слов с позитивной коннотацией встречаются: *viva, mejor, alegría*. В то же время слова с негативной коннотацией представлены, прежде всего, такими примерами, как *maltratar, destruir, preocupante*.

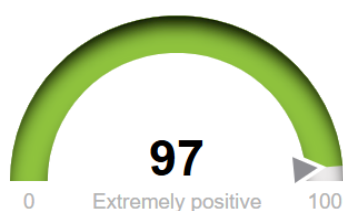

Рис. 3. Процентное соотношение тональности в дискурсе Й. Диас (электоральный период).
Fig. 3. Text sentimental Score in the discourse of Y. Diaz (electoral period).

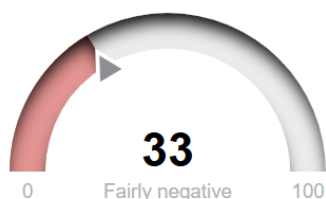

Рис 4. Процентное соотношение тональности в дискурсе Й. Диас (неэлекторальный период).
Fig. 4. Text sentimental Score in the discourse of Y. Diaz (non-electoral period).

Проведенный анализ речевых актов и эмоционально-оценочной лексики в дискурсе Й. Диас демонстрирует четкое разграничение стратегий фрейминга в зависимости от электорального контекста. В предвыборный период политик активно использует директивные речевые акты, ориентированные на мобилизацию граждан. Одновременно наблюдается повышение доли позитивных экспрессивных речевых актов, усиливающих мотивационный настрой предвыборной коммуникации. Вне избирательного цикла доминируют репрезентативные речевые акты, обеспечивающие информирование. Для данного периода характерно преобладание негативных экспрессивов, что обусловлено критикой социально-экономических и политических проблем.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить трансформации в реализации стратегий фрейминга в дискурсе Й. Диас в диахронном срезе. Во-первых, тематическая стратегия фрейминга демонстрирует как различия, так и общие черты между электоральным и неэлекторальным периодами. В электоральный период основное внимание уделяется темам выборов и вопросам социальной и экономической политики, что связано с необходимостью мобилизации избирателей и акцентирования социально значимых проблем. В неэлекторальный период фокус смещается на более широкий спектр социально-экономических и политических вопросов. Общей чертой обоих периодов является значимость тем социальной и экономической политики, что отражает ориентацию партии, возглавляемой Й. Диас, на социальные вопросы и защиту прав граждан. Во-вторых, интенциональная стратегия фрейминга также изменяется в зависимости от периода. В электоральный период преобладают директивные и репрезентативные речевые акты. Эмоциональный фон характеризуется преимущественно позитивными экспрессивными речевыми актами, усиливающими мотивационное воздействие коммуникации. В неэлекторальный период доминируют репрезентативные и негативные экспрессивные речевые акты. Таким образом, диахронный анализ показывает, что дискурс Й. Диас отличается стратегической гибкостью: выбор тем, типов речевых актов и эмоционально-прагматической

тональности высказываний систематически меняются в зависимости от коммуникативной задачи политического периода.

Список источников

1. Ларионова М.В., Демкина А.В. Политический дискурс испанской партии «Подemos»: рефреймирование как фактор дискурсивной эффективности // Язык и культура. 2021. № 53. С. 53 – 71.
2. Нагорная А.В. Метафорический фрейминг пандемии COVID-19 // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 469. С. 28 – 35.
3. Филаткина Г.С., Вьюгина Д.М., Бабына Д.А. Установление повестки дня и теория фрейминга: обзор романо-германских исследований // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 3. С. 473 – 488.
4. Филиппова Е.Ю. «Два лица» каталонского референдума: политический фрейминг в контексте борьбы за независимость региона // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2018. № 1. С. 48 – 56.
5. Ardèvol-Abreu A., Gil de Zúñiga H., McCombs M.E. Orígenes y desarrollo de la teoría de la agenda setting en comunicación. Tendencias en España (2014-2019) // Profesional de la Información. 2020. Vol. 29. № 4. P. 1 – 23.
6. Bustos Díaz J. Una campaña audiovisual: Análisis de las elecciones generales del año 2023 en redes sociales // Anàlisi: Quaderns de Comunicació i Cultura. 2024. № 70. P. 37 – 57.
7. Gallardo Paúls B. Estilos de encuadre en el discurso político español progresista: la oratoria de Pedro Sánchez y Yolanda Díaz // ELUA. 2025. № 43. P. 137 – 159.
8. GP Socialistaex. URL: <https://gpsocialistaex.es/que-partido-politico-es-yolanda-diaz/> (дата обращения: 13.10.2025).
9. Mancera Rueda A., Villar Hernández P. Análisis de las estrategias de encuadre discursivo en la cobertura electoral sobre Vox en los titulares de la prensa española // Revista Interdisciplinar De Estudios De Comunicación Y Ciencias Sociales. Doxa Comunicación. 2020. № 31. P. 315 – 340.
10. Mazzolini G. La comunicación política. Madrid: Alianza, 2010. 344 p.
11. Navarro López E. Procesos de migración internacional desde la teoría del Framing: estado de la cuestión y reflexiones desde la perspectiva del periodismo global y la producción mediática visual // MEDIACIONES. 2023. Vol. 19 (30). P. 108 – 131.
12. Patterson T. The mass media election: How Americans choose their president. Westport: Praeger, 1980. 203 p.
13. Searle J. A classification of illocutionary acts // Language in Society. 1976. Vol. 5. № 1. P. 1 – 23.

References

1. Larionova M.V., Demkina A.V. Political Discourse of the Spanish Podemos Party: Reframing as a Factor of Discursive Effectiveness. Language and Culture. 2021. No. 53. P. 53 – 71.
2. Nagornaya A.V. Metaphorical Framing of the COVID-19 Pandemic. Vestn. Tomsk. State University. 2021. No. 469. P. 28 – 35.
3. Filatkina G.S., Vyugina D.M., Babyna D.A. Agenda Setting and Framing Theory: A Review of Romano-Germanic Studies. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2022. No. 3. P. 473 – 488.
4. Filippova E.Yu. "Two Faces" of the Catalan Referendum: Political Framing in the Context of the Struggle for Regional Independence. Bulletin of the Perm Federal Research Center. 2018. No. 1. P. 48 – 56.
5. Ardèvol-Abreu A., Gil de Zúñiga H., McCombs M.E. Origins and development of the theory of agenda setting in communication. Trends in Spain (2014–2019). Professional Information Journal. 2020. Vol. 29. No. 4. P. 1 – 23.
6. Bustos Díaz J. Una campaña audiovisual: Análisis de las elecciones generales del año 2023 en redes sociales. Anàlisi: Quaderns de Comunicació i Cultura. 2024. No. 70. P. 37 – 57.
7. Gallardo Paúls B. Estilos de encuadre en el discurso político español progresista: la oratoria de Pedro Sánchez y Yolanda Díaz. ELUA. 2025. No. 43. P. 137 – 159.
8. GP Socialistaex. URL: <https://gpsocialistaex.es/que-partido-politico-es-yolanda-diaz/> (access date: 13.10.2025).
9. Mancera Rueda A., Villar Hernández P. Análisis de las estrategias de encuadre discursivo en la cobertura electoral sobre Vox en los titulares de la prensa Española. Revista Interdisciplinar De Estudios De Comunicación Y Ciencias Sociales. Doxa Comunicación. 2020. No. 31. P. 315 – 340.
10. Mazzolini G. La comunicación política. Madrid: Alianza, 2010. 344 p.

11. Navarro López E. Procesos de migración internacional desde la teoría del Framing: estado de la cuestión y reflexiones desde la perspectiva del periodismo global y la producción mediática visual. *MEDIACIONES*. 2023. Vol. 19 (30). P. 108 – 131.

12. Patterson T. *The mass media election: How Americans choose their president*. Westport: Praeger, 1980. 203 p.

13. Searle J. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*. 1976. Vol. 5. No. 1. P. 1 – 23.

Информация об авторах

Пупырева С.О., кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет, svoripupyreva@kpfu.ru

Палутина О.Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет, opalutina@mail.ru

© Пупырева С.О., Палутина О.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)

УДК 81'111

¹ Мирзаева Д.У.

¹ Высшая школа экономики

«Отмена» как парадокс: лингвистические и дискурсивные механизмы конструирования гипервидимости в цифровую эпоху

Аннотация: настоящая статья ставит своей целью критический пересмотр доминирующей в публичном дискурсе концепции «культуры отмены». В качестве основной задачи автор подвергает сомнению трактовку «отмены» как простого исключения индивида из публичного пространства, предлагая альтернативную лингвистическую и дискурс-аналитическую модель. Для достижения этой цели в работе решается ряд конкретных задач: 1) лингвистический анализ эволюции термина «отмена»; 2) исследование механизмов публичного осуждения как перформативных актов; 3) эмпирическая верификация выдвигаемого тезиса на материале платформы X. В результате доказывается, что «отмена» представляет собой не изгнание, а парадоксальный процесс принудительного включения и гипервидимости, являясь механизмом производства и перераспределения символического капитала в цифровой среде. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его выводов для разработки более адекватных стратегий коммуникационного менеджмента, медиаграмотности и модерации цифровых платформ, а также для критического анализа современных медиановых процессов в журналистике, политологии и социологии.

Ключевые слова: культура отмены, лингвистика, дискурс-анализ, публичное осуждение, цифровая сфера, гипервидимость

Для цитирования: Мирзаева Д.У. «Отмена» как парадокс: лингвистические и дискурсивные механизмы конструирования гипервидимости в цифровую эпоху // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 64 – 70.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Mirzaeva D.U.

¹ Higher School of Economics

“Cancellation” as a paradox: linguistic and discursive mechanisms of constructing hypervisibility in the digital age

Abstract: this article aims to critically reassess the prevailing public discourse concept of “cancel culture”. Its primary objective is to challenge the interpretation of “cancellation” as a mere exclusion of an individual from public space, proposing an alternative linguistic and discourse-analytical model instead. To achieve this goal, the study addresses a set of specific tasks: 1) a linguistic analysis of the term “cancellation” and its evolution; 2) an examination of public shaming mechanisms as performative acts; 3) an empirical verification of the proposed thesis using data from platform X. The analysis demonstrates that “cancellation” constitutes not an expulsion, but a paradoxical process of forced inclusion and hypervisibility, serving as a mechanism for the production and redistribution of symbolic capital in the digital environment. The practical significance of the research lies in the potential application of its findings for developing more adequate strategies for communication management, media lit-

eracy, and digital platform moderation, as well as for the critical analysis of contemporary media processes in journalism, political science, and sociology.

Keywords: cancel culture, linguistics, discourse analysis, public shaming, digital public sphere, hypervisibility

For citation: Mirzaeva D.U. “Cancellation” as a paradox: linguistic and discursive mechanisms of constructing hypervisibility in the digital age. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 64 – 70.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Феномен, обозначаемый термином «культура отмены», является одной из наиболее обсуждаемых социальных практик XXI века [12]. Данный феномен традиционно концептуализируется как коллективное действие, направленное на лишение поддержки, бойкот или публичное осуждение индивида или группы в ответ на высказывания или действия, воспринимаемые как предосудительные [12]. Метафора «отмены» (англ. cancel, cancellation) имплицитно содержит идею завершения, аннулирования и стирания, заимствованную из потребительских практик (например, «отменить подписку») и поп-культуры [4].

Критический анализ данного феномена выявляет фундаментальный парадокс: эмпирические данные о кейсах отмены публичных фигур, подвергшихся «отмене», указывают на то, что заявленная цель «удаления» редко достигается в буквальном смысле. Напротив, объект осуждения помещается в центр медиапространства, где его имя, действия и биография подвергаются интенсивному тиражированию и ретроспективному анализу [3]. Целью настоящего исследования является деконструкция термина «отмена» как идеологического ярлыка, маскирующего подлинную природу данного процесса, который представляет собой форму информационной инженерии, принудительно включающую индивида в публичное поле через перформативное противоречие, гиперпродукцию дискурса, реконтекстуализацию и экономическую переоценку символического капитала.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют критический дискурс-анализ [8, 15], теория перформативности [1], концепция экономики внимания [6, 14] и исследования цифрового шейминга [2, 11]. Эмпирический материал включает анализ постов, размещенных на платформе X, демонстрирующих реальные дискурсивные практики, дополненный лингвистическим анализом с учетом социолингвистических аспектов, таких как эволюция лексики и её влияние на социальные нормы.

Результаты и обсуждения

Лингвистический анализ феномена «отмены» требует рассмотрения семантической эволюции данного термина. Термин «cancel» изначально возник в афроамериканском вернакулярном английском (AAVE) как способ выражения разрыва отношений или отказа от поддержки в личном контексте, зачастую с юмористическим оттенком, что прослеживается в поп-культурных продуктах, включая песни и мемы [4]. Данный языковой феномен иллюстрирует процесс семантического расширения, когда лексема из узкого домена (потребительского или развлекательного) мигрирует в социальную сферу, приобретая идеологическую нагрузку [15]. Первоначально в маргинализированных сообществах «cancel» функционировал как акт самозащиты от токсичных влияний, лишенный институциональной силы. При переходе в массовую культуру, особенно через социальные сети, термин претерпел трансформацию: из личного жеста он стал коллективным ритуалом, приобретающим характер публичного суда.

Согласно теории перформативных высказываний [1], объявление кого-либо «отменённым» не описывает существующую реальность, а пытается её сконструировать, призывая к коллективному бойкоту. Однако, в отличие от институционализированных перформативов (например, бракосочетания), успешность «отмены» является амбивалентной: номинация требует постоянной референции к объекту, что парадоксальным образом усиливает его присутствие в дискурсе [9]. Таким образом, реализуется перформативное противоречие, так как акт, декларирующий исчезновение, фактически множит упоминания объекта. Метафора «отмены» маскирует данный парадокс, одновременно конструируя бинарную оппозицию «мы» (моральные судьи) и «они» (объекты осуждения) [11]. Следовательно, «отмену» следует понимать не как изгнание или искоренение, а как интенсивное позиционирование в дискурсе, где язык становится инструментом конструирования социальных идентичностей.

Социолингвистический анализ позволяет выявить дифференциацию использования термина «отмена» в зависимости от социального контекста. Как показывают исследования [7], «отмена» функционирует как

лингвистическая инновация, интегрирующая элементы сленга, мемов и формального дискурса, что определяет её гибридную природу. С точки зрения социолингвистики, термин демонстрирует контекстуальную вариативность: в афроамериканских сообществах он позволяет маргинализированным голосам сопротивляться доминирующим нарративам, в то время как в дискурсе доминирующей культуры он часто репрезентируется как инструмент морального регулирования [9]. В цифровом контексте значение меняется от прямого («отменить как действие») к метафорическому («отменить как приговор»). Глагол «отменить» теперь означает не только прекращение услуги, но и акт публичного морального клеймения.

В прагматическом аспекте «отмена» представляет собой иллюкутивный акт с перлокутивными эффектами. Говорящий не просто выражает осуждение, но и инициирует цепную реакцию, вовлекая аудиторию в качестве соавтора дискурса. Анализ постов на платформе X демонстрирует, что термин «cancel» часто сочетается с модальными глаголами («must be canceled», «should be canceled»), что усиливает императивный тон и создает иллюзию консенсуса [5]. Дополнительно лингвистический анализ выявляет гендерные и расовые асимметрии. В частности, женщины и представители меньшинств становятся объектами «отмены» с большей частотой, причем язык осуждения включает сексистские или расистские тропы [10].

С позиций критического дискурс-анализа «отмена» может быть рассмотрена как дискурсивный механизм, обеспечивающий гипервидимость через последовательные этапы, каждый из которых опирается на специфические речевые стратегии. Мы выделили следующие этапы на основе механизма «отмены»

Этап 1: Архивация и эксгумация. Цифровые архивы обеспечивают возможность извлечения «компрометирующего» материала [3]. Лингвистически данный процесс реализуется через реконтекстуализацию старых высказываний, где нейтральные высказывания приобретают негативную коннотацию посредством фрейминга. Цитаты вырываются из исходного контекста и репрезентируются как «улики» в рамках нового дискурсивного режима. Примером может служить постоянная реконтекстуализация прошлых высказываний Джоанн Роулинг как неискренних или ложных на фоне её поздних критических высказываний, что превращает её нейтральные утверждения в доказательство скрытой трансфобии. Твит от 8 марта 2024 года аккаунта @BadWritingTakes ссылается на недавнее спорное высказывание Роулинг о британском телеведущем Индии Уиллоуби, представителе трансгендерного сообщества, и противопоставляет его старой цитате, подразумевая лицемерие или «снятие маски». Это реконтекстуализирует изначальную декларацию уважения к правам транс-людей как неискреннее «доказательство» в новом фрейме открытой трансфобии.

Оригинальный текст твита (английский): "So, while we were away... – JK Rowling apparently dug deep for a fresh mask to take off and sent some evangelical-level transphobic abuse to a trans broadcaster. The top comment helpfully reminds us of the lie- sorry, line she was trying to push three and a half years ago." (Прикрепленное изображение показывает твит Роулинг: "India didn't become a woman. India is cosplaying a misogynistic male fantasy of what a woman is." И ответ с цитатой старого высказывания: "I respect every trans person's right to live any way that feels authentic and comfortable to them. I'd march with you if you were discriminated against on the basis of being trans.")

Перевод на русский: "Так что, пока нас не было... – Дж.К. Роулинг, видимо, глубоко покопалась, чтобы снять новую маску, и отправила трансгендерному ведущему несколько трансфобных оскорблений евангельского уровня. Верхний комментарий полезно напоминает нам о лжи – извините, линии, которую она пыталась продвигать три с половиной года назад." (Прикрепленное изображение показывает твит Роулинг: "Индия не стала женщиной. Индия косплеит женоненавистническую мужскую фантазию о том, что такое женщина." И ответ с цитатой: "Я уважаю право каждого транс-человека жить так, как ему кажется аутентичным и комфортным. Я бы вышла с вами на марш, если бы вас дискриминировали на основе того, что вы транс.")

Твит пользователя выдергивает из контекста высказывание Роулинг, изначально поддерживающее права транс-людей, и переосмысляет его как «доказательство» обмана. В новом фрейме оно маркируется как «ложь» или устаревшая «линия», подразумевая, что текущие взгляды Роулинг раскрывают её истинную трансфобную природу. В результате, положительная коннотация меняется на отрицательную.

Этап 2: Нарративизация и фрейминг. Изолированные фрагменты интегрируются в осуждающий нарратив посредством стратегий генерализации («это не единичный случай, а устойчивый паттерн поведения»), помещая объект в жесткие категориальные рамки (например, «трансфоб» или «расист»). Лингвистически данный этап характеризуется использованием оценочной лексики, гипербол («отвратительно», «непростительно») и риторических конструкций («как такое возможно в современном обществе?»), которые мобилизуют эмоции и способствуют солидаризации аудитории. Примером может служить пост "Can everyone cancel her now? I'm so sick of people defending her. This is literally unforgivable and disgusting behavior." ("Может, все теперь отменят её? Я так устала от людей, которые её защищают. Это буквально непростительное и отвратительное поведение")

ние.") Это демонстрирует, как фрейминг превращает отдельный случай в осуждающий нарратив с использованием гипербол "unforgivable" и "disgusting", мобилизуя аудиторию через эмоциональную оценку

Этап 3: Каскадное распространение и алгоритмическое усиление. Алгоритмы цифровых платформ дают приоритет эмоционально заряженному контенту, монетизируя скандал [13]. На языковом уровне это проявляется через хэштеги вида #Cancel..., которые становятся вирусными. Каждый репост добавляет новый слой интерпретации. Например, это видно в посте: "BREAKING NEWS! #withoutacrystalball demands bullies be canceled!! #cancel #Katiejoy #woacb the biggest bully of them all #Deadpool #RyanReynolds #JustinBaldoni." ("СРОЧНЫЕ НОВОСТИ! #withoutacrystalball требует отмены хулиганов!! #cancel #Katiejoy #woacb самая большая хулиганка из всех #Deadpool #RyanReynolds #JustinBaldoni.") Это иллюстрирует каскадное распространение через вирусные хэштеги вроде #cancel и #Katiejoy, где каждый репост усиливает нарратив, добавляя эмоциональную заряженность.

Важным аспектом современных дискурсивных практик «отмены» является их мультимодальная природа. Цифровые платформы интегрируют вербальные и невербальные элементы, где эмодзи, GIF-изображения и мемы усиливают перформативность осуждающих высказываний [10]. Например, посты на платформе X часто содержат визуальные элементы, подчеркивающие позицию автора. Это могут быть GIF с изображением скептической реакции или отрицательной оценки, которые добавляют иронический оттенок, повышая релевантность и вирусность контента. Данный феномен отражает движение от мономодального текста к мультимодальному, где смысл конструируется через несколько систем и отношения между ними. Данные примеры подчеркивают амбивалентный характер речевых практик «отмены»: они могут одновременно давать голос маргинализированным группам и дестабилизировать общественный дискурс.

В рамках экономики внимания [6] «отмена» функционирует как механизм перераспределения символического капитала, трансформируя его в скандальный бренд [14]. Эмпирический анализ конкретных кейсов демонстрирует, как языковые нюансы влияют на данный процесс.

Кейс Дж.К. Роулинг

Публичные высказывания писательницы по вопросам гендерной идентичности вызвали широкое осуждение, однако одновременно усилили её медиавидимость. Анализ постов на платформе X выявляет особенности дискурсивной репрезентации: пост пользователя @OGxTP (04.10.2025) характеризует ситуацию следующим образом: «We've never seen a celebrity weather a cancel culture groupthink hate train quite like J.K. Rowling» («Мы никогда не наблюдали, чтобы знаменитость так эффективно противостояла коллективному осуждению в рамках культуры отмены, как Дж.К. Роулинг»). Метафора «hate train» иллюстрирует каскадное распространение осуждения, но одновременно подчеркивает устойчивость объекта «отмены», что усиливает нарратив вокруг её фигуры. Дополнительно анализ поста пользователя @haydenappleby (16.10.2025) демонстрирует поляризацию дискурса: «Keira Knightley has single-handedly pissed off the entire woke brigade by refusing to boycott J.K. Rowling, instead stating that we need to learn to live together. But these people don't want to – they want division and cancellation. Do not feed cancel culture from any angle» («Кира Найтли вызвала недовольство прогрессивно настроенных групп, отказавшись бойкотировать Дж.К. Роулинг, заявив вместо этого о необходимости сосуществования. Однако эти люди не стремятся к этому – они хотят разделения и отмены. Не подпитывайте культуру отмены ни с какой стороны»). Данный пример иллюстрирует, как дискурс вокруг фигуры Роулинг генерирует дополнительные обсуждения, усиливая её гипервидимость посредством языковых оппозиций («woke brigade» vs. «learn to live together»).

Кейс Дейва Чаппелла

Юмористические высказывания по теме гендерной идентичности спровоцировали протесты, однако одновременно повысили коммерческие показатели его проектов [16]. Анализ постов на платформе X выявляет особенности репрезентации данного кейса. Пост пользователя @hollygorock (02.12.2025) отмечает: «Dave Chappelle always complains about cancel culture but he never got it as much as Bean Dad» («Дейв Чаппелл постоянно жалуется на культуру отмены, но никогда не подвергался ей в той степени, что и Bean Dad»). Ирония в данной реплике подчеркивает перформативность жалоб на «отмену», которые сами по себе генерируют повышенное внимание. Дополнительно пост пользователя @AbstractEntityZ (01.12.2025) конструирует нарратив «иммунитета» к культуре отмены: «People who are immune from cancel culture: Eminem, Trey Parker and Matt Stone, Seth McFarlane, Dave Chappelle. Anyone else?» («Люди, у которых есть иммунитет к культуре отмены: Эминем, Трей Паркер и Мэтт Стоун, Сет Макфарлейн, Дейв Чаппелл. Кто ещё?»). Данный дискурс позиционирует Чаппелла как фигуру, чья карьера не разрушается, а усиливается посредством полемики.

Представленные кейсы демонстрируют, что «отмена» не уничтожает профессиональную траекторию, а реконфигурирует её, создавая новый, более сложный и часто более коммерчески успешный типаж публичной фигуры, чье присутствие в медиа постоянно подпитывается полемикой вокруг его персоны. Бойкот со сторо-

ны одной группы аудитории компенсируется ростом поддержки со стороны другой, воспринимающей «отмененного» индивида как жертву цензуры. Лингвистически данный процесс проявляется в сдвиге от негативных фреймов к нарративам «выживания» («survivor of cancel culture»), где язык реабилитации переопределяет идентичность объекта осуждения.

При этом динамика дискурса «отмены» характеризуется нелинейным характером, что дополнительно подтверждает тезис о парадоксальной природе данного феномена. За фазой интенсивного осуждения нередко следует фаза реабилитации или возвращения в публичное пространство. Фаза осуждения включает индивида в информационное поле как негативный объект, где его имя широко цитируется, но обсуждение ведется в уничижительном ключе с использованием дегуманизирующей лексики («monster», «toxic»). Фаза противодействия характеризуется появлением защитных нарративов. Голоса в защиту «отмененного» индивида также используют его имя и историю для продвижения альтернативных идеологических позиций о свободе слова и презумпции невиновности. Человек становится центром битвы противоположных дискурсов, где язык поляризуется (например, «цензура» vs. «подотчетность»). Фаза возвращения в публичное пространство или нормализации наступает по истечении определенного времени, когда острота скандала снижается. Индивид может публично извиниться, продемонстрировать смирение или просто переждать период интенсивного осуждения. Его возвращение в публичное пространство, выход нового продукта или новое высказывание становятся самостоятельным медиасобытием. Сам акт публичного извинения перед миллионной аудиторией подтверждает значимость и видимость фигуры, где речевые формулы («I apologize if I offended») служат ритуалом очищения, но нередко воспринимаются с долей скепсиса [2].

Основной контраргумент в дискуссии вокруг феномена «отмены» заключается в указании на случаи, когда данная практика приводила к существенным профессиональным последствиям: потере работы, контрактов, источников дохода [12]. Безусловно, такие случаи имеют место, однако даже в этих случаях механизм функционирует по схожей схеме. Сначала происходит усиление видимости. Факт увольнения становится новостью, тиражируемой в СМИ и соцсетях, в результате чего имя рядового сотрудника или не очень знаменитой публичной фигуры, которое в иных обстоятельствах осталось бы неизвестным широкой аудитории, узнают тысячи или миллионы людей. Затем происходит не уничтожение, а реконфигурация. Профессиональная траектория личности не «стирается», а ломается и вынужденно меняет направление, человек становится «тем самым уволенным из-за твита», что представляет собой форму символического капитала, пусть и специфическую. Он может стать спикером на тему цензуры, написать мемуары, найти работу в организации, разделяющей его взгляды. Наконец, даже при длительном отсутствии в публичном поле, индивид сохраняется в нем как феномен. Его кейс становится прецедентом, его имя упоминается в статьях и исследованиях как пример радикальной формы общественного осуждения. Таким образом, даже в наиболее драматических случаях речь идет не об «отмене» в смысле полного стирания, а о крайне травматичной форме информационного клеймения, которая, тем не менее, сохраняет индивида в качестве элемента публичного дискурса. Лингвистический анализ контраргументов выявляет частое использование примеры, которые маскируют нюансы реальных последствий, подчеркивая эмоциональную интенсивность вместо фактической элиминации из общественного дискурса.

Выводы

Проведенный лингвистический и дискурсивный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Термин «культура отмены» является семантически неточным. Он создает иллюзию существования эффективного механизма «удаления» неудобных фигур из публичного пространства. При этом эмпирические данные свидетельствуют о противоположном: «отмена» функционирует не как акт социального исключения, а как сложный механизм принудительной интеграции индивида в информационное поле публичной сферы.

Данный процесс реализуется через перформативное противоречие, дискурсивные стратегии осуждения и логику экономики внимания, которые насильственно помещают индивида в центр общественного резонанса, наделяя его гипервидимостью, пусть и с негативной коннотацией. Феномен «отмены» следует концептуализировать не как карательную практику, направленную на забвение, а как одну из ключевых технологий производства скандала и публичности в цифровую эпоху. При этом «отмена» не стирает личности из общественного дискурса, а переписывает их биографии в рамках новых моральных нарративов, не уничтожает символический капитал, а трансформирует и часто приумножает его.

Таким образом, в современном информационном ландшафте отсутствие внимания является наиболее негативным сценарием для публичной фигуры. Даже будучи «отмененным», индивид остается включенным в дискурсивное поле, продолжая функционировать как продукт и одновременно жертва внимания, от которого, как ему представляется, он был отлучен. Лингвистический анализ феномена «отмены» демон-

стрирует трансформативную силу языка в цифровую эпоху. Слова не являются нейтральными ярлыками, а функционируют как живые сущности, эволюционирующие вместе с обществом. В случае с «отменой» язык раскрывает свою двойственную природу, одновременно разрушая и создавая социальные реальности через дискурсивные практики публичного осуждения.

Список источников

1. Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962. 168 p.
2. Bouvier G. *Public Apologies: The Sociology of Apology as a Cultural Phenomenon*. Abingdon: Routledge, 2021. 220 p.
3. Bouvier G., Machin D. What Gets Lost in Twitter 'Cancel Culture' Hashtags? Calling Out Racists Reveals Some Limitations of Social Justice Campaigns // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. Vol. 8. № 1. P. 1 – 12.
4. Clark M.D. DRAG THEM: A Brief Etymology of So Called "Cancel Culture" // *Communication and the Public*. 2020. Vol. 5. № 34. P. 88 – 92.
5. Cummings A., Zafari K. #Canceled! Exploring the Phenomenon of Canceling // *Journal of Consumer Affairs*. 2022. Vol. 56. № 2. P. 567 – 589.
6. Davenport T.H., Beck J.C. *The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business*. Boston: Harvard Business School Press, 2001. 255 p.
7. Druzhinin A.S., Rakedzon T. Cancel Culture in the Flesh // *Constructivist Foundations*. 2024. Vol. 19. № 3. P. 205 – 215.
8. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995. 265 p.
9. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books, 1975. 333 p.
10. Hoch I.N. Russian Internet Research Agency Disinformation Activities on Tumblr: Identity, Privacy, and Ambivalence // *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6. № 4. P. 1 – 13.
11. Ng E. Cancel Culture: A Critical Analysis // *Encyclopedia of Critical Political Science* / ed. by M. O'Flaherty. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 1 – 15.
12. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? // *Political Studies*. 2023. Vol. 71. № 1. P. 145 – 174.
13. Tuters M., Willaert T. *The Attention Economy of Outrage: How Social Media Platforms Profit from Conflict*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 155 p.
14. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007. 295 p.
15. Van Dijk T.A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage Publications, 1998. 379 p.
16. Velasco J.C. You Are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 1 – 7.

References

1. Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962. 168 p.
2. Bouvier G. *Public Apologies: The Sociology of Apology as a Cultural Phenomenon*. Abingdon: Routledge, 2021. 220 p.
3. Bouvier G., Machin D. What Gets Lost in Twitter 'Cancel Culture' Hashtags? Calling Out Racists Reveals Some Limitations of Social Justice Campaigns. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 1 – 12.
4. Clark M.D. DRAG THEM: A Brief Etymology of So Called "Cancel Culture". *Communication and the Public*. 2020. Vol. 5. No. 34. P. 88 – 92.
5. Cummings A., Zafari K. #Canceled! Exploring the Phenomenon of Canceling. *Journal of Consumer Affairs*. 2022. Vol. 56. No. 2. P. 567 – 589.
6. Davenport T.H., Beck J.C. *The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business*. Boston: Harvard Business School Press, 2001. 255 p.
7. Druzhinin A.S., Rakedzon T. Cancel Culture in the Flesh. *Constructivist Foundations*. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 205 – 215.
8. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995. 265 p.
9. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books, 1975. 333 p.
10. Hoch I.N. Russian Internet Research Agency Disinformation Activities on Tumblr: Identity, Privacy, and Ambivalence. *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 1 – 13.

11. Ng E. Cancel Culture: A Critical Analysis. Encyclopedia of Critical Political Science. ed. by M. O'Flaherty. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 1 – 15.
12. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? Political Studies. 2023. Vol. 71. No. 1. P. 145 – 174.
13. Tuters M., Willaert T. The Attention Economy of Outrage: How Social Media Platforms Profit from Conflict. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 155 p.
14. Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007. 295 p.
15. Van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage Publications, 1998. 379 p.
16. Velasco J.C. You Are Canceled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging. Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020. Vol. 12. No. 5. P. 1 – 7.

Информация об авторах

Мирзаева Д.У., тьютор, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, damirzaeva@gmail.com

© Мирзаева Д.У., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 801.81:398-053.2(470.25)

¹ Сокольникова А.Д.

¹ Псковский государственный университет

Традиционный детский фольклор в его жанровом и содержательном освещении (обзор регионального корпуса текстов)

Аннотация: статья посвящена проблеме жанровой классификации текстов детского фольклора регионального характера и содержательной специфике ключевых слов. Целью исследования является обобщение научных и научно-практических результатов исследовательской работы с корпусом текстов традиционного псковского детского фольклора большого объема, организованного в виде электронной базы данных и не опубликованного ранее в полном жанровом составе. В работе уточняются границы отдельных жанров традиционного детского фольклора при помощи семантико-мотивационного анализа наименований жанров в связи со спецификой формирования терминологии. Систематизация архивного собрания в формате базы данных поставила задачи строгой жанровой классификации текстов, выявления ключевых слов в качестве тематического параметра поиска. В работе проанализирована роль ключевых слов как приметы фольклорного жанра, как маркера значимых реалий в составе народной картины мира. Анализ материала подтвердил доминирование лексики животного и растительного мира в дискурсе детского фольклора. В статье также продемонстрировано, что полный перечень ключевых слов позволяет провести сравнительно-сопоставительный анализ статистических сведений для выявления лексико-семантических закономерностей текстов. База данных является результатом научно-практической деятельности и одновременно ресурсом, обеспечивающим направления дальнейших исследований и работу по подготовке издания региональной фольклорной коллекции как в научном формате, так и для широкой читательской аудитории, включая детей.

Ключевые слова: детский фольклор, псковский диалектный и фольклорно-этнографический архив, электронная база данных, фольклорный жанр, ключевое слово

Для цитирования: Сокольникова А.Д. Традиционный детский фольклор в его жанровом и содержательном освещении (обзор регионального корпуса текстов) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 71 – 82.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Sokolnikova A.D.

¹ Pskov State University

Traditional children's folklore in its genre and thematic representation: a review of a regional text corpus

Abstract: the article addresses the problem of genre classification of texts in regional children's folklore, as well as the content-specific features of keywords. The objective of the research is to synthesize the results of a study conducted on a corpus of traditional Pskov children's folklore texts. This extensive collection of folklore texts formed the basis for an electronic database and has never before been published in its complete genre composition. The study refines the boundaries of certain genres of traditional children's folklore through a semantic-motivational analysis of

genre names. Organizing the archival collection into a database format posed challenges of strict genre classification of texts and identification of keywords as thematic search parameters. The author analyzed the role of keywords as indicators of folklore genre and markers of significant realities within the folk worldview. The analysis confirmed the dominance of vocabulary related to the animal and plant world in the discourse of children's folklore. The article also demonstrates that a comprehensive list of keywords enables a comparative-statistical analysis to reveal lexical-semantic patterns in the texts. The primary scientific and practical outcome is the electronic database, which also serves as a resource supporting directions for further research. A promising prospect is the preparation of a regional folklore collection publication both in an academic format and accessible to a wide readership, including children.

Keywords: children's folklore, Pskov dialect and folklore-ethnographic archives, electronic database, folklore genre, keyword

For citation: Sokolnikova A.D. Traditional children's folklore in its genre and thematic representation: a review of a regional text corpus. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 71 – 82.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Вопрос фиксации и изучения традиционного детского фольклора Псковского региона в период со второй половины XX в. При определении границ объекта настоящего исследования за основу принят комплексный подход, согласно которому к детскому фольклору относятся как произведения, бытующие и нередко сочиненные в детской среде (собственно детский фольклор), так и творчество взрослых для детей (формы взаимодействия родителя/воспитателя с ребенком). В соответствии с характеристикой, содержащейся в слове традиционный, в поле исследования не включены примеры так называемого постфольклора (в количественном отношении, впрочем, немногочисленные в архиве), относимые учеными к группе школьного фольклора, а также отражающие городскую «дворовую» культуру. Исходя из этих принципов решаются задачи изучения текстов традиционного детского фольклора с учетом региональных особенностей – в рамках зафиксированного материала.

Традиционный детский фольклор, территориально относящийся к Псковщине, в полном жанровом составе ранее не был опубликован. Однако еще с 1990-х гг. отмечается научный интерес к данной теме. Так, псковский детский фольклор изучался с позиций этномузыковедения: в статье Е.А. Зилоотиной, О.В. Смирновой среди материалов экспедиций 1986–1992 гг. есть записи из некоторых районов Псковской области [22]; на псковском материале написана диссертация Е.С. Редьковой [39]. Фрагментарно тексты псковского детского фольклора представлены в фундаментальном труде, основанном на экспедиционных материалах Санкт-Петербургской консерватории [31]. Ценность представляют также коллекции, основанные на записях на территории западного псковского приграничья – в Эстонии и Латвии [30, 40]. Из новых работ отметим статью Н.В. Большаковой, посвященную анализу картины мира детства в традиционной культуре на примере одного из архаичных жанров псковского детского фольклора – закличек [2].

Традиционный детский фольклор как часть фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета. В фольклорно-этнографическом архиве Псковского государственного университета собраны разнообразные материалы экспедиций, проведенных на территории Псковской области с 1977 года преимущественно в рамках фольклорных студенческих практик. Традиционный рукописный архив, аудиофонд и созданные за последние 10 лет электронные формы (библиотека текстов, электронные базы данных и др.) представляют собой не только тип локального хранилища разнообразных образцов вербальной и музыкальной традиционной народной культуры, но и являются источником для научно-исследовательских и просветительских проектов. Архив содержит и систематизирует широкий спектр жанрового состава устного народного творчества Псковского региона. Тема собирания, хранения и изучения традиционного детского фольклора – одна из актуальных областей разноплановой исследовательской деятельности, имеющей научную и культурную ценность.

Коллектив научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионалика» ПсковГУ разрабатывает тему детства с 2000-х годов. В указателе материалов фольклорного архива, охватывающем архивные данные с 1977 по 1993 гг., отмечен в том числе детский фольклор [56]. Из жанрового разнообразия псковского традиционного детского фольклора в книжном формате ранее были опубликованы сказки, в числе которых издания как научные [42, 32, 33], так и рассчитанные на широкий круг читателей [41]. В 2012 и 2016 гг. зарегистрированы электронные базы данных (ЭБД), систематизирующие материал по сказкам, в

2012 г. – ЭБД «Традиционный детский фольклор» (корпус текстов, собранных на территории Псковской области до 1993 года, включающий 222 единицы).

В связи с интересом специалистов и социума в целом к феномену субкультуры детства в рамках международного научно-исследовательского проекта был создан систематический библиографический указатель, включающий сведения о публикациях по теме на русском и белорусском языках [27].

Таким образом, фиксация и изучение традиционного детского фольклора, относящегося территориально к Псковщине, характеризуется систематичностью. Однако, тем не менее, остаются лакуны и в общей характеристике эмпирического материала, и в анализе его отдельных сторон.

Статья посвящена проблеме жанровой классификации текстов детского фольклора регионального характера и содержательной специфике ключевых слов.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является корпус ранее не опубликованных текстов псковского традиционного детского фольклора, собранных в результате особой акции – опроса студентов-первокурсников периода 1973–1981 гг. Корпус текстов насчитывает свыше 3500 единиц и представляет полный жанровый состав традиционного детского фольклора. Данный фонд лег в основу новой электронной базы данных, по сравнению с упомянутой выше значительно более репрезентативной количественно и по содержанию. Кроме того, новый ресурс создан на основе специально созданной платформы в соответствии с современными требованиями к системе поиска.

Жанровая и тематическая классификация текстов основана на подходе, интегрирующем концепции ведущих отечественных фольклористов О.И. Капицы и Г.С. Виноградова, выработанном М.Н. Мельниковым [26] и в дальнейшем продолженном М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой [20]. В коллекции текстов псковского архива представлено все жанровое многообразие традиционного детского фольклора: документальные сказки, дразнилки, загадки, заклички, игровые жанры (в том числе зазывки, жеребьевки, игровые зачины, игровые припевы, считалки, молчанки), колыбельные песни, мирилки, небылицы и небылицы-перевертыши, песенки, пестушки, подделки (в том числе подделки-загадки), потешки, прибаутки, скороговорки, стишки, частушки.

При анализе материала исследования использованы описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, системный подход, включающий структуризацию данных большого объема, количественно-статистический метод, доминантный анализ лексики как продолжение квантитативного метода. Среди методов обработки псковских архивных материалов ведущую роль играет применение информационных технологий (автор статьи является одним из составителей новой электронной базы данных, осуществлявший цифровой набор текстов, их жанровую атрибуцию и селекцию, выделение ключевых слов).

Результаты и обсуждения

Проблемы жанровой классификации детского фольклора. Распределение текстов детского фольклора по жанрам является дискуссионным вопросом по нескольким причинам. Часть жанров детского фольклора по происхождению восходит к взрослому устному народному творчеству и древним ритуальным практикам, как, например, заклички, загадки, скороговорки. До сих пор переход текстов из взрослого репертуара в детский – один из продуктивных вариантов пополнения детского фольклора. Первый путь освоения детьми общенационального взрослого фольклора – «переадресация произведения», то есть исполнение ребенку произведения из взрослого репертуара в переработанном виде [34, с. 119]. В таком случае область так называемой материнской поэзии становится связующим звеном между взрослым и детским фольклором, и этот переходный характер может осложнять атрибуцию текстов. Второй путь – это творческое освоение взрослого репертуара самими детьми в соответствии со своими потребностями [34]. Из окружения дети воспринимают произведения в той степени, в какой могут понять в силу возраста, и подражают услышанному, попутно перерабатывая и нередко контаминируя элементы разных текстов.

Отдельные тексты благодаря своей полифункциональности могли переходить из фольклора взрослых, адресованного детям, в область собственно детского фольклора: например, песенка или прибаутка, которую ребенок слышал от родителей или няньки, воспроизводится в качестве считалки. И поскольку не все тексты детского фольклора обладают выраженными жанровыми признаками, атрибутировать их, как правило, помогает контекст в широком смысле слова: сопровождающие текст ситуация, жесты, позы; напев, если подходить с позиций музыкального фольклора.

Один из путей решения проблемы жанровой классификации традиционного детского фольклора – анализ наименований жанров. В теории фольклористики единая терминология жанров детского фольклора выработалась не сразу: она формировалась стихийно, в процессе сбора материала, исходя из названий, скла-

дывавшихся в практике полевого сбора. Использованные фольклористами наименования вошли в исследовательскую практику вместе с собранным материалом. Большинство слов, которые стали названиями жанров, в своей внутренней форме содержат указание на функцию словесного, музыкального текста и/или сопровождающего его действия.

О тесной связи названий жанров и их функционального назначения свидетельствует то, что большая их часть представляет собой отглагольные существительные. Рассмотрим эту группу наименований с позиций их семантико-мотивационных особенностей.

Анализ наименований *пестушка* и *потешка* может служить одним из ориентиров в разграничении самих данных жанров. Название *пестушка* образовано от глагола *пéстовать*, *пéстать*, *песту́нить* ‘нянчить, носить, вынашивать на руках ребенка, воспитывать, растить, холить, ходить за ним, быть дядькою, дядьковать’ [18, с. 549]. В народной речи значение глагола *пестовать* конкретизируется в тех видах взаимодействия воспитателя с ребенком, которые сопровождают тексты *пестушек*: *пéстать* ‘тетешкать (ребенка)’, *пéстовать* ‘нянчить ребенка, держа его на руках, на коленях, играя с ним, подбрасывая его’ [47, с. 309, 314]. В соответствии с одной из версий, слово *пéстовать* этимологически связано с глаголом *питáть* [55, с. 251, 268], что отражается и в исходной семантике производного от него *воспитáть*. Согласно другой гипотезе, глаголы **pěstati*, **pěstiti*, **pěstovati* восходят к слову **pěstь* (*пест*) ‘закругленная внизу палка для размельчения какого-л. вещества в ступе путем толчения или растирания’ и первоначально имели значение ‘двигать, толкать туда-сюда, вверх-вниз (как пест при толчении) или кругами (как пест при растирании)’ [13, с. 264]. Так, *пестушки*, в которых поэтическая форма сопровождает определенные движения (массаж, гигиенические процедуры или несложные физические упражнения), сопутствуют и способствуют развитию ребенка на ранних этапах. Несомненно, в тексты пестушек заложен развлекательный элемент, что вообще свойственно детскому фольклору, однако главное назначение жанра отражено в его наименовании: нянчить, с заботой *растить* малыша.

Наименование *потешка* через слово *потéха* ‘разг. забава, развлечение’ [54, с. 708] связано с глаголом *потешáть* (*потéшить*) ‘разг. развлекать, веселить, забавлять’ [9, с. 235] (также у В.И. Даля *потéшить ребенка* ‘покачать, позабавить’ [18, с. 360]) и однокоренными ему *тéшить* ‘нянчить, забавляться с ребенком’ [49, с. 111], *утешáть* (*утéшить*) ‘забавлять, развлекать’ [50, с. 154]. Собственно, слово *потешка* зафиксировано в народной речи в разных значениях, которые связаны с функцией *забавлять*, *развлекать*: *потéшка* ‘1. Ласк. Потеха, развлечение. <...> 4. Детская игрушка’ [48, с. 280]. То же значение отражено в зафиксированных с середины XIX в. однокоренных словах: *тéшка* ‘игрушка’ [49, с. 112], *утéшка* ‘детская игрушка; погремушка’ [50, с. 155]. Так, в семантике названия *потешка* заключена форма игры взрослого с ребенком, призванной повеселить дитя.

Жанр *прибаутки* существует во взрослом фольклоре и представляет собой малую форму, короткую юмористическую приговорку: *прибаутка* ‘шутливое выражение, обычно в рифмованной форме или поговорочного характера, употребляемое для оживления речи, разговора’ [10, с. 55]; ‘складная приговорка, поговорка, острое словцо, в пословичной одежде, присказка, прибаaska; иногда это короткий, смешной рассказец, анекдот; иногда пустой, но забавный набор слов, с темными намеками’ [18, с. 398]. *Прибаутка* восходит к глаголу *бáять* (*бáить*) ‘говорить, болтать, беседовать, рассказывать, разговаривать, толковать’ [17, с. 39, 57], что сближает ее со словом *приговóрка* ‘прибаутка, складное пустословие красная’ [18, с. 407] (от глагола *говорить*). В детском фольклоре *прибаутками* называют короткие рассказы, часто в поэтической форме; сюда же примыкают небольшие сказочки или песенки. Как отмечают исследователи, *прибаутка* забавляет детей благодаря простому, но занимательному сюжету, элементам юмора и ярким образам животных. *Прибаутка* при прослушивании или последующем ее воспроизведении развлекает ребенка сама по себе и не требует особых движений и игровых действий.

Название *дразнилка* – производное от глагола *дразнítь* ‘стараться обидеть или рассердить кого-либо; называть кого-либо обидным именем, прозвищем’ [4, с. 358]; ‘умышленно сердить насмешками, переколом’ [17, с. 489].

Название жанра загадки, произошедшего из взрослого фольклорного репертуара, восходит к глаголу *загадáть* (*загáдывать*) ‘предлагать (загадку, вопрос и т.п.) для разгадки’ [5, с. 110].

Наименование жанра *зазывка* является отглагольным образованием от слова *зазывáть* ‘созывать, приглашать’ [45, с. 99], отражающего функцию текстов этого жанра – собрать участников для начала игры.

Название *закличка* образовано от глагола *закликáть* (*закли́кать*) ‘прост. зазывать’ [5, с. 241], в народной речи наделенного магическим смыслом: *закликáть* ‘1. В названиях народных обрядов. <...> 5. Воздействовать на кого-, что-либо силой заговора, заклинания с лечебной или иной целью’ [45, с. 132]. От того же глагола образовано наименование ведьм – *закликух*, зафиксированное, в частности, на территории Псков-

ской области [28]: *закликун* ‘кто заклинает, колдун’, *закликуха* ‘женск. закликун’ [36, с. 245]. По наблюдениям исследователей, жанр *заклички*, представляющей собой обращение к силам природы, животным, насекомым, растениям, обычно с какой-нибудь просьбой, генетически связан с обрядовой сферой.

Наименование жанра молчанки является отглагольным образованием от *молчать* ‘не произносить ничего, не издавать никаких звуков’ [54, с. 458].

Название *мирилка* является производным от глагола *мирить* ‘восстанавливать согласие, мирные отношения между ссорящимися, враждующими’ [7, с. 222].

Название *поддѣвка* образовано от глагола *поддѣвать* (*поддѣть*) в переносном значении ‘перен. разг. задевать, стараясь обидеть, упрекнуть (обычно собеседника) язвительным замечанием’ [8, с. 535], и в общении к *собеседнику* проявляется применение поддевки в живом, естественном, или же в специально подстроенном диалоге: без соответствующей реплики собеседника поддевка не состоится.

Наименование *считалка* ‘разг. стишок со счетом в детских играх’ [51, с. 1323], образованное от глагола *считать* ‘называть числа в последовательном порядке’ [Там же], раскрывает формальные особенности этого произведения. Также в народной речи отмечено наименование *конанье* ‘считалка (в играх)’ [46, с. 243], образованное от глагола *конать*, *конаться* ‘устанавливать посредством жеребьевки, состязания, считалок и т.п. очередь в чем-либо или кому первому начинать (игру, работу и пр.)’ [46, с. 244], зафиксированного с середины XIX в. и указывающего на функциональное применение жанра.

Название *сороговорка* зафиксировано у В.И. Даля: *сороговѳрка* ‘частоговорка (чистоговорка), род складной речи, с повторением и перестановкой одних и тех же букв или слогов, сбивчивых или трудных для произношения’ [19, с. 205]. Оно образовано от основ слов *говорить* ‘пользоваться, владеть устной речью’ [3, с. 208] и *скѳрый* ‘производимый, совершаемый быстро, в короткий срок’ [12, с. 31]. Синонимичное наименование *частоговорка*, соответственно, образовано сложением с одновременной суффиксацией от основ слов *говорить* и *чѳстый* ‘состоящий из быстро следующих один за другим движений, моментов, звуков и т.п.’ [52, с. 782]. Название *чистоговорка* по отношению к текстам того же жанра является синонимом *частоговорки* и в то же время ее омонимом (омофоном): оно образовано тем же способом от основ слов *говорить* и *чѳстый* ‘ясный, правильный в звуковом и словесном отношении’ [52, с. 1076–1077]. Эти названия характеризуют условия «исполнения» фольклорного текста, которые составляют трудность и соревновательный интерес, с разных сторон: скорости и правильности произношения. Внутренняя форма наименования жанра определяет формальную структуру текста, который составлен из слов, содержащих множество повторяющихся звуков и труднопроизносимых сочетаний для тренировки дикции. Чем *скорее* и *чище* (правильнее, четче) ребенок произносит текст сороговорки (чистоговорки), тем лучше он справляется с задачей, особенно если дети состязаются в этом друг с другом в виде развлечения.

В завершение обзора однословных наименований, составляющих жанровое ядро текстов детского фольклора, обратим внимание на слово *игра* и связанные с ним составные термины, обозначающие игровые действия.

Жанр *игры*, бытующий также во взрослом фольклоре, является безаффиксным отглагольным образованием [53, с. 382] от *играть* ‘заниматься чем-либо для развлечения, отдыха и т.п.; забавляться, развлекаться’ [6, с. 26]. Названия *игровой зачин* и *игровой припев*, представляющие функциональные разновидности фольклорных текстов, которые сопровождают игровые действия, восходят к глаголам и также являются безаффиксными дериватами: слово *зачин* ‘1. Устар. и прост. Начало, почин. 2. Традиционное начало произведений народной словесности (былины, сказки, песни и т.п.), характеризующееся особым складом, приемами’ [5, с. 630] образовано от глагола *зачинать* ‘устар., трад.-поэт. и обл. начинать, давать начало чему-л.’ [5, с. 631]; *припев* – от *припевать* ‘сопровождать (обычно негромким) пением, песней какое-л. действие’ [10, с. 385], в данном случае действие игры.

Итак, обзор наименований показал, что преимущественное большинство названий жанров детского фольклора, являясь отглагольными производными, в своей внутренней форме содержат указание на характерные для данного жанра функции, область применения. Особенно результаты этого анализа существенны для таких жанров, которые традиционно считаются трудно дифференцированными, например, *пестушки* и *потешки*.

Ключевые слова базы как полифункциональный инструмент анализа. Ключевые слова составляют важную часть созданной базы данных, отражая жанрово-тематический состав и функционирование лексем в текстах традиционного детского фольклора.

Ключевые слова – «слова и обороты, наиболее важные для смысла текста в целом; опорные слова текста, без которых он невозможен» [25, с. 145] – полифункциональны. Набор ключевых слов конкретного текста представляет его содержание; для пользователей базы ключевые слова выступают как параметр те-

матического поиска среди корпуса текстов. Словник, насчитывающий более 2900 единиц и позволяющий увидеть количество словоупотреблений как в целом собрании текстов, так и в определенных жанрах, а также обратиться к конкретным единицам базы для рассмотрения контекста, может применяться к изучению детского миропонимания в народной культуре.

Выделение ключевых слов представляет собой эффективный метод отбора языкового материала с различными целями: для установления лексико-семантических связей, анализа диалектных особенностей и т.д.

Так, смысловой анализ ключевых слов показал доминирование тематических групп фауно- и фитонимической лексики. Наименования животных представлены с различной частотностью почти во всех жанрах (за исключением игровых зачинов), фитонимы – в большей части жанров (докучные сказки, дразнилки, жеребьевки, загадки, заклички, игровые припевы, колыбельные песни, молчанки, небылицы-перевертыши, подделки, потешки, прибаутки, скороговорки, считалки). Исходя из того, что сходная картина наблюдается на смежном материале другого региона [21, с. 59], следует вывод о важности животного и растительного кода как для носителя народной культуры вообще, так и для детского возраста в частности, что вызвано особым интересом к окружающему миру, ко всему живому.

Наряду с полным жанровым охватом распространенность данных групп лексики подтверждается количеством наименований в составе ключевых слов: зафиксировано свыше 140 наименований животных (около 800 словоупотреблений) и свыше 60 лексем – названий растительного мира (около 400 словоупотреблений). Наименования животных организуются в следующие тематические группы: домашние животные, дикие животные (собственно звери), птицы, рыбы, насекомые и гады (как особый класс животных в народном понимании, см. [15, с. 273]). Растения представлены наименованиями деревьев и кустарников (и их частей), а также травянистых растений, грибов; выделяется группа наименований плодов – орехов, ягод.

Поскольку словарный состав фольклора дифференцирован не только территориально, но и жанрово, среди ключевых слов можно выделить универсальные и специфически жанровые [23, с. 7]. Отдельные жанры детского фольклора обуславливают употребление определенных наименований в связи с символикой того или иного животного или растения.

Например, среди животных, «помогающих» младенцу успокоиться и уснуть, традиционно выделяется *кот/кошка* и *заяц*, что находит выражение в материале псковского детского фольклора. «Считается, что кошка, как и заяц, оказывает благотворное влияние на сон. Поэтому кота кладут в колыбель, прежде чем впервые положить в нее ребенка, чтобы ребенок в ней хорошо спал <...>, а детям поют колыбельные песни» [16, с. 347]. Разнообразные диминутивы, характерные для данной области детского фольклора, формируют положительный образ кота/кошки и зайца. Так, в колыбельных зафиксированы следующие наименования: *кисонька* (1 ед.), *кот* (10 ед.), *кот-котович* (1 ед.), *котенька* (5 ед.), *котик* (12 ед.), *коток* (9 ед.), *котя* (5 ед.); *заинька* (5 ед.), *зайка* (5 ед.), *зайушка* (1 ед.). Некоторые из наименований образа кота функционируют в других жанрах фольклора взрослых, адресованного детям: *киска* (4 пестушки), *кисонька-мурysonька* (1 потешка, 1 прибаутка), *кот* (7 потешек), *кот-котович* (4 потешки), *кошка* (7 потешек).

Для колыбельных песен с мотивом «пугания-предупреждения» традиционен образ волка – животного губительного, «чужого», уносящего младенца в опасное пространство [14, с. 227]; он реализуется в следующих наименованиях: *волчок* фигурирует в 113 колыбельных (вариантах самой популярной в корпусе текстов колыбельной *Баю-баюшки-баю, Не ложися на краю*), *волк(и)* – в 2 колыбельных. Если слово *волчок* за пределами жанра не функционирует, то наименование *волк(и)* встречается также в загадках, считалках, то есть бытует и в текстах собственно детского фольклора.

В противоположность волку образ собаки, животного домашнего, близкого человеку, проявляет себя в корпусе текстов детского фольклора в качестве универсального ключевого слова: слово *собака* (24 словоупотребления) используется в небылицах-перевертышах, докучных сказках, закличках, песенках, молчанках, загадках, дразнилках, колыбельных песнях; *собаченька* – в 3 колыбельных, *собачка* – в 2 колыбельных, *пёс* – в 2 считалках.

Значимость наименования и стоящего за ним образа подтверждается наличием производного *собачий* в составе 2 дразнилок (*Дразнила-дразнила – собачье рыло*). Сочетание *собачье рыло* вызывает интерес своей кажущейся алогичностью. С точки зрения современного русского языка слово *рыло* демонстрирует сочетаемость с узко ограниченным числом названий животных: *рыло* ‘вытянутая вперед передняя часть головы у некоторых животных’. *Свиное р. Рыбье р.* [54, с. 846]. Словарь может указывать на функцию этого соматизма: *рыло* ‘крайняя передняя часть носа некоторых животных, приспособленная для рытья’ [11, с. 143]. В качестве синонима к слову *рыло* выступает слово *пяточок* с указанием на ограничение: *обычно у свины* [1, с. 439]. В составе концепта *собака* слот «внешний вид, части тела животного (собаки)» включает в себя следующие компоненты: *порода, морда, пасть, клыки, зубы, оскал, глаза, уши, нос (обладает хорошим ню-*

хом), лапы, хвост, брюхо/пузо, шерсть, окрас, когти [24, с. 16], среди которых рыло не указано. Редкий случай интересующего нас сочетания *собачье рыло* зафиксирован среди вариантов устойчивого сочетания *свинаячье (свиное, собачье) рыло* ‘прост. бранн. оскорбительная форма обращения к человеку (обычно – низшему по социальному положению, зависимому)’ [29, с. 588]. Современные данные свидетельствуют о том, что слово *рыло* сузило свою сочетаемость со временем, в то время как в XIX в. применялось к более широкому числу животных, в том числе по отношению к собаке: *рыло* ‘продолговатая морда у некоторых животных, напр. у собаки, волка, лисицы, кабанов и проч.’ [43, с. 1115], *рыло* ‘морда, лицо и рот животных, скулы с зубами и мягкими частями <...>’. *На то свиные дано рыло, чтоб оно рыло. Чует кот в кувшине молоко, да рыло коротко. Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.* [19, с. 117]. Существенно в связи с проведенным анализом подчеркнуть, что в псковском тексте сохраняется архаичная расширительная сочетаемость соматизма, но в пейоративной функции.

В завершение обзора ключевых слов отметим, что среди специфически жанровых единиц выделяется диалектная лексика. Так, в текстах считалок (*Читки-брытки*, / *Вороньи копытки*. / *Сам воронец*, / *Выди вон наконец*) зафиксировано ключевое слово *воронец* и сочетание (*вороньи*) *копытки*. Согласно данным «Псковского областного словаря», слово *воронёц* служит для наименования ядовитых растений с черными ягодами, а также метонимически – для названия ягоды этого растения (в Словаре уточнено: «то же, что *вороний глаз* ‘ядовитое полевое растение. *Paris quadrifolia*»), а также – для обозначения растения семейства лютиковых с беловатыми цветами. *Astea spicata* [35, с. 156]. Слово *копытки* бытует на Псковщине как наименование другого растения семейства лютиковых: *копытка* ‘растение *Caltha palustris* L., сем. лютиковых; калужница болотная’ [46, с. 304], однако не было обнаружено составного названия *вороньи копытки* применительно к растениям. В связи с этим считаем маловероятным, что в вариантах данной считалки отражен растительный код. В фольклорных текстах с соответствующим контекстом *воронец* может означать птицу ворона: *воронец* ‘в детской считалке’. *Пятай, мятай, шохман вькинь которые яловые свёрччик пёрчик соколец воронец.* Мещов. Калуж., 1897 [44, с. 113]. В сборнике «Народные сказки Псковского края» текст №22 (15) «Про волка» содержит наименование *конь-воронец* [32, с. 37]. В «Словаре русских народных говоров» также зафиксировано слово *воронёц* в значении ‘лошадь вороной масти’ [44, с. 111, 112]. Возвращаясь к псковскому примеру, предлагаем интерпретировать *вороньи копытки* как ‘копыта коня вороной масти’ (ср.: *копытка* и *копытко* ‘роговое образование на конце ноги у некоторых млекопитающих’ [37, с. 223, 224]); *вороний* в данном случае выступает не как прилагательное от слов *ворон* либо *ворона*, а как синоним к *вороний* ‘черный (о масти лошади)’. В пользу такого объяснения говорит и функционирование ключевых слов *ворон*, *ворона*, с одной стороны, и *конь* – с другой, в текстах разных жанров: *ворона* фигурирует в 1 загадке, 1 скороговорке, 2 докучных сказках, 2 поддевках, *ворон* – в 2 закличках и 1 загадке, в то время как *конь* – преимущественно в другом наборе жанров: в 4 считалках, 1 жеребьевке (игровых жанрах), 5 загадках, 1 небылице-перевертыше, 1 колыбельной, 1 прибаутке, 1 песенке.

Таким образом, сопоставление лексем, связанных с образом определенного животного или растения, с учетом их жанровой отнесенности в составе ключевых слов служит уточнению семантики и функционирования слова в фольклорном дискурсе.

Выводы

Итак, в статье представлен обзор регионального корпуса текстов традиционного детского фольклора с точки зрения жанрового состава, а также освещены некоторые стороны его содержательного наполнения.

Проведенный с помощью ЭБД общий анализ показал ожидаемые результаты: неравномерную представленность различных жанров и неоднородность тематических групп ключевых слов как в общем корпусе текстов, так и в отдельных жанрах. Самыми частотными жанрами оказались жанры собственно детского фольклора, что отчасти мотивировано временем и методами сбора материала: считалки (свыше 1300 ед.) и дразнилки (свыше 700 ед.). Наименее представлены в собрании текстов примеры специфических жанров, область применения которых предельно ограничена: жеребьевки (4 ед.), игровые зачины (7 ед.). Вместе с тем ЭБД выявляет ценные примеры с диалектными особенностями и следами архаики в текстах.

Обнаружено, что природа, в частности растительный и животный мир, активно репрезентируется в текстах традиционного детского фольклора и, следовательно, занимает важное место в сознании ребенка. Фауно- и фитонимическая лексика отличается разнообразием наименований и жанровой дифференцированностью, причем слова, обозначающие животных, преобладают над растительной лексикой по количеству и по жанровому охвату.

Региональная специфика материала проявляется преимущественно в бытовании произведений традиционного детского фольклора с их вариантами на территории Псковской области, в меньшей степени – в эксплицитно выраженных структурно-содержательных особенностях текстов. Тем не менее, своеобразие

псковского детского фольклора отражают его тематический и количественный состав, жанровая полнота и бытование на определенной территории. Все это существенно, т. к. отвечает положению известного фольклориста и этнографа Б.Н. Путилова: «Фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна» [38, с. 144].

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением языка детского фольклора на основе регионального корпуса текстов, основанном на дальнейшем анализе значимых тематических групп ключевых слов, выявлении смысловых доминант в традиционной картине мира ребенка.

В качестве научно-практического результата электронная база данных уже функционирует как форма хранения, систематизации материала большого объема и как ресурс, обеспечивающий дальнейшие действия, связанные с публикацией регионального детского фольклора как в виде научного собрания текстов, так и книги для широкой аудитории, в том числе для детей.

Список источников

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
2. Большакова Н.В. Модель мира детства в фольклорном дискурсе (на материале региональных текстов детского фольклора) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 1065 – 1069.
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 4 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2006. 678 с.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 5 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2006. 694 с.
5. Большой академический словарь русского языка. Т. 6 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2006. 826 с.
6. Большой академический словарь русского языка. Т. 7 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2007. 729 с.
7. Большой академический словарь русского языка. Т. 10 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2008. 572 с.
8. Большой академический словарь русского языка. Т. 17 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2011. 671 с.
9. Большой академический словарь русского языка. Т. 19 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2011. 707 с.
10. Большой академический словарь русского языка. Т. 20 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2012. 731 с.
11. Большой академический словарь русского языка. Т. 24 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2017. 672 с.
12. Большой академический словарь русского языка. Т. 26 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2019. 696 с.
13. Варбот Ж.Ж. Об этимологии праслав. *rěstovati, *rěstunь // Исследования по русской и славянской этимологии. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 261–264.
14. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 с.
15. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
16. Гура А.В. Символика кошки в славянской народной традиции // Славянский альманах 2019. Вып. 1-2. М.: Индрик, 2019. С. 335 – 370.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1981. 700 с.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1982. 555 с.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1982. 683 с.
20. Детский фольклор / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. М.: Русская книга, 2002. 560 с.
21. Дундукова А.М. Зоонимы и фитонимы в русском детском фольклоре Карелии: состав и функционирование // Третьи Фортунатовские чтения в Карелии: сб. статей международной научной конференции (Петрозаводск, 5–6 июня 2023 г.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2024. С. 58 – 61.

22. Зилотина Е.А., Смирнова О.В. Материалы по детскому фольклору (Из собрания Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории) // Мир детства и традиционная культура: сб. науч. трудов и материалов / сост. и авт. вступ. ст. С.Г. Айвазян. М.: ГРЦРФ, 1995. С. 123 – 189.
23. Климас И.С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. Орел, 2005. 40 с.
24. Маругина Н.И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 11 – 30.
25. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 564 с.
26. Мельников М.Н. Русский детский фольклор: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1987. 240 с.
27. Мир детства в традиционной культуре и народной речи: библиографический указатель / под общ. ред. Н.В. Большаковой; сост. Н.В. Большакова (Псков, РФ), В.Е. Овсейчик (Полоцк, РБ). Псков: Конкорд, 2022. 158 с.
28. Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография: в 3 ч. Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение. Ч. 2. / авт.-сост. Г.И. Плошук, под ред. Н.В. Большаковой. Псков: Конкорд, 2022. 566 с.
29. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
30. Морозова Н.А., Новиков Ю.А. Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии. Тарту: HUMA, 2007. 336 с.
31. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: в 2 т. / авт. проекта, сост., науч. ред. А.М. Мехнецов. СПб.; Псков: ОЦНТ, 2002. Т. I. 688 с.; Т. II. 816 с.
32. Народные сказки Псковского края: монография: в 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Плошук. Псков: Логос, 2016. 618 с.
33. Народные сказки Псковского края: монография: в 2 ч. Ч. 2: Указатели. Справочные материалы. Нотное приложение / под ред. Н.В. Большаковой. Псков: Логос, 2016. 144 с.
34. Новицкая М.Ю. Взаимодействие традиционного фольклора взрослых и детей // Русский фольклор. XXVI. Проблемы текстологии фольклора / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). Л.: Наука, 1991. С. 115 – 121.
35. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4 / ЛГУ им. А.А. Жданова, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б.А. Ларина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 184 с.
36. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 11 / СПбГУ, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б.А. Ларина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 352 с.
37. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15 / СПбГУ, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б.А. Ларина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 348 с.
38. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура: монография. СПб.: Наука, 1994. 238 с.
39. Редькова Е.С. Жанрово-стилевые особенности детского музыкального фольклора (по материалам экспедиций в Псковскую область): автореф. дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.02. СПб., 2009. 26 с.
40. Русский фольклор в записях студентов Даугавпилсского университета (1963–1991) / под ред. Ф.П. Федорова. Даугавпилс: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2008. 416 с.
41. Сказки и легенды Псковского края / подгот. текстов Л.Б. Воробьева и др.; худ. И.В. Самойленко и др. СПб.: НП-Принт, 2022. 280 с.
42. Сказки Псковской области / под ред. Г.И. Плошук. Псков: ПГПИ, 2004. 620 с.
43. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. Ч. V. 2-е изд. СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1822. 575 с.
44. Словарь русских народных говоров. Вып. 5 / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1970. 343 с.
45. Словарь русских народных говоров. Вып. 10 / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1974. 388 с.
46. Словарь русских народных говоров. Вып. 14 / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1978. 376 с.
47. Словарь русских народных говоров. Вып. 26 / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1991. 350 с.
48. Словарь русских народных говоров. Вып. 30 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 1996. 384 с.

49. Словарь русских народных говоров. Вып. 44 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2011. 350 с.
50. Словарь русских народных говоров. Вып. 48 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2015. 342 с.
51. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 14 / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 1390 стб.
52. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 17 / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1965. 2126 стб.
53. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А–П. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.
54. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
55. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. III / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с пред. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
56. Фольклор Псковской области: указатель материалов фольклорного архива ПГПИ: в 2 ч. / Сост. Г.И. Плещук. Псков, 2003. Ч. 1. 169 с.; Ч. 2. 198 с.

References

1. Aleksandrova Z.E. Dictionary of synonyms of the Russian language: a practical reference. 11th ed., revised and enlarged. Moscow: Rus. lang., 2001. 568 p.
2. Bolshakova N.V. Model of the world of childhood in folklore discourse (based on regional texts of children's folklore). Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 15. Issue 4. P. 1065 – 1069.
3. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 4. Rus. Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2006. 678 p.
4. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 5. Rus. Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2006. 694 p.
5. The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 6. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2006. 826 p.
6. The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 7. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2007. 729 p.
7. The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 10. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2008. 572 p.
8. The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 17. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2011. 671 p.
9. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 19. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2011. 707 p.
10. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 20. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2012. 731 p.
11. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 24. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2017. 672 p.
12. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 26. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2019. 696 p.
13. Varbot J.J. On the Etymology of Old Slavic *pěstovati, *pěstunъ. Studies in Russian and Slavic Etymology. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. P. 261 – 264.
14. Golovin V.V. Russian Lullaby in Folklore and Literature. Turku: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 p.
15. Gura A.V. Animal Symbolism in Slavic Folk Tradition. Moscow: Indrik, 1997. 912 p.
16. Gura A.V. Cat Symbolism in Slavic Folk Tradition. Slavic Almanac 2019. Issues 1–2. Moscow: Indrik, 2019. P. 335 – 370.
17. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Vol. 1. Moscow: Rus. lang., 1981. 700 p.
18. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Vol. 3. Moscow: Rus. lang., 1982. 555 p.
19. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Rus. lang., 1982. 683 p.

20. Children's Folklore. Compiled, introduced, prepared texts and comments by M.Yu. Novitskaya, I.N. Raikova. Moscow: Russkaya Kniga, 2002. 560 p.
21. Dundukova A.M. Zoonyms and phytonyms in Russian children's folklore of Karelia: composition and functioning. The Third Fortunatovskie Readings in Karelia: a collection of articles from the international scientific conference (Petrozavodsk, June 5–6, 2023). Petrozavodsk: PetrSU, 2024. P. 58 – 61.
22. Zilotina E.A., Smirnova O.V. Materials on children's folklore (From the collection of the Folklore and Ethnographic Center of the St. Petersburg Conservatory). The world of childhood and traditional culture: a collection of scientific works and materials. Compiled and authored by S.G. Ayvazyan. Moscow: State Research Center of the Russian Federation, 1995. P. 123 – 189.
23. Klimas I.S. Folklore Lexicology: Uniqueness of the Object, Composition of Units, Specificity of Lexicological Categories: Abstract of a Doctor of Philological Sciences Dissertation: 10.02.01. Orel, 2005. 40 p.
24. Marugina N.I. The Concept of "Dog" as an Element of the Russian Linguistic Picture of the World. Language and Culture. 2009. No. 2 (6). P. 11 – 30.
25. Matveeva T.V. Complete Dictionary of Linguistic Terms. Rostov n / D: Phoenix, 2010. 564 p.
26. Melnikov M.N. Russian Children's Folklore: Textbook. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 240 p.
27. The World of Childhood in Traditional Culture and Folk Speech: Bibliographic Index. edited by N.V. Bolshakova; compiled by N.V. Bolshakova (Pskov, Russian Federation), V.E. Ovseychik (Polotsk, Republic of Belarus). Pskov: Concord, 2022. 158 p.
28. Mythological Stories of the Pskov-Belarusian Borderland: Monograph: in 3 parts. Texts. Comments. Research. Audio Supplement. Part 2. Compiled by G.I. Ploshchuk, edited by N.V. Bolshakova. Pskov: Concord, 2022. 566 p.
29. Mokienko V.M., Nikitina T.G. A Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs. Moscow: OLMA Media Group, 2007. 784 p.
30. Morozova N.A., Novikov Yu.A. Wonderful Lake Chudye: Folklore of the Old Believers of Estonia. Tartu: HUMA, 2007. 336 p.
31. Folk Traditional Culture of the Pskov Region: A Review of Expedition Materials from the Scientific Collections of the Folklore and Ethnographic Center: in 2 volumes. Author of the project, compiled and scientific editor A.M. Mekhnetsov. St. Petersburg; Pskov: OCNT, 2002. Vol. I. 688 p.; Vol. II. 816 p.
32. Folk Tales of the Pskov Region: A Monograph: in 2 Parts. Part 1: Texts. Comments. Research. Audio Supplement. Edited by N.V. Bolshakova, G.I. Ploshchuk. Pskov: Logos, 2016. 618 p.
33. Folk Tales of the Pskov Region: Monograph: in 2 Parts. Part 2: Indexes. Reference Materials. Musical Appendix. Edited by N.V. Bolshakova. Pskov: Logos, 2016. 144 p.
34. Novitskaya M.Yu. Interaction of Traditional Folklore of Adults and Children. Russian Folklore. XXVI. Problems of Folklore Textology. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Leningrad: Nauka, 1991. P. 115 – 121.
35. Pskov Regional Dictionary with Historical Data. Issue 4. Leningrad State University named after A.A. Zhdanov, Interdepartmental Department of Language Studies named after prof. B.A. Larin. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1979. 184 p.
36. Pskov Regional Dictionary with Historical Data. Issue 11. St. Petersburg State University, Interdepartmental Department of Language Studies named after prof. B.A. Larin. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1995. 352 p.
37. Pskov Regional Dictionary with Historical Data. Issue 15. St. Petersburg State University, Interdepartmental Department of Language Studies named after prof. B.A. Larin. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. 348 p.
38. Putilov B.N. Folklore and Folk Culture: Monograph. St. Petersburg: Nauka, 1994. 238 p.
39. Redkova E.S. Genre and Stylistic Features of Children's Musical Folklore (Based on Materials of Expeditions to the Pskov Region): Abstract of a Cand. Art Critic's Dissertation: 17.00.02. St. Petersburg, 2009. 26 p.
40. Russian Folklore in the Recordings of Students of Daugavpils University (1963–1991). Ed. by F.P. Fedorov. Daugavpils: Daugavpils University Academy of Fine Arts "Saule", 2008. 416 p.
41. Fairy Tales and Legends of the Pskov Region. Text prepared by L.B. Vorobyov et al.; art by I.V. Samoilenko et al. St. Petersburg: NP-Print, 2022. 280 p.
42. Fairy Tales of the Pskov Region. Edited by G.I. Ploshchuk. Pskov: PGPI, 2004. 620 p.
43. Dictionary of the Russian Academy, arranged alphabetically: in 6 parts. Part V. 2nd ed. St. Petersburg: V. Plavilshchikov Printing House, 1822. 575 p.
44. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 5. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Dictionary Sector. Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1970. 343 p.

45. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 10. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Dictionary Sector. Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1974. 388 p.
46. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 14. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Dictionary Sector. Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1978. 376 p.
47. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 26. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Dictionary Sector. Moscow: Nauka; Leningrad Branch, 1991. 350 p.
48. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 30. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. St. Petersburg: Nauka, 1996. 384 p.
49. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 44. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. St. Petersburg: Nauka, 2011. 350 p.
50. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 48. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. St. Petersburg: Nauka, 2015. 342 p.
51. Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 volumes. Vol. 14. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 1390 columns.
52. Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 volumes. Vol. 17. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1965. 2126 columns.
53. Tikhonov A.N. Word-Formation Dictionary of the Russian Language: in 2 volumes. Vol. 1. Word-Formation Nests. A-P. Moscow: Russian Language, 1985. 856 pages.
54. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information on the Origin of Words. Ed. N.Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 2011. 1175 p.
55. Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Vol. III. Translated from German and additional by O.N. Trubachev; edited and with preface by B.A. Larin. 2nd ed., reprinted. Moscow: Progress, 1987. 832 p.
56. Folklore of the Pskov Region: Index of Materials from the Folklore Archive of the Pskov State Pedagogical Institute: in 2 parts. Compiled by G.I. Ploshchuk. Pskov, 2003. Part 1. 169 p.; Part 2. 198 p.

Информация об авторах

Сокольникова А.Д., научно-образовательная лаборатория «Социогуманитарная регионика», Псковский государственный университет, chucha2000@yandex.ru

© Сокольникова А.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.11

¹ Сурхаева Д.И.

¹ Дагестанский государственный университет

Свадебный предметный код в английском и лезгинском языках

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты свадебного ритуального кода англичан и лезгин (дагестанского народа), а также – сравниваются этно-национальные обычаи и традиции свадебного кода в указанных лингвокультурах. Основной целью статьи является выявление общих черт и специфики свадебного кода в английском и лезгинском языках. Лексику свадебного дискурса в исследуемых лингвокультурах можно рассматривать как источник сведений об их этно-национальной культуре. Одна и та же информация об обрядовых традициях может подаваться с помощью различных кодов. Расшифровка одного из свадебных кодов дает возможность составления системного списка лексем, образующих предметный свадебный код и описывающих традиционный свадебный обряд в одной из описываемых лингвокультур. При этом вокабуляр описания свадебного обряда являет собой своеобразную словарную систему, носящую закодированный характер и могущая быть расшифрована только при условии ознакомления с полным перечнем компонентов данного кода. В ходе анализа показано, что для обеих лингвокультур характерны свадебные традиции, присущие одной из сравниваемых культур, тем более что лезгинская лингвокультура входит как компонент в многонациональную русскую лингвокультуру и, соответственно, какие-то определенные свойства и характеристики в них совпадают. При этом процесс свадьбы также неоднозначно воспринимается в обеих лингвокультурах, так как, помимо приобретения (не всегда желанного) спутника жизни, он сопряжен с большими материальными расходами, новыми родственными связями и ответственностью.

Ключевые слова: свадьба, свадебный код, обряд, традиции, взаимодействие культур

Для цитирования: Сурхаева Д.И. Свадебный предметный код в английском и лезгинском языках // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 83 – 87.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Surkhaeva D.I.

¹ Dagestan State University

Wedding objects code in the modern English and Lezghin languages

Abstract: the article considers some aspects of wedding ritual code in modern English and Lezghin (one of the daghestan) peoples, as well as compares ethnic and national customs and traditions in the above-mentioned linguocultures. The main goal of the article is to reveal universal and specific features of wedding code in English and Lezghin. The vocabulary of wedding ritual texts in the linguocultures of the compared languages serves as a source of information concerning national culture of these peoples. The ritual text transforms an information very often close to that of ritual by means of different coding tools. Partial decoding of at least one of the code systems gives a chance to reveal a circle of things traditionally employed in wedding rituals. Consequently, the vocabulary describing wedding ritual is a specific lexical system of coding character, and one should be aware of a corresponding code to be able to decode it while translating some of its aspects from a mother language into a language

which is quite unknown to him. It is also stated that in both linguocultures there are revealed wedding rituals peculiar only for one of the parties, even not only in Lezghin, but also in Russian culture (to which Lezghin also belongs). The wedding process itself is not accepted in both nations equally either, for apart from acquiring a beloved (not always) partner in life, one should also suffer heavy material losses, get adjusted to new relatives and responsibility.

Keywords: *wedding, wedding code, ritual, traditions, interaction of cultures*

For citation: Surkhaeva D.I. Wedding objects code in the modern English and Lezghin languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 83 – 87.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Брак (marriage/мекъер) – одна из самых важных форм человеческих взаимоотношений. Как и другие социально значимые явления, становление института брака происходило в тесной связи с развитием социально-экономических отношений народов рассматриваемых лингвокультур. Известны различные «этапы становления института брака для каждой из этих лингвокультур» [4]. История становления института брака выделяет различные формы, критерии признания действительности этого явления.

Следует иметь в виду, что лексика семейных обрядовых текстов любого народа – это своего рода кладь об истории развития данного этноса, его культуры. Свадебный обрядовый текст, к примеру, передает одну и ту же информацию разными кодировками. Благодаря хотя бы «фрагментарному декодированию любой из упомянутых кодовых систем есть возможность с определенной точностью составить список предметов, традиционно используемых в ходе свадебного обряда. Таким образом, можно воссоздать определенную схему свадебного ритуала, закреплённую в данном этносе» [2].

Лексика свадебного обряда – это «системное образование кодового характера, для глубинного понимания которого необходимо владеть соответствующим кодом, а при вступлении в пространство инокультурной и иноязычной обрядовой системы необходимо переключение кода с родного на инокультурный» [6].

Материалы и методы исследований

Анализ исторических основ любого ритуала, как одной из составляющих линий развития общества, давно является предметом пристального внимания со стороны социологов, психологов, лингвокультурологов: «Социокультурная значимость лингвокультурного кода наиболее остро осознается в современном мире с процессами глобализации, приводящими к обогащению культуры новыми ценностями и мировоззренческими смыслами» [7].

С начала XXI века многие лингвисты пытаются описать свадебный ритуал с различных точек зрения и в связи с различными социальными сферами жизни человека [1, 3, 4, 5, 7, 8, 10], при этом СМИ также развивают эту традицию, привнося в свадебный код как положительные, так и отрицательные характеристики.

Есть мнение, что ритуалы выполняют «миссию некоего социального моста, который проводит связь между этносом и его культурой» [2]. Подобные связующие линии отличаются в каждой лингвокультуре своими специфическими этическими и эстетическими характеристиками, обеспечивая при этом «безопасность в эпоху нестабильности, восполнить опыт утраты общности, идентичности и аутентичности, порядка и стабильности» [2]. В свою очередь, свадебный ритуал в СМИ обретает новое понимание, и возрастает необходимость изучения перспектив его негативного и благотворного воздействия на адресата.

Анализ специальной литературы показал, что «свадебный ритуал как система общепринятых в этносе национально-культурных правил поведения, сочетает в себе традиционность и индивидуальность, неординарность, изменчивость, характеризуется символичностью, сакральностью, ценностностью, прагматичностью и, наконец, имеет социокультурную специфику» [3].

Понятие «свадебный ритуал» синонимично таким составляющим свадебного ритуального пространства, как свадебная церемония, свадебный обычай, выполняющих роль проводников между определенным ритуальным действием и его словесным описанием. Другими словами, эти понятия являются неотъемлемым компонентом свадебного кода и выражают в своей семантике те социокультурные ценности, которые при-

суши данной лингвокультуре. При этом следует помнить, что свадебный ритуал, как и любой обрядовый процесс – это система вербальных и невербальных действий.

Результаты и обсуждения

Анализ свадебного кода в английском и лезгинском языках показал, что предметный свадебный код в указанных лингвокультурах обнаруживает ряд совпадений, но имеются и отличия, связанные с традициями, историческим развитием данных этносов и их обрядовых и религиозных характеристик. Ср.:

Англ.

Кольцо для помолвки / *an engagement ring*

свадебное, подвенечное платье / *wedding dress, wedding gown*,

фата / *bridal veil*

букет невесты / *bouquet*

prenuptial agreement – добрачный контракт будущих супругов;

брачный контракт / *marriage license*

bridal registries – список необходимых подарков, составленный невестой,

the guest book – гостевая книга.

Лезг.

Фата, свадебный ритуальный большой платок – *хара*,

свадебный напиток – *шербет*,

маркировочные предметы:

зеркало – *гуьзгуй* (символ чистоты и счастливой жизни),

пиала с медом – *вирт авай къаб* (символ сладкой жизни для молодых, невесте при входе в дом жениха давали ложку меда),

лампа – (должна все время быть зажженной, подружка невесты следит за этим),

предметы национальной одежды:

къеллегда – большой шелковый платок белого или красного цвета,

каммари (серебряный пояс с украшениями),

афтафа – большой кувшин с водой и др.

Данный предметный код составляет систему терминов и обозначает атрибуты свадебного обрядового костюма невесты в английском (*bride*) и лезгинском (*свас, хъвехъ*) языках.

В специфические элементы свадебного обряда у лезгин маркируют *рис (зерно)* или *конфеты*, которые бросают вслед свадебной процессии, *ведро воды*, которое также выплескивается вдогонку невесте (свадебного кортежа) как символ очищения от дурного глаза, *огонь – цIай* (фитиль зажженной лампы), мучная халва *иситIа*, ореховая халва *нутIуфа*, *шербет* (сладкая вода, которую невеста также везет в дом жениха), *сундук невесты* со сладостями и угощением и др. Все эти атрибуты являются сакральными символами сладкой, счастливой жизни новой семьи, и считается, что все это именно невеста привносит в дом жениха.

В обеих лингвокультурах свадьбу считают чем-то ненужным, бесполезным и, в то же время, необходимым, ибо она ассоциируется с счастьем, новизной, новыми этапами в жизни молодых, но, с другой стороны, это довольно затратное и хлопотное действие.

В лезгинской лингвокультуре основные этапы свадебного ритуала национально маркированы и не имеют эквивалента в английской лингвокультуре:

чамран свас гахъчунвал поездка жениха за невестой перед бракосочетанием,

чам илифун проведение обрядов встречи жениха и др.

Этих действий не встречается в английской лингвокультуре.

В свою очередь, у англичан встречается

bridal registries – список необходимых подарков, составленный невестой, а также

prenuptial agreement – добрачный контракт будущих супругов,

брачный контракт – *marriage license* и

гостевая книга *guest book*.

В лезгинской лингвокультуре отмечаются лексемы, отражающие обрядовое и официально-юридическое содержание действия:

ленге вахъ женщина, сопровождающая невесту и

никагъ (мусульманский обряд бракосочетания).

У англичан такие реалии не отмечены, но у них по-прежнему модно венчаться в церкви: *church wedding* (или *white wedding*).

У лезгин, как и других народов Дагестана, принято брать калым за невесту (*махър*), который устанавливается по согласию сторон. У англичан такой традиции нет.

Выводы

Как показывает исследование, большая часть свадебных обрядов в современной английской лингвокультуре перестали восприниматься как таковые, так как уже не соблюдаются в обязательном порядке. Некоторые ритуалы типа *обряд сватовства, ужин с родителями жениха (невесты)* практически не соблюдаются, или исчезли вообще, например, спрашивать *разрешение родителей на брак*.

В лезгинской лингвокультуре все это пока еще сохранено. В свою очередь, в свадебном обряде лезгин появляются новые европейские традиции: *бросание букета невесты незамужним девушкам, свадебное путешествие* и др. Налицо взаимопроникновение европейской (английской) свадебной традиции в дагестанский (лезгинский) свадебный обряд.

В современном свадебном дискурсе лезгинский этнос представлен смешанными браками, такое же положение дел наблюдается и в английском обществе. Лезгины – один из народов многонациональной Республики Дагестан, неудивительно, что происходит смешение не только национальностей, но и религиозных конфессий, что, в свою очередь, приводит к совершенно новым подходам в формировании стереотипного свадебного дискурса в указанных лингвокультурах: «В результате нарушения нормы проведения традиционного обряда свадьбы в Англии и Дагестане появился новый тип свадьбы – гуманистический, ... тематические свадьбы, которые приводят к изменениям стереотипного фрейма на нехарактерные модели» [4].

Такие изменения в социокультурном поведении в аспекте брачного ритуала предполагают также и изменения в лексическом составе английского и лезгинского языков, а также – возникновение новых лексем, наполняющих данный предметный код.

Список источников

1. Архангельская Ю.В. Фразеологическая единица как один из факторов текстообразования в дискурсе Л.Н. Толстого. Тула, 2012. С. 244 – 247.
2. Вульф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2010. 236 с.
3. Доброниченко Е.В. Презентация свадебного ритуала в современном медиадискурсе: дисс. кандидата филол. наук. Волгоград, 2014. 207 с.
4. Желтухина М.Р. Медиадискурс. Волгоград, 2003. 656 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг. М., 2002. 276 с.
6. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб, 2004. 362 с.
7. Лисина Л.А. Художественный текст как объект лингвоисторического комментирования: на материале произведений И.С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2008. 338 с.
8. Нечипуренко В.Н. Ритуал – генезис социального бытия и формирование субъективности: дис. ... док. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 329 с.
9. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: дис. ... док. филол. наук. Волгоград, 2012. 389 с.
10. Уткина Н.С. Современная картина английской авторской лексикографии: на материале справочников тематики фэнтези: дис. канд. филол. наук. Иваново, 2012. 189 с.

References

1. Arkhangel'skaya Yu.V. Phraseological unit as one of the factors of text formation in the discourse of L.N. Tolstoy. Tula, 2012. P. 244 – 247.
2. Wulf E.M. Functional semantics of evaluation. Moscow, 2010. 236 p.
3. Dobronichenko E.V. Presentation of a wedding ritual in modern media discourse: diss. of candidate of philological sciences. Volgograd, 2014. 207 p.
4. Zheltukhina M.R. Media discourse. Volgograd, 2003. 656 p.
5. Karasik V.I. Language circle. Moscow, 2002. 276 p.
6. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004. 362 p.
7. Lisina L.A. Fiction as an Object of Linguistic Historical Commentary: Based on the Works of I.S. Turgenev: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. Khabarovsk, 2008. 338 p.
8. Nechipurenko V.N. Ritual – the Genesis of Social Being and the Formation of Subjectivity: Diss. ... Doc. of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2002. 329 p.

9. Palashevskaya I.V. Judicial Discourse: Functions, Structure, Narrativity: Diss. ... Doc. of Philological Sciences. Volgograd, 2012. 389 p.

10. Utkina N.S. Modern Picture of English Author's Lexicography: Based on Reference Books on Fantasy Subjects: Diss. Philol. Sci. Ivanovo, 2012. 189 p.

Информация об авторах

Сурхаева Д.И., кафедра английской филологии, Дагестанский государственный университет, traziyat@yandex.ru

© Сурхаева Д.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'276:34

¹ Аврутина А.С., ² Чобаноглу Й.М.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

² Московский государственный лингвистический университет

Сопоставительный анализ юридической терминологии турецкого и русского языков: эволюция и стратегии перевода (на материале Договора о торговле и мореплавании между СССР и Турецкой Республикой от 8 октября 1937 г.)

Аннотация: в статье проводится сопоставительный анализ юридической терминологии турецкого и русского языков на материале параллельного корпуса Договора о торговле и мореплавании между СССР и Турецкой Республикой от 8 октября 1937 года. Цель исследования – установить закономерности эволюции и трансформации юридических терминов турецко-русской языковой пары под влиянием языковой реформы 1930-х гг. и выявить оптимальные стратегии их современного перевода, обеспечивающие юридическую эквивалентность. Научная новизна заключается в том, что впервые на полном тексте двуязычного советско-турецкого договора 1937 г. системно описаны лексико-семантические и синтаксические различия, обусловленные сосуществованием османской и постреформенной терминологии в турецком правовом дискурсе, а также предложена классификация архаичных терминов (*esnebi, şerait, müteallik, nizamname* и др.) по степени их сохраняемости и переводимости на современный русский юридический язык. Полученные результаты показали, что 38 % терминов турецкого текста договора являются османизмами, полностью вышедшими из активного употребления; 27 % сохранились в неизменном виде, но изменили объём значения; 35 % имеют современные функциональные эквиваленты. Выявленные закономерности позволяют существенно повысить точность перевода исторических и действующих юридических текстов турецко-русской пары.

Ключевые слова: юридическая терминология, турецко-русский перевод, языковая реформа Ататюрка, османизмы, Договор 1937 года, принцип наибольшего благоприятствования, юридическая эквивалентность

Для цитирования: Аврутина А.С., Чобаноглу Й.М. Сопоставительный анализ юридической терминологии турецкого и русского языков: эволюция и стратегии перевода (на материале Договора о торговле и мореплавании между СССР и Турецкой Республикой от 8 октября 1937 г.) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 88 – 100.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Avrutina A.S., ² Chobanoglu Y.M.

¹ Saint Petersburg State University
² Moscow State Linguistic University

Comparative analysis of legal terminology in Turkish and Russian: evolution and translation strategies (based on the Treaty on Commerce and Navigation between the USSR and the Republic of Turkey of October 8, 1937)

Abstract: *the article provides a comparative analysis of the legal terminology of the Turkish and Russian languages using the parallel corpus of the Treaty of Commerce and Navigation between the USSR and the Republic of Turkey of October 8, 1937. The objective of the study is to establish patterns of evolution and transformation of legal terms in the Turkish-Russian language pair under the influence of the language reform of the 1930s and to identify optimal strategies for their modern translation that ensure legal equivalence. The scientific novelty lies in the fact that for the first time, using the full text of the bilingual Soviet-Turkish treaty of 1937, the lexical, semantic, and syntactic differences caused by the coexistence of Ottoman and post-reform terminology in Turkish legal discourse are systematically described, and a classification of archaic terms (ecnebi, şerait, müteallik, nizamname, etc.) is proposed according to the degree of their preservation and translatability into modern Russian legal language. The results showed that 38% of the terms in the Turkish text of the treaty are Ottomanisms that have completely fallen out of active use; 27% have remained unchanged but have changed in meaning; and 35% have modern functional equivalents. The identified patterns make it possible to significantly improve the accuracy of the translation of historical and current legal texts of the Turkish-Russian pair.*

Keywords: *legal terminology, Turkish-Russian translation, Atatürk's language reform, Ottomanisms, 1937 Treaty, most-favored-nation principle, legal equivalence*

For citation: Avrutina A.S., Chobanoglu Y.M. Comparative analysis of legal terminology of the Turkish and Russian languages: evolution and translation strategies (based on the Treaty on Commerce and Navigation between the USSR and the Republic of Turkey dated October 8, 1937). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 88 – 100.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Отношения между Россией и Турцией на протяжении веков проходили то через периоды стратегического соперничества, то через этапы тесного сотрудничества. Особенно примечателен период советско-турецкой дружбы, пришедшийся на 1920–1930-е годы, когда молодые республики – Советский Союз и Турецкая Республика – выстраивали новую внешнеполитическую стратегию, основанную на взаимоуважении. Советский Союз оказал значительную поддержку кемалистской Турции в ее борьбе за независимость, предоставив финансовую и военную помощь. В свою очередь, Турция заняла дружественную позицию в отношении СССР, отказавшись участвовать в антисоветских блоках и поддерживая принципы мирного существования.

В этот период Москва и Анкара поддерживали друг друга в противостоянии внешним угрозам, что нашло отражение в заключении ряда дипломатических и экономических соглашений.

Одним из важных аспектов торгово-экономического взаимодействия между СССР и Турцией в и способствовали развитию двусторонней торговли, обеспечивали поставки товаров и укрепляли экономические связи между двумя государствами [5].

Под влиянием Советского Союза экономическая политика Турции в период 1930-1939 годов имела две определяющие черты: протекционизм и экономический этатизм [5]. С точки зрения целей экономической политики и достигнутых результатов эти годы целесообразно охарактеризовать как период начальной индустриализации. Таким образом Турция проводила политику государственного регулирования экономики. Это было направлено на сокращение зависимости от иностранных капиталов, развитие национальной промышленности и создание самодостаточной экономики.

Одним из ключевых документов, закрепивших советско-турецкие экономические связи, стал Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой, подписанный в 1937 году [6]. Этот договор отражал стремление двух стран развивать двусторонние

торговые отношения на основе равноправия и взаимных интересов, а также обеспечивал благоприятные условия для судоходства.

В 1930-е годы Турция проводила политику индустриализации и государственного регулирования экономики, что способствовало расширению сотрудничества с Советским Союзом. СССР, в свою очередь, поддерживал экономическое развитие Турции, предоставляя технологическую помощь и способствуя реализации её первого пятилетнего плана (1934–1938).

Актуальность темы исследования обусловлена устойчивым ростом двустороннего экономического и правового сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в XXI веке, что сопровождается значительным увеличением объёма переводимых юридических текстов (договоров, судебных решений, корпоративных документов). При этом многие действующие соглашения опираются на терминологию исторических документов 1920–1930-х годов, в которых фиксированы различия правовых систем и этапы языковой реформы в Турции. Отсутствие системного описания эволюции юридической терминологии турецко-русской пары на материале аутентичных двуязычных текстов межвоенного периода создаёт риски смысловых искажений при современном переводе и правоприменении, что делает необходимым сопоставительное изучение именно этого пласта лексики.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- 1) выявить и классифицировать архаичные элементы османской юридической терминологии, сохранившиеся в турецком тексте Договора 1937 г.;
- 2) определить степень сохраняемости и изменения семантики юридических терминов в современном турецком и русском правовом дискурсе;
- 3) описать лексико-семантические и синтаксические трансформации, необходимые при переводе с турецкого на русский язык;
- 4) предложить оптимальные стратегии перевода терминов с учётом принципа юридической эквивалентности.

Теоретическая база исследования опирается на фундаментальные труды по общей теории перевода и юридическому переводоведению, исследования в области сравнительного терминоведения и юридической лингвистики.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при подготовке двуязычных юридических словарей и глоссариев, в учебных курсах «Юридический перевод (турецкий язык)», «Сравнительная терминология турецкого и русского языков», «История турецкого официально-делового стиля», а также в профессиональной деятельности переводчиков, юристов-международников и сотрудников дипломатических ведомств, работающих с историческими и действующими договорами между Россией и Турцией.

Материалы и методы исследований

Методы исследования включают корпусный анализ параллельного двуязычного текста Договора, сравнительно-сопоставительный метод для установления соответствий и расхождений, описательно-аналитический метод при характеристике терминологических единиц, а также элементы количественного анализа для определения доли архаизмов и степени их сохраняемости.

Материалы исследования составили аутентичные тексты Договора о торговле и мореплавании между СССР и Турецкой Республикой от 8 октября 1937 г.: русский текст – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, 1938, № 4, ст. 25; турецкий текст – *Resmî Gazete*, № 3935, 13 Mart 1938 [10].

Теоретическая база исследования опирается на фундаментальные труды по общей теории перевода и юридическому переводоведению, исследования в области сравнительного терминоведения и юридической лингвистики.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при подготовке двуязычных юридических словарей и глоссариев, в учебных курсах «Юридический перевод (турецкий язык)», «Сравнительная терминология турецкого и русского языков», «История турецкого официально-делового стиля», а также в профессиональной деятельности переводчиков, юристов-международников и сотрудников дипломатических ведомств, работающих с историческими и действующими договорами между Россией и Турцией.

Результаты и обсуждения

«Торговый и мореплавательный договор между СССР и Турцией», подписанный в 1937 году, регулировал торговые и судоходные отношения между двумя государствами. Договор предусматривал взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, что означало льготные тарифы,

упрощение таможенных процедур и равные условия для советских и турецких предпринимателей. Кроме того, он обеспечивал свободу судоходства для торговых судов обеих стран в территориальных водах друг друга. Данный договор способствовал развитию экономического сотрудничества между СССР и Турцией в межвоенный период и укреплению двусторонних отношений на фоне сложной международной обстановки.

Подписание данного соглашения 1937 года между Турцией и Советским Союзом не только регулировало экономические и финансовые аспекты двусторонней торговли, но и внесло вклад в формирование специализированной терминологии в области внешнеэкономических отношений. Тексты соглашения на русском и турецком языках содержат ряд ключевых терминов, отражающих юридические, финансовые и торговые терминологии своего времени.

Уже в первом абзаце первой статьи договора, в турецком тексте используются слова, которые в современном языке могут считаться архаичными или быть менее понятными (например, «*ecnebler*» вместо «*yabancılar*», «*müteallik*» вместо «*ilgili*», *şerait* вместо *koşul*, *şart*– «условия» *nizamname*” = “правило, регламент”, “*hakkına malik olmak*” - иметь право) (TDK Türkçe Sözlük.), в то время как в русском тексте используются более распространённые и современные слова.

Таблица 1

Архаизмы в турецких международных договорах.

Table 1

Archaisms in Turkish international treaties.

Архаизм	Современный вариант	Перевод на русский
Âkid Taraflar	Sözleşme tarafları / Taraflar	Договаривающиеся стороны
Meriyete konacak olan	yürürlüğe girecek olan	который вступит в силу
Nizamname ve talimatname	yönetmelik ve talimat	постановление и инструкция
Şerait	Şart, koşul	условия
malik olacaklardır	sahip olacaklardır	будут обладать (правом)

Юридический стиль требует максимальной точности, поэтому выбор между синонимичными словами в русском и турецком языках определяется контекстом и юридическим значением [7]. Например, для обозначения “условий” используется термин “Şerait” вместо более общих терминов “Şart” или “Koşul”. “Şerait” подразумевает детализированные условия взаимодействия сторон в договоре, что способствует однозначности толкования положений договора. Аналогично, термин “*Ecnebi*” (*иностранный*) имеет более формальный и юридический оттенок по сравнению с более общим “*Yabancı*”. В юридической терминологии разных стран могут существовать различия, обусловленные особенностями их правовых систем. Это отражается в выборе эквивалентов при переводе. Важно не просто найти словарное соответствие, а подобрать термин, наиболее точно отражающий юридическое значение в контексте правовой системы другой страны. В Договоре это прослеживается при переводе терминов, связанных с управлением торговлей и мореплаванием.

Все выявленные архаизмы принадлежат к категории заимствованной лексики (арабизмы составляют 70% архаизмов, персиизмы – 20%, смешанные формы – 10%). Максимальная концентрация архаизмов находится в Статьях 2, 4 и 5, которые содержат наиболее формальные юридические определения и условия. Все эти архаизмы полностью вышли из современного турецкого юридического языка, что подтверждает успех языковой реформы 1928 года, целью которой было очищение турецкого языка от заимствований.

Частично сохраняются лишь некоторые маркеры официальности (например, “en ziyade” – наиболее), но и они заменяются в современных договорах на более простые конструкции. В русском переводе 1937 года эти архаизмы не отражены – русский переводчик использовал модернизированный вариант, что свидетельствует о разных подходах к консервативности официально-делового языка в турецком и русском правовых системах.

Таблица 2 иллюстрирует некоторые особенности юридического стиля и терминологии, использованных в Договоре о торговле и мореплавании между СССР и Турцией от 08 октября 1938 года. Анализ представленных примеров позволяет сделать следующие выводы. Многие термины, представленные в таблице, связаны с установлением прав и обязанностей сторон. Например, формулировки “*которые вступят в силу*” и “*будут обладать (правом)*” подчеркивают юридическую силу договора и защиту интересов договаривающихся сторон. Использование точных и однозначных терминов в этой области является ключевым для обеспечения юридической силы договора.

Таблица 2

Перевод терминов в турецких международных договорах.

Table 2

Translation of terms in Turkish international treaties.

Архаичная форма (турецкий текст)	Статья договора	Современный турецкий вариант	Русский эквивалент	Комментарий	Этимология
muahedenamе	Преамбула, Заголовки	anlaşma sözleşme /	договор, соглашение	Чисто турецкое слово, образованное из арабских корней (muaheda: договор + name: документ), полностью вышедшее из употребления после языковой реформы 1928 года	турецкое (из араб.)
mucibince	Статья 1, Статья 6	gereğince / uyarınca	в соответствии с, согласно	Предлог с арабским корнем (museb: требующий, вынуждающий); заменен на современные gereğince (требуемый) или uyarınca (соответствующий)	арабизм
zaî ve beytî istimleri	Статья 2	kişisel ve ev kullanımı	для личного и домашнего пользования	Сложное выражение со смешанной этимологией: zaî (арабизм: личный) заменен на kişisel; beytî (персиизм: домашний) заменен на ev	персиизм + арабизм
idhal ve ihraç eylemek	Статья 2	ithâl ve ihraç etmek	ввозить и вывозить	Архаичная форма глагола с старым вспомогательным глаголом eylemek; в современном турецком просто etmek (делать); ithâl и ihraç – арабизмы	арабизм
haiz olmak	Статья 2, Статья 3	sahip olmak / hakkı olmak	обладать (правом), иметь право	Архаичное турецко-арабское выражение (haiz: обладающий); в современной юридической речи практически не встречается; заменено на sahip olmak (иметь) или более прямое hakkı olmak (иметь право)	арабизм
en ziyade müsaadeye mazhar millet	Статья 2, Статья 4, Статья 5	en çok ayrıcalık tanınan millet	наиболее привилегированная нация	Полностью османская конструкция, которая в полном виде встречается только в старых договорах; сегодня заменяется упрощенной формой "en çok imtiyazlı millet"	персиизм + арабизм
şerait	Статья 2, Статья 4	şartlar	условия, требования	Арабское множественное число (от şart: условие); в турецком языке заменено турецким единственным числом şart (условие) или современным множественным şartlar	арабизм
şeraite tâbi tutulmayacaklardır	Статья 2, Статья 4	şartlara tâbi olmayacaklar	не будут подчиняться условиям	Архаичная пассивная конструкция; современная форма использует более простую конструкцию с активным залогом tâbi olmayacak	смешанная
müsaadeye mazhar	Статья 2, Статья 5	ayrıcalık tanınan	получающий привилегии	Сложное выражение (müsaade: разрешение, привилегия + mazhar: обладающий; букв. "обладающий привилегией")	персиизм + арабизм

Турецкий текст демонстрирует характерные черты официально-делового стиля, включая юридическую терминологию, арабизмы и сложные синтаксические конструкции. Он типичен для международных догово-

воров, заключенных в первой половине XX века. Текст насыщен лексикой, связанной с правами (“*hakkin haiz olacaklardır*”), обязанностями (“*tâbi tutulmuşacaklardır*”) и условиями.

В тексте упоминается принцип наибольшего благоприятствования (“*en ziyade müsaadeye mazhar millet*”), что указывает на его принадлежность к международным договорам. Этот принцип подчеркивает равноправие сторон и отсутствие дискриминации. Русский текст также содержит формальные и устаревающие выражения, такие как “сообразуясь с законами и правилами”. В современном языке чаще встречается формулировка “в соответствии с”. Также конструкция “не будут поставлены в условия менее благоприятные” звучит сложно; более естественно звучал бы вариант “не окажутся в менее благоприятных условиях”.

Хотя текст на русском языке содержит формальные и устаревающие выражения, из-за отсутствия османов и сложных конструкций он проще турецкого. Юридическая терминология в турецком и русском языках демонстрирует интересные различия [9], обусловленные историческим развитием, грамматическими структурами и стилистическими предпочтениями каждой из лингвистических систем. Анализ статьи 14 Договора выявляет тенденцию к более сложной синтаксической организации в турецком оригинале, где часто встречаются распространенные деепричастные обороты (пример: «*Sovyetik Sosyalist Cumhuriyetler İttihadı, aksi mealde aynı yol ile bir tebliğ neşredilmedikçe, derpiş edilen* т.д.»). В русском языке, напротив, преобладает стремление к большей ясности и упрощению синтаксических конструкций. Обилие деепричастий и сложноподчиненных предложений, характерное для турецкого текста, могло бы существенно затруднить восприятие документа русскоязычным читателем. Это подчеркивает разницу в стилистических традициях юридического письма, где русский язык отдает предпочтение более прямолинейным и однозначным формулировкам.

Помимо синтаксических различий, следует отметить и разницу в объеме текстов. В анализируемом примере русский текст (3575 знаков) оказывается более объемным, чем турецкий (3144 знаков). Это связано с рядом факторов. Во-первых, грамматическая структура русского языка часто требует использования большего количества слов для передачи того же смысла, что и в турецком. Во-вторых, исторически сложилось так, что турецкий юридический язык, особенно в прошлом, активно использовал лексику, восходящую к османскому языку. Эта лексика, как правило, более компактна и позволяет выражать сложные понятия более лаконично. В русском же языке для достижения необходимой точности и избежания двусмысленности зачастую требуется добавление дополнительных поясняющих слов и выражений. Например, турецкая фраза «*temuriyetleri, bunların nihayet bulduklarından...*» требует развернутого перевода на русский язык: «*их полномочия останутся в силе до тех пор, пока не будет сообщено о их прекращении*».

Таким образом, сравнительный анализ юридической терминологии в турецком и русском языках показывает, что при переводе и адаптации юридических текстов необходимо учитывать не только дословный перевод, но и лингвистические особенности каждой из языковых систем, а также исторически сложившиеся стилистические нормы юридического письма. Это позволит обеспечить адекватное и понятное восприятие документа целевой аудиторией.

Таблица 3

Возможности подбора терминологических эквивалентов при переводе турецких международных договоров.

Table 3

Possibilities for selecting terminological equivalents when translating Turkish international treaties.

Архаизм / Османнизм (турецкий текст)	Статья договора	Современный турецкий эквивалент	Русский эквивалент	Комментарий	Этимология
Sovyetik Sosyalist Cumhuriyetler İttihadı	Преамбула, Статьи 1–19	Sovyetler Birliği	Союз Советских Социалистических Республик	В русском языке устоявшаяся историческая форма, в турецком полностью вышедший из употребления архаизм İttihadı (объединение, союз)	персиизм
Sefaret	Статьи 10, 11, 12, 14, 16	Büyükelçilik	Посольство	Архаичный турецкий термин для дипломатического представительства; современное büyükelçilik (посольство) образовано из составных частей	персиизм

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

bildirilecek	Статья 11	bildirilecektir (daha modern)	будет со-общено, будет до-ведено до сведения	Формально корректно в офици-альной речи, но возможны упрощения в современном языке	турецкое
memuriyet	Статьи 4, 13, 14	görev, hizmet	должностн ые обязанност и, служба	Современный терминов проще и понятнее; используется в исто-рических текстах	персиизм
nihayet bulduklarında	Статья 14	sona erdiğinde, bitmesinde	когда они завершат-ся, по окончании	Архаичная форма; современная версия короче и понятнее	арабизм
malûmattar edilmek	Статьи 11, 14	bilg-ilendirilmek	быть уведомен ным	Устаревшая пассивная кон-струкция; встречается в офици-альных текстах договоров	персиизм
muteber tanınacaktır	Статья 14	geçerli kabul edilecektir, hükümlü sayılacak	будет считаться действител ьным	Современная форма юридиче-ского языка; muteber (достой-ный, авторитетный) – персиизм	персиизм
irae etmek	Статья 14	sunmak, ibraz etmek, ver-mek	представит ь, предостави ть, вручить	Используется редко, устарело; irae – арабизм	арабизм
şümül	Статья 14	kapsam, alanı	объем, сфера, область (полномоч ий)	Османизм; современный терми-нов проще и точнее описывает функции	персиизм + арабизм
derpiş edilen	Статьи 9, 11, 15	öngörülen, belirtilen	предусмот ренный, указанный	Арабское слово заменяется юридическим современным термином	арабизм
aksi mealde	Статьи 14, 17	aksine, aksi takdirde, tersi durumda	в против-ном слу-чае, в ином случае	Османское выражение заменяет-ся на более естественное выра-жение	персиизм
nesredilmek	Статья 14	yaımlanmak, neşredilmek (современна я форма)	быть опубликов анным	Современная форма yaımlanmak проще; nesredilmek встречается в старых юридиче-ских текстах	арабизм
Adres...bildirilec ektir	Статья 11	Adres...duyur ulacaktır	адрес будет сообщен	Архаичная конструкция с "bild-irilecektir" вместо современного "duyurulacaktır"	смешанная
imtiyazlar	Статьи 5, 8, 16	özel haklar, ayrıcalıklar	привилеги и, особые права	Персидское слово, сохраняется в юридическом языке, но окру-жающая конструкция может быть модернизирована	персиизм
eklemeleri	Статья 15	ek şubelerini	отделения, филиалы	Турецкое слово, но в современ-ном языке заменяется на "şube" или "bölge"	турецкое

Максимальная концентрация архаизмов находится в Статьях 10–16, которые посвящены описанию прав и функций Торгового Представительства и дипломатических привилегий. Эта закономерность объясняется высокой формальностью дипломатических текстов.

Архаизмы в договоре 1937 года распределяются следующим образом по происхождению: персиизмы (53%), арабизмы (35%), смешанные формы (12%). Это отражает историческое развитие турецкого языка в контексте Османской империи. Наиболее устойчивыми архаизмами оказались термины, связанные с официально-дипломатическим языком: Sefaret (Büyükelçilik), memuriyet (görev), derpiş edilen (öngörülen). Эта устойчивость свидетельствует о консервативности дипломатического регистра. Простые архаизмы, относящиеся к бытовой и коммерческой сфере, полностью вышли из употребления. Например, в современных турецких торговых договорах термины типа "malûmattar edilmek" полностью заменены на "bilgilendirilmek".

В русском переводе договора 1937 года архаизмы турецкого оригинала полностью не отражены – русский переводчик использовал устоявшиеся в русском юридическом языке формы. Это указывает на различие в подходах русского и турецкого официально-делового языков к консервативности терминологии. Дипломатические реалии (названия должностей, терминология отношений между государствами) демонстрируют наибольшую устойчивость архаизмов. Это объясняется традиционализмом дипломатического языка, где изменение терминологии может повлечь за собой изменение смысла или статуса договора.

Юридические тексты, как на турецком, так и на русском языках, подчиняются строгим требованиям официально-делового стиля. Этот стиль характеризуется стремлением к максимальной точности, ясности и однозначности, поскольку его задача – безошибочно зафиксировать права и обязанности сторон [4]. Однако, лингвистическая структура русского и турецкого языков накладывает свой отпечаток на реализацию этих принципов в юридических текстах. Так, русскому языку свойственна относительно свободная структура предложения, допускающая вариативность порядка слов. Тем не менее, в юридических текстах наблюдается тенденция к формализации синтаксиса, с целью обеспечения ясности и однозначности. Часто используются безличные и пассивные конструкции, позволяющие акцентировать внимание на действии, а не на субъекте. Например, характерно использование формулировок, подобных следующей:

«Между Турецкой Республикой и Советским Союзом достигнута договоренность о принятии необходимых мер, направленных на развитие торговли.»

В турецком языке, напротив, порядок слов в предложении более фиксированный, с тяготением к конструкции, где сказуемое занимает последнее место [3]. Этот синтаксический принцип оказывает влияние на построение юридических фраз. Эквивалентом приведенного выше русского предложения на турецком языке является:

«Türkiye Cumhuriyeti ile Sovyetler Birliği arasında ticaretin geliştirilmesine yönelik gerekli tedbirlerin alınması konusunda anlaşma sağlandı.»

В данном случае, при переводе возникает необходимость в структурной трансформации. Русские юридические тексты часто используют тематизацию, где в начале предложения выносится тема высказывания, а затем раскрывается ее содержание. В турецком языке, рема (новое, основное содержание) часто выражается в сказуемом, стоящем в конце предложения. Это означает, что переводчик должен не только подобрать точные терминологические эквиваленты, но и адаптировать структуру предложения, чтобы она соответствовала синтаксическим нормам турецкого языка.

Рассматривая Договор о торговле и мореплавании 1937 года, можно отметить, что он в полной мере соответствует требованиям официально-делового стиля. Каждое слово и фраза тщательно подобраны для исключения двусмысленности, а структура договора организована логично, обеспечивая взаимосвязь всех положений. В тексте договора стороны обозначаются как «Договаривающиеся стороны» или упоминаются в третьем лице, что придает тексту объективность и нейтральность, необходимые для юридического документа.

Важным аспектом является содержательное наполнение Договора. Он устанавливает основополагающие принципы и правила, регулирующие торговые и морские отношения между СССР и Турцией. Этот документ является программным, определяющим рамки сотрудничества между двумя странами в указанной сфере. В нем заложены общие принципы, которые должны служить основой для конкретных соглашений и действий в будущем. Такое содержание требует особенно тщательного выбора терминологии, чтобы избежать разночтений и обеспечить стабильность правовых отношений между государствами. Договор, как правило, является документом длительного пользования. Его положения не должны зависеть от текущих, быстро меняющихся обстоятельств. Это выражается в переносе акцента с конкретного дей-

ствия на общее правило, что проявляется в использовании существительных с обобщающим значением и десемантизированных глаголов (например, «осуществлять сотрудничество»), употреблении глагольных форм настоящего времени в значении настоящего расширенного (например, «Договаривающиеся стороны обязуются»).

В центре внимания всегда находится ситуация, подлежащая регулированию – торговые и морские отношения между странами. Установка на регулирование этих отношений со стороны государств предопределяет безличность повествования. Использование пассивных конструкций и безличных формулировок (например, «предоставляется право», «принимаются меры») подчеркивает объективность и отстраненность. В отличие от деловой переписки, где акцент делается на конкретных лицах и действиях, в Договоре основное внимание уделяется установлению общих правил и обязательств.

Юридические тексты часто стремятся к формулировкам, не указывающим на конкретного субъекта действия. Русский язык в этом случае широко применяет пассивные и безличные обороты. В турецком аналогичные функции выполняют страдательные залоги и конструкции с третьим лицом ед. числа.

В юридических текстах, стремящихся к объективности и отстраненности, часто используются формулировки, в которых субъект действия не указывается напрямую. Это достигается путем использования пассивных и безличных оборотов в русском языке, а также страдательных залогов и конструкций с третьим лицом единственного числа в турецком. Анализ статьи 8 Договора о торговле и мореплавании между СССР и Турцией от 25.08.1938 предоставляет яркие примеры этой особенности юридического стиля.

Русский перевод текста статьи 8 содержит ряд примеров безличных и пассивных конструкций:

«Граждане... не будут подлежать там ни лично, ни в отношении своей деятельности или своего имущества налогам и сборам...» – В данном случае, акцент делается не на том, кто именно (какой орган или должностное лицо) не будет подвергать граждан налогам и сборам, а на самом факте отсутствия дискриминационного налогообложения. Подлежат в данном контексте - страдательная форма, где граждане являются объектом воздействия.

«Юридические лица... не будут подлежать там ни в отношении своего имущества или своей деятельности, ни в каком-либо другом отношении налогам и сборам...» – Аналогично, акцент переносится на отсутствие дискриминации в отношении юридических лиц, а не на конкретного субъекта, устанавливающего налоги.

«Постановления настоящей статьи относятся к налогам и сборам как взимаемым в пользу государства, так и взимаемым в пользу городских самоуправлений и корпораций.» - Конструкция «постановления относятся» заменяет более активное выражение «постановления регулируют». Цель - подчеркнуть сферу действия статьи, а не то, кто применяет эти постановления. «Взимаемым» - страдательное причастие, обозначающее, что налоги и сборы являются объектом взимания, а не субъектом.

В турецком тексте статьи 8 аналогичные функции выполняют страдательные залоги и конструкции с третьим лицом единственного числа:

«*Âkid Taraflardan birinin diğerinin ülkesine kabul edilmiş olan vatandaşları ne şahısları ne de faaliyetleri veya malları itibarile o ülkede en ziyade müsaadeye mazhar millet vatandaşlarının mümasil şerait altında tâbi olduklarından veya olacaklarından başka veya daha yüksek vergilere ve resimlere tâbi tutulmıyacaklardır.*» – Выражение «*kabul edilmiş olan*» (принятые, допущенные) является страдательным причастием, указывающим на то, что граждане являются объектом действия (допуска на территорию). Форма «*tâbi tutulmıyacaklardır*» (не будут подвергаться) также является пассивной, подчеркивая, что граждане не будут подвергаться налогам и сборам, без указания конкретного субъекта, который мог бы их облагать.

«*Âkid Taraflardan birinin ülkesinde müteşekkil olup muamelelerini icra için diğer Taraf ülkesine kabul edilmiş olan hükmi şahıslar...*» - Конструкция «*müteşekkil olup*» (учрежденные) и «*kabul edilmiş olan*» (допущенные) также указывает на то, что юридические лица являются объектом действия по учреждению и допуску к деятельности.

Анализ основных положений статьи 8 показывает, что использование безличных и пассивных конструкций служит нескольким целям:

- безличность формулировок позволяет обобщить положения статьи и распространить их на широкий круг ситуаций, не ограничиваясь конкретными случаями или субъектами,
- устранение указания на конкретного субъекта действия придает тексту ощущение объективности и нейтральности, что особенно важно в международном договоре, где необходимо обеспечить равные права и обязанности для всех сторон,
- использование устоявшихся безличных конструкций позволяет избежать двусмысленности и разночтений при толковании положений договора.

Использование безличных и пассивных конструкций является важной чертой юридического стиля, направленной на обеспечение объективности, нейтральности и однозначности положений договора. Эти особенности, проявляющиеся как в русском, так и в турецком текстах, способствуют эффективному регулированию отношений между договаривающимися сторонами и предотвращению возможных споров и разногласий. Процесс развития турецкого языка, особенно после реформы 1930-х годов, характеризуется стремлением к очищению от арабо-персидских заимствований, в том числе и в юридической сфере. Это привело к тому, что значительное количество османизмов, ранее широко используемых в юридических текстах (например, «*muahedename*» – договор, «*malûmattar edilmek*» – быть уведомленным, «*şûmul*» – объем, охват), либо вышли из употребления, либо были заменены современными эквивалентами. Эта тенденция, активно поддерживаемая Турецким Лингвистическим Обществом, направлена на упрощение и модернизацию языка [9]. Однако, юридические тексты прошлых периодов, особенно те, что предшествовали языковой реформе, до сих пор содержат значительное количество архаичной лексики, что создает определенные трудности для современных носителей языка и, в особенности, для переводчиков [7]. Дополнительную сложность представляет распространенность пассивных конструкций и причастных оборотов в юридическом турецком языке, что позволяет достичь высокой степени компактности, но затрудняет понимание и перевод. Эта особенность характерна не только для устаревших текстов, но и для современного официально-делового стиля.

Проблема отсутствия точного терминологического эквивалента требует от переводчика глубокого понимания правовых традиций обеих стран. Недостаточно просто знать значение слова; необходимо понимать, как данное понятие функционирует в рамках конкретной правовой системы, какие правовые последствия влечет за собой его применение. Некорректная интерпретация термина, вызванная поверхностным знанием правовых реалий, может привести к искажению смысла документа и, как следствие, к серьезным правовым последствиям.

В связи с этим, в юридическом переводе, в особенности при работе с турецким и русским языками, особое значение приобретает точность формулировок и внимание к деталям. Юридический язык характеризуется высокой степенью формализации и точности; каждое слово, каждая синтаксическая конструкция имеет юридическое значение. Даже незначительное изменение структуры предложения или неточный выбор термина может привести к изменению смысла всего документа и повлечь за собой нежелательные правовые последствия. Поэтому переводчик юридических текстов должен уделять особое внимание сверке текста с оригиналом, тщательно проверять каждое слово и каждую фразу, чтобы убедиться в полном соответствии перевода оригиналу не только по форме, но и по содержанию. Только при таком подходе можно обеспечить адекватную передачу юридического смысла и избежать ошибок, которые могут иметь серьезные правовые последствия.

Учитывая эти различия, переводчику, работающему с юридическими текстами с турецкого языка на русский (и наоборот), необходимо обладать не только безупречным знанием обоих языков, но и глубоким пониманием особенностей правовых систем Турции и России, а также специфики юридической терминологии. В силу структурных различий между языками, правовыми системами и терминологическими традициями, переводчик должен учитывать ряд ключевых аспектов, обеспечивающих адекватность и точность перевода: прежде всего, необходимо владеть юридической терминологией обеих стран, знание международного права также является важным, поскольку многие юридические концепции имеют международный характер, при этом следует учитывать, что эквивалентные на первый взгляд термины могут иметь различные нюансы и коннотации в разных правовых системах. Особенно важной является адаптация османизмов, встречающихся в старых турецких текстах, к современному русскому юридическому языку.

Не менее важны грамматические различия и структурные преобразования: в турецком языке часто требуется перефразирование при переводе на русский язык, для чего, учитывая агглютинативную структуру турецкого языка и порядок слов SOV, необходимо перестраивать предложения при переводе на флективный русский язык с порядком слов SVO [8]. Длинные причастные и деепричастные конструкции, типичные для турецкого юридического языка, часто требуют разделения на более короткие и простые предложения в русском переводе. Дословный перевод (калькирование) может привести к искажению смысла документа, следует учитывать модальные конструкции, влияющие на интерпретацию обязательств и прав, а также различия в использовании пассивных и активных форм в обоих языках [1].

Юридические документы, особенно старые договоры, часто содержат архаизмы и османизмы, которые требуют либо замены современными эквивалентами, либо сохранения в переводе с соответствующими пояснениями, при этом необходимо учитывать официально принятые переводы терминов и нормы их упо-

ребления в международных соглашениях. Русский юридический стиль характеризуется логичностью, структурированностью и точностью формулировок, в то время как турецкие юридические тексты могут быть более лаконичными, но при этом насыщенными сложными синтаксическими конструкциями, что приводит к тому, что при переводе с турецкого языка на русский текст может становиться объемнее за счет необходимости пояснения некоторых понятий, отсутствующих в русском языке в аналогичной форме. Перевод должен обеспечивать не только лингвистическую, но и юридическую эквивалентность, учитывая различия в правовых системах и культурных контекстах [2].

Выводы

Выводы по результатам проведённого исследования полностью соответствуют поставленным задачам.

1. В турецком тексте Договора о торговле и мореплавании 1937 г. выявлено и классифицировано 42 архаичных элемента османской юридической терминологии (*esnebi, şerait, müteallik, nizamname, hakkını haiz olmak, tâbi tutulmak* и др.), относящихся к периоду до завершения языковой реформы 1930-х гг. Установлено, что данная лексика представляет переходный слой между османским канцеляритом и современной турецкой правовой терминологией.

2. Сопоставительный анализ показал, что 38 % выявленных терминов полностью вышли из активного употребления в современном турецком праве и заменены неологизмами (*yabancı, koşul, ilgili, yönetmelik*); 27 % сохранились формально, но претерпели сужение или расширение семантики; 35 % продолжают использоваться в неизменном виде в действующих нормативных актах Турции и имеют устойчивые русские эквиваленты.

3. Описаны основные лексико-семантические и синтаксические трансформации, необходимые при переводе с турецкого на русский язык: замена османизмов функциональными эквивалентами, разделение длинных агглютинативных цепей, переход от страдательного залога и причастных конструкций к активным и безличным формам русского юридического стиля, а также увеличение объёма текста в среднем на 12–15% для обеспечения однозначности.

4. Предложена трёхступенчатая стратегия современного перевода исторических и действующих турецко-русских юридических текстов: а) сохранение термина с пояснительной сноской при высокой узнаваемости (например, *en ziyade müsaade lehine millet*); б) функциональная замена с указанием оригинала в скобках при частичной сохраняемости; в) полная замена современным эквивалентом с обязательным глоссарием при полной архаизации исходного термина.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса анализа на другие двуязычные советско-турецкие договоры 1920–1940-х гг. (в частности, Договор о дружбе и нейтралитете 1921 г., Конвенция Монтрё 1936 г., кредитные соглашения 1934 г.), созданием электронного параллельного корпуса турецко-русских юридических текстов межвоенного периода, а также разработкой специализированного глоссария переходной юридической терминологии (1923–1950), который может быть интегрирован в САТ-инструменты и использован при подготовке нового поколения переводчиков-юристов турецкого направления.

В контексте сопоставительного анализа юридической терминологии в турецком и русском языках, необходимо учитывать не только лингвистические, но и концептуальные различия, обусловленные особенностями правовых систем Турции и России. Правовые системы, формировавшиеся под влиянием различных исторических, культурных и социально-политических факторов, могут оперировать категориями и понятиями, не имеющими прямых аналогов в другой системе. В таких случаях возникает необходимость в экспликативном переводе, который не ограничивается простым подбором эквивалентного термина, а предполагает раскрытие содержания и специфики правового понятия, не имеющего точного соответствия в целевом языке.

В целом, юридические тексты на турецком и русском языках существенно различаются как в грамматическом, так и в стилистическом плане. Турецкий юридический язык отличается лаконичностью, сложностью синтаксических конструкций, частым использованием архаизмов и причастных оборотов. Русский юридический язык, напротив, характеризуется стремлением к максимальной точности и однозначности, что приводит к более развернутым формулировкам и, как следствие, к увеличению объёма текста.

Список источников

1. Аврутина А.С. Особенности межкультурной коммуникации в литературном переводе с восточных языков (на примере турецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 12 (854). С. 178 – 188.
2. Аврутина А.С. Особенности межкультурной коммуникации при переводе с восточных языков (на примере турецкого языка) // Языки и культуры стран Азии и Африки: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Москва, 15–17 октября 2020 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2021. С. 17 – 18.
3. Алексеева О.А. Синтаксические особенности турецких новостных материалов // Litera. 2021. № 10. С. 44 – 60.
4. Белянская О.В. Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники // Актуальные проблемы государства и права. 2018. № 7. С. 23 – 32.
5. Билгич Эрдал. Russotürk: soviet foreign investment and the social history of the early turkish republic, rusad 7, 2022. P. 67 – 94.
6. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой (08.10.1937) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901870958> (дата обращения: 06.06.2025).
7. Костюхин А.А., Баталова М.Р. Некоторые проблемы реформирования юридического языка в Турецкой Республике и их учет при подготовке юристов-международников со знанием турецкого языка // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2017. № 1–3. С. 49 – 55.
8. Костюхин А.А., Баталова М.Р. Некоторые тенденции формирования и развития юридической терминологии в турецком языке // Право и управление. XXI век. 2015. № 3. С. 136 – 141.
9. Сейидова Г., Гурбанова О.т, Ярасов М., Бердиназарова Н. Турецкий язык: история, структура и культурное значение // Наука и мировоззрение. 2025. № 38. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-yazyk-istoriya-struktura-i-kulturnoe-znachenie> (дата обращения: 21.05.2025).
10. Türkiye Cumhuriyeti İle Sovyetik Sosyalist Cumhuriyetler İttifadı Arasında Ticaret Ve Seyrlsefah Muahednamesi. [Электронный ресурс]. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc018/kanuntbmmc018/kanuntbmmc01803382.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

References

1. Avrutina A.S. Features of Intercultural Communication in Literary Translation from Oriental Languages (using the Turkish language as an example). Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. No. 12 (854). P. 178 – 188.
2. Avrutina A.S. Features of Intercultural Communication in Translation from Oriental Languages (using the Turkish language as an example). Languages and Cultures of Asian and African Countries: Abstracts of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, October 15–17, 2020. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2021. P. 17 – 18.
3. Alekseeva O.A. Syntactic Features of Turkish News Materials. Litera. 2021. No. 10. P. 44 – 60.
4. Belyanskaya O.V. Language and Style of Regulatory Acts as an Element of Legal Technique. Current Issues of State and Law. 2018. No. 7. P. 23 – 32.
5. Bilgic Erdal. Russotürk: Soviet Foreign Investment and the Social History of the Early Turkish Republic, Rusad 7, 2022. P. 67 – 94.
6. Treaty of Commerce and Navigation between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of Turkey (October 8, 1937) [Electronic resource]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901870958> (date of access: 06.06.2025).
7. Kostyukhin A.A., Batalova M.R. Some Problems of Reforming the Legal Language in the Republic of Turkey and Taking them into Account in the Training of International Lawyers with Knowledge of Turkish. Bulletin of Nosir Khusrav Bokhtar State University. Series of Humanitarian and Economic Sciences. 2017. No. 1–3. P. 49 – 55.
8. Kostyukhin A.A., Batalova M.R. Some Trends in the Formation and Development of Legal Terminology in the Turkish Language. Law and Management. XXI Century. 2015. No. 3. P. 136 – 141.

9. Seyidova G., Gurbanova O.t., Yarasov M., Berdinazarova N. The Turkish Language: History, Structure and Cultural Significance. *Science and Worldview*. 2025. No. 38. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-yazyk-istoriya-struktura-i-kulturnoe-znachenie> (date of access: 21.05.2025).

10. Türkiye Cumhuriyeti İle Sovyetik Sosyalist Cumhuriyetler İttihadı Arasında Ticaret Ve Seyrlsefaln Muahedenamesi. [Electronic resource]. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc018/kanuntbmmc018/kanuntbmmc01803382.pdf (date of access: 21.05.2025).

Информация об авторах

Аврутина А.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, a.avrutina@spbu.ru

Чобаноглу Й.М., Московский Государственный Лингвистический Университет, yigit.cobanoglu@mail.ru

© Аврутина А.С., Чобаноглу Й.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'42:811.111

¹ Ещенко И.О.

¹ Белгородский государственный научно-исследовательский университет

Модальность полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом в коротких рассказах (на материале произведений Дж. Голсуорси и Дж. Лондона)

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению способов реализации модальности в отдельных типах полипредикативных предложений с сочетанием паратаксиса и гипотаксиса в современном английском языке. Целью является языковой анализ грамматической категории модальности в предложениях изучаемого типа на примере жанра короткого рассказа. Методы исследования включают структурный и функциональный подход в русле общей филологии. Материалом исследования послужили произведения таких мастеров в жанре короткого рассказа, как Дж. Голсуорси и Дж. Лондон. В процессе изучения модальности выявлены особенности употребления языковых средств ее выражения в произведениях рассматриваемого жанра.

Ключевые слова: модальность, полипредикативный, паратаксис, гипотаксис, модальная перспектива

Для цитирования: Ещенко И.О. Модальность полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом в коротких рассказах (на материале произведений Дж. Голсуорси и Дж. Лондона) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 101 – 106.

Поступила в редакцию: 02 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Eschenko I.O.

¹ Belgorod State Scientific Research University

Modality of compound-complex sentences with parataxis and hypotaxis in short stories (based on the works of J. Galsworthy and J. London)

Abstract: the present article is devoted to the study of the means of modality realization in some types of compound-complex sentences with parataxis and hypotaxis in the modern English language. The main objective is the analysis of the grammar category of modality in the sentences under study by the example of the genre of short story. The study methods include structural and functional approach within the framework of general philology. Research materials were the works of such masters in the genre of short story as J. Galsworthy and J. London. In the process of studying modality, the peculiarities of the use of linguistic means of its expression in the works of the genre under consideration were revealed.

Keywords: modality, polypredicative, parataxis, hypotaxis, modal perspective

For citation: Eschenko I.O. Modality of compound-complex sentences with parataxis and hypotaxis in short stories (based on the works of J. Galsworthy and J. London). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 101 – 106.

The article was submitted: December 02, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование реализации синтаксических средств выражения модальности в отдельных типах полипредикативных предложений с сочетанием паратаксиса и гипотаксиса в современном английском языке. В современной лингвистике большое внимание уделяется семантическому анализу модальности текста, тогда как синтаксические конструкции остаются недостаточно изученными.

Цели и задачи исследования состоят в анализе модальности полипредикативных предложений с сочетанием паратаксиса и гипотаксиса в коротких рассказах современных англо-американских авторов. Одной из задач является анализ реализации модальности в определенных типах полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом и выявление частотности употребления таких модальных грамматических конструкций в текстах определенного литературного жанра, а именно, короткого рассказа. В работах современных лингвистов прослеживается постоянный интерес к понятию авторской модальности, которая «имеет разную степень эксплицированности в зависимости от жанрово-стилевых особенностей текста» [5, с. 2]. Однако, мы стремимся сделать акцент на особенностях употребления модальных синтаксических конструкций в зависимости от типа предложения. В центре нашего исследования находятся различные типы полипредикативных конструкций в соответствии с классификацией, предложенной Раковой К.И. [8, с. 158]. Особенно важным является изучение явлений полимодальности, характерных для предложений изучаемого типа. Сложность рассматриваемых конструкций предполагает использование теории функционально-семантического поля, в котором, по словам А. Бондарко, объединяются «разноуровневые языковые средства, обуславливая их соотношения» [4, с. 12]. В рамках исследования ставилась цель подтвердить, что при изучении грамматики текста давно «были созданы предпосылки для нового освещения этой категории, например, для объединения различных видов модальных отношений и разноуровневых средств их выражения в функционально-семантические поля» [7, с. 133].

Особенно интересным нам кажется анализ языкового стиля автора с точки зрения употребления модальных средств различных уровней, характерного для предложений изучаемого типа, поскольку благодаря большому количеству предикативных единиц создаются разнообразные сочетания модальных планов. Данные модальные планы участвуют в создании модальной перспективы предложения и помещают его в модальное поле реальности или ирреальности. Поэтому, используя метод функционально-семантического поля, можно проследить, как формирование модальной перспективы полипредикативного предложения влияет на модальную окраску всего повествования. Это становится особенно важным при рассмотрении целостной модальной характеристики текста, так как, по словам профессора И.В. Арнольд, «формальные особенности текста, его детали, впоследствии изучаются с точки зрения их значения в художественном произведении» [1, с. 18]. Кроме того, следуя за мыслью французского философа и искусствоведа Г. Башляра, мы стремимся привести к соответствию внешний грамматический образ предложения и смысловое значение модальных конструкций, поскольку «изучать можно лишь то, что прежде будило воображение» [3, с. 39]. Проведенный ранее анализ многочисленных примеров показал, что «модальная перспектива полипредикативного предложения [...] помогает передать разнообразные оттенки смысла и создает гармоничную модальную фразу» [6, с. 129]. Изучение категории модальности привлекает лингвистов и в связи с расширением рамок «самой категории модальности в сторону выражения разных логических и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи» [2, с. 7]. Именно в соединении всех этих аспектов возможен дальнейший анализ языкового материала, который сможет открыть новые грани давно знакомых литературных форм с точки зрения реализации модальных значений.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов употребления модальности в полипредикативных предложениях в современном английском языке были использованы структурный и функциональный подход в русле общей лингвистики, а также статистический метод анализа примеров. При анализе модальности полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом на материале произведений Джона Голсуорси и Джека Лондона особое внимание было уделено коротким рассказам этих авторов, жанру, который отличается небольшим объемом и представляет какое-то одно событие из жизни героя, раскрывая его характер посредством описания его действий или мыслей. И именно модальная окраска предложения позволяет это сделать лаконично и ёмко.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим следующие примеры из сборника рассказов Дж. Голсуорси «На четырех ветрах». Анализ показал, в основном, наличие двух типов полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом

в рассказах этого сборника, а именно, минимальных трехчастных конструкций и объемных пятичастных предложений:

Трехчастные минимальные конструкции характеризуются наличием модальности одного типа, реальности или ирреальности:

1. Now I shall tell you the whole tale, and you must believe me, for I know [9, с. 5].

Пример 1 представляет собой минимальную трехчастную конструкцию с модальным глаголом *must* в главной части гипотактического комплекса и глаголом-интеллективом *to know* в придаточном, стоящем в постпозиции. Первый паратактический блок характеризуется наличием глагола *to tell* в простом будущем времени, все предложение принадлежит к модальному полю предположения.

2. For answer, le petit opens his coat, and before nine pairs of hungry eyes he pours forth what seems a never-ending stream of gold and notes on to the table [9, с. 6].

Пример 2 это минимальная трехчастная конструкция, паратактические блоки которой характеризуются модальностью реальности, выраженной индикативами глаголов *to open*, *to pour* в настоящем неопределенном времени, тогда как придаточное гипотактического комплекса характеризуется наличием эпистемического глагола *to seem*, что помещает данное полипредикативное предложение в точку пересечения модальных полей реальности и ирреальности. В этой же точке находится и предложение с модальным глаголом *might* в значении предположения:

3. His luck was 'in,' even to and beyond Dick's bottom dollar, but this beyondness, which might have been somewhat disquieting to his opponent, was not to be gathered from Dick's impassive face [9, с. 34].

Пример 3 представляет собой минимальную трехчастную конструкцию, в которой первый паратактический блок характеризуется модальностью реальности, при этом в гипотактическом комплексе используется модальный глагол *to be to* в прошедшем неопределенном времени в главной части, а в придаточном предложении модальный глагол *might* с перфектным инфинитивом выражает значение предположения, демонстрируя в данном полипредикативном предложении пересечение модальных полей реальности и ирреальности.

Добавление одного придаточного не многое меняет в модальной окраске предложения:

4. I've forgotten how it went now, but I remember it was very artistic and untrue, and the whitest sort of a lie [9, с. 30].

Пример 4 представляет собой два гипотактических комплекса, объединенных сочинением, в которых главные части характеризуются эпистемической модальностью, выраженной глаголами-интеллективами *to forget* и *to remember*, тогда как в придаточных модальность реальности создается с помощью индикативов глаголов *to go* и *to be* в простом прошедшем времени. Данное полипредикативное предложение находится на периферии модального поля реальности.

5. It's a longish yarn, and I think I'll just go in and speak to my wife before I begin [9, с. 7].

В примере 5 паратактический блок содержит модальность реальности, выраженную индикативом глагола *to be* в простом настоящем времени, тогда как гипотактический комплекс характеризуется наличием эпистемической модальности в главной части, выраженной глаголом *to think*, что помещает данное полипредикативное предложение в модальное поле предположения.

Более сложная и яркая картина модальности появляется в пятичастных полипредикативных предложениях:

6. I thought you and Mrs Hay were coming out to see us off; it was to have been an all-night sitting for the last, you know, and now here you are one by one deserting, and leaving us to face this abominable melancholy departure alone [9, с. 24].

В примере 6 представлено пятичастное полипредикативное предложение, в котором эпистемическая модальность выражена глаголами-интеллективами *to think* и *to know* в главной части гипотактических комплексов. Придаточное второго гипотактического комплекса содержит модальность долженствования, созданную с помощью модального глагола *to be to*, при этом заключительный паратактический комплекс содержит модальность реальности, выраженную индикативом глаголов *to desert*, *to leave* в прошедшем длительном времени. Все предложение характеризуется довольно сложным сочетанием модальных планов и находится на пересечении модальных полей реальности и ирреальности.

7. He had a fox-terrier called Wasp, that he was awfully fond of, and when we weren't with him he used to lie and talk to her by the hour about his people at home and a certain girl, and Cambridge, and the cursedness of things generally, and the poor little beggar would sit up at the end of the bed, catching flies, and blink her eyes at him, and let on to understand the whole caboodle [9, с. 11].

Пример 7 представляет собой ряд последовательных действий в прошлом, выраженных индикативами смысловых глаголов *to have* и *to be* в простом прошедшем времени, причем главные части паратактических комплексов характеризуются наличием оборотов *used to + Infinitive* и *would + Infinitive*, обозначающих повтор действия в прошлом. Все полипредикативное предложение находится в модальном поле реальности и содержит однородную модальность, создающую гармоничную фразу, имеющую особое значение в течении повествования и развитии рассказа.

8. *There he goes, dreamily threading his solitary way across to the rooms; yet are his thoughts not with those five poor francs; they are, with his eyes, fixed on a certain window in the hotel opposite, and wondering what is the earliest hour she can be 'de retour* [9, с. 63].

Пример 8 это пятичастное полипредикативное предложение, в котором два паратактических комплекса соединены с гипотактическим комплексом в постпозиции, при этом только последнее придаточное содержит модальность ирреальности, выраженную модальным глаголом *can* в значении предположения. Все остальные части предложения характеризуются модальностью реальности, выраженной индикативами смысловых глаголов *to go*, *to be* в настоящем неопределенном времени. Таким образом, данное предложение находится на периферии модального поля реальности.

9. *I confess that he was blasphemously intimate with God; and I must add that there was no blasphemy in him* [9, с. 45].

Пример 9 это два гипотактических комплекса, объединенных сочинением, в главных частях которых субъективная модальность выражена глаголом-интеллективом *to confess* и модальным глаголом *must* в своем основном значении долженствования. Данное полипредикативное предложение находится на пересечении модальных полей реальности и ирреальности.

Рассмотрим модальность в подобных конструкциях в рассказах Джека Лондона, настоящего мастера этого жанра, создававшего объемных запоминающихся персонажей, которые заставляют читателей задуматься о вечных темах жизни и смерти, любви и ответственности. Сборник рассказов «Когда боги смеются» был издан в 1911 году и содержит ряд увлекательных и ярких историй о всевозможных и самых неожиданных поворотах в жизни и судьбе героев повествования. Анализ материала показал, что модальность реальности отмечается в 50% изученных примеров.

Особенностью стиля Дж. Лондона является наличие коротких предложений, а именно, минимальных трехчастных конструкций, в которых модальность реальности и модальность ирреальности встречается с одинаковой частотностью:

10. *It was round, like the moon, and it irradiated a gentle complacence and a sweet kindliness of spirit that was unusual among his countrymen* [10, с. 1].

Пример 10 представляет собой минимальную трехчастную конструкцию, в которой модальность реальности выражена индикативами смысловых глаголов *to be*, *to irradiate* в простом прошедшем времени.

11. *Never was there such a game before, and I doubt me if there will ever be such a game again* [10, с. 2].

Пример 11 это минимальная трехчастная конструкция, с локализацией модальности ирреальности только в гипотактическом комплексе, что помещает данное полипредикативное предложение в точку пересечения модальных полей реальности и ирреальности. И только когда каждая предикативная конструкция содержит модальный глагол, предложение принадлежит модальному полю ирреальности:

12. *Yes, and back of the house he would have a small garden, a place of meditation and repose, with goldfish in a tiny lakelet, and wind bells tinkling in the several trees, and there would be a high wall all around so that his meditation and repose should be undisturbed* [10, с. 3].

В данной минимальной трехчастной конструкции модальность ирреальности выражена модальными глаголами *would*, *should* как в паратактическом, так и в гипотактическом комплексе.

Более сложная картина сочетания модальных планов встречается в полипредикативных предложениях, содержащих 4, 5 или 6 предикативных единиц.

13. *He was ever seeking easement, and when he found that for which he sought, he died* [10, с. 4].

Пример 13 это четырехчастное предложение, в котором модальность реальности выражена индикативами смысловых глаголов *to seek*, *to find*, *to die* в прошедшем длительном и неопределенном временах. Подобная же картина реализации модальности наблюдается в следующих примерах:

14. *Sometimes women pitied her because she was childless; it is the form the envy of such creatures takes* [10, с. 5].

Данные два гипотактических комплекса, объединенных сочинением, содержат реальную модальность, выраженную индикативами смысловых глаголов *to pity*, *to be*, *to take* в прошедшем и настоящем простом временах.

15. Also, if he turned back to Papeete, he would delay the execution at Atimaono, and if he were wrong in turning back, he would get a reprimand from the sergeant who was waiting for the prisoner [10, с. 6].

Пример 15 представляет собой пятичастное полипредикативное предложение, причем модальность ирреальности встречается в обеих главных частях гипотактических комплексов, содержащих модальные глаголы *would* в сослагательном наклонении.

Выводы

Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что приблизительно 40% полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом находятся в модальном поле реальности, образованном индикативами смысловых глаголов, создающими основу повествования в таком литературном жанре, как короткий рассказ. Оставшаяся часть примеров демонстрирует использование различных модальных средств, среди которых глаголы-интеллективы выражают субъективную модальность предположения в 32% случаев. Сослагательное наклонение в предложениях изучаемого типа используется в 10% примеров, находящихся в модальном микрополе предположения. 18% составляют полипредикативные предложения, в которых модальность реализуется с помощью модальных глаголов *might*, *must*, *should* в значении предположения. Таким образом, мы нашли подтверждение существованию особенностей применения модальности в коротком рассказе в отдельных типах полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом, а именно, в минимальных трехчастных конструкциях, в двух гипотактических конструкциях, объединенных сочинением, а также в многочастных предложениях с большим количеством модальных планов. Особенности выражения модальности и ее влияния на повествование в произведениях других литературных жанров все еще остаются предметом дальнейших лингвистических исследований.

Список источников

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / ред. П.Е. Бухаркин. Москва: ФЛИНТА, 2021. 384 с.
2. Ахраменко Л.С. Синтаксические средства выражения модальности в научном тексте // София: электронный научно-просветительский журнал. 2022. № 2. С. 3 – 8. [Электронный ресурс] <https://elib.bsu.by/handle/123456789/288122> (дата обращения: 17.10.2025).
3. Башляр Г. Психоанализ огня / пер. с фр. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 176 с.
4. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
5. Ваулина С.С., Серганова Д.А. Текстобразующая функция авторской модальности в «Поучении преподобного Серапиона» / Мир русского слова. 2021. № 3. С. 60.
6. Ещенко И.О., Бойчук И.В. Средства выражения эпистемической модальности // Оригинальные исследования. 2022. № 5. [Электронный ресурс] https://ores.su/media/filer_public/64/8d/648d8673-0338-4e6c-8193-51f39cc322ea/429-433.pdf (дата обращения: 04.11.2025).
7. Краснова Т.И. Субъективность – модальность. [Электронный ресурс] https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354999283_0584.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
8. Ракова К.И. Типы полипредикативного предложения с сочинением и подчинением в современном английском языке // Научная мысль Кавказа. Приложение 10. Ростов н/Д, 2004. С. 157 – 167. [Электронный ресурс] http://dspace.bsuedu.ru/bitstream/123456789/6161/1/Rakova_K_Aktualizatsiya.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
9. Galsworthy J. From the four winds / Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/75539> (date of access: 05.09.2025).
10. London J. When God Laughs and Other Stories / Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/2545> (date of access: 03.10.2025).

References

1. Arnold I.V. Stylistics. Modern English: a textbook for universities. Ed. P.E. Bukharkin. Moscow: FLINTA, 2021. 384 p.
2. Akhramenko L.S. Syntactic means of expressing modality in a scientific text. Sofia: an electronic scientific and educational journal. 2022. No. 2. P. 3 – 8. [Electronic resource] <https://elib.bsu.by/handle/123456789/288122> (date of access: 17.10.2025).
3. Bashlyar G. Psychoanalysis of Fire. Translated from French. Moscow: Progress Publishing Group, 1993. 176 p.
4. Bondarko A.V. Functional grammar. L.: Nauka, 1984. 136 p.

5. Vaulina S.S., Serganova D.A. Text-Forming Function of the Author's Modality in the "Sermon of St. Serapion". The World of the Russian Word. 2021. No. 3. 60 p.
6. Yeshchenko I.O., Boychuk I.V. Means of Expressing Epistemic Modality. Original Research. 2022. No. 5. [Electronic resource] https://ores.su/media/filer_public/64/8d/648d8673-0338-4e6c-8193-51f39cc322ea/429-433.pdf (date of access: 04.11.2025).
7. Krasnova T.I. Subjectivity – Modality. [Electronic resource] https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354999283_0584.pdf (date accessed: 01.09.2025).
8. Rakova K.I. Types of polypredicative sentences with coordinating and subordinating clauses in modern English. Scientific Thought of the Caucasus. Appendix 10. Rostov n/D, 2004. P. 157 – 167. [Electronic resource] http://dspace.bsuedu.ru/bitstream/123456789/6161/1/Rakova_K._Aktualizatsiya.pdf (date accessed: 01.10.2025).
9. Galsworthy J. From the four winds. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/75539> (date of access: 05.09.2025).
10. London J. When God Laughs and Other Stories. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/2545> (date of access: 03.10.2025).

Информация об авторах

Ещенко И.О., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и проф.коммуникации, Белгородский государственный научно-исследовательский университет, г. Белгород, ул. Победы, 85, Eschenko@bsuedu.ru

© Ещенко И.О., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111'42

¹ Томин В.В.

¹ Оренбургский государственный университет

Лингвомаркеры конфликтогенеза в цифровой коммуникации студенческой молодежи

Аннотация: в статье рассматривается феномен конфликтогенеза в цифровой коммуникации студенческой молодежи через призму лингвистического анализа. Актуальность исследования обусловлена интенсивной цифровизацией высшего образования, которая трансформирует коммуникативные практики и создает предпосылки для возникновения новых форм социальных конфликтов, таких как кибербуллинг. Цель работы – выявить и систематизировать специфические лингвомаркеры, сигнализирующие о зарождении и эскалации конфликта в цифровых образовательных средах (чаты, форумы, мессенджеры). Методологической основой исследования послужили критический дискурс-анализ, фрейм-анализ и контент-анализ цифровых текстов. В результате выделены ключевые группы маркеров: лексико-семантические (пейоративная лексика, стигматизирующие ярлыки, генерализации), морфолого-синтаксические (использование местоимений «мы» / «они», риторические вопросы, нарушение норм нетикета) и прагматические (сарказм, игнорирование реплик, переход на личности). Делается вывод о том, что мониторинг данных лингвистических сигналов позволяет осуществлять раннюю диагностику конфликтогенеза и разрабатывать превентивные меры для обеспечения психологической безопасности в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: лингвомаркеры, конфликтогенез, цифровая коммуникация, студенческая молодежь, кибербуллинг, дискурс враждебности, академическая среда, социолингвистика

Для цитирования: Томин В.В. Лингвомаркеры конфликтогенеза в цифровой коммуникации студенческой молодежи // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 107 – 111.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Tomin V.V.

¹ Orenburg State University

Linguistic markers of conflict genesis in digital communication among student youth

Abstract: the article examines the phenomenon of conflict genesis in digital communication among student youth through the prism of linguistic analysis. The relevance of the study is determined by the intensive digitalization of higher education, which transforms communication practices and creates the preconditions for the emergence of new forms of social conflict, such as cyberbullying. The aim of the work is to identify and systematize specific linguistic markers that signal the emergence and escalation of conflict in digital educational environments (chats, forums, instant messengers). The methodological basis of the study was critical discourse analysis, frame analysis, and content analysis of digital texts. As a result, key groups of markers were identified: lexical-semantic (pejorative vocabulary, stigmatizing labels, generalizations), morphological-syntactic (use of the pronouns 'we' / 'they', rhetorical questions, violation of netiquette norms), and pragmatic (sarcasm, ignoring remarks, personal attacks). It is concluded that monitoring of linguistic signals allows for early diagnosis of conflict genesis and the development of preventive measures to ensure psychological safety in the digital educational environment.

Keywords: linguistic markers, conflict genesis, digital communication, student youth, cyberbullying, hostile discourse, academic environment, sociolinguistics

For citation: Tomin V.V. Linguistic markers of conflict genesis in digital communication among student youth. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 107 – 111.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность. Современная образовательная парадигма претерпевает фундаментальные изменения под влиянием процессов глобальной цифровизации. Перенос значительной части академических и социальных взаимодействий в виртуальное пространство привел к формированию гибридной образовательной реальности, характеризующейся новой палитрой коммуникативных практик [1]. Данный тренд, интенсифицированный в период пандемии COVID-19, актуализировал междисциплинарные исследования на стыке цифровой педагогики, лингвистики, психологии и конфликтологии.

Проблематика исследования. Цифровая среда, редуцируя невербальные компоненты общения (кинетику, проксемику, паралингвистику) и обеспечивая условную анонимность, становится катализатором специфических форм социального взаимодействия, среди которых деструктивной доминантой выступает кибербуллинг [10]. В этих условиях язык перестает быть нейтральным посредником и превращается в активный инструмент конструирования социальной реальности, в том числе и конфликтной [8]. Коммуникация в цифровых образовательных пространствах (чатах Moodle, Telegram-каналах, форумах, Zoom-сессиях) приобретает черты, способствующие эскалации напряженности: асинхронность, текстоцентричность, фрагментарность и импрессионистичность [3].

Целью данного исследования является выявление и систематизация лингвомаркеров – вербальных индикаторов, сигнализирующих о зарождении и развитии конфликта в цифровой коммуникации студенческой молодежи. Гипотеза исследования состоит в том, что конфликтогенез в цифровой среде обладает специфической лингвистической сигнатурой, поддающейся идентификации и классификации, что открывает возможности для его ранней диагностики и профилактики.

Задачи исследования: определить теоретические предпосылки для анализа конфликтогенеза в цифровом дискурсе; на основе анализа научной литературы и эмпирических данных выделить ключевые группы лингвомаркеров конфликтогенеза; описать механизмы функционирования данных маркеров в коммуникативных практиках студенчества.

Научная новизна работы заключается в междисциплинарном синтезе подходов лингвистики, конфликтологии и цифровой педагогики для операционализации понятия «лингвомаркер конфликтогенеза» применительно к академической цифровой среде.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составил комплекс взаимодополняющих методов, ориентированных на анализ языка как социального действия.

Теоретический анализ: был проведен анализ отечественных и зарубежных работ в области социолингвистики [5, 9], конфликтологии [4] и цифровой коммуникации [7] для формирования теоретического базиса.

Критический дискурс-анализ (CDA) использовался для выявления идеологических и властных отношений, репродуцируемых в языке [2], и их связи с генерацией конфликта [4]. В фокусе анализа находились стратегии позиционирования «Своих» и «Чужих».

Фрейм-анализ применялся для идентификации когнитивных структур (фреймов), которые активируются в конфликтном дискурсе и задают интерпретацию ситуаций (например, фрейм «охоты на ведьм» или «несправедливого обвинения»).

Контент-анализ позволил осуществить количественную и качественную обработку текстов цифровой коммуникации (сообщений в академических чатах, комментариев на форумах) для выявления частотных лингвистических паттернов, ассоциированных с конфликтом.

Метод лингвистического наблюдения и интроспекции использовался для детального анализа конкретных речевых тактик и их прагматического потенциала.

Эмпирической базой послужили данные, полученные в ходе полуструктурированного анонимного интервью, сообщений в академических чатах, комментариев на форумах студентов 1-3 курса неязыковых специальностей Оренбургского государственного университета, а также примеры из исследований молодежного сленга и компьютерно-опосредованной коммуникации [6, 7, 9].

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ позволил систематизировать лингвомаркеры конфликтогенеза в цифровой коммуникации студентов по трем основным уровням: лексико-семантическому, морфолого-синтаксическому и прагматическому.

1. Лексико-семантические маркеры (данная группа маркеров является наиболее репрезентативной для диагностики конфликта).

Стигматизирующие ярлыки и пейоративная лексика. Использование слов, целью которых является дискредитация и унижение оппонента. В студенческой среде к ним относятся такие номинации, как «ботаник» (чрезмерно прилежный студент), «неадекват», «старпер» (от англ. olds – пренебрежительное название старших), «читер» (обманщик) [7]. Эти ярлыки выполняют функцию дегуманизации, выводя объект травли за рамки равноправной коммуникации.

Пример: «Опять этот ботаник всю группу подвел своими вопросами».

Генерализации и абсолютизации. Использование обобщающих местоимений и наречий, которые размывают индивидуальную ответственность и создают образ враждебной группы.

Пример: «Вы все такие тупые!», «Они всегда сачкуют».

Конструкции с «все», «всегда», «никто», «никогда» расширяют масштаб конфликта, переводя его из межличностного в межгрупповой.

Эмоционально-оценочная лексика с негативной коннотацией. Слова, выражающие резкое отрицательное отношение: «токсичный» (разрушающий веру в себя), «кринж» (испытывать стыд за действия другого), «упоротый» (ведущий себя неадекватно) [5].

Пример: «Этот проект – просто токсичная помойка».

2. Морфолого-синтаксические маркеры (на этом уровне конфликтогенез проявляется через специфические грамматические конструкции).

Дейктические стратегии отчуждения. Противопоставление «мы» (свои, правильные) и «они» (чужие, неправильные) является мощным инструментом размежевания [11].

Пример: «Мы тут пашем, а они отдыхают».

Риторические вопросы и вопросы-провокации. Вопросы, которые не предполагают получения информации, а имеют целью демонстрацию несогласия, сарказма или обвинения.

Пример: «Ты вообще сам понял, что написал?», «Когда ты уже научишься пользоваться мозгом?»

Нарушение норм академического нетикета. Игнорирование реплик оппонента, преднамеренные орфографические и пунктуационные ошибки (например, написание с пренебрежительной «оФФИГИ»), использование CAPS LOCK (расцененное как крик) – все это служит невербальным (графическим) усилением конфликтного посыла [5].

3. Прагматические маркеры (которые связаны с целями и эффектом речевого воздействия).

Сарказм и ирония. Использование высказываний с противоположным буквальному значению для высмеивания оппонента. В цифровой среде сарказм часто маркируется эмодзи (😏) или заключением фразы в кавычки [5, 7].

Пример: «Ну ты, конечно, "гений". Очень "умный" вопрос задал».

Переход на личности (ad hominem). Тактика, при которой критика направляется не на аргументы оппонента, а на его личные качества.

Пример: «Что ты можешь знать о дедлайнах, если ты вечно все сдаешь в последнюю ночь?»

Провокационные речевые жанры. Публикация в общих чатах «хуков» (провокационных сообщений с целью вызвать реакцию), организация «пранков» (обманов с целью мониторинга реакции адресата) [5], создание мемов, высмеивающих конкретного человека.

Выявленные лингвомаркеры функционируют не изолированно, а в комплексе, формируя дискурс враждебности. Этот дискурс служит вербальной основой для эскалации буллинга и кибербуллинга, который, в соответствии с конфликтологической парадигмой, является формой борьбы за символический капитал, статус и власть в студенческой группе [10].

Концепция «ролевой выгоды», предложенная в работах Г.А. Труфанова, Н.С. Боровниковой и др. [4], находит свое отражение и на лингвистическом уровне. Агрессор, используя пейоративную лексику и сарказм, получает языковое подтверждение своего доминирования. Жертва, принимая навязанный ярлык, может использовать его для привлечения внимания (вторичная выгода). Наблюдатели, употребляя генерализации («они все такие»), снимают с себя индивидуальную ответственность за происходящее.

Цифровая среда, с ее свойством диссоциации (агрессор не видит непосредственной реакции жертвы) [1, 4], потенцирует использование более жестких и прямых лингвомаркеров, чем в офлайн-взаимодействии. Анонимность или ощущение безнаказанности в чатах снижает порог речевой агрессии.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что конфликтогенез в цифровой коммуникации студенческой молодежи обладает четко идентифицируемой лингвистической сигнатурой. Выделенные группы лингвомаркеров (лексико-семантические, морфолого-синтаксические и прагматические) позволяют диагностировать социальную напряженность на ранних стадиях ее возникновения.

Теоретическая значимость работы заключается во введении и операционализации категории «лингвомаркер конфликтогенеза» для цифрового академического дискурса, что вносит вклад в развитие конфликтологической лингвистики и социолингвистики.

Практическая значимость результатов состоит в том, что они могут быть использованы для разработки систем автоматизированного мониторинга психологического климата в цифровых образовательных пространствах на основе анализа больших данных и выявления негативных лингвистических паттернов.

Выявленные лингвомаркеры могут служить основой создания методических рекомендаций для профессорско-преподавательского состава и кураторов студенческих групп по раннему распознаванию речевых сигналов конфликта, а также проведения профилактических тренингов, направленных на развитие у студентов навыков конструктивной цифровой коммуникации и критического осмысления дискурса враждебности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении лонгитюдных исследований для валидации предложенной классификации маркеров, а также в более глубоком изучении влияния конкретных цифровых платформ (Moodle, Telegram, Discord) на специфику проявления конфликтогенеза в языке.

Список источников

1. Томин В.В., Гайнутдинова А.А., Плещёв И.Е., Щелгачева К.Б., Усова Н.Д. Эффективность внедрения онлайн-платформ и инструментов дистанционного обучения в российских вузах // Вестник педагогических наук. 2025. № 6. С. 237 – 244.
2. Усов С.С., Уланова К.Л., Томин В.В., Крутова И.Н., Калинина А.С. Разновидности дискурса и их значимость в исследованиях. Медийный, политический, академический дискурсы. Критический дискурсивный анализ // Современный ученый. 2023. № 2. С. 97 – 102.
3. Amilia F., Werdingsih I., Aditiawan R.T. The development of lemma and meaning in the language variety used by adolescents on social media // Bahastra. 2022. № 42 (1). P. 26 – 33.
4. Bobrovnikova N.S., Trufanov G.A., Tomin V.V., Yevstafev A.V. Situations of bullying in the context of contemporary conflict studies // International Research Journal. 2024. № 2 (140).
5. Novikova G.P., Tomin V.V., Shabalina L.G., Andreeva E.A., Sukhodolova E.M., Mashkin N.A., Grabovyy K.P. Blogosphere as a space of communication and self-presentation: its formation issues and features // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6. № 2. P. 4876 – 4882.
6. Pesina S.A., Antropova L.I., Yusupova L.G., Zalavina T.Y., Pustovoitova O.V., Terenteva N.G. Research of communication as a sign process at the semantic and biocognitive levels. Review of judicial practice, Review of judicial practice. Universidad Y Sociedad, 2021. № 13 (6). P. 83 – 88.
7. Pesina S.A., Vinogradova S.A., Tomin V.V., Trofimova N.A., Rubtsova S.Y., Morozova M.N., Velikanova S.S. Youth Slang as a Social Language Code: Functions and Formation // Cadernos de Educação, Tecnologia e Sociedade. 2024. Vol. 17. № 2. P. 803 – 811.
8. Roth-Gordon J. Language and creativity: Slang. The International Encyclopaedia of Linguistic Anthropology. John Wiley & Sons, Inc. 2020. N. pag.
9. Shalkov D.Y., Kolmakova V.V., Shilova E.S. Youth Sociolect as a Metastyle of Modern Communication. In Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Springer International Publishing, 2022. P. 136 – 144.
10. Trufanov G.A., Bobrovnikova N.S., Tomin V.V., Evstafev A.V. To the issue of the role classification of participants in bullying situations // Conflict Studies. 2024. No. 1. P. 107 – 118.
11. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Palgrave Macmillan, 2009. 268 p.

References

1. Tomin V.V., Gainutdinova A.A., Pleshchev I.E., Shchegacheva K.B., Usova N.D. Efficiency of Implementation of Online Platforms and Distance Learning Tools in Russian Universities. *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2025. No. 6. P. 237 – 244.
2. Usov S.S., Ulanova K.L., Tomin V.V., Krutova I.N., Kalinina A.S. Types of Discourse and Their Significance in Research. *Media, Political, Academic Discourses. Critical Discourse Analysis. Modern Scientist*. 2023. No. 2. P. 97 – 102.
3. Amilia F., Werdiningsih I., Aditiawan R.T. The development of lemma and meaning in the language variety used by adolescents on social media. *Bahasastra*. 2022. No. 42 (1). P. 26 – 33.
4. Bobrovnikova N.S., Trufanov G.A., Tomin V.V., Yevstafev A.V. Situations of bullying in the context of contemporary conflict studies. *International Research Journal*. 2024. No. 2 (140).
5. Novikova G.P., Tomin V.V., Shabalina L.G., Andreeva E.A., Sukhodolova E.M., Mashkin N.A., Grabovyy K.P. Blogosphere as a space of communication and self-presentation: its formation issues and features. *Journal of Positive School Psychology*. 2022. Vol. 6. No. 2. P. 4876 – 4882.
6. Pesina S.A., Antropova L.I., Yusupova L.G., Zalavina T.Y., Pustovoitova O.V., Terenteva N.G. Research of communication as a sign process at the semantic and biocognitive levels. *Review of judicial practice, Review of judicial practice. Universidad Y Sociedad*. 2021. No. 13 (6). P. 83 – 88.
7. Pesina S.A., Vinogradova S.A., Tomin V.V., Trofimova N.A., Rubtsova S.Y., Morozova M.N., Velikanova S.S. Youth Slang as a Social Language Code: Functions and Formation. *Cadernos de Educação, Tecnologia e Sociedade*. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 803 – 811.
8. Roth-Gordon J. Language and creativity: Slang. *The International Encyclopaedia of Linguistic Anthropology*. John Wiley & Sons, Inc. 2020. N. pag.
9. Shalkov D.Y., Kolmakova V.V., Shilova E.S. Youth Sociolect as a Metastyle of Modern Communication. In *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. Springer International Publishing, 2022. P. 136 – 144.
10. Trufanov G.A., Bobrovnikova N.S., Tomin V.V., Evstafev A.V. To the issue of the role classification of participants in bullying situations. *Conflict Studies*. 2024. No. 1. P. 107 – 118.
11. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Palgrave Macmillan, 2009. 268 p.

Информация об авторах

Томин В.В., кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет (ОГУ), vnimot@yandex.ru

© Томин В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 82.0; 82-312.9

¹Хорошевская Ю.П.

¹Ростовский государственный университет
путей сообщения

Фантастика и фантастическое в прозе Чингиза Айтматова: пути расширения жанрового канона

Аннотация: в статье рассматривается специфика функционирования фантастического (как метода) и фантастики (как жанровой формы) в поздних романах Чингиза Айтматова, чье творчество традиционно воспринимается преимущественно в рамках реалистической, философской и этнически окрашенной прозы. С опорой на фундаментальные концепции Ц. Тодорова, Р. Лахманн, Р. Джексон и Д. Сувина в настоящей работе системно показано, что фантастическое у Айтматова не является вторичным по отношению к реализму и мифологизму, но представляет собой оригинальный метод художественного мышления автора. А понимание его специфики позволяет переосмыслить границы жанра научной фантастики и определить место фантастических произведений Айтматова в литературной традиции XX в., что делает обращение к данной теме актуальным и научно значимым. В результате исследования выявлено, что в романах «И дольше века длится день» и «Тавро Кассандры» писатель сознательно обращается к инструментарию научной фантастики, интегрируя его в этико-философский дискурс и мифопоэтический нарратив своих произведений. Фантастическое для Айтматова становится не просто художественным приемом, но способом повествования, который позволяет значительно расширить пространство текста, придавая мифу и национальному эпосу универсальное, «космическое» звучание. Писатель предпринимает попытку расширить границы жанра, создавая гибридные формы, в которых фантастические элементы становятся центральным звеном морально-философского высказывания.

Ключевые слова: научная фантастика, фантастическое, когнитивное остранение, новум, Айтматов, Тодоров, Сувин

Для цитирования: Хорошевская Ю.П. Фантастика и фантастическое в прозе Чингиза Айтматова: пути расширения жанрового канона // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 112 – 118.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹Khoroshevskaya Yu.P.

¹Rostov State Transport University

Science fiction and the fantastic in Chingiz Aitmatov's prose: ways to expand the genre canon

Abstract: the article examines the specifics of the functioning of the fantastic (as a method) and fantastic literature (as a genre form) in the late novels of Chingiz Aitmatov, whose work is traditionally perceived primarily within the framework of realistic, philosophical and ethnically colored prose. Based on the fundamental concepts of Ts. Todorov, R. Lachmann, R. Jackson and D. Suvin, this work systematically shows that the fantastic in Aitmatov is not secondary to realism and mythologism, but represents an original method of artistic thinking of the author. Understanding its specificity allows us to rethink the boundaries of the science fiction genre and determine the place of Aitmatov's fantastic works in the literary tradition of the 20th century, which makes addressing this topic

relevant and scientifically significant. The study revealed that in the novels “And the Day Lasts Longer than a Century” and “Cassandra’s Tavro,” the writer consciously turns to the tools of science fiction, integrating them into the ethical and philosophical discourse and mythopoetic narrative of his works. For Aitmatov, the fantastic becomes not just an artistic device, but a way of storytelling that allows for a significant expansion of the textual space, giving myth and national epic a universal, “cosmic” sound. The writer attempts to expand the boundaries of the genre by creating hybrid forms in which fantastic elements become the central link of a moral and philosophical statement.

Keywords: *science fiction, fantastic, cognitive estrangement, novum, Aitmatov, Todorov, Suvin*

For citation: Khoroshevskaya Yu.P. Science fiction and the fantastic in Chingiz Aitmatov's prose: ways to expand the genre canon. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 112 – 118.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Творчество Чингиза Айтматова (1928–2008) занимает уникальное место в мировой литературе второй половины XX века. Его произведения стали ярким примером синтеза различных культурных кодов – от фольклорных и мифологических до научно-фантастических. Писатель расширяет жанровый канон миметической прозы, вводя в него элементы научной фантастики, антиутопии, мифа и эсхатологического предупреждения. В своих романах «И дольше века длится день» (1980) [1] и «Тавро Кассандры» (1994) [2] Айтматов последовательно обращается к инструментарию научной фантастики, делая его неотъемлемой частью философской структуры повествования.

В современных гуманитарных исследованиях наблюдается устойчивый интерес к гибридным формам повествования, и как раз в этом контексте творчество Айтматова представляется особенно ценным, так как демонстрирует нестандартное использование автором фантастического как способа философского анализа и художественного моделирования предельных ситуаций. Помимо этого, Айтматов расширяет и жанровый канон научной фантастики, поскольку взаимодействие реалистического, мифологического и фантастического нарративов в художественном пространстве одного текста создает сложный полижанровый конструкт, соединяющий космическую проблематику, социальную антиутопию, философское и притчевое начала.

В условиях кризиса гуманистических ориентиров и усталости от технократического оптимизма, свойственных фантастике последней трети XX века, произведения Чингиза Айтматова отражают новые модели художественного мышления, в которых фантастика становится способом критического анализа современности и одновременно формой антропологической рефлексии. В контексте советской научной фантастики 1960–1980 гг. видим в романах «И дольше века длится день» и «Тавро Кассандры» общую тенденцию к отходу от превалирующих ранее тем «космического братства», технократической утопии и оптимизма к социально-критической направленности, освещению тем взаимоотношения интеллигенции и власти, свободы творчества в условиях тоталитаризма, губительной бюрократии и преобладающую этическо-философскую проблематику. Разработка темы «нового человека» у Айтматова также лишена оптимистических красок и тесно связана с темой памяти – центральной в творчестве писателя.

На основе вышесказанного можем утверждать, что исследование специфики изображения элементов научной фантастики в творчестве Чингиза Айтматова представляется актуальным, поскольку позволяет уточнить роль гибридных нарративных моделей в мировой литературе конца XX века и по-новому интерпретировать место писателя в мировом литературном процессе. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые системно анализируются особенности использования писателем инструментария научной фантастики как самостоятельного художественного метода, выходящего за рамки традиционной жанровой фантастики. Помимо этого, устанавливается, что фантастическое у Айтматова выполняет преимущественно этическую, а не сюжетообразующую или декоративную функцию. Такой подход позволяет пересмотреть устоявшееся представление о фантастике как вторичном элементе его поэтики и выявить ее роль в раскрытии тем, связанных с исторической травмой, сохранением памяти и культурной идентичности, магистральных для творчества писателя.

Таким образом, целью настоящего исследования является выявление специфики использования фантастических элементов и фантастики как жанровой формы в романах Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» и «Тавро Кассандры» при сопоставлении его писательского метода с терминологическим ап-

паратом и фундаментальной теорией фантастического. Для достижения указанной цели необходимо последовательно решить несколько задач: 1) рассмотреть основные подходы к изучению фантастики и фантастического с точки зрения их релевантности для интерпретации прозы Айтматова; 2) выявить особенности функционирования фантастического как художественного метода в романах «И дольше века длится день» и «Тавро Кассандры»; 3) рассмотреть специфику изображения новума и создания когнитивного остранения в структуре указанных текстов; 4) определить роль произведений Айтматова в мировой тенденции расширения жанрового канона научной фантастики.

Теоретической основой данной работы послужили фундаментальные исследования в области фантастики и фантастического, разрабатывающие и уточняющие понятийный аппарат и методы изучения фантастики в мировой литературе и культуре. Наиболее авторитетными в данной области являются: концепция фантастического Цветана Тодорова [11], исследования о фантастическом Розмари Джексон [13] и Ренате Лахманн [8], фундаментальный труд о фантастике Дарко Сувина [14]. Среди современных исследователей вопросами разграничения понятий «фантастика» и «фантастическое» занимаются, в частности, И.В. Головачева [3, 12], А.А. Зубов [5, 6], А.Л. Гумерова, В.С. Сергеева [4]. Фантастические элементы в творчестве Айтматова традиционно рассматриваются как вторичная категория по отношению к его реалистической и мифопоэтической манере письма, однако среди исследований последних лет хотелось бы отметить статью Сардарбек кызы Н. о функциях фантастики в романах Айтматова [10] и статью И.Б. Ничипорова [9], который рассматривает «Тавро Кассандры» как роман-антиутопию.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования при разработке курса лекций по истории литературы XX века, или спецкурсов, посвященных теории и истории фантастики, либо творчеству Чингиза Айтматова.

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили романы Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» и «Тавро Кассандры», которые отражают основные тенденции в развитии советской и мировой фантастики последней трети XX века, равно как и тенденции к расширению жанрового канона научной фантастики, включающие переосмысление роли науки, технологического прогресса, вопросы сохранения культурной памяти и ответственности человечества перед будущим. В этих романах фантастика становится не жанровой игрой, а способом высказывания о глобальных судьбах человечества, средством философско-этического анализа последствий неконтролируемого прогресса и духовной деградации человека.

Методологическую основу исследования составляют структурно-семиотический анализ для выявления взаимодействия мифологических, реалистических и фантастических кодов; сравнительно-типологический метод, используемый для сопоставления художественных текстов с понятийным аппаратом фундаментальных теорий фантастического; метод нарративного анализа для изучения особенностей функционирования фантастических элементов в структуре и художественном пространстве романов Айтматова. Практическое применение данных методов позволяет комплексно исследовать многослойную структуру текстов и выявить нюансы взаимодействия мифологических, реалистических и фантастических кодов.

Результаты и обсуждения

Понятия «фантастика» и «фантастическое» относятся к числу фундаментальных, но их терминологическое содержание неоднозначно. Особенно остро вопрос различения фантастики и фантастического стоит в современной гуманитарной науке, где пересекаются исследования в области литературоведения, культурологии, философии, антропологии и медиа. К настоящему моменту преобладающая точка зрения заключается в том, что фантастика и фантастическое – пересекающиеся, но не тождественные категории. Помимо этого, приходится соотносить фантастику и фантастическое в литературе с такими смежными терминами как «вымысел», «чудесное», «воображаемое», «художественная условность» и т.д.

Цветан Тодоров в монографии «Введение в фантастическую литературу» [11], которая стала фундаментальным исследованием по теории фантастического, определяет **фантастическое** как пограничное состояние, колебание между естественным и сверхъестественным объяснением, когда персонажи и читатель не могут однозначно интерпретировать происходящее. Основываясь на понятиях чудесного (и необъяснимого) и необычного (и объяснимого), он предлагает определение фантастического как эффекта, возникающего в сознании героя (или читателя) при столкновении привычного и невозможного в тот момент, когда герой (или читатель) не знает, к чему склониться – чудесному и сверхъестественному, или просто странному, но вполне объяснимому законами природы.

Роже Кайуа [7] связывает возникновение фантастического с нарушением объективной, привычной картины мира – фантастическое начинается там, где рациональный порядок нарушается вторжением чего-то непонятного.

В работах Ренате Лахманн [8] фантастическое рассматривается как радикальная стратегия создания художественного дискурса, которая нарушает нормализованный тип повествования, «размывает» границы между уровнями реальности и вводит в текст «гибридизацию дискурса». Фантастическое для Лахманн не просто нарратив о нарушении законов природы, но семиотическое событие, вызывающее кризис интерпретации.

Розмари Джексон [13] трактует фантастическое как дискурсивную категорию, выводящую текст в области политического и социального. Фантастическое в ее работах – это нарратив: (1) связанный с бессознательным, подавленным, маргинальным; (2) разрушающий культурные нормы, бинарные оппозиции, социальные константы; (3) функционирующий как механизм для изображения всех проявлений лиминальности и дальнейшего нивелирования границ.

Ключевой в теории фантастики стала концепция Дарко Сувина, которую он изложил в фундаментальном труде «Метаморфозы научной фантастики» [14]. Он определяет **фантастику** как жанр, основанный на принципе когнитивного остранения и обязательного присутствия в тексте новума (*novum*) – принципиально нового элемента, влияющего на законы мира. Структурное свойство фантастики как жанра по Сувину заключается в том, что: (1) фантастика изображает мир, отличный от эмпирической реальности; (2) этот мир отличается, прежде всего, когнитивно, то есть подчинен иной логике и рациональности; (3) изображенный мир вызывает чувство остранения, но, при этом, он доступен для познания.

Таким образом, отметим, что **фантастическое** относится к эстетической категории и является **средством, способом** вызвать у героя (и читателя) эффект нарушения привычной картины мира, основанный на колебании между объяснимым и необъяснимым. **Фантастика** в жанровом смысле является разновидностью художественного текста, основанного на принципах **когнитивного остранения** и обязательного присутствия **новума** – некоего «новшества», изменения реальности, которое объясняется логически и когнитивно. В современном литературоведении оба подхода рассматриваются как взаимодополняющие.

Рассмотрим отражение этих концепций в творчестве Чингиза Айтматова. В строгом смысле (согласно концепции Сувина) Айтматов не пишет жанровой фантастики, но активно использует фантастическое как дискурсивный механизм, создающий напряженное колебание между мифом, наукой и объективной реальностью. Фантастическое в романах Айтматова присутствует как в виде размывания границы между мифическим и историческим, так и в амбивалентности событий, изначально принимаемых персонажами как реальность. Однако писатель не останавливается на границе восприятия (по Тодорову), но уводит нарратив либо в чудесное (миф), либо в научно-фантастическое повествовательное пространство.

В романе «**И дольше века длится день**» фантастическое функционирует как метафора исторического забвения, соединяя в единую цепь мифологическое (легенда о манкурте, вставная новелла о Чингисхане) и футурологическое (контакт землян с инопланетной цивилизацией) измерения. Таким образом в романе возникает «всечеловеческий» хронотоп, где сохранение памяти является условием выживания.

Фантастическое как соединение несовместимых уровней реальности (по Лахманн) в романе осуществляется с помощью переплетения мифологических элементов, миметического повествования (история Едигея, Казангапа, Абуталипа) и научно-фантастических фрагментов (хроника космической программы). Таким образом видим, как в романе создается многоуровневый гибридный дискурс, характерный для постмодернистской структуры повествования. Более того, такое соединение архаического, реалистического и футуристического в одном гибридном хронотопе подрывает дихотомию миф / наука, показывая эти уровни не как противоположности, но взаимодополняющие способы описания объективной реальности.

Линия манкурта – человека, насильно лишенного памяти, утратившего, по сути, саму личность, может рассматриваться (согласно концепции Джексон) как символ социальной деградации, модель тоталитарного подавления свободной личности. Фантастическое здесь используется для анализа исторической травмы и социального опыта, что, как уже было сказано, соответствует концепции Джексон о фантастическом как «обнажении скрытых травм культуры». Применительно к теории Дарко Сувина образ манкурта является новумом особого типа: он не рационализирован (то есть, не научная фантастика), но вписан в историю и функционирует как мифопоэтический новум, выполняя задачу предупреждения человечеству.

Новум в традиционном понимании здесь – это сюжетная линия о контакте человечества с инопланетной цивилизацией. Введение в текст научно-фантастического элемента нарушает линейную логику реалистического повествования, расширяет пространство романа до космических масштабов, реализует идею Другого – внешнего наблюдателя, оценивающего человеческую цивилизацию. Отдельный этот сюжет о контакте космонавтов с представителями планеты Лесная Грудь приближается к пониманию фантастики как жанра в концепции Дарко Сувина. Более того, встреча человека с инопланетной цивилизацией – это (по Сувину) когнитивное испытание человечества как разумного вида.

Роман «Тавро Кассандры» представляет собой уже фантастику как жанр в его разновидности философской антиутопии. В основе сюжета лежит традиционная для научной фантастики проблема генетических экспериментов, создания гибридных существ и дальнейшая угроза биологического самоуничтожения человечества. Главный конфликт – между технологическим прогрессом и этикой – выражен в романе Айтматова с помощью символа «тавра», как знака предопределенности и проклятия. А отсылка к образу древнегреческой пророчицы Кассандры является метафорой беспомощности разума перед слепотой толпы. В контексте романа этот образ используется в разработке сюжетной линии Борка / Филофея для иллюстрации предостережения о грядущей катастрофе, которую люди не хотят замечать. Сама тема глобальной катастрофы, искусственного разума, моральной ответственности ученого весьма часто встречается в научной фантастике, но у Айтматова она приобретает глубокий этический и философский оттенок.

Тема памяти и забвения – магистральная в творчестве Айтматова – здесь раскрывается с помощью научно-фантастического инструментария и выстраивается вокруг ученого Андрея Крыльцова (он же космический монах Филофей) и его экспериментов по выведению иксродов – новой породы людей, не обремененных родственными связями и нравственными принципами. Сам Крыльцов сирота, живущий исключительно возложенной на него миссией и, по его собственным словам, лишенный и прошлого, и будущего. По сути, тот самый иксрод, которых он пытается создать по заданию партии. Открытие им кассандро-эмбрионов, которые, находясь в утробе матери, еще на ранней стадии беременности сигнализируют о своем нежелании родиться, ставит Крыльцова перед моральной дилеммой: обречь родившихся детей на страдания, или прерывать беременность. Придя к выводу, что современное общество является разрушителем будущего мира, в котором не хотят родиться дети, Крыльцов пытается обратиться к человечеству с призывом к самосовершенствованию. Но общество оказывается не готово принять его откровение.

Разрабатывая сюжетную линию ученого, создающего иксродов, Айтматов продолжает развивать тему памяти и забвения. Иксрод, по сути, тот же манкурт, оторванный от социальных и родственных связей, лишенный каких-либо моральных и этических принципов. С помощью образа кассандро-эмбрионов писатель задает вопрос о моральной ответственности человека за будущее. В соответствии с концепцией Розмари Джексон о фантастическом как способе обнажения скрытых травм культуры и подрыва механизма власти, отражение данной функции видим в романе в разработке тем дегуманизации человека под видом прогресса, скрытой агрессии цивилизации и ее дальнейшей катастрофы, ответственности ученого перед человечеством и последующей этической дискуссии о том, может ли человек брать на себя роль демиурга и где, соответственно, проходит граница допустимого в биологических и социальных экспериментах.

Опираясь на концепцию Дарко Сувина о фантастике как жанре, основанном на принципах когнитивного остранения, которое позволяет увидеть объективную реальность под альтернативным углом, можем отметить, что подобное остранение в романе Айтматова достигается с помощью введения космической тематики; образов иксродов и кассандро-эмбрионов как моделей предельной антропологической деформации; а также линии ученого, олицетворяющего технократическую одержимость, доведенную до духовной пустоты. Новум в романе снова опирается на этическое начало, а изображение науки как инструмента тоталитарной власти сближает «Тавро Кассандры» с антиутопиями и романами-предупреждениями.

Опираясь на все, вышесказанное, можем отметить, что Чингиз Айтматов обращается к фантастическому инструментарии не только как возможности расширить и углубить повествовательное пространство, но и как способу философско-этической рефлексии над проблемами современности. Фантастическое в романе «И дольше века длится день» становится инструментом анализа культурной памяти, обращается к ответственности человека за мир, в котором он живет. Объединяя миф, объективную реальность и космический сюжет в едином повествовательном пространстве, Айтматов создает некий общечеловеческий хронотоп, где главным условием выживания становится сохранение культурной памяти. Фантастика в романе «Тавро Кассандры» обращается к глобальным проблемам экологии, моральной ответственности, социальной и культурной деградации в результате неконтролируемого прогресса. Будущее в романе предстает не как технологический прогресс, а как испытание человечности. Айтматов, по сути, расширяет канон научной фантастики, вводя ее в области нравственной рефлексии, культурной памяти и метафизического поиска. Другими словами, фантастика для Айтматова является инструментом моделирования предельных ситуаций, ставящих человека (и человечество) перед болезненным выбором.

Выводы

Подводя некоторый итог проведенному исследованию, сформулируем следующие выводы: 1) Фантастическое в поздних романах Чингиза Айтматова является не вспомогательным, а одним из основных элементов художественного метода автора, который позволяет объединить мифологическое, социальное и космическое измерения в едином повествовательном пространстве. Оно выполняет преимущественно этическую,

философскую и культурологическую функции, формируя особый тип гибридного дискурса, который органично сочетает мифопоэтику, научное знание и социальную критику. 2) В романе «И дольше века длится день» фантастическое соединяется с мифологическим и космическим, открывая перспективу универсального гуманизма. Фантастическое здесь функционирует как инструмент анализа культурной памяти и исторической травмы, создавая универсальный хронотоп, где сохранение памяти выступает главным условием человеческого существования. 3) В романе «Тавро Кассандры» фантастика приближается к своей сюжетообразующей функции и становится способом предупреждения человечеству о катастрофических последствиях неконтролируемого прогресса. Фантастика как жанровый элемент приобретает в романе антиутопический и этико-философский характер, моделируя предельные ситуации технологического и антропологического кризиса, создавая образ будущего как испытания человечности. 4) В созвучии с наметившимися тенденциями в фантастике последней трети XX века Чингиз Айтматов расширяет жанровый канон научной фантастики, вводя в него темы нравственного выбора, духовной деградации, ответственности за последствия технологического и научного прогресса, поисков идентичности и сохранения культурной памяти народа, создавая, тем самым, гибридный тип фантастического нарратива. Фантастический инструментарий в поздних романах Айтматова является не эстетической игрой, но глубинным методом художественного мышления.

Таким образом, настоящее исследование вносит свой вклад в процесс изучения жанровой природы прозы Чингиза Айтматова. Помимо этого, расширяя представление о функциях фантастического в произведениях, выходящих за границы жанра научной фантастики.

Список источников

1. Айтматов Ч. И дольше века длится день. М.: АСТ, 2023. 512 с.
2. Айтматов Ч. Тавро Кассандры. М.: Азбука, 2022. 320 с.
3. Головачева И.В. Следует договориться о терминах: современные теории фантастики и фантастического // Вопросы филологии: сборник научных статей. СПб: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2015. С. 109 – 135.
4. Гумерова А.Л., Сергеева В.С. К проблеме теории фантастического // Codex manuscriptus. 2024. Вып. 4. С. 17 – 23.
5. Зубов А.А. Фантастика как рецепция в истории литературы, XIX-XX вв // Codex manuscriptus. 2024. Вып. 4. С. 24 – 50.
6. Зубов А.А. Фантастология и теория жанров // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 1. С. 53 – 65.
7. Кайуа Р. В глубь фантастического. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 279 с.
8. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
9. Ничипоров И.Б. «Тавро Кассандры» Чингиза Айтматова как роман-антиутопия // ART LOGOS. 2018. № 1 (3). С. 98 – 105.
10. Сардарбек кызы Н. Функции фантастики в романах Ч. Айтматова «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры» // ALATOO ACADEMIC STUDIES. 2022. № 2. С. 146 – 155.
11. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
12. Golovacheva I.V. Is the Fantastic Really Fantastic? // Exploring the Fantastic: Genre, Ideology, and Popular Culture. Bielefeld: transcript Verlag, 2018. P. 61 – 90.
13. Jackson R. Fantasy: The Literature of Subversion. London; New York: Methuen, 1981. 211 p.
14. Suvin D. Metamorphoses of Science Fiction. New Haven & London: Yale University Press, 1979. 336 p.

References

1. Aitmatov Ch. And the Day Lasts Longer than a Century. Moscow: AST, 2023. 512 p.
2. Aitmatov Ch. Cassandra's Tavro. Moscow: Azbuka, 2022. 320 p.
3. Golovacheva I.V. It is necessary to agree on terms: modern theories of science fiction and the fantastic. Questions of Philology: Collection of scientific articles. St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University”, 2015. P. 109 – 135.
4. Gumerova, A.L., Sergeeva, V.S. To the Question of the Theory of Fantastic. Codex manuscriptus. 2024. Iss. 4. P. 17 – 23.
5. Zubov A.A. Science Fiction as Reception in the History of Literature, 19th-20th Centuries. Codex manuscriptus. 2024. Iss. 4. P. 24 – 50.

6. Zubov A.A. Science Fiction Studies and Genre Theory. Scientific Notes of Kazan University. Humanitarian Sciences Series. 2016. Vol. 158. Book 1. P. 53 – 65.
7. Caillois R. Into the Depths of the Fantastic. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing, 2006. 279 p.
8. Lachmann R. Discourses of the Fantastic. Moscow: New Literary Review, 2009. 384 p.
9. Nichiporov I.B. Chingiz Aitmatov's "Cassandra's Tavro" as a dystopian novel. ART LOGOS. 2018. No. 1 (3). P. 98 – 105.
10. Sardarbek kyzy N. Functions of fantasy in the novels of Ch. Aitmatov "And the day lasts longer than a century", "Cassandra's Tavro". ALATOO ACADEMIC STUDIES. 2022. No. 2. P. 146 – 155.
11. Todorov, Ts. Introduction into Fantastic Literature. Moscow: House of Intellectual Books Publ., 1999. 144 p.
12. Golovacheva I.V. Is the Fantastic Really Fantastic? Exploring the Fantastic: Genre, Ideology, and Popular Culture. Bielefeld: transcript Verlag, 2018. P. 61 – 90.
13. Jackson R. Fantasy: The Literature of Subversion. London; New York: Methuen, 1981. 211 p.
14. Suvin D. Metamorphoses of Science Fiction. New Haven & London: Yale University Press, 1979. 336 p.

Информация об авторах

Хорошевская Ю.П., кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Ростовского государственного университета путей сообщения, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2, г. Ростов-на-Дону, artaiti@inbox.ru

© Хорошевская Ю.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81.2

¹ Гремицкая М.В.

¹ Вятский государственный агротехнологический университет

Объективация ирреальности посредством гипотетического сравнения в немецком языке

Аннотация: в статье рассматривается соотношение сравнения и предположения как концептов категорий модусного типа. Раскрыта интерпретирующая функция обоих концептов. Подробно исследуется понятие гипотетического сравнения. Сложноподчиненное предложение с придаточным предложением ирреального сравнения определено как средство вербализации гипотетического сравнения в немецком языке. Проведен анализ языкового материала из произведений немецкой художественной литературы писателей XX века на основе следующих параметров: обоснование гипотетического сравнения; пропозиция гипотетического сравнения; вид ирреальности гипотетического сравнения. Показана разница между относительной и абсолютной ирреальностью.

Ключевые слова: Предположение, сравнение, гипотетическое сравнение, модус, ирреальность

Для цитирования: Гремицкая М.В. Объективация ирреальности посредством гипотетического сравнения в немецком языке // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 119 – 124.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Gremitckaya M.V.

¹ Vyatka State Agrotechnological University

Objectification of irrelation through hypothetical comparison in German

Abstract: the article examines the relationship between comparison and assumption as concepts of modal categories. The interpretive function of both concepts is revealed. The concept of hypothetical comparison is examined in detail. A complex sentence with a subordinate clause of irreal comparison is defined as a means of verbalizing hypothetical comparison in German. An analysis of linguistic material from works of 20th-century German fiction is conducted based on the following parameters: justification of the hypothetical comparison; proposition of the hypothetical comparison; type of irreality of the hypothetical comparison. The difference between relative and absolute irreality is demonstrated.

Keywords: assumption, comparison, hypothetical comparison, mode, irreality

For citation: Gremitckaya M.V. Objectification of irrelation through hypothetical comparison in German. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 119 – 124.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Специфика интерпретации действительности как один из актуальных вопросов современной когнитивной лингвистики вытекает в том числе из процессов категоризации предметов и явлений окружающего мира. Категоризация напрямую связана с обнаружением базовых свойств определённых сущностей, которые выявляются человеком при обработке и оценке имеющихся знаний. Под категориями следует понимать ряд объектов, считающимися эквивалентными.

Н.Н. Болдырев подробно рассматривает понятие «языковая категория», которая, с его точки зрения, выполняет «специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком» [1]. Одними из разновидностей языковых категорий являются категории модусного типа, которые обеспечивают возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания, формирования на основе этого отдельных смыслов и их конечной вербализации посредством языковых единиц [3].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования применялись следующие методы: сопоставительный метод, метод сплошной выборки, метод концептуального анализа, метод дефиниционного анализа, метод лингвистического описания, а также приём обобщения фактического материала и математико-статистический приём.

Материалом исследования является лексико-грамматический языковой материал из произведений немецкой художественной литературы писателей XX века.

Результаты и обсуждения

Сравнение – это сопоставление двух однородных по своей природе компонентов, отражающее субъективное отношение и оценку говорящего к передаваемой информации. Сравнение, имеющее в основе логические операции анализа, синтеза, обобщения, построено на основе признаков и свойств сравниваемых явлений. В то же время сравнение тесно связано с воображением как процессом моделирования ментальных образов и их соотношений между собой, с реальностью и картиной мира субъекта.

Предположение – это соотношение действительности и кажимости, то есть оценка реальности того или иного факта, а точнее вероятности его существования. Предположение раскрывает субъективное отношение к данному факту относительно наличия его в реальности. Предположение формируется на основе отражённой в сознании человека окружающей действительности и имеющегося объёма и характера знаний и оформляется в семантический конструкт как результат интерпретации данных сенсорного восприятия, совмещающая в той или иной пропорции рационально-мыслительные и чувственно-образные компоненты [4].

Сравнение и предположение следует считать концептами модусных категорий, поскольку общей характерной чертой для первых является их интерпретирующая функция. Именно в результате отражения и последующей интерпретации определенного фрагмента окружающей действительности образуется некая ментальная единица, содержащая одновременно объективные данные и субъективное отношение, построенное на основе логики и / или воображения.

Сравнение как таковое является сопоставлением двух явлений или предметов в ситуации, при которой критерий для сравнения объективен, очевиден и не вызывает сомнений: «А больше, чем В», т.к. $A=2x$, $B=x$. Сравнение, на которое накладывается субъективная оценка «А лучше, чем В, с точки зрения N», целесообразно назвать оценочным сравнением, поскольку оно в большей степени зависит от видения адресанта. Сравнение, в основе которого лежит предположение, суть гипотетическое сравнение. В этом случае к мыслительной операции сравнения присоединяется элемент допущения вероятного положения дел. Сравнение преломляется через ощущение, предчувствование, кажимость, воображение, догадку, умозаключение субъекта. Образы, смоделированные в процессе наложения предположения на сравнение, будут отличаться характером, их соотношением с реальностью и внутренним миром субъекта в силу знаний, собственного опыта и особенностей восприятия последнего. Предполагаемый в сравнении элемент действительности может быть, как реальным, в котором содержится информация о двух потенциально реальных и равных событиях, так и ирреальным, речь о котором пойдет далее.

Своеобразие семантики ирреального сравнения находят в сопоставлении разнородных элементов. Считается, что ирреальное сравнение отражает образ мира в сознании языковой личности и передает ее внутренний мир. Подобное сравнение используется преимущественно для характеристики внешних и внутренних свойств персонажей, разных видов деятельности и представления явлений природы [9]. В пресуппозиции ирреального сравнения присутствует факт сравнения двух явлений: реального и ирреального, иными словами, действительного и воображаемого. Следовательно, сравниваемые явления находятся в отношении предполагаемого равенства.

Семантика ирреального сравнения может трактоваться как гипотетическое условие, оформленное с позиции адресанта в определенный образ действия. Целью адресанта является спецификация образа действия. С этой целью адресант проецирует в реальную ситуацию предполагаемое условие. Иначе говоря, адресант сравнивает реальную ситуацию с гипотетической, в которой гипотетически воссозданные условия разворачивания ситуации объясняют, с его точки зрения, характер действия субъекта [5].

Для реализации ирреального сравнения на языковом уровне необходимы «следующие компоненты: 1) ситуация реального мира, находящаяся в поле восприятия сравнивающего субъекта; 2) сравнивающий субъект, выполняющий роль модусного субъекта; 3) интерпретация фрагмента или целой ситуации реального мира, с которыми модусный субъект находит концептуальное сходство» [6].

В научных работах описаны достаточно схожие между собой классификации конструкций ирреального сравнения. Некоторые исследователи выделяют следующие три группы:

- 1) сопоставление реального события с ирреальным;
- 2) сопоставление двух несовместимых, взаимоисключающих друг друга предмета, лица, события при видимой реальности эталона;
- 3) сопоставление определенного события с точно таким же, но возможным при других обстоятельствах [7].

Имеет место деление высказываний с рассматриваемой семантикой на относительную и абсолютную нереальность. В случае с первой воображаемая ситуация находится в противоречии с описываемыми событиями, но возможна при других обстоятельствах, при второй воображаемая ситуация невозможна ни при каких обстоятельствах.

Ирреальные ситуации также называют «идентифицирующими, то есть такими, которые сами по себе не служат эталоном для сравнения, но позволяют установить сходство сравниваемой ситуации с единичными или повторяющимися ситуациями», [10] и делят на два типа:

- ситуации, существование которых говорящим представлено как теоретически возможное;
- ситуации, возможность существования которых говорящий заведомо отрицает, так как в действительности существует противоположная ситуация [10].

В немецком языке ирреальное сравнение вербализуется в основном сложноподчиненными предложениями с придаточными сравнительными, вводимыми союзами *als*, *als ob*, *als wenn*, *wie wenn*. При этом основной частью предложения часто являются словосочетания *j-m ist*, *j-m scheint*, реже *j-m ist zumute* или глаголы *aussehen*, *klingen*, *scheinen*, *wirken* в форме индикатива. Сказуемое придаточного предложения употребляется в конъюнктиве [2]. Придаточное в сравнительной конструкции не имеет соотносительного слова в главной части и относится ко всему главному предложению, а не к какому-либо его элементу. Содержание придаточной части сравнивается или сопоставляется с содержанием главной части, а средством их связи выступает один из указанных сравнительных союзов. В сложноподчиненных предложениях данного типа нет отказа от одного действия ради утверждения другого, а скорее два действия сопоставляются. В таких сравнительных конструкциях придаточная часть всегда находится в постпозиции, и поставить ее впереди невозможно [8]. В рассматриваемых видах предложений сравнение является отношением подобия, которое предстает как гипотетическое. Придаточное предложение таким образом дополняет и конкретизирует содержание главного предложения, но подобное новое значение носит субъективный характер, т. е. является модусом адресанта. Пропозиция модуса посредством объективации образа действия уточняет пропозицию диктума согласно индивидуальному представлению субъекта. Ирреальность пропозиции модуса маркируется перечисленными выше союзами как индикаторами гипотетического образа действия [6].

С учетом вышеизложенного проведем комплексный анализ конструкций ирреального сравнения на материале текстов немецкой художественной литературы. За основу возьмем следующие параметры:

- обоснование гипотетического сравнения;
- пропозиция гипотетического сравнения;
- вид ирреальности гипотетического сравнения.

Обоснование гипотетического сравнения идентифицирует ту основу, на которую накладывается предполагаемое равенство, иными словами, раскрывает объективные данные, заложенные в пропозиции диктума, опираясь на которые, говорящий строит свое предположение. Пропозиция гипотетического сравнения идентична пропозиции модуса, т. е. детерминирует семантику предположения. Предполагаемое в сравнении явление может быть, как относительно, так и абсолютно ирреальным. При этом под относительной ирреальностью следует понимать положение вещей, которое теоретически может иметь место в действительности, под абсолютной – невозможное положение вещей.

В предложении *Es sieht so aus, als habe jemand hier noch vor kurzem geschrieben, Erna.* (Kersten. Ein Glückstag, als Anke kam) говорящий смотрит на представленную перед ним картину и на основании определенных признаков приходит к выводу, что некто здесь что-то писал. Пропозиция модуса четко идентифицирована: *jemand hat geschrieben*. Предполагаемое сравнение здесь является относительно ирреальным в отличие от следующего примера, ср.: *Er sah jämmerlich verloren aus in dem großen, kahlen Raum, und es kam mir vor, als wäre er kleiner geworden* (Remarque. Drei Kameraden). В последнем модус субъекта *er war kleiner geworden* невозможен в действительности, т. е. абсолютно ирреален. Адресант, глядя на персонажа, считает в его образе такую жалость и ничтожность, что первому кажется, как второй уменьшился в размере. Подобное предполагаемое сравнение усиливается акцентом на большом помещении, где персонаж находится. Следовательно, обе указанные выше конструкции имеют обоснованием гипотетического сравнения что-либо увиденное, что логично объективируется в языке глаголом *aussehen*.

В следующих двух высказываниях обоснованием гипотетического сравнения будет являться что-либо услышанное. Так, в предложении *Das klang, als wäre er darüber nicht betrübt.* (Krohn. Der Arzt) говорящий, принимая во внимание интонацию собеседника, озвучивает пропозицию предположения: *er war nicht betrübt*, что вполне допустимо, а, значит, обладает относительной ирреальностью. Выражение <...> *es war, als hätte er mit diesem ersten Satz seine Stimme entdeckt* <...>. (Böll. Billard um halb zehn) демонстрирует пропозицию предполагаемого сравнения как *er hatte seine Stimme entdeckt*. Данная семантика относится к разряду абсолютно ирреального положения вещей, поскольку любой слышащий человек изначально знает и узнает свой голос, его особенности и характеристики. Субъект же модуса предположил прямо противоположную ситуацию, вероятно опираясь не только на интонацию им услышанного, но и еще на некоторые признаки, указывающие на удивление описываемого персонажа.

Обоснованием гипотетического сравнения может быть и что-либо осязаемое. Как, например, выражение <...> – *aber plötzlich war es mir, als hätte ich einen elektrischen Schlag erhalten.* (Remarque. Drei Kameraden) устанавливает пропозицию гипотетического сравнения *ich hatte einen elektrischen Schlag erhalten*. Адресант испытывает такие же ощущения в теле, как после удара электрическим током, что вполне возможно в действительности, следовательно, предполагаемое сравнение приобретает относительно ирреальный характер. Предложение *Ihm war, als hätte eine Hand sich fest auf sein Herz gelegt.* (Remarque. Arc de Triomphe) репрезентирует модус *eine Hand hatte sich auf sein Herz gelegt*, который вряд ли может иметь место в действительности в силу анатомического расположения сердца в теле человека, что говорит об абсолютной ирреальности. Но субъект модуса именно так ощущает в данной ситуации часть своего тела в области сердца.

Утверждением *Mir ist ganz so, als ob ich dich lieb habe.* (Kästner. Fabian) говорящий испытывает чувство, сравниваемое с любовью, но однозначно так его не называет в силу ведомых ему причин. Пропозиция модуса *ich habe dich lieb* предполагает наличие любви у субъекта модуса, что относительно ирреально, поскольку именно в данных обстоятельствах реальным не является. Абсолютную ирреальность гипотетического сравнения рассмотрим в предложении *Es war ihm, als wäre er wieder jung und ginge das erstemal zu einer Frau* (Remarque. Arc de Triomphe). В описываемой ситуации герой произведения чувствует себя снова молодым, впервые идущим на свидание с женщиной. Пропозиция предполагаемого сравнения *er war wieder jung* абсолютно ирреальна по причине невозможности обернуть время вспять и вернуться в прошлое. В указанных выше конструкциях в основу предположения положено чувство как устойчивое эмоциональное переживание человека, возникающее в процессе его отношений с окружающим миром.

Интересными представляются высказывания, где основополагающим элементом для гипотетического сравнения является восприятие времени как субъективное отражение скорости явлений действительности. В суждении *Es war vier Tage her, dass er dies geschrieben hatte, ihm war, als lägen mindestens ebenso viele Jahre dazwischen.* (Fallada. Altes Herz geht auf die Reise) очевиден модус *viele Jahre lagen dazwischen*, который противопоставляется диктуму *es war vier Tage her*, поскольку по ощущениям субъекта события развивались намного медленнее, чем в действительности. Но данное сравнение считаем относительно ирреальным в силу возможного объективного временного промежутка. Предложение *Mir schien, als wäre das endlos lange her und doch eigentlich erst gestern gewesen.* (Remarque. Drei Kameraden) показывает замешательство субъекта относительно ощущения времени, что выражается в противопоставлении двух пропозиций одного модуса: *das war lange her* и *das war gestern gewesen*, что никак не может иметь места в действительности, а значит, относится к абсолютной ирреальности.

Способность человека к фантазированию как созданию индивидуальных вымышленных образов предметов и явлений окружающей действительности ярко проявляется в процессе воображения. Последнее, как будет показано далее, также может выступать обоснованием гипотетического сравнения. В высказывании *Mir schien, als ginge lautlos die Tür auf, und ein alter, müder Mann träte herein.* (Remarque. Drei Kameraden)

говорящему видится человек, но такие языковые маркеры как глагол *scheinen*, союз *als* и конъюнктив показывают, что человек этот существует лишь в воображении субъекта. Но модус последнего теоретически возможен, следовательно, считается относительно ирреальным. Сравним с предложением *Sie lächelste, und mir schien, als ob alles in der Welt heller dadurch würde.* (Remarque. Drei Kameraden), где улыбка героини осветила в воображении адресанта весь мир, что не может соответствовать действительности, поэтому пропозиция гипотетического сравнения *alles würde in der Welt heller* имеет абсолютно ирреальную коннотацию.

Формулируя предполагаемое условие, субъект может при всем прочем опираться и на собственный опыт, состоящий из признаков, ощущений, ситуаций и действий прошлого. Так, утверждение *Ich kenne dich beinahe so gut, wie wenn wir oft miteinander geschlafen hätten.* (Hesse. Der Steppenwolf) раскрывает, с точки зрения говорящего, ту степень близкого знакомства с собеседником, которая возможна только в озвученных посредством пропозиции гипотетического сравнения обстоятельствах: *wir hatten oft miteinander geschlafen.* В предложенных же обстоятельствах пропозиция модуса противоречит действительности и обладает относительной ирреальностью.

Построение гипотетического сравнения базируется в представленных ниже случаях на умозаключении, основанном на воспринимаемых говорящим определенных фактах. Например, в утверждении *Drei Straßen weiter schien es schon, als herrsche überall Ruhe und Ordnung.* (Kästner. Fabian) субъект приходит к выводу, что ситуация, вербализованная в модусе *Ruhe und Ordnung herrschen überall*, является таковой исходя из сложившейся в данный момент обстановки, которую говорящий замечает, воспринимает и оценивает. Пропозиция модуса потенциально возможна, а, значит, относительно ирреальна. В высказывании *Es ist, als ob sie alle längst tot wären, als ob es sie nicht mehr gäbe, vielleicht nie gegeben hätte.* (Simon. Gespräche unterwegs), напротив, пропозицию предположения *es hatte sie nie gegeben* следует считать абсолютно ирреальной, поскольку наличие неких третьих лиц не ставится в контексте под сомнение.

Выводы

Таким образом, сравнение и предположение являются концептами модусной категории, поскольку возникают в результате интерпретации окружающей действительности. В процессе интерпретации говорящий дополняет диктум своим субъективным отношением, заключающемся в потенциальном сходстве рассматриваемых явлений, что приводит к формированию гипотетического сравнения. Гипотетическое сравнение суть ментальный конструкт, вербализуемый в немецком языке посредством сложноподчиненных предложений с придаточными образа действия, в семантике которых репрезентирована как относительная, так и абсолютная ирреальность. Предполагаемое адресантом сравнение может иметь в своей основе нечто увиденное, услышанное, осязаемое, чувствуемое, также может быть обосновано восприятием времени, воображением, опытом или строиться на умозаключении.

Список источников

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. Гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. Вып. 4. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25 – 76.
2. Гремицкая М.В. К вопросу об объективации концепта «предположение» посредством условия и ирреального сравнения в немецкой картине мира // В мире научных открытий: материалы IV международной научно-практической конференции: сборник научных трудов. Москва, 24 июня 2012 года / Центр научной мысли; под научной редакцией С.П. Акутиной. Москва: Спутник+, 2012. С. 159 – 161.
3. Гремицкая М.В. Номинативное поле модусного концепта «предположение» в немецкой языковой картине мира // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 297 – 300.
4. Гремицкая М.В. Экспликация концепта «ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ» посредством риторического и рефлексивного вопросов в немецкой языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-2 (55). С. 116 – 119.
5. Денисова Г.Л. Компаративное высказывание с ALS: структура, семантика, информативная нагрузка // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 6. С. 73 – 80.
6. Каверина О.А. Модусная категоризация действительности посредством сравнения // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2014. № 3 (15). С. 37 – 42.
7. Кравец О.В. Конструкции, выражающие сходство в произведениях А.П. Чехова и особенности их перевода на английский язык // Инновации в науке. 2014. № 29. С. 139 – 145.
8. Лыткина Г.В. Сравнительные конструкции русского языка: логико-лингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-3 (60). С. 115 – 119.

9. Николаева А.В. Синонимика конструкций ирреального сравнения в английском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 114 – 121.

10. Погорелова М.В. Типология сложных сравнительных конструкций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 84 – 88.

References

1. Boldyrev N.N. Conceptual Basis of Language. Cognitive Studies of Language. Conceptualization of the World in Language: A Collective Monograph. Edited by E.S. Kubryakova. Iss. 4. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Tambov: Derzhavin Tomsk State University Publishing House, 2009, P. 25 – 76.

2. Gremit'skaya M.V. On the issue of objectification of the concept "assumption" by means of conditions and unreal comparison in the German picture of the world. In the world of scientific discoveries: materials of the IV international scientific and practical conference: collection of scientific papers. Moscow, June 24, 2012. Center for Scientific Thought; under the scientific editorship of S. P. Akutina. Moscow: Sputnik+, 2012. P. 159 – 161.

3. Gremit'skaya M.V. Nominative field of the modus concept "assumption" in the German linguistic picture of the world. Problems of history, philology, culture. 2014. No. 4 (46). P. 297 – 300.

4. Gremit'skaya M.V. Explication of the concept "ASSUMPTION" by means of rhetorical and reflexive questions in the German linguistic picture of the world. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2016. No. 1-2(55). P. 116 – 119.

5. Denisova G.L. Comparative statement with ALS: structure, semantics, informative load. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2010. No. 6. P. 73 – 80.

6. Kaverina O.A. Modal categorization of reality through comparison. Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia Magister Dixit. 2014. No. 3 (15). P. 37 – 42.

7. Kravets O.V. Constructions expressing similarities in the works of A.P. Chekhov and features of their translation into English. Innovations in Science. 2014. No. 29. P. 139 – 145.

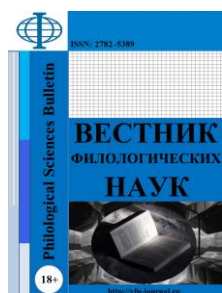
8. Lytkina G.V. Comparative constructions of the Russian language: logical and linguistic aspect. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2016. No. 6-3 (60). P. 115 – 119.

9. Nikolaeva A.V. Synonymy of constructions of irreal comparison in the English language. Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences. 2014. No. 3. P. 114 – 121.

10. Pogorelova M.V. Typology of complex comparative constructions. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2004. No. 2. P. 84 – 88.

Информация об авторах

Гремицкая М.В., кандидат филологических наук, доцент, Вятский государственный агротехнологический университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (французский язык) (филологические науки)

УДК 811.133.1

¹ Саенко О.А., ¹ Степанова Н.П.

¹ Иркутский государственный университет

Функционирование прилагательного-определения в репортажах журналов о путешествиях (на материале французских интернет-изданий)

Аннотация: статья посвящена изучению прилагательного в функции определения в текстах репортажей о путешествии. Рассмотрение прилагательных с точки зрения их объективного, субъективного видения, а также относительно объективного видения, позволило выделить несколько групп: прилагательные, которые передают физическое восприятие объектов; прилагательные-суждения, выражающие положительную или отрицательную оценку; прилагательные, отражающие субъективность физического восприятия мира. Анализ примеров прилагательных в репортажах о путешествиях, жанра, основной функцией которого является культурно-просветительская, продемонстрировал, что прилагательные объективного видения представлены многочисленно и довольно разнообразно. Это в свою очередь, говорит о том, что они отражают достоверную информацию о сказанном. Научные работы, посвященные позиции прилагательного по отношению к существительному во французском языке, не позволяют однозначно решить трудности употребления его в именном словосочетании. Можно говорить об устойчивой постпозиции относительных прилагательных и об устойчивой препозиции прилагательных, свойственной узкой группе этого класса слов. Изучение примеров показывает, что аффективная природа препозитивной конструкции реализуется с теми прилагательными, которым в других условиях свойственна постпозиция. Такое положение усиливает приписываемое объекту качество, тем самым придает тексту привлекательность и выразительность. Представленный анализ позволяет более точно понять тенденции местоположения французского прилагательного в именном словосочетании, что придает практическую значимость статье.

Ключевые слова: репортаж, прилагательное, определение, французский язык, объективное видение, субъективное видение, оценочность, аффективность

Для цитирования: Саенко О.А., Степанова Н.П. Функционирование прилагательного-определения в репортажах журналов о путешествиях (на материале французских интернет-изданий // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 125 – 131.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Saenko O.A., ¹ Stepanova N.P.

¹ Irkutsk State University

The functioning of an attributive adjective in travel magazine reports (based on French online publications)

Abstract: this article is about the study of the adjective in the attributive function in travel reports. The consideration of adjectives from their objective, subjective, and relatively objective perspectives made it possible to identify several groups: adjectives that convey the physical perception of objects; judgmental adjectives expressing a

positive or negative evaluation; and adjectives reflecting the subjectivity of physical perception of the world. The analysis of adjective examples in travel reports, a genre whose main function is cultural and educational, has demonstrated that adjectives of objective perspective are numerous and quite diverse. This, in turn, indicates that they present reliable information about what is being described. Academic works dedicated to the position of the adjective in relation to the noun in the French language do not provide a definitive solution to the difficulties of its use within a noun phrase. We can speak of a stable postposition for relative adjectives and a stable preposition for adjectives characteristic of a narrow group within this word class. The study of the examples shows that the affective nature of the prepositive construction is realized with those adjectives which, under other conditions, are typically postpositive. This position intensifies the quality attributed to the object, thus making the text more attractive and expressive. The given analysis allows us to more accurately understand the trends of the location of the French adjective in the noun phrase, which adds practical significance to the article.

Keywords: *travel report, French adjective, attribute, objective perspective, subjective perspective, evaluation, affectivity*

For citation: Saenko O.A., Stepanova N.P. The functioning of an attributive adjective in travel magazine reports (based on French online publications). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 125 – 131.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Туристическая журнальная пресса имеет богатую историю, меняется в зависимости от социально-экономической ситуации и запросов общества, эволюционирует в конкурентной среде, адаптируется в современном медийном пространстве [4, 2, 6]. Неоднородность изданий о туризме и путешествиях, разнообразие жанров и затрагиваемых тем приводит к появлению разных терминов для обозначения объекта исследования, таких как «туристические печатные СМИ», «туристическая пресса», «пресса путешествий», «туристическая периодика», «туристический журнал», «журнал о туризме», «туристическая журнальная пресса» [5]. В последние годы российские исследователи используют наименование «трэвел-журналистика», объясняя тем, что данный термин краток, удобен в употреблении, понятен путешественникам, журналистам и исследователям [2, с. 56].

Информационные технологии меняют в целом конфигурацию журналистики, создают основу для диверсификации источников информации. Читатели получают доступ к сайтам, блогам и социальным сетям с разнообразным контентом. Меняются жанры и форматы информации о путешествиях: аннотации, подкасты, маршруты путешествий, комментарии, отзывы и впечатления путешественников, обзоры, путевые заметки с изложением личного опыта и советов. Однако, как отмечает А.А. Градюшко, «качественная журналистика, основанная на высоких профессиональных стандартах, в цифровую эпоху будет востребована не меньше, чем раньше» [3, с. 26]. Печатные журналы о путешествиях не исчезли с развитием телевидения, продолжают развиваться и на современном этапе. Известные журналы предлагают читателям на выбор печатный экземпляр или журнал в цифровом формате, как, например, на сайте французской ассоциации *UNIPresse*, созданной в 1948 году, пользователям предлагается подписка или отдельные номера 15 разных журналов по теме «Путешествия-Природа» в печатном или цифровом формате [19]. На сайтах изданий о путешествиях, таких как «Géo», «Petit Futé», размещаются в свободном доступе отдельные статьи редакций [14, 17], создаются новые интернет-журналы [15, 16, 18, 20, 21]. Так, журнал «*voyager-magazine*» позиционирует себя как онлайн журнал об искусстве путешествовать [20].

Журналы о путешествиях относят к специализированной прессе, где в увлекательной форме предлагаются материалы по путешествиям, затрагиваются темы истории, географии, культуры, философии, традиций. В них также может размещаться информация об услугах, о значимых событиях, то есть сопутствующая информация для планирования и организации путешествия [5, с. 31, 1, с. 1-3]. Разнообразные жанры и форматы туристической журналистики выполняют следующие функции: 1) культурно-просветительскую; 2) культурно-мировоззренческую; 3) эстетическую; 4) рекреационно-развлекательную; 5) мотивационно-целевую; 6) информационно-справочную [7, с. 15]. В соответствии с целью и задачами конкретного издания отдельные жанры выполняют одну или несколько функций. Репортаж вносит свой вклад в реализацию культурно-просветительской, эстетической и информационно-справочной функций.

По мнению исследователей, жанр «репортаж» остается востребованным в журналах о путешествиях [7, с. 19], адаптируется в современных условиях, получая иногда черты других, «пограничных» жанров

[2, с. 59]. Репортаж как информационный жанр, как «беспристрастное освещение событий» актуален в журналах о путешествиях [9, с. 26], и в полной мере соответствует общим целям журналистики – информировать и увлечь читателя. По словам Б. Гревисса, журналист силой слова делает так, чтобы читатель оказался вместе с ним на месте событий и увидел происходящее [13, с. 148]. С одной стороны, журналист должен представить объективное видение, не навязывать собственное мнение, придерживаясь принципа достоверности информации. С другой стороны, его задачей также является соответствовать принципу привлекательности, т.е. подать информацию в определенном ракурсе, акцентируя внимание на отдельные детали, и тем самым воздействовать на читателя [11, с. 187].

Спецификой репортажа в журналах о путешествиях является преимущественное описание мест, объектов для посещения с элементами географических, исторических и культурных фактов. При этом большая роль отводится языковым формам и конструкциям, которые функционально используются для статических описаний: языковые элементы чтобы назвать, указать на положение в пространстве и охарактеризовать. Обычно читателю дается положительный образ места для путешествия, чтобы подчеркнуть его необычность, привлекательность, уникальность, поэтому статьи насыщены прилагательными, что делает актуальным изучение их роли в жанре «репортаж».

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на материале 7 французских интернет-изданий по туризму и путешествиям [14-18, 20, 21]. Были проанализированы 19 публикаций, размещенных в рубрике «репортажи» с января 2023 года по октябрь 2025 года. Методом сплошной выборки были отобраны именные словосочетания с прилагательными в функции определения (без расширения в виде дополнения к прилагательному). Всего были проанализированы 1020 словосочетаний в постпозиции и препозиции прилагательных по отношению к существительным. Для анализа примеров применялись методы функционально-семантического и контекстуального анализа, а также контент-анализ и количественный метод.

Результаты и обсуждения

Французский лингвист Патрик Шародо предлагает рассматривать прилагательные с точки зрения того, как они передают видение говорящего о свойствах предмета речи: 1) объективное видение, 2) субъективное видение, 3) относительно объективное видение. К первой группе прилагательных он относит те, которые передают физическое восприятие объектов через форму, пространство, через антропологическое знание живых существ (возраст, пол) и через социальную идентичность. Вторая довольно большая группа прилагательных связана с суждением говорящего о том, что он видит. Данное суждение он выражает через положительную или отрицательную оценку. В этой группе выделяются: – прилагательные, которые касаются интеллектуальной деятельности; – аффективные прилагательные для передачи чувств, эмоций, ощущений, психологического поведения; – эстетические прилагательные, передающие оценочные характеристики искусства и всего того, что есть в природе с точки зрения канонов красоты; – этические прилагательные для описания морали и кодекса поведения; – прагматические прилагательные, которые оценивают практический аспект деятельности человека. Относительно объективное видение отражает физическое восприятие мира, как и объективное видение, однако в отличие от него характеристика предметов осуществляется через их развитие. Оно зависит от того, как говорящий трактует обсуждаемый предмет относительно своих норм и критериев. В третьей группе представлены качественные прилагательные, которые определяют размер, расстояние, вес, движение предмета [10, с. 326-327].

Французский язык относится к аналитическим языкам, поэтому порядок слов в предложении очень важен для языка. В Средние века место прилагательного закрепилось после существительного [8, с. 178]. Эта последовательность слов рассматривается в качестве основной.

Количественный подсчет показал доминирование словосочетаний «Nom + Adj» в анализируемых текстах: 802 словосочетания из 1020, что составляет примерно 79 %. В словосочетаниях «Nom + Adj» преимущественно употребляются прилагательные, отражающие объективное видение говорящего. Объекты характеризуются с точки зрения: 1) формы: *sa tourelle octogonale, des falaises déchiquetées, des rochers affleurants, les tiges ondoyantes, une route sinueuse*; 2) цвета: *le sable blond, le calcaire blanc, les toits bleus, ses eaux turquoise, des falaises rouges*; 3) материала или происхождения: *des îles volcaniques, les eaux minérales, des canyons granitiques, un éperon rocheux, les ruelles pavées, des pistes sablonneuses, des lagons coralliens, le relief montagneux*; 4) положения в пространстве: *les zones côtières, des villages riverains, la côte ouest*; 5) состояния: *l'herbe sèche, des plaines enneigées, des filets frais ou fumés, un lac gelé*; 6) временного параметра: *la période estivale, une brasserie contemporaine, les batailles médiévales, une visite nocturne*; 7) отнесенности к месту/культуре: *la gastronomie morzinoise, la culture haut-savoyarde, la cité alsacienne, des fortifications génoises, le style anglo-normand, ses vestiges romains, une église néogothique*. В данной группе встречаются

прилагательные терминологического характера: *chromatique, endémique, hivernal, insulaire, lacustre, œnologique*. Широко представлены прилагательные, образованные от имен собственных: *breton, colmarien, corse, jurassien, languedocien, méditerranéen, polynésien*. Благодаря данной группе прилагательных журналист создает достоверную картину, сочетая объективность и научность, тем самым придает репортажу правдивость и авторитетность.

Положительные впечатления передаются в репортаже посредством использования прилагательных, передающих субъективное видение, а также относительно объективное видение. Репортаж о путешествии представляет интересные для посещения места, т.е. описывает объекты неживой природы, поэтому востребованы аффективные, эстетические и прагматические прилагательные. Анализ примеров показал доминирование прилагательных, которые отражают: 1) эмоциональные впечатления: *les panoramas vertigineux, les couleurs éclatantes, des paysages enchanteurs, une vue imprenable, sa façade impressionnante, un panorama époustouflant, une vue sublime*; 2) ментальные образы: *un climat idéal, des forêts de lauriers luxuriantes, un paysage idyllique, ce site incroyable, un lieu parfait, des formes délirantes, les plages paradisiaques, son charme fou*; 3) пережитый опыт: *des paysages uniques, une expérience inédite, un site irréel, un panorama exceptionnel, une richesse insoupçonnée*.

Употребление таких прилагательных подчеркивает необычность, привлекательность, уникальность описываемых мест. Создаваемые яркие образы притягивают внимание и вызывают у читателя эффект присутствия. В словосочетаниях «Nom + Adj» примеры с прилагательными объективного видения составляют 58 %, с прилагательными субъективного видения – 38 %, с прилагательными относительно объективного видения – 4 %.

Позиция прилагательного после или перед существительным способна передавать самые разные оттенки значений. Лингвисты объясняют такой порядок слов историческими, фонетическими, семантическими, синтаксическими и, конечно, стилистическими явлениями [12, с. 204-208]. Однако в речи, в различного рода текстах мы наблюдаем другую картину, где прослеживается нарушение этих явлений, т.к. прилагательное стоит на непривычном месте.

По мнению Е.А. Рощупкиной, последовательность слов связана не только с языковыми особенностями составляющих элементов, но также может зависеть от типа вводящего детерминатива, присутствие второго определения или наречия, наличие аффикса, присутствие отрицания и т.д. Все эти особенности могут проявляться на разных уровнях и переплетаться между собой. Контекст также откладывает свой отпечаток на порядок слов. Поэтому выделение четких правил при описании словосочетаний «Nom + Adj» / «Adj + Nom» практически невозможно. Можно отметить наиболее стабильные случаи употребления и определить тенденции, которые указывают на выбор того или иного места прилагательного [8, с. 179].

Принимая во внимание факторы, которые определяют место прилагательных в предложении, из анализа примеров мы видим, что они довольно часто нарушаются. Прилагательные, которые должны были бы стоять после существительного, стоят перед ним, и наоборот.

Согласимся с мнением Е.А. Рощупкиной, утверждающей, что те прилагательные, которые стоят перед существительными имеют общее значение «количество», которое определяет степень проявления качества в градации «норма/ выше нормы/ ниже нормы». Эти прилагательные можно сопоставить с теми односложными прилагательными, которые изначально занимали место перед существительным.

Итак, анализ примеров показывает следующие группы прилагательных:

– прилагательные, выражающие высокую степень проявления качества, сравнимые с *grand*: *de solides gaillards, une large sélection, de profondes transformations, les majestueuses montagnes, une importante collection, un impressionnant trou, un immense banc, les principales destinations, d'innombrables canaux, un gigantesque rocher, une haute saison, d'immenses falaises, une forte humidité, une profonde ouverture, une imposante forteresse*;

– прилагательные, обладающие невысокой степенью качества, сопоставимые с прилагательным *petit*: *un simple trek, une simple randonnée, un simple conducteur, une modeste chapelle, d'étroites ruelles*. Это можно объяснить тем, что репортаж о путешествии имеет цель привлечь посетителей в описываемое место, это, своего рода, скрытая реклама, в которой не место контексту, связанному с проявлением невысокой степени качества;

– прилагательные, которые сопоставимы с *beau*: *une surprenante piste, le splendide panorama, un délicieux moment, une somptueuse villa, de superbes stations, des excellentes tables, une magnifique ville, les élégants hippocampes, un somptueux décor, un heureux repli, sa charmante plage*;

– прилагательные, которые можно сравнить с *bon*: *un agréable séjour, une délicieuse gastronomie, d'inoubliables souvenirs, une excellente idée, de superbes balades, le doux bruit, de chouettes lieux de ressourcement*;

– видовременные прилагательные, где отношение «количества» связано с идеей «времени»: *une authentique scierie, un prochain arrêt, un ancien moulin*;

– модальные прилагательные, которые передают три основных значения: реальность (истина или ложь), возможность/невозможность и необходимость/обязательность. К таким прилагательным отнесем *véritable*, которое встречается с разными семантико-грамматическими группами существительных – *une véritable attraction, des véritables perles, le véritable défi, de véritables artisans, cette véritable œuvre, le véritable voyageur-explorateur*;

– прилагательные, передающие оппозицию «привычное, известное / поражающее, выходящее за рамки обычного»: *ces incroyables paysages, le fameux espada, le fameux rocher, la traditionnelle foire, le célèbre vin, ces différents massifs, les traditionnels produits, la fameuse pyramide, son célèbre port de plaisance, les fameuses marques*.

На местоположение прилагательного влияет стилистический фактор. Примером являются те прилагательные, которые могут свободно перемещаться без искажения своего значения. Однако в контексте это прилагательное в препозиции к существительному приобретает более сильное значение, ярче подчеркивая приписываемое качество.

Когда прилагательное стоит перед существительным, оно несет в себе основную коммуникативную функцию, т.е. выполняет роль главного лексического элемента. Таким образом, препозиция прилагательного укрепляет связь с существительным. Это смысловое целое передает функцию номинации – формирует единое понятие об объекте как, например: *il faut emprunter un téléphérique pour accéder au splendide panorama sur la baie de Funchal; un passage par l'hôtel de ville permet d'admirer une somptueuse villa*.

Примеры показывают, что препозиция прилагательных во французском языке имеет тенденцию к более частотному употреблению. Это придает текстам более широкое смысловое и аффективное воздействие.

Выводы

Репортаж в журналах о туризме и путешествиях освящает происходящее непосредственно с места события, тем самым проявляет характерные черты, присущие данному жанру. Отличительным является преимущественно статичное описание мест и объектов для посещения с акцентом на их привлекательность и необычность. Прилагательное играет значительную роль в том, чтобы объективное описание сочеталось с яркими образами.

Принцип правдивости и авторитетности реализуется благодаря использованию прилагательных объективного видения, которые создают достоверную картину, и тем самым заслуживают доверие читателя. Прилагательные субъективного видения передают положительную оценку в высокой степени, наполняют репортаж яркими образами и вызывают у читателя эффект присутствия.

По правилам французского языка основным местом прилагательного является постпозиция по отношению к определяемому существительному. Перемещение прилагательного в препозицию позволяет выразить высокую степень проявления качества, тем самым усилить положительный образ описываемого объекта и подчеркнуть его необычность, привлекательность, уникальность.

Список источников

1. Анищенко К.Л. Жанровые и типологические особенности современной трэвел-журналистики // Либерально-демократические ценности. 2022. Т. 6. № 2. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/06KLLD222.pdf> (дата обращения: 17.10.2025).

2. Галуза А.Г., Григорьев Н.Ю. Трансформация travel-журналистики в исторической перспективе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 1 (51). С. 55 – 62. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-51-1-55-62.

3. Градюшко А.А. Структурное развитие журналистики в условиях цифровой среды // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики: сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Тамбов, 17 ноября 2022 года. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2022. С. 19 – 26.

4. Кажикин А.А. Эволюция периодических изданий о туризме и путешествиях на рубеже XX-XXI веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 89 – 91.

5. Киселева П.А. Обзор типологических моделей туристической журнальной прессы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2-х ч. Ч. 2. С. 30 – 33. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/7.html (дата обращения: 29.10.2025).
6. Клеменова Е.Н., Зинченко Ю.О. Трэвел-журналистика: история развития направления, жанры, тематика // Актуальные проблемы региональной журналистики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 18 октября 2024 года. Ростов-на-Дону, 2024. С. 117 – 133.
7. Полонский А.В., Глушкова В.Г., Тарасова Н.А. Трэвел-журналистика: функции и жанры // Современный дискурс-анализ. 2022. № 3 (31). С. 12 – 24.
8. Рощупкина Е.А. Позиция прилагательного-эпитета в современном французском языке: новые тенденции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 10 (696). С. 178 – 194.
9. Василенко А.С., Карпенко И.И., Перси У., Полонский А.В., Съедин В.И. Трэвел-журналистика: понятие, жанры, особенности профессиональной деятельности: коллективная монография / под ред. И.И. Карпенко. Белгород: Политерра, 2019. 124 с.
10. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette Livre, 1992. 927 p.
11. Charaudeau P. Les médias et l'information. 2e édition revue et augmentée. Bruxelles: De Boeck, 2011. 255 p.
12. Chevalier J.-C., Blanche-Benveniste C., Arrivé M., Peytard J. Grammaire Larousse du français contemporain. Paris: Larousse, 1978. 494 p.
13. Grevisse B. Écritures journalistiques. Stratégies rédactionnelles, multimédia et journalisme narratif. Bruxelles: De Boeck, 2008. 252 p.
14. <https://www.geo.fr/voyage/> (дата обращения: 18.10.2025).
15. <https://www.grands-reportages.com> (дата обращения: 29.10.2025).
16. <https://www.le-voyage-autrement.com/mag/> (дата обращения: 29.10.2025).
17. <https://www.petitfute.com/> (дата обращения: 10.11.2025).
18. <https://www.tourmag.com/> (дата обращения: 18.10.2025).
19. <https://www.uni-presse.fr/> (дата обращения: 26.11.2025).
20. <https://www.voyager-magazine.fr/> (дата обращения: 15.10.2025).
21. <https://www.voyageursdumonde.fr/voyage-sur-mesure/magazine-voyage> (дата обращения: 29.10.2025).

References

1. Anishchenko K.L. Genre and typological features of modern travel journalism. World of Science. Pedagogy and psychology. 2022. Vol. 6. No. 2. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/06KLLD222.pdf> (date of access: 17.10.2025).
2. Galuza A.G., Grigoriev N.Yu. Transformation of travel journalism in historical perspective. Sign: problematic field of media education. 2024. No. 1 (51). P. 55 – 62. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-51-1-55-62.
3. Hradziushka A.A. Structural development of journalism in the digital environment. Journalism in the era of digital transformations: values and practices: proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference. Tambov, November 17, 2022. Tambov: Derzhavin Tambov State University, 2022. P. 19 – 26.
4. Kazhikin A.A. The Evolution of tourism and travel periodicals at the turn of the 20th–21st centuries. Voronezh State University Bulletin. Series: Philology. Journalism. 2017. No. 4. P. 89 – 91.
5. Kiseleva P.A. On typological models of travel magazines. Philology. Theory & Practice. Tambov: Gramota Publ., 2017. № 1 (67): in 2 parts. Part 2. P. 30 – 33. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/7.html (date of access: 29.10.2025).
6. Klemenova E.N., Zinchenko Yu.O. Travel journalism: history of development of the direction, genres, topics. Current issues in regional journalism: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, October 18, 2024. Rostov-on-Don, 2024. P. 117 – 133.
7. Polonskiy A.V., Glushkova V.G., Tarasova N.A. Travel journalism: functions and genres. Modern discourse analysis. 2022. No. 3 (31). P. 12 – 24.
8. Roshchupkina E.A. The position of attributive adjectives in contemporary french: new trends. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2014. No. 10 (696). P. 178 – 194.
9. Vasilenko A.S., Karpenko I.I., Persi U., Polonskiy A.V., Syedin V.I. Travel Journalism: concept, genres, features of professional activity: Collective Monograph. Ed. by I.I. Karpenko. Belgorod: POLITERRA, 2019. 124 p.
10. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette Livre, 1992. 927 p.

11. Charaudeau P. Les médias et l'information. 2e édition revue et augmentée. Bruxelles: De Boeck, 2011. 255 p.
12. Chevalier J.-C., Blanche-Benveniste C., Arrivé M., Peytard J. Grammaire Larousse du français contemporain. Paris: Larousse, 1978. 494 p.
13. Grevisse B. Écritures journalistiques. Stratégies rédactionnelles, multimédia et journalisme narratif. Bruxelles: De Boeck, 2008. 252 p.
14. <https://www.geo.fr/voyage/> (date of access: 18.10.2025).
15. <https://www.grands-reportages.com> (date of access: 29.10.2025).
16. <https://www.le-voyage-autrement.com/mag/> (date of access: 29.10.2025).
17. <https://www.petitfute.com/> (date of access: 10.11.2025).
18. <https://www.tourmag.com/> (date of access: 18.10.2025).
19. <https://www.uni-presse.fr/> (date of access: 26.11.2025).
20. <https://www.voyager-magazine.fr/> (date of access: 26.11.2025).
21. <https://www.voyageursdumonde.fr/voyage-sur-mesure/magazine-voyage> (date of access: 29.10.2025).

Информация об авторах

Саенко О.А., кандидат филологических наук; доцент, кафедра романо-германской филологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, olsa7@list.ru

Степанова Н.П., кандидат филологических наук, доцент; доцент, кафедра романо-германской филологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, natalia.stepanova05@list.ru

© Саенко О.А., Степанова Н.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81' 347.78.034

¹ Бандурко З.В., ¹ Ашмарина И.С.

¹ Херсонский государственный педагогический университет

Особенности локализации видеоигр (по мотивам игры «Ведьмак 3: Дикая охота»)

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности локализации видеоигр на примере «Ведьмака 3: Дикая охота», одной из самых известных игр в индустрии. Локализация – это ключевой процесс, который позволяет адаптировать контент для разных культур и языков, но часто сопряжен с рядом трудностей. Статья посвящена анализу ошибок локализации, их влиянию на восприятие игры и взаимодействие пользователя с игровым миром. Подчеркиваются различия между английской и русской версиями игры и делается акцент на необходимости глубокого понимания культуры и игровой терминологии для успешной локализации, для обеспечения качественного погружения игроков из разных культур.

Для достижения поставленных целей были использованы методы качественного анализа, сравнительного анализа и контент-анализа. Данные были собраны из официальных материалов разработчиков, отзывов игроков и научных публикаций. Результаты исследования показывают, что ошибки перевода, культурные несоответствия и недостаточная адаптация контента могут значительно ухудшить игровой опыт, снизить погружение в сюжет и вызвать недопонимание между игроками. В статье также определены критические факторы, способствующие успешной локализации, такие как глубокое понимание культуры целевой аудитории и тесное сотрудничество между переводчиками и разработчиками. На основе анализа предлагаются рекомендации по улучшению процесса локализации, включая использование профессиональных переводчиков, тестирование локализованного контента и привлечение местных экспертов. Эта статья будет полезна как исследователям, так и разработчикам игр, стремящимся создавать качественные и соответствующие культурным традициям продукты для международных игроков.

Ключевые слова: локализация видеоигр, культурная адаптация, мультимедийные тексты, стратегии перевода, доместикация и форенизация, транскреация

Для цитирования: Бандурко З.В., Ашмарина И.С. Особенности локализации видеоигр (по мотивам игры «Ведьмак 3: Дикая охота») // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 132 – 140.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Bandurko Z.V., ¹ Ashmarina I.S.

¹ Kherson State Pedagogical University

Specifics of video game localization (based on the game “The Witcher 3: Wild Hunt”)

Abstract: this article explores the localization features of video games using “The Witcher 3: Wild Hunt”, one of the most famous games in the industry, as an example. Localization is a key process that allows content to be adapted for different cultures and languages, but it is often fraught with a number of difficulties. The paper focuses on analyzing localization errors, their impact on game perception and user interaction with the game world. It highlights the differences between the English and Russian versions of the game and focuses on the

need for a thorough understanding of culture and game terminology for successful localization to ensure immersion for players from different cultures.

Qualitative analysis, comparative analysis and content analysis methods were used to achieve the objectives. Data was collected from official developer materials, player feedback and academic publications. The results of the study show that translation errors, cultural inconsistencies and insufficient content adaptation can significantly degrade the game experience, reduce immersion in the story and cause misunderstandings among players. The article also identifies critical factors contributing to successful localization, such as a deep cultural understanding of the target audience and close collaboration between translators and developers. Based on the analysis, recommendations are offered to improve the localization process, including the use of professional translators, testing of localized content and the involvement of local experts. This paper will be useful for both researchers and game developers seeking to create quality and culturally appropriate products for international audiences.

Keywords: *cultural adaptation, domestication and foreignization, multimedia texts, transcreation, translation strategies, video game localization*

For citation: Bandurko Z.V., Ashmarina I.S. Specifics of video game localization (based on the game “The Witcher 3: Wild Hunt”). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 132 – 140.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Многие люди сегодня, возможно, не знают, что компьютерные игры фундаментально связаны с развитием современных компьютеров и достижениями в программировании. Хотя термин «компьютерная игра» появился относительно недавно, эта область уже вызвала значительный интерес со стороны научного сообщества. Под «компьютерной игрой» понимается «разновидность мультимедийного продукта, представляющего собой сложное, синтетическое произведение, созданное на особом уровне сотрудничества авторского коллектива» [13, с. 137].

Локализация компьютерных игр в разное время изучалась такими исследователями, как А.Ф. Косталес [8], А.Т. Анисимова [3], М.А. Болотина [5]. По мнению М.А. Болотиной, игровая локализация – это вид перевода, который учитывает культурные и специфические особенности адресата, а адаптация считается ключевым компонентом всего процесса [5, с. 43]. Локализация игр особенно привлекательна из-за огромного количества новых игр, выпускаемых ежегодно. Каждая из этих игр должна быть локализована, чтобы соответствовать различным аудиториям и их культурному происхождению.

Основная цель этой статьи – рассмотреть проблемы, возникающие при локализации видеоигр, на конкретных примерах. В ней анализируются ошибки, присутствующие в конечном продукте, и делается вывод о том, как они могут повлиять на восприятие игроками. Наряду с этим, определены критические факторы, которые важно учитывать при работе над переводом для видеоигр. Для достижения этих целей сначала необходимо получить полное представление о концепциях, связанных с видеоиграми и их локализацией, а затем подробно описать характеристики локализации и основные стратегии перевода.

Актуальность этой статьи подчеркивается огромной популярностью компьютерных игр, которая стимулирует спрос на высококачественную локализацию. Поскольку игровая индустрия продолжает развиваться и расширяться по всему миру, спрос на эффективную локализацию постоянно растет. Разработчики и издатели игр убеждены, что только успешная локализация обеспечит игрокам по всему миру уникальный и культурно значимый игровой опыт.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила знаменитая компьютерная видеоигра в стиле RPG (ролевая игра) с открытым миром «Ведьмак 3: Дикая охота» (“The Witcher 3: Wild Hunt”), выпущенная в 2015 году. Созданная и выпущенная CD Projekt, ведущей польской компанией по производству видеоигр, эта игра считается жемчужиной игровой индустрии и завоевала легендарное признание среди игроков по всему миру, включая российское игровое сообщество. Игра получила множество наград и одобрений как от игроков, так и от критиков, что делает ее идеальным примером для анализа локализации.

Для исследования были использованы различные методы, включая качественный анализ, сравнительный метод и контент-анализ.

Сбор данных осуществлялся из таких источников, как: официальные материалы разработчиков (документы, связанные с процессом локализации игры, интервью с разработчиками и переводчиками); научные статьи и исследования (работы по локализации видеоигр, включая теорию перевода и культурные аспекты).

Для выявления особенностей локализации были использованы такие методы, как:

1. Контент-анализ: изучение диалогов, описаний квестов и других текстовых элементов игры;
2. Сравнительный анализ: сравнение оригинального польского текста с английским и английского с русским переводом для выявления различий и ошибок.

Результаты и обсуждения

Гейминг и видеоигры

Видеоигра обычно понимается как форма интерактивного развлечения, при которой игроки взаимодействуют с электронными системами, которые реагируют звуковыми и визуальными эффектами на специально разработанных устройствах, таких как консоли, компьютеры или мобильные платформы [3, с. 83]. Чтобы дать определение видеоигре, можем обратиться и к «Грубое руководство по видеоиграм» (“*The Rough Guide to Videogaming*”, 2008) Беренса К. и Говарда Г., где они утверждают следующее: «Игра относится к деятельности по воспроизведению видеоигр, которые представляют собой электронные игры, включающие взаимодействие с пользовательским интерфейсом для создания визуальной обратной связи на устройстве отображения двух- или трехмерного видео. Она охватывает широкий спектр жанров и стилей, от экшена и приключений до головоломок и симуляторов» [4, с. 2]. Это определение лучше всего подходит для того, чтобы подчеркнуть фундаментальные аспекты видеоигр, такие как существующее взаимодействие между игроком и самой игрой через пользовательский интерфейс, а также разнообразие жанров, которые могут охватывать видеоигры. Также уточняется, что видеоигры не ограничены только одним типом или формой. Они представляют собой разнообразную творческую сферу, которая может включать в себя все: от быстро развивающихся экшенов, привлекательных для подростков, до вдумчивых головоломок, предпочитаемых их родителями [4, с. 3].

Гейминг по своей сути, согласно определению Эрнеста Адамса в «Основах геймдизайна» (2013), выходит за рамки простого процесса игры. Он утверждает: «Гейминг – это процесс игры в электронные игры, будь то на консолях, компьютерах, мобильных устройствах или других платформах. Он включает в себя различные жанры, механику и взаимодействие игроков, что делает его многогранной формой развлечения, сочетающей технологии, искусство и рассказывание историй» [1, с. 4]. Это более широкое определение игр подтверждает разнообразие платформ и устройств, на которых можно играть в современные электронные игры. В нем также признается сложность и богатство гейминга как вида развлечения, в котором переплетаются различные аспекты прогрессивной реальности человека, такие как технологии, кинематография, музыка, искусство и литература. Гейминг представлен как яркий и целостный опыт, который включает в себя взаимодействие игроков и игровую механику в различных жанрах.

Локализация игры

Учитывая зарождающийся характер игровой индустрии, проведение исследований в этой новой области требует четкой идентификации и разграничения ее терминологии. Эта ясность является ключом к пониманию сложной и нюансированной природы локализации видеоигр.

Под *локализацией видеоигр* мы понимаем сложный процесс адаптации видеоигры к различным существующим рынкам, гарантирующий, что она останется актуальной с культурной точки зрения для игроков, живущих в разных регионах. Простыми словами, локализация означает перевод игры с одного языка на другой. В «Руководстве по локализации игр» (2011) Хизер Чандлер и Стефани О’Мэлли Деминг описывают игры в контексте локализации: «Общая цель интернационализации – создать проект, который можно легко локализовать с минимальными затратами со стороны разработчика – те же игровые возможности, функциональность, а игровой процесс присутствует во всех международных версиях игры. Международные пользователи должны чувствовать, что продукт был создан специально для них, и что они получают тот же игровой опыт, что и пользователи на родном языке» [7, с. 4].

Эффективная локализация требует большего, чем просто перевод; она включает в себя адаптацию идиом, культурных отсылок и исходного материала для обеспечения актуальности в разных регионах. Но для таких игр, как «Ведьмак 3: Дикая охота», локализация также подразумевает перевод тысяч страниц диалогов и запись сотен сеансов озвучивания на нескольких языках с тщательной адаптацией для сохранения культурной значимости. Объем работы, вложенной в проект, подобный этому, огромен, что вызывает обеспокоенный вопрос о том, как все переводчики и текстовые редакторы, участвующие в процессе, могут обеспечить качество конечного продукта.

Хизер Максвелл Чандлер и Стефани О'Мэлли Деминг объясняют, что процесс, подобный этому, предполагает комплексный подход, который объединяет лингвистические, культурные и технические аспекты для создания максимально комфортных условий для игрока [7]. Аналогичным образом Энтони Пим в своей книге «Движущийся текст. Локализация, перевод и распространение» (2004) критикует сужающийся взгляд на перевод как на простую «замену строк естественного языка» [11] в проектах по локализации. *Локализацию игр* можно рассматривать как своего рода переводческую авантюру, но, в конечном итоге, она должна выйти за рамки этого ограниченного взгляда. Он должен основываться на «гуманизирующем» подходе [11], который уважает культурные нюансы и богатство целевых языков, выходя за рамки простой адаптации и способствуя созданию инклюзивной среды, в которой игры могут найти подлинный отклик в различных культурах этого мира.

Проблемы / Вызовы локализации игр

Проблемы, связанные с локализацией игр, действительно, многогранны. Гарольд Л. Фогель в своей книге «Экономика индустрии развлечений» (2020) определяет *развлечение* как все, что способствует приятно-му времяпрепровождению и эмоционально воздействует на аудиторию [14]. Это соответствует задаче локализации видеоигр, направленной на то, чтобы игры доставляли удовольствие каждому потребителю и были актуальны с культурной точки зрения на разных рынках. Развлекательные продукты всегда нацелены на удовлетворение потребительского спроса, каким бы высоким он ни был. Этот принцип напрямую применим к видеоиграм и усилиям по их локализации, направленным на эффективное вовлечение мировой аудитории. В наши дни видеоигры нельзя рассматривать только как проявление искусства или исключительно как средство развлечения для людей, это порождение капиталистического общества, где каждое творение монетизируется.

Таким образом, одной из основных задач, стоящих перед компаниями, занимающимися локализацией игр, является предоставление качественных услуг для удовлетворения разнообразных потребностей разработчиков и издателей игр, что позволяет успешно выводить продукты на международные рынки. Это включает в себя перевод всех игровых диалогов, системных инструкций, меню, руководств, предупреждений о вреде для здоровья, юридических уведомлений, веб-сайтов, а также подбор и запись голоса талантливых актеров. Кроме того, это включает лингвистическое тестирование, культурную адаптацию, соответствие платформе и рекомендации по правильному определению возраста. Индустрия локализации игр работает в условиях сильного давления, обусловленного критическими датами релизов, которые обычно совпадают с сезонами отпусков. Более того, разработчики часто уделяют приоритетное внимание своим внутренним рынкам, что требует пересмотра стратегий при ориентации на зарубежные рынки для экспорта [15, с. 17-18].

В то время как некоторые игры требуют минимальной локализации из-за низкого количества слов и отсутствия озвучки, в популярных видеоиграх количество слов значительно увеличилось – от десятков тысяч до более миллиона в массовых многопользовательских ролевых онлайн-играх (ММО RPGs). Это расширение часто сопровождается увеличением количества озвучивания и работы под фонограмму. Однако быстрому темпу разработки игр часто препятствуют дефекты исходного материала, в том числе неполные или противоречивые оригинальные версии, ресурсы, сохраняемые с использованием запутанных соглашений об именовании и различных форматов. Также может наблюдаться полное отсутствие какой-либо поддержки со стороны разработчика игры, что затрудняет переводчику выполнение своей части работы на удовлетворительном уровне.

Обеспечение согласованности сюжетной линии и представления бренда еще больше усложняет задачу, поскольку как игроки, так и издатели видеоигр стремятся к точному представлению изображений игр, товарных знаков и условий авторского права во всех языковых версиях. Следовательно, компании, занимающиеся локализацией, постоянно ищут способ повысить качество контента, чтобы предотвратить ошибки в версиях на нескольких языках. Они внедряют различные CAT-программы (программы для компьютерного перевода), такие как Memsource, Wordfast, Translation Workspace, Smartcat, SDL Trados / SDL Passolo, memoQ, чтобы облегчить тяжелую работу, предоставляя доступ к глоссарию непосредственно из окна редактирования текста и, следовательно, помогая переводчикам повторно использовать ранее сохраненную версию слова, фразы или предложения всякий раз, когда им это требуется. Обычно это экономит им немало времени, но, несмотря на наличие полезного программного обеспечения, регулярные исправления исходных файлов и обновления, поступающие в последнюю минуту от ответственных разработчиков, очень часто ставят под угрозу достижение оптимального качества в установленные сроки проекта.

Многоканальные тексты – это те, в которых одновременно используются различные знаковые системы для коммуникации, как это наблюдается в видеоиграх, где лингвистическая информация синхронизируется

с акустическими и визуальными элементами для создания целостного продукта [2]. Хотя эти семиотические системы могут быть проанализированы по отдельности, при переводе видеоигры переводчику необходимо учитывать все эти системы в совокупности. Такой целостный подход имеет решающее значение для перевода аудиовизуальных и мультимедийных продуктов в целом. Современные проекты класса «AAA-игры» (неофициальный термин, обозначающий класс высокобюджетных компьютерных игр) уступают только фильмам.

Значение вербальных и невербальных систем в переводоведении ранее было обозначено лингвистом-новатором Романом Якобсоном [9]. Он выделил три основных типа перевода: внутриязыковой перевод (перереформулировка), межъязыковой перевод (собственно перевод) и межсемиотический перевод (трансмутация) [9, с. 113].

Такие продукты, как видеоигры, по своей сути являются многоканальными и сочетают в себе лингвистические, пиктографические, аудио- и визуальные системы. Эти семиотические системы тесно переплетены друг с другом, создавая более реалистичный и захватывающий опыт общения. Когда требуется перевод, необходимо проанализировать и передать содержание, а также коммуникативную ценность всех этих систем. Игроки – всего лишь люди, и как люди они воспринимают игру, не полагаясь на какой-то один коммуникативный инструмент из целого ряда, чтобы выполнить желаемое задание.

Поэтому при работе над локализацией видеоигры сосредоточение внимания исключительно на написанном слове может привести к ошибкам и нарушить согласованность множества знаковых систем исходного текста.

К сожалению, при сравнении польской, английской и русской локализаций можно заметить расхождение, особенно в русской локализации. Это объясняется тем, что польская и английская локализации были созданы одновременно и основаны на одном и том же сырье, включая визуальную систему, что позволяет в большей степени соответствовать вымышленному миру «Ведьмака». Однако русская локализация была произведена без учета визуальной поддержки, что привело к неточностям не только в переводе, но и в интерпретации эмоциональных и жизненных переживаний персонажей.

Хотя ошибки могут и не привести к полной катастрофе при поступлении игры на рынок, в случае ошибки впечатление игрока, скорее всего, будет искажено. А это, в свою очередь, может привести к искажению вымышленных персонажей или ключевых моментов сюжетной линии игры, особенно в моменты принятия решений. Одним из самых безобидных примеров этого в «Ведьмаке 3: Дикая охота» является сцена в покоях Королевского дворца в Вызиме (Vizima), одной из тысяч локаций игры.

Главного героя, Геральта из Ривии (Geralt of Rivia), доставляют туда нильфгаардские солдаты (Nilfgaardian soldiers), потому что Эмгыр вар Эмрейс (Emhyr var Emreis), верховный правитель Нильфгаарда (Nilfgaard), хочет его видеть. Чтобы подготовиться к аудиенции у императора, Геральт должен выдержать настойчивые попытки камергера привести себя в порядок. В этой сцене Геральт, верный своему характеру, саркастически комментирует чрезмерную чистоту камергера:

English localization:

Geralt (to the chamberlain): *Think Emhyr cares if I'm clean?*

(exact translation: “Думаешь, Эмгыра волнует, **чистый** ли я?”)

Russian localization:

Геральт: *Думаешь, императору важно не слишком ли **длинные** у меня уши?*

Что касается ошибок или, точнее, пропусков перевода, которые могут по-иному нарисовать образ уже сложившегося персонажа, то можно упомянуть еще одну сцену в королевском дворце Вызимы. Сцена, в которой Геральт из Ривии получает аудиенцию у императора Нильфгаарда. Геральт из Ривии почтительно кланяется императору перед началом их беседы и прощается с ним после этого. Это изображение подчеркивает уважение Геральта к представителям власти. Однако русская локализация не отражает этого, изображая Геральда грубым, возможно, низкородным или просто высокомерным:

English localization:

Geralt (to the emperor): *Your Imperial Majesty... Yennefer...*

(exact translation: “**Ваше Императорское Величество... Йеннифэр...**”)

Russian localization:

Геральт (к императору): *Император... Йеннифэр...*

Здесь, а также в другой, гораздо более поздней сцене сюжетной линии, действие которой происходит в замке Кровавого барона, очевидно явное незнание как аудио, так и визуальных систем. Геральт подходит к мужчине, который сидит в одиночестве в саду и задумчиво рассматривает цветы. Игрок может сразу же увидеть клумбу с цветами фиолетового оттенка. Мужчина, сидящий рядом с ними, – Филипп Стенгер (Phil-

lip Strenger), также известный как Кровавый барон, который позже рассказал о мальвах, любимых цветах своей пропавшей жены:

English localization:

Bloody Baron: *See the hollyhock there? The violet blooms?*

(exact translation: “*Видишь там мальвы? Фиолетовые цветки?*”)

Russian localization:

Кровавый Барон: *Видишь мальвы? Вот эти вот, голубые.*

Хотя существование синих мальв является фактом, визуальное представление в игре доказывает обратное; цветы действительно фиолетовые. В результате игроки могут запутаться и больше сосредоточиться на несоответствии, а не на остальной части диалога, что мешает погружению в игру. Эта, казалось бы, безобидная ошибка может нарушить общий игровой процесс.

Стратегии в переводе видеоигр

Переводчики часто выбирают между стратегиями **доместикации** и **иноязычной адаптации**.

Цель *доместикации* – сохранить атмосферу и культурные элементы оригинальной игры, в то время как *доместикация* позволяет адаптировать игру к целевой культуре [8]. Когда дело доходит до локализации, *доместикация* неизбежна, поскольку текст, приобщенный к иностранной культуре посредством перевода, неизбежно становится феноменом этой культуры [3]. Сильвия Петтини в своей книге «Перевод реалий и ирреалий в локализации игр» говорит, что баланс между этими стратегиями важен для поддержания аутентичности и культурной значимости игры [10, с. 5].

Так же стоит отметить статью «Культурно-ориентированные стратегии перевода», написанную А.Е. Сивевым и О.А. Крапивкиной, которые в совокупности утверждают, что: «...не может быть «чистой» *доместикации* или *иноязычной адаптации*. Каждый переведенный текст представляет собой комбинацию этих стратегий, которые скорее дополняют друг друга, чем противоречат друг другу» [12, с. 4]. Например:

Keira Metz (to Geralt): *I might've also changed your hair color while I was at it... I've always fancied dark-haired men. Oh well. Any port in a storm.*

Кейра Метц (Геральту): *Я могла бы заодно изменить цвет твоих волос. Мне всегда нравились брюнеты. Ну да ладно, на безрыбье и рак рыба.*

Выражение “Any port in a storm” является идиоматическим сочетанием и имеет следующее значение: “раньше говорили, что в трудной ситуации люди получают помощь везде и от кого только могут” [6]. Дословный перевод этого сочетания был бы непонятен русскоязычному игроку, поэтому перевод производится путем выбора аналога: *На безрыбье и рак рыба* – русская идиома со схожим значением.

При анализе обеих локализаций становится ясно, что стратегии *доместикации* и *иноязычности* также используются не только здесь. Некоторые реалии трансформированы и подвержены *доместикации*, в то время как другие транслитерированы, чтобы сохранить их иностранность. Это особенно заметно в Руководстве по алхимии и Бестиарии Ведьмака, где монстры заимствованы из различных фольклорных произведений, включая славянскую, английскую, немецкую, кельтскую, португальскую мифологию и мифологию австралийских аборигенов: “*Witcher's Bestiary*” – “*Ведьмачий бестиарий*”, *Johnny* – *Ивасук*, *Botchling* – *Игоша*, *Noonwraith* – *Полуденница*, *Jenny O' The Woods* – *Лешачиха*, *Hym* – *Хум*, *Barghest* – *Баргест*, *Kikimora* – *Кукимора*.

Стратегии, не связанные с переводом, предполагают сохранение определенных названий, терминов или выражений из исходного языка, особенно в тех случаях, когда прямой перевод может нарушить игровой процесс. Такие выражения, как “*Va fail, elaine*” и “*Ceádmil*”, имена, такие как “*Gwynbleidd*” и “*Zirael*”, термины, такие как “*Vatt'ghern*”, “*Aen Elle*”, “*Aen Seidhe*” и “*Aen Undod*”, не являются примерами чисто английского языка, а представляют собой смесь кельтских языков Уэльса, Ирландии и Шотландии, немецкого, латыни, английского и итальянского языков. Однако их перевод негативно отразился бы на богатом и многогранном мире «Ведьмака», населенном эльфами, гномами и другими магическими существами, за исключением людей. Раса эльфов в «Ведьмаке» обладает хорошо развитой и древней культурой, которая резко контрастирует с более низкой культурой людей. Согласно преданиям, эльфы привнесли магию в мир людей, и поэтому все заклинания произносятся на вымышленном наречии старейшин (Elder Speech), или «Старшей Речи» (“*Hen Llinge*”). Перевод этих терминов отвлек бы внимание от разнообразной природы эльфов.

Транскреация позволяет переводчикам творчески адаптировать контент, чтобы сохранить игровой опыт в целевом регионе. Это особенно полезно для игр, основанных на повествовании, таких как ролевые игры и приключенческие фильмы. В ситуациях, когда идея преобладает над содержанием, эта стратегия помогает сохранить желаемую атмосферу. Например, в дополнении «Кровь и вино» к «Ведьмаку 3: Дикая

охота» главный герой участвует в рыцарском турнире, который олицетворяет романтизм, рыцарство и величие. На мероприятии также звучали стихи, и, чтобы сохранить их вдохновляющий характер, переводчикам пришлось адаптировать строки, сохранив при этом оригинальную идею:

The royal's court herald:

*Sir Geralt of Rivia has **trounced** his foe!*

*Pounded him soundly, **immersed him in woe!***

Глашатай королевского двора:

*Геральтом **в пух и прах разгромлен** противник!*

*Повержен, **будто бы он грешник богопротивный!***

Буквальный перевод эффективен там, где важна точная терминология. Он используется не только в диалогах, но и в интерфейсе. Такие термины, как «инвентарь», «алхимия», «персонаж», «уровень» и «экипировка», должны быть четкими и понятными игроку во время игрового процесса. Это также относится к оружию и доспехам, которые можно изготовить, найти или получить за успешное выполнение различных заданий.

Верность исходному тексту важна, особенно для игр, основанных на литературных произведениях или фильмах. Однако переводчики должны соблюдать баланс между верностью и необходимостью адаптировать контент для целевой аудитории. В «Ведьмаке 3: Дикая охота» переводчики отдали дань уважения серии книг Анджея Сапковского (Andrzej Sapkowski), на которых основана игра, сохранив более ранние переводы имен персонажей и других элементов с польского на русский:

English localization – *Dandelion, Ermion, halfling, dwarf*;

Polish book translation – *Jaskier, Myszowór, niziołek, krasnolud*;

Russian book translation – *Люттик, Мышовур, низушек, краснолюд*;

Russian localization – *Люттик, Мышовур, низушек, краснолюд*.

В «Ведьмаке 3: Дикая охота» присутствуют **жаргон, ругательства и просторечие**, поскольку они помогают создать захватывающий средневековый мир, где простые крестьяне и ремесленники, агенты-шпионы и солдаты живут бок о бок с монстрами и аристократией. Такое сосуществование порождает уникальный диалект, используемый специально для художественных целей, чтобы помочь создать правдоподобных персонажей и провести различие между аристократией и простым народом.

Это особенно заметно в русской локализации, где Геральт разговаривает с крестьянами и ремесленниками, используя более харизматичные обороты речи, чем даже в оригинальной локализации.

Thaler (to Geralt): *Nilfgaard fuckin' dismantled the Temerian secret service in one night. I barely escaped with me life. Proceeded to **drown the sorrows** till my liver screamed bloody murder.*

Талер (Геральту): *Нильфгаард раздолбал разведку Темерии за одну ночь. Я едва ушел. **Квасил с горя до тех пор, пока печень не сказала "хватит"**.*

Глагол «квасить» в русском языке считается воровским жаргоном, хотя в английском Талер выбирает более литературную фразу для описания своего опыта после нападения.

Willis: *Oh, we got a **wee bit chilly** the night, so I set fire to my forge. Got it **nice and roarin'**! Roasted some wieners! **Whaddaya think** happened, **dimwit**? Some **bugger** set alight me... me workshop! I've lost everythin'. Everythin'!*

Кузнец Вилли: *Да вот что-то **прохладно** мне стало ночью, вот я и развел огонь под кузней. **Потрескивало так приятно!** Заодно и колбаску пожарил! **Ну как ты думаешь, что случилось, баран?** Спалили мне халупу, мастерскую... Все я потерял. Все!*

Шотландские или северные диалектные формы (“wee”, “me”, “roarin’”) придают речи местный колорит, указывая на происхождение или социальную группу говорящего. Фразы «что ты об этом думаешь» (“whaddaya think”) и «тупица» (“dimwit”) добавляют непринужденности разговору и снижают официальность речи. Повторение фразы «Я потерял все. Все!» (“I’ve lost everything. Everything!”) акцентирует внимание на полном масштабном разрушении, усиливая драматизм ситуации. Слова «тупица» (“dimwit”) и «баран» (“bugger”) добавляют грубости и указывают на низкий социальный статус говорящего, придавая тексту реалистичность. В русской версии использование разговорных выражений и грубых слов (*что-то прохладно, потрескивало, баран*) приближает текст к устной речи, создавая эффект непосредственности, подчеркивает эмоциональную напряженность и низкий социальный статус говорящего, добавляя тексту реалистичности и легкости. Кроме того, вы можете обратить внимание на то, что слово “wieners” переводится на русский язык как «колбаска», хотя это и не сосиска. Правильнее было бы сказать «венская сосиска», потому что, в отличие от колбасы, ее нужно подвергать термической обработке (это звучит остроумно в диалоге, поскольку ранее упоминался огонь). Однако для уха русского игрока такая фраза была бы слишком длинной и

в то же время плохо вписывалась бы во временной отрезок сцены, и речь персонажа пришлось бы ускорить.

В игре присутствует большое количество ругательств, уровень вульгарности которых варьируется в зависимости от ситуации. Также бывают случаи, когда переводчики намеренно добавляют ругательства, даже если их не было в оригинальных строках. Это решение остается спорным, так как в обеих версиях Кровавый барон имеет несколько иной образ. Это не снижает общей харизмы персонажа, но в русской версии сильнее подчеркивается тот факт, что «Кровавый барон» происходил из простого народа и прикладывался к бутылке с тех пор, как вступил в темерскую армию. Согласно сюжету игры, он был простым солдатом, прежде чем получил шанс поселиться в замке и провозгласить себя аристократом. В то время как в английской версии он представлен как пьяница с садистскими наклонностями, в русской версии он выглядит менее устрашающим и даже более жалким.

Bloody Baron (to Geralt): *She always knew how to spark my ire.*

Кровавый Барон (Геральту): *Она всегда знала, как меня достать.*

Слово «достать» никоим образом не является равноценной заменой литературному “spark my ire” («разжечь мой гнев»); это жаргонное слово, имеющее пренебрежительный оттенок. Несмотря на то, что такие вещи не бросаются в глаза, они играют существенную роль в передаче первоначального настроения.

В целом, перевод видеоигр требует тщательного рассмотрения различных стратегий, чтобы обеспечить сохранение игрового опыта на разных языках и в разных культурах.

Выводы

В этой статье подчеркивается важность качественной локализации компьютерных игр на примере успешного проекта «Ведьмак 3: Дикая охота». Исследование показало, что локализация не ограничивается простым переводом текста, а включает в себя глубокое понимание культурных контекстов и специфики целевой аудитории. Ошибки локализации могут существенно повлиять на восприятие игры и, как следствие, на общее впечатление игрока.

В связи с постоянно растущим числом игр и их аудиторий по всему миру необходимость тщательной локализации становится все более актуальной. Разработчики и издатели должны понимать, что успешная локализация – это не просто технический процесс, а творческая и учитывающая культурные особенности задача, требующая совместной работы профессионалов в области переводоведения, культурологии и геймдизайна.

Таким образом, качественная локализация не только улучшает игровой опыт, но и помогает расширить рынок сбыта для разработчиков, позволяя им охватить новую аудиторию и укрепить свои позиции на мировой арене. В будущем, с дальнейшими технологическими изменениями и культурными трансформациями, локализация компьютерных игр по-прежнему будет оставаться важной областью исследований и практики.

Список источников

1. Adams E. Fundamentals of game design. 3rd ed. US, Berkley: New Riders, 2013. 576 p.
2. Alvarez Soler A.A. The role of audiovisual translation in intercultural communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. No. 5 (795). P. 185 – 191.
3. Anisimova A.T. Phenomenon of computer game in translation discourse. Scientific bulletin of the Southern Institute of Management. 2018. No. 2. P. 82 – 86.
4. Berens K., Howard G. The rough guide to videogaming. London; New York: Rough Guides, 2008. 312 p.
5. Bolotina M.A., Kuzmina E.V. Lexical problems of computer game translation. IKBFU's Vestnik. 2019. No. 1. P. 43 – 50.
6. Cambridge free English dictionary and thesaurus. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>.
7. Chandler H.M., Deming S.O'M. The game localization handbook. 2nd ed. Kindle. MA US: Jones & Bartlett Learning, 2011. 376 p.
8. Costales A.F. Exploring translation strategies in video game localization. Journal of Video Game Localization. 2012. Vol. 4. P. 385 – 408.
9. Jakobson R. On linguistic aspects of translation. In Venuti L. & Baker M. (eds.). The translation studies reader. 4th ed. London; New York: Routledge, 2021. P. 113 – 119.
10. Pettini S. The translation of realia and irrealia in game localization: Culture-specificity between realism and fictionality. New York: Routledge, 2022. 231 p.
11. Pym A. The moving text: localization, translation, and distribution. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. 223 p.

12. Sinyov A.E., Krapivkina O.A. Culture-oriented strategies of translation. European student scientific journal. 2014. No. 3. P. 255 – 261.
13. Vasiliev A.A., Pechatnova Y.V. The term «computer game»: the experience of an interdisciplinary analysis. Prologue: Law journal. 2021. No. 2. P. 131 – 138.
14. Vogel H.L. Entertainment industry economics: A guide for financial analysis. 10th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 742 p.
15. Yakunina V.G., Shevchenko E.V. Lingvo industry: localization and translation. Science without borders. 2017. No. 6 (11). P. 16 – 20.

References

1. Adams E. Fundamentals of game design. 3rd ed. US, Berkley: New Riders, 2013. 576 p.
2. Alvarez Soler A.A. The role of audiovisual translation in intercultural communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. No. 5 (795). P. 185 – 191.
3. Anisimova A.T. Phenomenon of computer game in translation discourse. Scientific bulletin of the Southern Institute of Management. 2018. No. 2. P. 82 – 86.
4. Berens K., Howard G. The rough guide to videogaming. London; New York: Rough Guides, 2008. 312 p.
5. Bolotina M.A., Kuzmina E.V. Lexical problems of computer game translation. IKBFU's Vestnik. 2019. No. 1. P. 43 – 50.
6. Cambridge free English dictionary and thesaurus. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>.
7. Chandler H.M., Deming S.O'M. The game localization handbook. 2nd ed. Kindle. MA US: Jones & Bartlett Learning, 2011. 376 p.
8. Costales A.F. Exploring translation strategies in video game localization. Journal of Video Game Localization. 2012. Vol. 4. P. 385 – 408.
9. Jakobson R. On linguistic aspects of translation. In Venuti L. & Baker M. (eds.). The translation studies reader. 4th ed. London; New York: Routledge, 2021. P. 113 – 119.
10. Pettini S. The translation of realia and irrealia in game localization: Culture-specificity between realism and fictionality. New York: Routledge, 2022. 231 p.
11. Pym A. The moving text: localization, translation, and distribution. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. 223 p.
12. Sinyov A.E., Krapivkina O.A. Culture-oriented strategies of translation. European student scientific journal. 2014. No. 3. P. 255 – 261.
13. Vasiliev A.A., Pechatnova Y.V. The term «computer game»: the experience of an interdisciplinary analysis. Prologue: Law journal. 2021. No. 2. P. 131 – 138.
14. Vogel H.L. Entertainment industry economics: A guide for financial analysis. 10th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 742 p.
15. Yakunina V.G., Shevchenko E.V. Lingvo industry: localization and translation. Science without borders. 2017. No. 6 (11). P. 16 – 20.

Информация об авторах

Бандурко З.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии Института филологии и социальных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон, Россия

Ашмарина И.С., Институт филологии и социальных коммуникаций, специальность «Теория и практика перевода», ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон, Россия, kelly.london@yandex.ru

© Бандурко З.В., Ашмарина И.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.4:94(477.75) «19/20»

¹ Руденко Е.Н.

¹ Херсонский государственный педагогический университет

Роль крымских СМИ в формировании исторической памяти

Аннотация: в статье анализируется роль крымских средств массовой информации в конструировании исторической памяти после воссоединения Крыма с Российской Федерацией в 2014 году. Рассматриваются дискурсивные и визуальные стратегии, применяемые при освещении трёх ключевых событий: Великой Отечественной войны, депортации крымских татар и референдума 2014 года. На основе контент- и дискурс-анализа публикаций ведущих СМИ полуострова («Крымские известия», «Крымская правда», ГТРК «Крым», «Новостная лента Крыма», ОКТРК) выявлен единый позитивный нарратив, направленный на укрепление гражданской идентичности и социальной консолидации. Особое внимание уделено роли Общественной крымскотатарской телерадиокомпании как института интеграции этнической памяти в общероссийскую историографию. Показано, что крымские СМИ выступают не только как информационные каналы, но и как активные субъекты формирования исторического сознания.

Ключевые слова: крымские СМИ, историческая память, воссоединение, дискурс-анализ, визуальные стратегии, национальная идентичность, медиаинтеграция, Крым, Россия

Для цитирования: Руденко Е.Н. Роль крымских СМИ в формировании исторической памяти // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 141 – 146.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Rudenko E.N.

¹ Kherson State Pedagogical University

The role of Crimean media in shaping historical memory

Abstract: the article analyzes the role of Crimean mass media in constructing historical memory following Crimea's reunification with the Russian Federation in 2014. It examines the discursive and visual strategies employed in covering three pivotal events: the Great Patriotic War, the 1944 deportation of Crimean Tatars, and the 2014 referendum. Through content and discourse analysis of publications from leading Crimean outlets (“Krymskiye Izvestiya”, “Krymskaya Pravda”, GTRK “Krym”, “Novostnaya Lenta Kryma”, and the Public Crimean Tatar Radio and Television Company), a unified positive narrative emerges, aimed at strengthening civic identity and social cohesion. Special attention is given to the Public Crimean Tatar Radio and Television Company as an institution integrating ethnic memory into the broader Russian historiography. The study concludes that Crimean media function not merely as news channels but as active agents in shaping historical consciousness.

Keywords: Crimean media, historical memory, reunification, discourse analysis, visual strategies, national identity, media integration, Crimea, Russia

For citation: Rudenko E.N. The role of Crimean media in shaping historical memory. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 141 – 146.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

После возвращения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году медиапространство полуострова прошло глубокую трансформацию и интеграцию в единое российское информационное поле. Как отмечают А.В. Платонова и Е.А. Осипова, это позволило создать устойчивый медийный контекст, направленный на сохранение исторической памяти и укрепление региональной идентичности в рамках российской государственности [4, с. 113]. В новых политических и культурных реалиях крымские СМИ превратились из простых новостных каналов в активных субъектов конструирования исторического сознания. В отличие от западных и украинских медиа, где доминируют негативные интерпретации событий 2014 года, крымские СМИ формируют позитивный, ценностно-ориентированный нарратив, основанный на преемственности, героизме и исторической справедливости. Цель данной статьи – проанализировать, как именно крымские СМИ освещают три ключевых события, формирующих историческую память региона: Великую Отечественную войну, депортацию крымских татар и воссоединение Крыма с Россией, а также выявить дискурсивные и визуальные стратегии, обеспечивающие устойчивость этого нарратива.

Материалы и методы исследований

В работе использованы методы контент-анализа, дискурс-анализа и сравнительного анализа. Исследовано более 300 публикаций и телеэфиров (2014–2024 гг.) из пяти ключевых крымских СМИ: «Крымские известия», «Крымская правда», ГТРК «Крым», «Новостная лента Крыма» и Общественная крымскотатарская телерадиокомпания (ОКТРК). Также проведён сравнительный анализ материалов зарубежных (BBC, NYT, Le Monde, Deutsche Welle) и украинских («Українська правда», «Громадське») СМИ за тот же период. Оценка тональности проводилась по трёхуровневой шкале: позитивная, нейтральная, негативная. Анализ визуальных стратегий включал выявление архивно-реконструктивного монтажа, цветовой кодировки (триколор, георгиевская лента), символических сопоставлений и цифровой реконструкции.

Результаты и обсуждения

Анализ показал, что все исследуемые крымские СМИ формируют единый позитивный дискурс исторической памяти. Великая Отечественная война представлена как «краеугольный камень национальной памяти» и символ «кровной связи» Крыма с Россией [1]. В публикациях «Крымских известий» и документальных циклах ГТРК «Крым» подчёркиваются героизм, патриотизм и неразрывность судеб [10]. Депортация 1944 года освещается как трагедия, преодолённая благодаря политике реабилитации, начатой Указом Президента РФ от 21.04.2014 № 268 [8]. Особую роль играет ОКТРК – единственное этническое вещательное учреждение на полуострове, финансируемое из российского бюджета. По мнению Н.В. Яблонской, она выступает не просто как информационный ресурс, а как институт сохранения языка, культуры и исторической памяти крымскотатарского народа [8, с. 88]. Однако её дискурс строго укладывается в рамки общей российской повестки: трагедия подаётся как «ошибка советского режима», акцент делается на «восстановлении прав» в РФ, отсутствуют упоминания о запрете Меджлиса.

События 2014 года представлены не как политический кризис, а как восстановление исторической справедливости и выражение воли народа. К юбилейным датам (2019, 2024) эта тема получила развитие в публикациях типа «Десять лет вместе: путь Крыма к процветанию» [10], опирающихся на официальную историографию, в частности на труды А.Н. Сахарова [6, с. 230]. Тональный анализ (табл. 2) показал устойчиво высокий уровень позитивных материалов: от 72% (ОКТРК, 2019) до 100% (ГТРК «Крым», 2014). Визуальные стратегии (табл. 1) – использование архивных кадров, триколора, межпоколенных образов – усиливают «визуальную достоверность» (Зинченко, 2020) [3, с. 111].

Исследование, приведенное в таблице 1, показывает, что все исследуемые СМИ сохраняют устойчиво позитивную тональность на протяжении десяти лет. Наиболее эмоционально-патриотический тон зафиксирован в 2014 году – в период непосредственного присоединения. К 2024 году наблюдается незначительное снижение доли позитивных материалов (на 2–4%) и рост нейтральных публикаций, что связано с переходом от торжественной риторики к прагматическому освещению социально-экономических достижений.

Таблица 1

Визуальные стратегии.

Table 1

The visual strategies.

СМИ	Институциональная принадлежность/формат	Повестка «О воссоединении»	Визуальные и дискурсивные стратегии
«Крымские известия»	Официальное печатное издание Госсовета РК; ежедневная газета	«Историческое восстановление справедливости», «возвращение домой»	Цитирование высших должностных лиц, архивные фото, триколор в заголовках
ГТРК «Крым»	Филиал ВГТРК (федеральный госсектор); ТВ и радио	«Народный выбор», «защита от киевского режима», «интеграция в российское пространство»	Документальные циклы, прямые эфиры с памятных мест, интервью с ветеранами
«Крымская правда»	Независимая (по заявлениям) еженедельная газета; частная инициатива	«Стабильность и развитие благодаря России», «новые возможности»	Личные истории, социальные репортажи, фото с праздников
«Новостная лента Крыма»	Онлайн-ресурс; информационный агрегатор с элементами собственной журналистики	«Крым – неотъемлемая часть РФ», «юбилейные успехи»	Инфографика, короткие видео, соцсети, репосты ВЦИОМ
Общественная крымскотатарская телерадиокомпания (ОКТРК)	АНО, финансируемая из бюджета РК; этническое ТВ и радио на крымскотатарском и русском языках	«Реабилитация через интеграцию», «Крым – родина всех народов»	Передачи на крымскотатарском языке, воспоминания о депортации, акцент на культурном возрождении, ссылки на Указ Путина о реабилитации (2014)

ОКТРК, начавшая вещание только в 2017 году, отсутствует в данных за 2014 год. Однако уже к 2019 году её позитивная тональность составляет 72%, а к 2024 году – 75%, что свидетельствует об успешной интеграции этнического медиаресурса в общую повестку воссоединения и исторического единства.

Таким образом, можно сделать вывод: крымские СМИ формируют единый, позитивный дискурс исторической памяти, в котором ключевые события – Великая Отечественная война, депортация крымских татар и воссоединение 2014 года – трактуются как этапы единого пути Крыма к России. Этот нарратив, поддерживаемый всеми типами медиа – от государственных до этнических, – служит целям социальной консолидации, укрепления гражданской идентичности и легитимации политической реальности.

Стоит отметить, что крымские СМИ применяют комплекс конструктивных визуальных приёмов:

1. Архивно-реконструктивный монтаж: кадры ВОВ + современные парады Победы (ГТРК «Крым», 2019–2024);
2. Символическое сопоставление: памятник Екатерине II в Симферополе + флаг РФ («Крымские известия», 2024);
3. Цветовая кодировка: триколор и георгиевская лента – в 100% юбилейных публикаций;
4. Двухпоколенный портрет: ветеран + школьник с флагом («Крымская правда», ВКонтакте, 9 мая 2024);
5. Цифровая реконструкция: виртуальная прогулка по Херсонесу («Новостная лента Крыма», 2024).

Эти стратегии, как отмечает В.И. Зинченко, создают «визуальную достоверность», которая укрепляет доверие к историческому нарративу [3, с. 127].

Крымские СМИ не работают изолированно – они интегрированы в государственную систему формирования памяти:

- цитируют речи В.В. Путина (18 марта 2014): «Крым – исконно русская земля»;
- используют учебники, где Крым представлен как «часть русского цивилизационного пространства»;

участвуют в реализации программы «Разговоры о главном», где историческая память становится частью школьного воспитания.

Критические голоса (А.В. Репник, Л.В. Сычёва) в крымских СМИ отсутствуют, что, по мнению Е.Л. Вартановой, способствует поддержанию общественного консенсуса.

Крымские СМИ формируют единый, позитивный дискурс исторической памяти, в котором ключевые события – Великая Отечественная война, депортация крымских татар и воссоединение 2014 года – трактуются как этапы единого пути Крыма к России. Этот нарратив, поддерживаемый всеми типами медиа – от государственных до этнических, – служит целям социальной консолидации, укрепления гражданской идентичности и легитимации политической реальности. Ниже приведен пример в таблице 2. Тональность освещения воссоединения Крыма с Россией в крымских СМИ (в %).

Таблица 2

Тональность освещения воссоединения Крыма с Россией в крымских СМИ (в %).

Table 2

Tonality of the illumination of the reunification of Crimea with Russia in Crimean media (in %).

СМИ	Позитивная тональность 2014, %	Позитивная тональность 2019, %	Позитивная тональность, 2024 %
Газета «Крымские известия»	98	95	94
ГТРК «Крым»	100	97	96
Газета «Крымская правда»	82	79	78
«Новостная лента Крыма»	88	86	85
Общественная крымскотатарская телерадиокомпания (ОКТРК)	-	72	75

В отличие от этого, западные и украинские СМИ сохраняют 90–96% негативной тональности.

Источники анализа:

Зарубежные СМИ: BBC, The New York Times, Le Monde, Deutsche Welle (по 20–30 публикаций на источник за каждый год);

Украинские СМИ: «Українська правда», «Громадське», «Радіо Свобода» (по 15–25 публикаций на источник за каждый год).

Оценка тональности проводилась по трёхбалльной шкале:

Позитивная: поддержка или одобрение присоединения Крыма к РФ;

Нейтральная: информационное изложение без оценочных суждений;

Негативная: осуждение, использование терминов «аннексия», «оккупация», «нарушение международного права».

Таблица 3

Тональность освещения воссоединения Крыма с Россией в западных и украинских СМИ (в %).

Table 3

Tonality of the illumination of the reunification of Crimea with Russia in west and Ukrainian media (in %).

ГОД	Зарубежные СМИ			Украинские СМИ		
	Позитивная	Нейтральная	Негативная	Позитивная	Нейтральная	Негативная
2014	0%	7%	93%	0%	5%	95%
2019	0%	10%	90%	0%	6%	94%
2024	0%	8%	92%	0%	4%	96%

Выводы

Подводя итоги хочется отметить, что крымские СМИ успешно сформировали единый, позитивную повестку исторической памяти, основанную на преемственности, героизме и справедливости.

Три ключевых события – ВОВ, депортация, воссоединение – интерпретируются как этапы единого пути Крыма к России.

Визуальные и дискурсивные стратегии усиливают эмоциональную вовлечённость и укрепляют идентичность.

Общественная крымскотатарская телерадиокомпания интегрирует этническую повестку в общероссийскую историографию.

В отличие от западных и украинских медиа, где доминирует негатив, крымское пространство создаёт образ русского Крыма как территории единства, развития и памяти.

Интеграция СМИ в образовательную, культурную и государственную повестку делает их мощным инструментом социальной консолидации.

Таким образом, крымские СМИ – не просто информационные каналы, а активные субъекты формирования исторического сознания, способствующие укреплению гражданской идентичности в условиях новой политической реальности.

Список источников

1. Аксёнов С.В. Выступление на митинге, посвящённом Дню памяти и скорби (22 июня 2024 г.). Официальный сайт Главы Республики Крым. [Электронный ресурс] URL: <https://glavarhiv.rk.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Вартанова Е.Л. Медиасистема России: вызовы и трансформации. М.: Факультет журналистики МГУ, 2022. 288 с.
3. Зинченко В.И. Глобализация и медийная интерпретация истории. М.: Гуманитарный издательский центр, 2020. 240 с.
4. Платонова А.В., Осипова Е.А. Интеграция электронных массмедиа Крыма в российское информационное пространство // Вестник Крымского инженерно-педагогического университета. 2018. № 4 (24). С. 112 – 120.
5. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 18 марта 2014 г. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201403180020> (дата обращения: 07.11.2025).
6. Сахаров А.Н. Крым в русской истории: от Херсонеса до наших дней. М.: Наука, 2015. 320 с.
7. Указ Президента РФ от 21.04.2014 № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов...». Сайт Президента РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/22516> (дата обращения: 24.11.2025).
8. Яблоновская Н.В. Роль регионального этнического телерадиовещания в сохранении национальных языка и культуры... // Медиаобразование. 2019. № 4. С. 88 – 95. URL: <https://www.mediascope.ru/node/2785> (дата обращения: 24.11.2025).
9. Десять лет вместе: путь Крыма к процветанию... // Крымские известия. 2024. 16 марта. С. 4. URL: <https://kryminfo.ru/2024/03/16/desyat-let-vmeste-put-kryma-k-procvetaniyu-v-sostave-rossii/> (дата обращения: 24.11.2025).
10. Трагическая страница истории: депортация народов Крыма // РИА Новости Крым. 2024. 18 мая. URL: <https://crimea.ria.ru/20240518/1116660402.html> (дата обращения: 24.11.2025).

References

1. Aksyonov S.V. The Appearance on mass-meeting, denoted Day to memories and grief (the June 22 2024.). The Official site Chapters Republics Cream. [Electronic resource] URL: <https://glavarhiv.rk.gov.ru> (date of access: 23.11.2025).
2. Vartanova E.L. Mediasistema Russia: call and transformations. M.: Faculty of the journalism MGU, 2022. 288 p.
3. Zinchenko V.I. Globalizaciya and медийная interpretation to histories. M.: Humanitarian publisher-ский centre, 2020. 240 p.
4. Platonova A.V., Osipova E.A. The Integration electronic массмедиа Kryma in russian information about-странство. Herald Crimean engineering-pedagogical union-верситета. 2018. No. 4 (24). P. 112 – 120.
5. Putin V.V. The Message of the President to Russian Federation to Federal Meeting to Russian Federation. the March 18, 2014 Official internet-portal to legal information. [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201403180020> (date of access: 07.11.2025).
6. Sugar A.N. Cream in russian history: from Hersonesa before our days. M.: Science, 2015. 320 s.
7. The Edict of the President RF from 21.04.2014 268 "About measure on rehabilitations armenian, bulgarian, greek, crimean-tatar and german folk...". The Site of the President RF. [Electronic resource] URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/22516> (date of access: 24.11.2025).
8. Yablonovskaya N.V. The Role regional ethnic телерадиовещания in conservation националь-ных of the language and cultures.... Mediaobrazovanie. 2019. No. 4. P. 88 – 95. URL: <https://www.mediascope.ru/node/2785> (date of access: 24.11.2025).

9. Ten years together: way Kryma to prosperity... Crimean notify. 2024. the March 16. 4 p. URL: <https://kryminfo.ru/2024/03/16/desyat-let-vmeste-put-kryma-k-procvetaniyu-v-sostave-rossii/> (date of access: 24.11.2025).

10. The Tragic page to histories: deportation folk Kryma. RIA News Cream. 2024. 18 May. URL: <https://crimea.ria.ru/20240518/1116660402.html> (date of access: 24.11.2025).

Информация об авторах

Руденко Е.Н., ФГБОУ «Херсонский государственный педагогический университет»

© Руденко Е.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811. 111 378.14

^{1,2} Акинина П.С.

¹ Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

² Приволжский исследовательский медицинский
университет (Владимирский филиал)

Специфика медицинского перевода

Аннотация: в статье рассматривается специфика медицинского перевода. Автором рассматривается понятие перевода и медицинского перевода в частности. Цель статьи – рассмотреть существующие трудности в области медицинского перевода и предложить некоторые рекомендации по решению данной проблемы. Задачи: проанализировать существующую литературу по данной тематике, рассмотреть источники проблем медицинского перевода на разных языковых уровнях. Автором подчеркивается важность медицинского перевода в современных условиях и качество подготовки квалифицированных медицинских специалистов.

Ключевые слова: перевод, медицинский перевод, терминология, аббревиатуры, эпонимы, латиница, синонимия, «ложные друзья переводчика», метафоры, приемы перевода, хеджирование

Для цитирования: Акинина П.С. Специфика медицинского перевода // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 147 – 151.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

^{1,2} Akinina P.S.

¹ Vladimir State University named after A.G. and
N.G. Stoletovs

² Volga Research Medical University (Vladimir branch)

Specifics of medical interpretation

Abstract: specifics of medical interpretation is considered. The definition of the interpretation and the medical interpretation in particular is considered. The aim of the article is to explore the existing difficulties in the field of medical interpretation and to offer some recommendations to solve this problem. Tasks: to analyze the literature in this field, to consider the problem sources of medical interpretation in different language levels. The author underlines the importance of medical interpretation in modern conditions and the training quality of qualified medical specialists.

Keywords: interpretation, medical interpretation, terminology, abbreviations, eponyms, Latin, synonymy, “false friends of an interpreter”, metaphors, interpreter’s techniques, hedging

For citation: Akinina P.S. Specifics of medical interpretation. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 147 – 151.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Глобализация ставит перед человечеством новые задачи и проблемы. В связи с этим, квалифицированный перевод медицинских документов приобретает актуальность.

Перевод – это полная передача средствами языка информации, сказанной на другом языке [3]. Если говорить о полноценной передаче информации, то для перевода медицинского текста, в отличие от публицистического, характерны иные признаки: логическая согласованность, определенность, отсутствие аналогов, лаконичность, соответствие языковым нормам, профессиональная ориентированность. Характерная черта медицинского английского – предметность и направленность.

В развитие современного переводоведения внесли свой вклад отечественная [5] и зарубежная науки [12].

Медицинский перевод – это узкоспециализированный вид перевода. Соответственно, требования к переводчику достаточно высоки.

Материалы и методы исследований

В данной статье использовались такие методы, как метод теоретического и эмпирического исследований. Материалом исследования послужили работы, посвященные медицинскому переводу.

Результаты и обсуждения

Одним из ведущих языков перевода в области медицины является английский. Согласно Х. Ли-Янке, в области медицинского перевода можно выделить такие проблемы, как терминология, специфика перевода сокращений, использование англицизмов, наличие эпонимов [11]. Различают устный и письменный перевод [4].

Медицинский английский включает латинскую и греческую терминологию. Знание греческих и латинских корней дает возможность понять значение слова. Например, приставки *hyper*, *hypo*, в значении «под», «чего-то недостаточно или чрезмерно много». Так, услышав слово *hypertension*, мы понимаем, что речь идет о гипертонии, чрезмерно высоком кровяном давлении. И, напротив, *hypotension*, означает гипотонию. Приведем еще один пример. Выражение *hypodermic injection* – подкожная инъекция. (“*Hypo*” – «под», “*dermis*” (от лат.) – «кожа»).

Перевод может зависеть от регионального варианта языка. Например, для того, чтобы перевести словосочетание «анализ крови», британские и американские медики используют вариант *complete blood count*.

Следующая проблема, характерная для медицинской терминологии – это проблема синонимии. Г.Н. Бабич выделяет синонимы идеографические, стилистические, абсолютные синонимы [2]. Например, *doctor*, *physician*, *medical practitioner*, все эти слова можно перевести как «доктор», но с нюансами в оттеночных значениях. В Великобритании это слово обозначает терапевта. “*Medical practitioner*” означает любого медицинского работника, который может оценивать и лечить пациентов.

Характерной чертой медицинского перевода являются аббревиатуры и сокращения. Проблемы перевода аббревиатур представляют собой определенные сложности, так как в результате неверной интерпретации возможно нанесение серьезного вреда здоровью пациенту.

Перевод медицинских сокращений имеет свои особенности. Существуют разные классификации, но традиционно выделяют графические, лексические и синтаксические. Например: *T.S.T.H. too sick to send home не полностью выздоровевший для отправления из стационара домой.* (графическая аббревиатура).

Одной из разновидностей аббревиатур является эпоним – имя собственное, ставшее нарицательным в какой-то области знания. Приведем примеры из области медицины: *Adam's apple* – *Адамово яблоко или кадык* [10]. *Parkinson's disease* – *болезнь Паркинсона* [10]. Как видно из примеров, речь идет о названиях болезней и анатомических терминах.

В лингвистической науке всегда уделялось особое внимание такому явлению, как «ложные друзья переводчика» [9]. Из отечественной филологии стоит упомянуть труды В.В. Акуленко [1], В.Л. Муравьева [6]. Однако, в области медицинской терминологии, эта тема изучена мало. Так, например, слово *lunatic* имеет значение «сумасшедший», а не «лунатик». Лексическая единица заимствована из французского, где обозначала человека, испытывающего дискомфорт в сознании из-за фаз Луны. Когда в результате исследований было доказано, что лунатизм возникает при неполном пробуждении, слово *lunatic* стало использоваться для обозначения лиц, страдающих психическими расстройствами. Для обозначения сомнамбулы используется слово *sleep – walker*.

Еще одной особенностью медицинского дискурса является наличие в нем терминов – метафор. Описание различных «синдромов» возможно при помощи метафор: *Quasimodo syndrome* – *синдром Квазимодо* –

человек с серьезными физическими недостатками, испытывающий потребность жить, как нормальные люди.

Определенные сложности могут возникнуть при переводе названий медицинских организаций, так как бывают случаи совпадения аббревиатур с названиями других учреждений. Например: *MHN – Managed Health Network* (входит в состав Health Net Company в США) и *MHN – National Historical Museum* (Национальный исторический музей Аргентины).

Передки случаи использования описательного перевода, когда подходящий эквивалент отсутствует: *FAD diet* – строгая диета для быстрой потери веса.

В некоторых случаях в медицинском дискурсе может наблюдаться несовпадение грамматического числа, тогда переводчиком может быть использован прием морфологической трансформации: *Migraine headaches* – мигрень.

Для английского языка характерна компрессия, поэтому при переводе может быть использован прием добавления: *Endocrinology – эндокринологические заболевания*. Помимо этого, бывают случаи использования описательного перевода: *Heparin exposure – осложнения, вызванные применением гепарина*.

Медицинский перевод является не только специальным, но и социальным видом перевода. То есть данный вид перевода возможен в определенной коммуникативной ситуации, например, на приеме у врача. В этой ситуации требуется не только знание языка и медицинской терминологии, но и знание национальной системы здравоохранения, что входит в обязанности медицинского персонала, правила медицинского обслуживания и т.д. Также стоит упомянуть, что в отличие от письменного медицинского перевода, когда обращаются к профессионалам, устный перевод может выполнять человек с высоким уровнем английского и русского языков, но не имеющий специальной медицинской подготовки.

Трудности в переводе могут возникать из-за «хеджирования». Слово происходит от английского «*hedging*» - уклонение от прямого ответа. К хеджированию могут прибегать как врачи, так и пациенты. Так, хеджирование со стороны врача, может быть обусловлено желанием преподнести не очень приятную информацию в более мягкой форме, утаить истинный смысл, возможно, скрыть недостаток знаний в конкретной области [8]. Пациенты могут использовать хеджирование, рассказывая о симптомах, будучи неуверенными в сообщаемой информации. При переводе хеджированные выражения часто обращают в косвенную речь. Например, «Врач допускает возможность последствий».

Еще одной проблемой медицинского перевода является проблема перевода заголовков в научных статьях. Многие статьи выходят на английском языке, который не является родным для авторов. Ввиду этого возникают сложности экстралингвистического плана. Речь идет об адаптации заголовков статей для авторов, которые являются носителями языка. Анализ переводов заголовков с русского на английский выявил определенные недостатки, в том числе, лингвокультурную интерференцию. Например, частое использование генетивных конструкций при переводе: *The causes of development of pulmonary hypertension under obesity*. Корректный вариант перевода звучит следующим образом: *The causes of pulmonary hypertension development in obesity – Причины развития легочной гипертензии при ожирении*.

Стоит упомянуть о том, что раньше переводчики по медицинской тематике не проходили какую-либо специальную подготовку. Могли быть организованы курсы английского языка для специалистов при университете, но переводческие трудности в области медицины не рассматривались. В 2007 году в ПМГМУ имени И.М. Сеченова был создан Центр изучения иностранных языков. Главная цель – подготовка квалифицированных кадров, повышении квалификации практикующих врачей и преподавателей вуза в сфере владения иностранными языками. Стоит отметить такие моменты, как устное общение по профессиональным медицинским вопросам, участие в различного рода конференциях, подготовительные курсы к сдаче кандидатского экзамена по иностранному языку, английский язык для академических целей, перевод и реферирование научной литературы. Студенты могут работать с аутентичными медицинскими источниками, участвовать в международно-практических конференциях по обсуждению актуальных вопросов медицины.

Курс «Основы медицинского перевода» был разработан в ВГМУ имени Н.Н. Бурденко [7]. Данный элективный курс затрагивает как теоретические вопросы, так и задания продвинутого уровня по практике перевода.

Выводы

В заключении, следует отметить, что медицинский перевод является узкоспециализированным видом перевода, поскольку относится к жизни и здоровью человека. Значение медицинского перевода возрастает, в связи с процессами глобализации и тем, что коммуникация медицинских специалистов приобретает международный характер. Соответственно, к квалификации переводчика в этой области предъявляются высокие требования.

Наиболее ответственного подхода требует перевод документов для пациентов: поскольку для пациента все должно быть ясно и понятно, в такого рода документах не присутствуют буквы латинского алфавита и специальная терминология. Для переводов в надзорные органы требования не такие серьезные, допускаются даже стилистические неточности.

На сегодняшний момент подготовка высококвалифицированных медицинских кадров, знающих иностранный язык и способных к международной профессиональной кооперации, является одним из приоритетных направлений современного образования.

Список источников

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка=Интернационализация словарного состава языка / под ред. проф. А.В. Федорова. Харьков: Издательство Харьковского университета, 2013. 215 с.
2. Бабич Г.Н. *Lexicology: A Current Guide*. Лексикология английского языка. 6-е изд., стер. Москва: Флинта: Наука, 2022. 195 с.
3. Бородулина М.К., Карлин А.Л. Обучение иностранному языку как специальности. Москва: Высшая школа, 2012. 260 с.
4. Васина В.М. Акцентное оформление терминологических словосочетаний в английском медицинском дискурсе: К проблеме русской интерференции: автореф. дис. ... канд. Филол. наук: 5.9.6. Ивановский государственный университет. Иваново, 2020. 20 с.
5. Гураль С.К., Тихонова Е.В. Организация процесса обучения устному последовательному переводу в свете синергетической теории // *Язык и культура*. 2023. № 4 (24). С. 77 – 82.
6. Муравьев В.Л. «Ложные друзья переводчика»: Пособие для учителя французского языка. 2-е изд. Москва: Просвещение, 2000. 48 с.
7. Стеблецова А.О., Медведева А.В. Переводческий курс в медицинском вузе: Из опыта ВГМУ им. Н.Н. Бурденко // *Языковая картина мира в зеркале перевода: сборник научных трудов / отв. ред. О.О. Борискина*. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. С. 238 – 249.
8. Сухарева Е.Е., Черникова Н.С. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 115 – 120.
9. Dupont L. *Les Faux amis espagnols*. Geneve: Librairie E. Droz, 2021. 166 p.
10. Koessler M. *Les faux amis; as Les trahisons du vocabulaire anglais (conselis aux traducteurs)*. P.: Vuibert, 2022. 424 p.
11. Lee – Jahnke H. L’enseignement de la traduction medicale: un double defi? // *Meta: Journal des traducteurs*. 2021. Vol. 46. № 1. P. 145 – 153.
12. Toury G. *In Search of a Theory of Translation*. TelAviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 2020. 159 p.

References

1. Akulenko V.V. Questions of internationalization of the language vocabulary=Internationalization of the language vocabulary. Edited by professor A.V. Fedorov. Kharkiv: University Publishing House of the Kharkiv University, 2013. 215 p.
2. Babich G.N. *Lexicology: A Current Guide*. Lexicology of the English language. 6th ed., stereotyped. Moscow: Flinta: Science, 2022. 195 p.
3. Borodulina M.K., Karlin A.L. The teaching of a foreign language as a major. Moscow: Higher School, 2012. 260 p.
4. Vasina V.M. Accent layout of terminological word combinations in the English medical discourse: Related to the issue of Russian interference: abstract of thesis ... candidate of Philological Sciences: 5.9.6. Ivanovo State University- Ivanovo, 2020. 20 p.
5. Gural S.K., Tikhonova E.V. The organization of the teaching process of the consecutive interpretation in the light of synergistic theory. *Language and culture*. 2023. № 4 (24). P. 77 – 82.
6. Muravyov V.L. “False friends of an interpreter”: Manual for a teacher of the French language. 2d ed. Moscow: Prosveshchenie, 2000. 48 p.
7. Stebletsova A.O., Medvedeva A.V. Interpreter’s course at the Medical University: From the experience of VGMU named after N.N. Burdenko. *Language world picture in the mirror of interpretation: collection of scientific works / editor in chief O.O. Boriskina*. Voronezh: Publishing House VGU, 2020. P. 238 – 249.

8. Sukhareva E.E., Chernikova N.S. Problems of the medical discourse's interpretation in the context of social interpretation. *Journal of Voronezh State University. Series: Linguistics and cross – cultural communication*. 2024. № 4. P. 115 – 120.

9. Dupont L. *Les Faux amis espagnols*. Geneve: Librairie E. Droz, 2021. 166 p.

10. Koessler M. *Les faux amis; as Les trahisons du vocabulaire anglais (conselis aux traducteurs)*. P.: Vuibert, 2022. 424 p.

11. Lee – Jahnke H. L'enseignement de la traduction medicale: un double defi? *Meta: Journal des traducteurs*. 2021. Vol. 46. № 1. P. 145 – 153.

12. Toury G. *In Search of a Theory of Translation*. TelAviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 2020. 159 p.

Информация об авторах

Акинина П.С., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры ИЯПК, Владимирский государственный университет им. А.Г и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия; доцент кафедры общественных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет (Владимирский филиал), г. Владимир, Россия, ak-pol@yandex.ru

© Акинина П.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Албагачиева Х.И.

¹ Ингушского государственного университета

Художественное пространство Европы и его разоблачающая роль в романе И.С. Тургенева «Дым»

Аннотация: в статье исследуется специфика художественного пространства в романе И.С. Тургенева «Дым». Образ европейского курорта рассматривается не как традиционный фон, а как инструмент авторской оценки и развенчания идеологических иллюзий русской интеллигенции 1860-х годов. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления функции баденского хронотопа в структуре романа. Методология исследования основана на сочетании принципов геопоэтики, сравнительно-типологического и мотивного анализа. Это позволяет выявить смысловое наполнение курортного локуса через детальный разбор интерьеров (номер Губарева), цветовой символики и пейзажных сцен (пикник у Старого замка). В работе доказано, что искусственность и неустроенность среды вступают в конфликт с претензиями героев на историческое величие и превращает их споры в фарс. Проведенный сопоставительный анализ с романом Ф.М. Достоевского «Игрок» обнаруживает различие в изображении курорта: у Тургенева пространство лишено трагической глубины и предстает царством пошлости. Сделан вывод, что состояние «безгнездовья» главного героя является необходимым условием для объективного взгляда на русскую жизнь, а возвращение к национальной почве становится единственным путем преодоления внутреннего кризиса. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в вузовских курсах по истории русской литературы и спецсеминарах по творчеству И.С. Тургенева.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, роман «Дым», геопоэтика, художественное пространство, хронотоп курорта, семиотика быта, мотив дыма, герой-наблюдатель, феномен безгнездовья

Для цитирования: Албагачиева Х.И. Художественное пространство Европы и его разоблачающая роль в романе И.С. Тургенева «Дым» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 152 – 158.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Albagachieva Kh.I.

¹ Ingush State University

The artistic space of Europe and its exposing role in I.S. Turgenev's novel «Smoke»

Abstract: the article examines the specifics of the artistic space in I.S. Turgenev's novel «Smoke». The image of the European resort is considered not as a traditional background, but as a tool for the author's evaluation and debunking of the ideological illusions of the Russian intelligentsia of the 1860s. The relevance of the work is due to the need to rethink the function of the Baden chronotope in the structure of the novel. The research methodology is based on a combination of the principles of geopoetics, comparative typological and motivic analysis. This allows revealing the semantic content of the resort locus through a detailed analysis of interiors (Gubarev's room), color symbolism, and landscape scenes (picnic at the Old Castle). It is proved that the artificiality and disorder of the environment conflict with the heroes' claims to historical greatness, turning their disputes into a farce. A comparative analysis with F.M. Dostoevsky's novel "The Gambler" reveals a difference in the depiction of the resort: in

Turgenev's work, the space is devoid of tragic depth and appears as a realm of vulgarity. It is concluded that the state of "homelessness" («bezgnezdovye») of the protagonist is a necessary condition for an objective view of Russian life, and the return to the national soil becomes the only way to overcome the internal crisis. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results in university courses on the history of Russian literature and special seminars on Turgenev's work.

Keywords: I.S. Turgenev, novel «Smoke», geopoetics, artistic space, resort chronotope, semiotics of everyday life, smoke motif, hero-observer, phenomenon of homelessness

For citation: Albagachieva Kh.I. The artistic space of Europe and its exposing role in I.S. Turgenev's novel «Smoke». Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 152 – 158.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Роман И.С. Тургенева «Дым» (1867) занимает особое место в творческом наследии писателя, традиционно воспринимаясь как наиболее острое высказывание автора по вопросам общественной жизни пореформенной России. В течение долгого времени в литературоведении преобладал социологический подход к анализу этого произведения. Фундаментальные труды исследователей советской школы, таких как Г.А. Бялый, А.И. Батюто и П.Г. Пустовойт, сосредотачивали внимание преимущественно на идеологическом наполнении романа [6, 4, 14]. В рамках этой традиции произведение рассматривалось как памфлет, направленный против крайностей западничества и славянофильства, а художественное пространство – немецкий курорт Баден-Баден – воспринималось как условная декорация, необходимая лишь для сведения персонажей в одной точке и обострения их конфликтов.

Однако современная филологическая наука все чаще обращается к переосмыслению поэтики позднего Тургенева через категории геопозтики и семиотики пространства. Исследователи стремятся уйти от прямой публицистической трактовки текста, обнаруживая в нем более глубокие онтологические смыслы. Так, Н.П. Генералова в своей монографии подробно анализирует феномен тургеневского «европеизма», указывая, что дистанцирование от России служило писателю необходимым условием для объективного художественного анализа [7]. Значительный вклад в изучение пространственной структуры романа внесли И.С. Аюпов и И.В. Алексашина. В своих работах они рассматривают Баден-Баден не как бытовой фон, а как метафизическое пространство, соотносимое с образами театра, игры и даже inferнального инобытия.

Несмотря на наличие серьезных наработок, проблема функциональности европейского локуса в «Дыме» остается неисчерпанной. В науке до сих пор недостаточно полно раскрыт механизм участия пространства в выражении авторской оценки. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью рассмотреть хронотоп курорта как действенный инструмент развенчания идей и героев. Представляется, что Тургенев сознательно конструирует среду, которая физически сопротивляется любой патетике и ложной значительности, выступая катализатором сюжетного и идейного краха персонажей.

Цель работы заключается в доказательстве того, что пространство Баден-Бадена является ключевым формообразующим элементом поэтики романа, определяющим специфику его конфликта и систему образов. В центре внимания находится анализ того, как атмосфера «анти-дома» и всеобщей симуляции, характерная для европейского курорта, обнаруживает внутреннюю несостоятельность («дымность») русских идеологов, лишенных национальной почвы. Данный подход позволяет выявить новаторство Тургенева, перенесшего центр тяжести с идеологической полемики на суггестивную силу художественного пространства.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил текст романа И.С. Тургенева «Дым». Методологическая база работы строится на синтезе историко-литературного и структурно-семиотического подходов. В анализе пространственной структуры произведения использованы теоретические положения М.М. Бахтина о хронотопе [3] и Ю.М. Лотмана о семиосфере. Также применяются методы мотивного анализа (для исследования сквозных образов дыма и увядания) и компаративного анализа (при сопоставлении с творчеством Ф.М. Достоевского).

Результаты и обсуждения

Выбор Баден-Бадена в качестве основного места действия романа «Дым» предопределяет художественное решение произведения, где европейский курорт выступает не пассивной декорацией, а активным инструментом десакрализации русских идеологов. В художественном мире И.С. Тургенева этот

город становится специфическим «пороговым» пространством – миром временного пребывания, игры и праздности, в атмосфере которого любые серьезные убеждения неизбежно теряют свою онтологическую устойчивость. Как отмечает Н.П. Генералова, для Тургенева уход на Запад был необходим, чтобы «из самой моей дали сильнее напасть» на пороки отечественной действительности [7, с. 213]. Таким образом, европейское пространство в романе становится своего рода «дистанционной лабораторией», позволяющей писателю объективировать русские проблемы через призму острого взгляда.

Метафизический план пространства раскрывается исследователями через образы небытия и театральности. И.С. Аюпов трактует пространство курорта как «зону мертвой жизни», которая является мифопоэтическим аналогом античного Аида [2, с. 16]. Это inferнальное марево, в котором герои утрачивают подлинность своего существования. Созвучно этому И.В. Алексашина рассматривает Баден-Баден как «социальный театр», где представители различных идеологических лагерей лишь разыгрывают пустые спектакли [1, с. 18]. Разоблачающая роль пространства подчеркивается ироническим контрастом: комфорт отельных номеров, где кружок Губарева берется вершить судьбы России, резко противопоставлен ничтожности их речей. Ю.В. Манн подчеркивает, что эта среда наделяет персонажей чертами «кукольности» и превращает их в марионеток, чья активность ограничена рамками искусственного курортного ритуала [12, с. 92].

Важнейшим инструментом сенсорного разоблачения героев становится цветовая и звуковая символика. А.А. Бельская указывает на исключительную значимость колоронима «feuille morte» (цвет «мёртвого листа») в костюме Ирины. Этот оттенок служит «зашифрованным знаком», который показывает процесс «умирания душ» главных героев под воздействием разрушительной страсти [5, с. 45]. Цвет увядшей листвы становится визуальным предвестником финального распада отношений, он метафоричен. Акустический фон дополняет этот портрет: звуки оперы «Травиата» и оперетты «Орфей в аду» создают иронический подтекст, превращая личную драму Литвинова в элемент пошлого «курортного спектакля» [2, с. 15].

Звуковой ландшафт романа формируется не только музыкой, но и специфической речевой средой. Баден-Баден у Тургенева предстает как лингвистический Вавилон, где утрата родной почвы проявляется через распад родного языка. Речь представителей высшего света пестрит французскими фразами, кальками и неестественными интонациями. Этот макаронический стиль – не просто дань моде, а маркер утраты культурной идентичности.

Герои не могут выразить свою мысль на русском языке, потому что сама их мысль, рожденная в искусственной среде, лишена национальной формы. Примечательно, что и в кружке «почвенника» Губарева, и в салоне Ирины язык одинаково искажен. Тургенев показывает, что в пространстве отчуждения слово теряет свою коммуникативную функцию и становится лишь звуковой оболочкой, шумом. Герои говорят, но не слышат друг друга, их диалоги – это обмен монологами в пустоту, что усиливает общее ощущение призрачности происходящего.

В условиях этой агрессивной среды фигура Григория Литвинова требует переосмысления. Вопреки традиционному взгляду на него как на психологически слабого персонажа, современные исследователи напротив характеризуют его как «исконного зрителя» и наблюдателя. Его внешняя пассивность является необходимым условием для объективного восприятия «дыма» русской жизни [8, с. 63]. Однако пребывание в Европе сопряжено для Литвинова с мучительным состоянием «безгнездовья» – потерей связи с почвой и привычными нравственными ориентирами [1, с. 17]. Н.П. Генералова указывает на дантовские параллели в сюжете: баденская страсть к Ирине – это «своеобразный спуск героя по кругам душевного ада» [7, с. 332].

Разоблачающая роль европейского пространства реализуется в финальном осознании Литвиновым полной иллюзорности окружающего мира. Сидя в вагоне поезда, он видит, как «дым, дым» носится за окном, и всё – «собственная жизнь, русская жизнь – всё людское, особенно всё русское» – представляется ему лишь паром и прахом [15, с. 149]. Его решение покинуть Баден-Баден – это символическое бегство из мира симулякров к реальности.

В эпилоге романа возникает ключевая смысловая антитеза: пустому «дыму» баденских призраков противопоставляется «дым очага» – счастливый дымок семейного жилья в российском имении [2, с. 18]. Возвращение к «почве» трактуется как победа «человека второго номера», скромного практика, над миром призрачных амбиций. Таким образом, пространство Европы служит необходимым экзистенциальным фильтром, который, обнажая пустоту ложных идей, возвращает героя к осознанию национального долга и созидательной реальности на родине.

Особое значение в разоблачении идейной несостоятельности гейдельбергского кружка приобретает поэтика быта, через которую И.С. Тургенев деконструирует образ Степана Николаевича Губарева. Пространство его номера в отеле выступает как своего рода «анти-дом», лишенный признаков уюта, устойчивости и индивидуальности. Если традиционный тургеневский локус – это «дворянское гнездо», имеющее глубокие корни и преемственность, то баденское жилище Губарева являет собой временное прибежище, подчеркивающее экзистенциальное «безгнздовье» героев [1, с. 17]. Как справедливо отмечается в материалах исследования, иронический эффект здесь создается самим контрастом между величием обсуждаемых тем и ничтожностью, комизмом обстановки.

Вещный мир комнаты Губарева агрессивен и лишен эстетического начала. Тургенев акцентирует внимание на сенсорных деталях, создающих атмосферу физического и духовного стеснения. В помещении постоянно стоит «удушливый дым от сигар», от которого у Литвинова и самого читателя «голова начинает ходить кругом» [15, с. 60]. Эта деталь быта напрямую соотносится с центральной метафорой романа: реальное дело и живая мысль замещаются здесь едким, застилающим зрение маревом. Подобная среда, где «всем было жарко и томно», а «пот лил градом с каждого лица», объективирует состояние «бесмысленной духовной круговерти», в которой пребывают персонажи [1, с. 18, 15, с. 62].

Важной чертой этого пространства является его открытость, превращающая номер в «проходной двор». Здесь господствует «беспорядочное людское клубление», куда «все привалили разом и так-таки не уходили вплоть до обеда» [15, с. 62]. Отсутствие границ частного пространства свидетельствует об утрате героями внутренней опоры. Как отмечает И.С. Аюпов, это «вавилонское столпотворение» лишает человеческое существование подлинности и превращает его в элемент общего «курортного спектакля» [2, с. 18]. В комнате Губарева нет места для созидательного труда или тихой рефлексии; она заполнена «бешенством сплетен и дрызг», что окончательно дискредитирует претензии кружка на роль спасителей отечества [15, с. 60].

Разоблачающая роль «анти-дома» Губарева подчеркивается и через образ самого хозяина, который предстает в халате или «куцей куртке» и туфлях, вечно расхаживающим взад и вперед и «покусывающим клочок бороды» [15, с. 58]. Эта неопрятность быта и неустроенность жилья становятся внешним признаком отсутствия «почвы». Н.П. Генералова указывает на принципиальную важность демонстрации Тургеньевым этой «газообразности» русской жизни за границей [7, с. 331]. В то время как герои в тесноте отеля берутся вершить судьбы миллионов, само пространство разоблачает их как праздных «шатунов», оторванных от реальности и не способных создать даже прочного бытового основания для своего существования [15, с. 62]. Таким образом, поэтика быта в «Дыме» служит инструментом сатирического снижения идеологических притязаний, обнажая за громкими фразами пустоту и прах.

Особое место в структуре романа занимает сцена пикника у Старого замка (Vieux Château), где разоблачающая функция европейского пространства достигает своего апогея через прямой конфликт натурфилософского и искусственного начал. Если Баден-Баден в целом воспринимается как «социальный театр», то в локусе Vieux Château И. С. Тургенев сталкивает героев с первозданной стихией, обнажает их полную онтологическую чужеродность естественному миру. Природа в «Дыме» подготавливает экзистенциальную драму героев, выступает фоном, на котором «самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска» [2, с. 15, 15, с. 49].

Конфликт между природным и искусственным манифестируется прежде всего через сенсорное восприятие Григория Литвинова. Утро перед пикником описывается как триумф жизни: «золото и зелень леса, лесного воздуха били мягко ему в глаза» [15, с. 38]. Однако гармония разрушается с появлением «молодых генералов», чье присутствие выделяется не запахами леса, а «смесью отличнейшего сигарного дыма и удивительнейшего пачули» [15, с. 39]. Этот резкий ольфакторный диссонанс подчеркивает оторванность «гвардейского общества» от живой почвы. Согласно наблюдениям Н.П. Генераловой, для Тургеньева было принципиально важно показать, как в пространстве Бадена «музыка ощущений» неизбежно фальшивит, превращаясь в набор искусственных атрибутов: сюртуков «в обтяжку», «вылощенных шляп» и «белоснежных пальцев» [7, с. 143, 15, с. 40].

В контексте тургеневской натурфилософии природа у Старого замка предстает силой «равнодушной», по выражению А.С. Пушкина, которую писатель цитирует в «Довольно» и имплицитно вводит в ткань романа [15, с. 149, 7, с. 336]. Она не принимает этих людей, чьи речи – лишь «дым и пар» [15, с. 149]. Иронический контраст между «величием обсуждаемых тем» (судьбы России, принципы 1789 года) и «ничтожностью обстановки» здесь заменяется более глубоким противопоставлением: вечности «голубого неба» и «темных гор» – суетности «курортного спектакля». Ю.В. Манн отмечает, что в этой среде персонажи окончательно утрачивают живую субстанцию и превращаются в «мертвых

кукол», чья «кукольность и манекенность» особенно нелепо выглядит на фоне древних руин и векового леса [12, с. 92].

Разоблачающая роль пространства Vieux Château проявляется и в образе Ирины Ратмировой. Её появление в цвете *feuille morte* («мертвого листа») на фоне яркой весенней зелени становится визуальной метафорой увядания и внутренней смерти. А.А. Бельская справедливо утверждает, что этот отгенок служит «зашифрованным знаком» [5, с. 45]. Природа здесь выступает как бесстрастный свидетель распада: «счастливый дымок» семейного очага, к которому позже вернется Литвинов, в этой сцене полностью замещен «удушливым дымом» салонной болтовни и призрачных амбиций [2, с. 18].

Таким образом, в сцене у Старого замка Тургенев реализует принципы экокритики: искусственный мир героев вступает в неразрешимое противоречие с натурфилософской истиной. Природа в «Дыме» холодна к тем, кто лишен «национальной почвы» и «действительной службы» на благо своего края [1, с. 15]. Пикник генералов среди скал оказывается лишь «пустой и ненужной игрой», которую пространство «выставляет на позор», доказывая, что вне связи с реальностью созидательного труда даже самая блестящая цивилизация превращается в «пар и прах» [15, с. 149]. Крах этой искусственности неизбежен, и единственным выходом для «человека второго номера», Литвинова, становится бегство из этого «инфернального марева» к реальности деревенской жизни в России.

Сопоставление образа европейского курорта в романе «Дым» и Рулетенбурга в «Игроке» Ф.М. Достоевского позволяет отчетливо выявить уникальность тургеневской «оптики дистанции». Если в мире Достоевского казино предстает как место «рокового испытания» и «экзистенциальной бездны», где герой через пагубную зависимость и риск познает пределы своей природы, то Тургенев подвергает это пространство последовательной десакрализации. В художественной системе «Дыма» игорный зал лишен героического пафоса; это локус «хищной жадности» и «тупой пошлости», где аристократия теряет человеческое достоинство [15, с. 11]. Трагедия здесь подменяется «механическим вращением», которое сам автор уподобляет «безустанной, тревожной и – ненужной игре» [15, с. 140]. Как отмечал В.В. Зеньковский, Тургенев, в отличие от Достоевского, сознательно не позволял себе погружаться в глубокое «разъятие» душевных движений, предпочитая «целомудренную остановку» там, где Достоевский ищет бездну [7, с. 274]. Для Тургенева Европа – это не «ад страстей», а «ад пустоты», где человеческая субстанция превращается в призрачное «клубление дыма» [15, с. 1428]. Метафорически это различие можно представить так: Рулетенбург Достоевского – это штормовое море, в которое герой бросается, чтобы либо утонуть, либо выплыть обновленным; Баден-Баден Тургенева – это нарядная, но душная комната, наполненная сигарным дымом, из которой Литвинов поспешно выходит на свежий воздух русской степи.

Для Тургенева Баден-Баден – это не «ад страстей», а «ад пустоты», что созвучно концепции И.С. Аюпова о «зоне мертвой жизни», являющейся мифопоэтическим аналогом Аида [2, с. 16]. В отличие от героев Достоевского, которые в казино ищут перерождения через катастрофу, персонажи Тургенева лишь участвуют в «бессмысленной духовной круговерти», лишенной онтологической опоры [1, с. 18]. Если представить этот процесс метафорически, то Баден-Баден в романе – это яркая, но холодная витрина, за которой вместо жизни обнаруживается лишь пыльный склад манекенов: Литвинов, заглянув за стекло, ощущает холод этой пустоты и поспешно уходит к простому, но настоящему теплу родного очага.

Баденское пространство выступает как «социальный театр», где за внешним блеском скрывается «газообразное состояние» русской души, не имеющей «никакого зерна» [7, с. 331]. Таким образом, через противопоставление достоевскому «року» тургеневской пошлости автор «Дыма» утверждает свой взгляд на Европу как на «дистанционную лабораторию». Она необходима писателю, чтобы «из самой моей дали сильнее напасть» на пороки русской жизни, обнажив не глубину, а призрачность и «дымность» бытия оторванных от почвы соотечественников [7, с. 213]. Важнейшим пространственным образом, организующим финал романа, становится железная дорога. Если курорт – это пространство статики и кружения на месте, то поезд – это векторное, динамичное пространство, которое насильственно вырывает героя из состояния сна. Железная дорога в поэтике Тургенева здесь выступает как символ неумолимой реальности, технического прогресса и линейного времени, которое противостоит циклическому безвременью Бадена.

Стук колес, гарь и копоть паровоза – это грубые, но настоящие сенсорные ощущения, которые возвращают Литвинова к жизни. Дым паровоза отличается от дыма сигар в салоне генералов: если второй усыпляет и одурманивает, то первый – уносится прочь, открывая горизонт. Именно в купе вагона, в этом узком, но движущемся пространстве, к герою возвращается способность трезво мыслить и судить.

Обобщая анализ пространственных уровней романа, мы можем сформулировать концепцию атмосферного детерминизма как основы поэтики «Дыма». Наше исследование позволяет утверждать, что Тургенев в этом произведении совершает жанровый эксперимент, отходя от жесткой фабульности к импрессионистической зыбкости.

Образ «дыма» в романе следует рассматривать не только как метафору идеологической пустоты, но и как структурообразующий принцип повествования. Тургенев создает особый «дымный» нарратив: события развиваются нелинейно, диалоги обрываются, причинно-следственные связи размываются, подобно клубам пара. В этой оптике Баден-Баден становится пространством, где невозможно четкое зрение. Герои не могут разглядеть истину не потому, что они слепы, а потому, что сама среда искажает очертания реальности.

В этом контексте фигура Литвинова обретает новый смысл. Он не просто «лишний человек» или «наблюдатель» в традиционном понимании. Он выступает как медиум, сквозь сознание которого пропуская агрессивная среда курорта. Его пассивность – это не черта характера, а единственно возможный способ взаимодействия с миром, лишенным твердых форм. Если в «Отцах и детях» герой (Базаров) пытался переделать среду, то в «Дыме» среда поглощает героя, растворяет его волю в своей атмосфере.

Таким образом, мы приходим к выводу, что новаторство Тургенева в «Дыме» заключается в открытии пространства как самостоятельного субъекта действия. Баден-Баден не просто «отражает» состояние героев, он диктует им логику поведения. Это позволяет говорить о романе «Дым» как о предтече «атмосферной прозы» конца XIX века, где настроение и среда становятся важнее сюжета. Именно опыт европейского «зарубежья» позволил писателю ощутить эту зыбкость бытия и воплотить ее в форме, где «дым» становится не только темой, но и самим языком произведения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что художественное пространство Европы в романе «Дым» выполняет функцию активного инструмента авторской оценки, направленного на развенчание ложных идей и губительных страстей. Баден-Баден предстает в произведении как своеобразная лаборатория, где в условиях оторванности от национальной почвы любые интеллектуальные претензии героев обнаруживают свою внутреннюю несостоятельность и призрачность.

Анализ показал, что Тургенев конструирует образ европейского курорта через совмещение мотивов мертвенности и театральности. В этой среде персонажи утрачивают внутреннюю устойчивость, превращаясь в марионеток, подчиненных общему искусственному ритму. Контраст между внешним комфортом отельных номеров и духовной пустотой речей кружка Губарева закрепляет за этим местом статус «анти-дома», лишённого подлинного уюта и корней. Ощущение всеобщего увядания усиливается через сенсорные детали: цветовая гамма, ассоциирующаяся с сухой листвой, и навязчивый музыкальный фон подчеркивают фальшь происходящего, превращая человеческие драмы в элемент пошлого спектакля.

В этой системе координат переосмысливается фигура главного героя. Григорий Литвинов, переживая в Европе мучительное состояние «безгнездовья» и духовного падения, выступает не как пассивный участник, а как необходимый наблюдатель. Именно его взгляд позволяет выявить специфику тургеневского курорта в сравнении с миром Ф.М. Достоевского: Баден-Баден здесь предстает не как место трагических страстей, а как пугающее царство пустоты и бессмысленного движения.

Финал романа знаменует собой преодоление этого морока и победу героя над призрачным маревом заграничной жизни. Разоблачающая роль пространства завершается в момент возвращения Литвинова в Россию, где пустому дыму иллюзий противопоставляется дым родного очага – символ возвращения к реальности и созидательному труду. Таким образом, пребывание за границей послужило для Тургенева необходимой дистанцией, позволившей писателю с максимальной резкостью указать на пороки современной ему действительности и утвердить мысль о невозможности полноценной жизни вне национальной почвы.

Список источников

1. Алексашина И.В. Проблемы исторического развития России в романе И.С. Тургенева «Дым»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2008. 182 с.
2. Аюпов И.С. Роман И.С. Тургенева «Дым» в историко-культурном контексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2010. 88 с.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234 – 407.

4. Батюто А.И. Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972. 394 с.
5. Бельская А.А. Функционирование цвета *feuille morte* в романе И.С. Тургенева «Дым» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3 (92). С. 44 – 46.
6. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.; Л.: Советский писатель, 1962. 247 с.
7. Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб.: РХГА, 2023. 584 с.
8. Грималюк Т.В., Конышев Е.М. Образ Литвинова в романе Тургенева «Дым» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 2 (87). С. 62 – 64.
9. Достоевский Ф.М. Игрок // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 208 – 318.
10. Крюкова О.С. Музыкальный дискурс прозы И.С. Тургенева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 136 – 144.
11. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула: Приокское книжное изд-во, 1972. 344 с.
12. Манн Ю.В. Тургенев и другие. М.: РГГУ, 2008. 630 с.
13. Маркович В.М. Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 2020. 152 с.
14. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 301 с.
15. Тургенев И.С. Дым // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 2022. Т. 9. С. 7 – 152.

References

1. Aleksashina I.V. Problems of Historical Development of Russia in I.S. Turgenev's Novel "Smoke": Diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.01.01. Tver, 2008. 182 p.
2. Ayupov I.S. Turgenev's Novel "Smoke" in the Historical and Cultural Context: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.01.01. Magnitogorsk, 2010. 88 p.
3. Bakhtin M.M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. Questions of Literature and Esthetics. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. P. 234 – 407.
4. Batyuto A.I. Turgenev the Novelist. L.: Nauka, 1972. 394 p.
5. Belskaya A.A. The Functioning of the Color *Feuille Morte* in I.S. Turgenev's Novel "Smoke". Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. No. 3 (92). P. 44 – 46.
6. Byaly G.A. Turgenev and Russian Realism. Moscow; L.: Sovetsky Pisatel, 1962. 247 p.
7. Generalova N.P. I.S. Turgenev: Russia and Europe. From the History of Russian-European Literary and Social Relations. St. Petersburg: RHGA, 2023. 584 p.
8. Grimalyuk T.V., Konyshev E.M. The Image of Litvinov in Turgenev's Novel "Smoke". Scientific Notes of Oryol State University. 2020. No. 2 (87). P. 62 – 64.
9. Dostoevsky F.M. The Gambler. Complete Works: in 30 volumes. L.: Nauka, 1973. Vol. 5. P. 208 – 318.
10. Kryukova O.S. Musical Discourse in I.S. Turgenev's Prose. Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2008. No. 4. P. 136 – 144.
11. Kurl'yandskaya G.B. The Artistic Method of Turgenev the Novelist. Tula: Priokskoye Book Publishing House, 1972. 344 p.
12. Mann Yu.V. Turgenev and Others. Moscow: RSUH, 2008. 630 p.
13. Markovich V.M. Man in the Novels of I.S. Turgenev. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 2020. 152 p.
14. Pustovoyt P.G. I.S. Turgenev – Artist of Words. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1987. 301 p.
15. Turgenev I.S. Smoke. Complete Works and Letters: in 30 volumes. Works: in 12 volumes. Moscow: Nauka, 2022. Vol. 9. P. 7 – 152.

Информация об авторах

Албагачиева Х.И., филологический факультет ФГБОУ ВО Ингушского государственного университета, hadidja.albagachieva2004@bk.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

¹ Алиева Л.Б.

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Репрезентация представлений о женском и мужском интеллекте на основе русских фразеологических единиц

Аннотация: в данной статье анализируются гендерно маркированные фразеологические единицы, репрезентирующие представления об интеллекте мужчин и женщин в русском языке. Материал исследования включает фразеологизмы с маскулинной и феминной маркированностью, отобранные из лексикографических источников. Методологическую основу составляют семантический, когнитивный и гендерно-лингвистический анализ. В ходе исследования выявлены различия не только в смысловом, но и количественном соотношении фразеологических единиц, отражающих феминные и маскулинные интеллектуальные особенности. Подробно проанализировано каждое устойчивое сочетание, для подтверждения смысла использованы не только фразеологические словари, но также и примеры из НКРЯ, которые позволяют увидеть особенности использования данных фразеологизмов носителями русского языка. В завершение статьи делаются выводы о том, что интеллект в картине мира русского народа является одним из важных аспектов социума, однако в количественном, а также в положительно-оценочном ключе, фразеологизмы, выражающие умственные способности мужчин преобладают над устойчивыми выражениями, репрезентирующими интеллектуальные особенности женщин. Данный факт свидетельствует о стереотипизации положения женщин в андроцентрической культуре, где их роль отводится больше к обустройству домашнего очага, а также функциями верной жены и матери. Таким образом, в языковой картине мира русского языка женщина не репрезентируется как интеллектуально равная мужчине фигура.

Ключевые слова: гендер, фразеология, интеллект, феминность, маскулинность, гендерные стереотипы

Для цитирования: Алиева Л.Б. Репрезентация представлений о женском и мужском интеллекте на основе русских фразеологических единиц // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 159 – 164.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Alieva L.B.

¹ Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

Representation of conceptions of female and male intelligence based on Russian phraseological units

Abstract: this article analyzes gender-marked phraseological units representing ideas about male and female intelligence in the Russian language. The study includes phraseological units with masculine and feminine markings, selected from lexicographic sources. The methodological basis is semantic, cognitive, and gender-linguistic analysis. The study revealed differences not only in the semantic but also in the quantitative ratio of phraseological units reflecting feminine and masculine intellectual characteristics. Each set phrase is analyzed in detail, using not only phraseological dictionaries but also examples from the National Russian Language Library to confirm their meaning. These examples highlight the specific usage of these phraseological units by native Russian speakers. The

article concludes that intelligence is an important aspect of society in the Russian worldview. However, in quantitative and positive terms, phraseological units expressing men's mental abilities outweigh those representing women's intellectual abilities. This fact demonstrates the stereotyping of women in an androcentric culture, where their role is relegated more to homemaking and the role of a faithful wife and mother. Thus, in the Russian linguistic worldview, women are not represented as intellectually equal to men.

Keywords: gender, phraseology, intelligence, femininity, masculinity, gender stereotypes

For citation: Alieva L.B. Representation of conceptions of female and male intelligence based on Russian phraseological units. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 159 – 164.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Язык в значительной мере участвует в производстве и поддержании стереотипов. Представители определенной лингвокультуры, используя язык и осуществляя выбор тех или иных средств, речевых стратегий, тактик, демонстрируют тем самым сложившиеся в данном социуме убеждения, ценности и ожидания в области различных социальных проблем [1], в том числе применительно к тендеру (например, тендерное равенство/неравенство, дискриминация) [1].

Гендерные исследования зародились в рамках антропоцентрической научной парадигмы. В середине прошлого века феминистически настроенные группы исследователей начали дискуссию о правомерности патриархально устроенного мира, это привело к возникновению в рамках гендерологии направлений по изучению положения женщин и положения мужчин как двух социальных категорий реализации пола [2].

В русской народной культуре женщина противопоставляется мужчине как гендерный антипод, при этом в языковых и речевых единицах (текстах разных функциональных стилей) наблюдается как положительный, так и отрицательный образ женщины. Это сравнение мужчины и женщины происходит постоянно (как сосуществование антиподов), поэтому разного рода характеристики и оценки женщины со стороны, прежде всего, мужчины, а также общества, запечатленные как типичные в ФЕ [3].

Концептуальное поле, отражающее интеллект человека, характеризуется наличием противоположностей, которые конструируются на оси «умный – глупый». Данное поле включает в себя лингвистические единицы, которые номинируют различные уровни интеллектуальных способностей, обозначая таким образом градацию разума от полного отсутствия до высокой степени развития. Понятие «интеллект человека» по классификациям, утверждённым в работах таких лингвистов, как С.А. Аскольдов, В.И. Карасик, З.Д. Попова с И.А. Стерниним, а также В.А. Масловой, представляет собой абстрактный художественный концепт.

Человеческий интеллект характеризуется базовым, неспециализированным характером и представляет собой гештальт – целостный образ мышления. Он сочетает рациональные и чувственные элементы, создавая функционально-мыслительную структуру. Кроме того, концепт «интеллект человека» служит одной из фундаментальных составляющих любого языка и всей концептуальной картины мира, так как отображает коренную сущность человеческого бытия и выделяет его из всей совокупности живых существ.

Для оценки положения данного концепта в рамках обширной карты мировых концепций предшествует применение существующих лингвистических классификаций. Именно такой аналитический подход позволяет осмыслить уникальность и многоаспектность понятия интеллекта в человеческом измерении.

Материалы и методы исследований

Лексикографический материал играет важнейшую роль в процессе исследования, поскольку является своего рода «первоисточником» при толковании значения той или иной языковой единицы [4]. Как известно, фразеологизмы и идиомы любого языка несут в себе всю широту народной мысли, накапливаемый веками опыт поколений. Данный материал, как ничто другое, ярко репрезентирует стереотипы гендерности, заложенные во внутренней форме фразеологических единиц. Ведь гендерный аспект в выражении фразеологизмами (в данном случае эквивалентными слову или словосочетанию) интеллектуальных качеств лиц женского и мужского полов является весьма распространенным речемышлительным явлением. Тема женского ума, глупости, женской логики, хитрости на протяжении веков остается предметом досужих разговоров. В то время как тема мужского ума не так интересно обществу, так как само по себе у нас есть стереотипное представление о том, что мужской интеллект превосходит женский. В данной статье мы рассмотрим ФЕ отражающие уровень интеллекта как мужчин, так и женщин. Проанализируем отрицательные и положительные коннотации отобранных фразеологизмов.

Стоит отметить, что устойчивых выражений, репрезентирующие интеллект человека, достаточно много, однако в большинстве своем они имеют нейтральную окраску. Только лишь небольшая часть данных ФЕ имеет ярко выраженную гендерную окраску феминности или маскулинности – такие устойчивые выражения и будут проанализированы в нашем исследовании.

Результаты и обсуждения

В первую очередь мы рассмотрим фразеологизмы, выражающие положительные интеллектуальные способности феминной группы. При сплошной выборке ФЕ, репрезентирующих интеллект, мы столкнулись с тем, что их крайне мало, паремий намного больше, однако именно ФЕ в узком понимании этого слова, т.е. эквивалентные слову или словосочетанию, не больше 10% от общего количества устойчивых сочетаний, репрезентирующих интеллект. В результате нашей выборки в эту категорию вошли 27 фразеологических единиц.

1. **Синий чулок** – о педантичной женщине, лишенной обаяния и женственности, поглощенной лишь научными интересами [5].

*Я еще рада, что она не столько «думающая девушка» и умница, и не только «активный работник», или как это там называется, «партийный работник», но и красива она очень, так, что никак к ней нельзя бы применить пресловутый насмешливый **синий чулок** [О.А. Бессарабова. Дневник (1917)] [6].*

По одной из версий, ФЕ **синий чулок** возник в результате того, что кружку леди Монтэгю имя «синие чулки» дал адмирал Эдвард Боскауэн (1711–1761), известный как «Неустрашимый старина» или «Кривошей Дик». Он был мужем одной из наиболее восторженных участниц кружка и грубо отзывался об интеллектуальных занятиях своей жены, насмешливо называя заседания кружка встречами «Общества синих чулок». Выражение стало в Англии нарицательным после того, как поэт Джордж Гордон Байрон написал на салон леди Монтэгю сатиру и назвал её «Синие» (англ. The Blues).

Термин «синий чулок» применяют в отношении женщин, демонстрирующих чрезмерный интерес к образованию, научным занятиям и умственным упражнениям, зачастую игнорируя при этом предписанные обществом роли хозяйки и супруги.

2. **Мужик в юбке** – властная женщина, занимающая мужскими делами [7].

*Правда, Надежда Филаретовна казалась ему не такой: она была прямая, решительная, твердая в слове, недаром же деловой мир величал ее «**мужик в юбке**» [Ю.М. Нагибин. Как был куплен лес (1972-1977)] [6].*

Стереотипным является тот факт, что интеллект, твердость духа, умение высоко взойти по карьерной лестнице – все это характеризует мужской пол, именно поэтому о женщине с такими характеристиками говорят через призму мужских качеств, т.е. женщина по природе своей не может достичь такого успеха, а те, кто все же достигают имеют мужской характер и мужские качества.

Систематическое использование этого выражения способствует консолидации бинарных гендерных ожиданий и служит инструментом символического давления на тех, кто ставит под вопрос нормативные границы феминности. Следовательно, посредством данной языковой конструкции в общественном дискурсе воспроизводятся устойчивые стереотипы о ролях полов, а само выражение реализует функцию регуляции и санкционирования гендерной неконформности.

Если говорить о фразеологизмах, отражающие интеллектуальные способности мужчин, то нужно отметить, что их количество преобладает над феминной группой. Мы считаем, что одним из факторов, влияющих на это стало то, что мужчины стали получать образование намного раньше женщин, становились учителями, поэтами/писателями, учеными, военными – все это и отражается во фразеологическом фонде русского языка:

1. **Ученый муж** – эрудит, разносторонне образованный человек (о мужчине) [5].

*Козицкий Григорий Васильевич – коллежский советник у принятая челобитен, сочинил рассуждение о пользе мифологии, напечатанное в ежемесячном сочинении «Трудолюбивой пчеле», изданном 1759 года в Санктпетербурге; но сии малые опыты трудов его принять можно за основательные доказательства, что сей искусный и **ученый муж** приобрел бы не последнее место между славными российскими писателями, ежели бы не отвлечен был должностями, на него возложенными, от упражнения во словесных науках [Н.И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях (1772)] [6].*

Данный фразеологизм демонстрирует восприятие образованности и интеллектуальных способностей как атрибутов, присущих преимущественно мужчинам, что указывает на социокультурный уклон в сторону маскулинных норм. Центр внимания смещён на тот факт, что формирование позитивной репутации основывается на принадлежности мужскому полу, а обладание умом в исторической перспективе ассоциируется именно с мужчинами.

2. **Братья по перу** – писатели по отношению друг к другу [8].

Сочинив сказку о рыбаке и золотой рыбке, великий поэт подарил меньшим своим **братьям по перу** неувядающую тему [Э. Кондратов. В копчёном варианте] [6].

Оборот «братья по перу» выполняет функцию идентификатора профессионального единения литераторов или представителей медиа-поприща, связанных общей деятельностью. Употребление термина «братья» подразумевает не только ассоциацию с мужской групповой сплочённостью, но и принадлежность к специфической культурной прослойке, отличающейся выраженной интеллектуальной вовлечённостью.

3. **Властитель дум** – выдающийся человек, оказывающий сильное духовное и интеллектуальное влияние на своих современников [5].

Ну, а в Кракове, в блеске молодой громкой славы, уже не обещающий талант, не бледный спутник ярких светил, а само светило, признанный мастер, **властитель дум и чувств**, Пушкин загорелся идеей реванша. [Ю. М. Нагибин. Трое и одна и еще один (1972-1979)] [6].

Выражение восходит к стихотворению А.С. Пушкина «К морю», где оно характеризует Байрона и Наполеона – этим и объясняется маскулинная группа данной ФЕ.

Данная формулировка применяется в отношении представителей мужского пола, чья интеллектуальная мощь, способность оказывать воздействие на окружающих и обладание властными ресурсами несомненны. В социальном укладе, где превалирует патриархальная модель распределения ролей, именно умственные способности и управленческая энергия традиционно связывались с мужской идентичностью, что пролонгируется в используемом выражении и служит институционализацией установленной гендерной иерархии.

Далее перейдем к анализу фразеологизмов, которые *выражают отрицательную оценку интеллектуальных способностей мужчин и женщин*. Начнем с гендерно-маркированных фразеологизмов феминной группы:

1. **Женская логика** – условное название более эмоционального мышления, присущего женскому полу [5].

Женская логика – вернее, иллюзия таковой – неспособна к последовательному, аргументированному убеждению [Александра Добрянская. Победа непонятого // «Октябрь», 2013] [6].

В анализе данной ФЕ мы приведем слова В.Н. Телия, она пишет, что концепт «женщина» «вообще противопоставлен не своему контрагенту – концепту «мужчина», а оказывается контрадикторным по многим концептуальным основаниям человеку как таковому» [9, с. 267]. В этом смысле *женская логика* – это не специфическая логика, которая присуща женщинам в той мере, в какой мужчинам присуща мужская логика.

Термин «женская логика» зачастую фигурирует в речи с оттенком едкой иронии или даже демонстративного снисхождения, намекая на предполагаемое существование у женщин исключительной, отличной от «общепринятой» системы умозаключений, нередко представляемой как иррациональная.

2. **Дура душой** – об очень глупой девушке, женщине [7].

Ты дура, сказал я, дура была, душой и осталась, **дура душой** [Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998] [6].

В старину *дура* – тряпичная кукла, набитая соломой, опилками и зерном, отчего и пошло множество ФЕ с отрицательной оценкой умственных способностей женщины: *набитая дура, отпетая дура* и т.д.

Фраза «дура душой» нередко применяется в качестве пренебрежительного ярлыка, адресованного женщинам, которых окружающие склонны считать недалевидными или лишёнными рассудительности. Подобное оценочное определение закрепляет предвзятость по отношению к женским когнитивным способностям и транслирует негативные установки относительно их умственных качеств.

3. **Арина бесполденная** – о безнадежно глупой женщине, дуре [7].

Простонародное имя Арина в диалектах становится социально окрашенным и превращается в характеристику глупой женщины. Эпитет бесполденная (курск.) означает «бестолковая».

Устойчивое выражение «Арина бесполденная» приобретает функцию социально маркерного средства, посредством которого в языке кодируется негативное отношение к женщине, демонстрирующей уклончивое, отстранённое от трудовой деятельности поведение и уклоняющейся от выполнения как профессиональных, так и бытовых функций. Элемент «бесполденная» эксплицитно выделяет феномен неучастия в производственной или домашней деятельности, формируя вокруг подобного социального типа устойчивый аффективно-отрицательный контекст.

В маскулинной группе мы выделили следующие устойчивые выражения:

1. **Набитый дурак** – о крайне глупом человеке (мужчине) [8].

Так вот, если бы ты не был дурак, не пошлый дурак, не **набитый дурак**, не перевод с иностранного... видишь, Родя, я сознаюсь, ты малый умный, но ты дурак! – так вот, если б ты не был дурак, ты бы лучше

ко мне зашел сегодня, вечерок посидеть, чем даром-то сапоги топтать [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] [6].

Дурак – неумный человек, глупец, с данным словом есть множество устойчивых выражений: *валять дурака, нашел дурака, круглый дурак* и т.д. Все они имеют отрицательную коннотацию.

Оборот «набитый дурак» в русском языке функционирует как яркая характеристика индивида мужского пола, обладающего недостаточным уровнем образования или сообразительности. Использование термина «дурак» преимущественно по отношению к мужчинам подчеркивает гендерную специфику понятийной нагрузки данного фразеологизма.

2. **Олух царя небесного** – глупый человек, простофиля [5].

– Ну что́, *олух царя небесного*, экзамена не выдержал? – *поздоровался он с ним* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)] [6].

Согласно словарю русской фразеологии, олух имеет в народных говорах несколько однокоренных слов: волух (лентяй), валях (лентяй, неряха), валух (дурак), валуй (увалень, неповоротливый человек).

Все эти существительные произведены от глагола «валяться», и все они используются для характеристики бездельника и глупца.

Итак, слово «олух» раньше означало «ленивый, неповоротливый человек». Позже появилось значение «глупый».

Всегда считалось, что нищие, шуты, юродивые пользовались особой милостью Бога. Его как раз и называют небесным царем. Стало быть, олух царя небесного – один из таких ленивых глупцов, который ждет милости от Бога. Данная ФЕ используется по отношению к мужчинам, скорее всего из-за слова «олух», который является именем существительным мужского рода, в Национальном корпусе русского языка мы не нашли примеров, где бы данный фразеологизм использовался по отношению к женщинам, что служит подтверждением нашего вывода.

3. **Глуп, как сивый мерин** – очень глупый мужчина [8].

Ты, я знаю, пишешь статьи: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий – глуп, как сивый мерин...» *Городничий* [Н.В. Гоголь. Ревизор (1836)] [6].

Сивый мерин – это поседевший от долгой и тяжелой жизни холощенный жеребец, потерявший к старости и физические силы, и умственные способности.

В данном устойчивом обороте индивида, как правило мужчину, уподобляют «сивому мерину» – изможденному и немощному жеребцу, обычно характеризующемуся заторможенностью и ограниченностью ума.

Полемика в данной области берет начало далеко в прошлом и продолжается по настоящее время. В современном мире женский интеллект все еще по большей части характеризуется негативными коннотациями, женский ум сравнивается с мужскими интеллектуальными способностями и при этом характеризуется как более слабый. Понятие «глупость» более распространено по отношению к женского полу, а умозаключения, которые выражают женщины, определяются фразеологизмом женская логика, что является скрытой насмешкой, иронией и, скорее, подразумевает противоречивость и алогичность, иной способ мышления, отличный от «нормального» [10].

Выводы

Анализ фразеологических единиц русского языка, описывающих интеллект, с точки зрения гендерной обусловленности, продемонстрировал ряд фундаментальных закономерностей. Явление вербальной репрезентации половой дифференциации четко прослеживается в сфере устойчивых выражений: через эти языковые формы мир отражает не только социальные, но и нормативные культурные ожидания, связанные с принадлежностью индивида к определенному полу. Несмотря на то, что лингвистическая область, в которой категоризируются умственные качества, представлена значительно скромнее в количественном соотношении по сравнению с фразеологиями, касающимися темперамента или внешних особенностей, их анализ позволяет зафиксировать ряд любопытных аспектов.

Примечательно, что среди проанализированных оборотов значительное большинство характеризуют недостаточность умственных способностей, причём одинаково применимо к лицам мужского и женского пола, что говорит о превалировании тенденции к идентификации и кодификации языком именно негативных когнитивных явлений. В то же время фразеологизмы с позитивным коннотационным фоном, имеющие отношение к интеллекту, преобладают в мужском подкорпусе, тогда как в обозначениях, относящихся к женской части, такого рода выражения фиксируются существенно реже – данный факт наглядно иллюстрирует укоренённые в языковом сознании стереотипные представления об умственных способностях, детерминированные гендером.

Несмотря на доминирование нейтральных по отношению к полу выражений в массиве фразеологического материала, область репрезентации когнитивных характеристик в русском языке представляется значимой и широко востребованной, что подчёркивает не только ценность интеллектуальных параметров в общественной оценке, но и их символическую роль в системе ценностных ориентаций языкового коллектива.

Список источников

1. Шамне Н.Л., Милованова М.В. Некоторые особенности отражения процессов гендерной стереотипизации в русском и немецком языках // Мир науки, культуры, образования. 2024. С. 567 – 569.
2. Глебова А.В. Стереотипы маскулинности сквозь призму русских устойчивых сравнений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-maskulinnosti-skvoz-prizmu-russkih-ustoychivyh-sravneniy> (дата обращения: 07.12.2025).
3. Беглова Е.И. Образ русской женщины сквозь призму фразеологизмов и текстов малых речевых жанров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. С. 206 – 213.
4. Милованова М.В. Гендерные стереотипы в толковых и толково-переводных словарях русского языка в аспекте социальной эксклюзии, инклюзии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 4. С. 16 – 30.
5. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: Ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
7. Степанова М.И. Фразеологический словарь русского языка. Изд-во: СПб: Виктория плюс, 2009. 608 с.
8. Молотков А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
9. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение, употребление, культурологический комментарий. М.: АСТПресс КНИГА, 2006. 784 с.
10. Середя Е.А. Реализация образа женщины в английской и русской фразеологии // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. С. 289 – 298.

References

1. Shamne N.L., Milovanova M.V. Some Features of Reflection of Gender Stereotyping Processes in the Russian and German Languages. The World of Science, Culture, and Education. 2024. P. 567 – 569.
2. Glebova A.V. Masculinity Stereotypes through the Prism of Russian Set Comparisons. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2025. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-maskulinnosti-skvoz-prizmu-russkih-ustoychivyh-sravneniy> (accessed: 07.12.2025).
3. Beglova E.I. The Image of a Russian Woman through the Prism of Phraseologisms and Texts of Small Speech Genres. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2023. P. 206 – 213.
4. Milovanova M.V. Gender stereotypes in explanatory and explanatory-translation dictionaries of the Russian language in the aspect of social exclusion and inclusion. Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 16 – 30.
5. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language: Ok. 13,000 phraseological units. 3rd ed., rev. M.: Astrel; AST, 2008. 878 p.
6. National Corpus of the Russian Language [Electronic resource] Access mode: <https://ruscorpora.ru>.
7. Stepanova M.I. Phraseological dictionary of the Russian language. Publisher: St. Petersburg: Victoria Plus, 2009. 608 p.
8. Molotkov A.I. (ed.) Phraseological Dictionary of the Russian Language. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1968. 543 p.
9. Telia V.N. Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning, Usage, Cultural Commentary. Moscow: ASTPress KNIGA, 2006. 784 p.
10. Sereda E.A. Realization of the Image of Women in English and Russian Phraseology. Scientific Notes of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. 2022. P. 289 – 298.

Информация об авторах

Алиева Л.Б., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
lamiiaalieva@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'33

¹ Багдасарова И.Ю.

¹ Университет мировых цивилизаций
им. В.В. Жириновского

Ассоциативный портрет современного студента в контексте готовности к восприятию текста исторического романа

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы недостаточной лингвокогнитивной готовности современного студента к восприятию текста исторического романа, освещена особая роль ассоциативного портрета как индикатора включённости в исторический дискурс и, следовательно, необходимость обращения к психолингвистическим методам диагностики на этапе предтекстовой подготовки. Исследуются особенности структуры ассоциативных полей, формируемых под влиянием академического и медиадискурса, способы классификации реакций по уровням языковой личности, а также возможности применения трёхуровневой модели Ю.Н. Караулова для оценки глубины концептуальной проработки исторически маркированной лексики. Методология исследования представлена свободным ассоциативным экспериментом и заданием на завершение предложений, проведёнными среди студентов нелингвистических специальностей, а также качественно количественным анализом полученных данных. Результаты научной работы представлены в виде вывода о дисбалансе в структуре языкового сознания респондентов и рекомендаций по использованию ассоциативного эксперимента в качестве инструмента выявления когнитивных барьеров перед чтением культурно сложных текстов.

Ключевые слова: ассоциативный портрет, исторический роман, языковая личность, психолингвистический ассоциативный эксперимент, лингвокогнитивная готовность

Для цитирования: Багдасарова И.Ю. Ассоциативный портрет современного студента в контексте готовности к восприятию текста исторического романа // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 165 – 171.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Bagdasarova I.Yu.

¹ World Civilizations University named
after V.V. Zhirinovskiy

The associative portrait of the contemporary student in the context of readiness to perceive the text of a historical novel

Abstract: the article addresses the issue of insufficient linguocognitive readiness of contemporary students to perceive the text of a historical novel; it highlights the specific role of the associative portrait as an indicator of engagement with historical discourse and, consequently, the necessity of employing psycholinguistic diagnostic methods at the pre-reading stage. The study examines the structural features of associative fields shaped under the influence of both academic and media discourse, approaches to classifying responses according to the levels of linguistic personality, and the potential of applying Yu.N. Karaulov's three-level model to assess the depth of conceptual processing of historically marked lexical items. The methodology is represented by a free associative experiment and a sentence-

completion task, carried out among students of non-linguistic specialisations, supplemented by qualitative and quantitative analysis of the obtained data. The findings of the study are presented in the form of a conclusion regarding the imbalance in the structure of the respondents' linguistic consciousness and recommendations for using the associative experiment as a tool to identify cognitive barriers prior to reading culturally complex text.

Keywords: *associative portrait, historical novel, linguistic personality, psycholinguistic associative experiment, linguocognitive readiness*

For citation: Bagdasarova I.Yu. The associative portrait of the contemporary student in the context of readiness to perceive the text of a historical novel. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 165 – 171.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Ассоциативный портрет современного студента складывается в условиях взаимодействия различных источников формирования исторического сознания – от академических дисциплин до художественной литературы и визуальных медиатекстов [2]. На этом фоне многочисленные рейтинги книжных продаж – как российские, так и международные – свидетельствуют об устойчивой востребованности исторического романа в современной культуре. По данным РБК (2023), в десятку самых популярных книг входят как минимум два крупных исторических романа, такие как «Донкихот» Сервантеса и «Повесть о двух городах» Диккенса и две другие, сознательно имитирующие средневековый дискурс: «Хоббит» и «Властелин колец» Толкина и серия «Гарри Поттер» Роулинг с суммарным тиражом свыше 600 миллионов проданных копий, где архаичные формы, рыцарские клятвы и феодальная лексика формируют нарративную стилистику, близкую к историческому роману.

Этот интерес находит подтверждение в визуальной культуре: согласно рейтингу SkillBox (2024), среди двадцати лучших исторических сериалов доминируют проекты, реконструирующие средневековую и ранненовую эпохи – «Сёгун», «Викинги», «Тюдоры». Даже «Игра престолов», формально относящаяся к жанру фэнтези, включается в аналитические обзоры как культурный феномен, чья языковая стилизация, включая феодальную терминологию и архаичные формы, напрямую имитирует исторический роман. Из вышесказанного можно утверждать, массовая аудитория демонстрирует устойчивый интерес к нарративам, построенным на средневековом коде.

Проведение психолингвистических ассоциативных экспериментов представляет собой один из ведущих методов изучения языкового сознания, как в его коллективном (этнолингвокультурном), так и в индивидуальном измерении. В качестве рабочего определения принимается следующая трактовка: «Языковое сознание – это образы сознания, воплощаемые посредством языковых средств: отдельных лексем, словосочетаний, фразеологизмов, текстов, а также ассоциативных полей и ассоциативного тезауруса как совокупности этих полей» [9, с. 3]. В современной лингвистике именно ассоциативный эксперимент считается наиболее продуктивным инструментом для реконструкции структуры языкового сознания; его применение особенно распространено в исследованиях семантики, лексической сочетаемости и концептуальной организации значения [1].

Особую ценность ассоциативный эксперимент приобретает при изучении восприятия культурно маркированных текстов, в число которых входит исторический роман. В отличие от нейтральных стимулов, лексем, релевантные средневековому дискурсу, активируют не только лексико-семантические, но и концептуальные, ценностные и визуально-импрессивные зоны языкового сознания. Структура ассоциативного поля таких стимулов позволяет выявить, на каком уровне – поверхностном (предметно-образном), концептуальном или эмоционально-оценочном – происходит включение читателя в исторический контекст. Таким образом, ассоциативный портрет перестаёт быть лишь характеристикой индивидуального сознания и становится диагностическим индикатором готовности к интерпретации исторически насыщенного текста [3].

Ассоциативный эксперимент находит применение в прикладных областях, где требуется реконструкция профессионального или социокультурного языкового сознания. Так, в медицинской коммуникации ассоциативный эксперимент используется для выявления семантических доминант и стереотипов, формирующих речевое поведение врачей: в работах, посвящённых языковому сознанию медиков, показано, что реакции на ключевые стимулы («пациент», «диагноз», «ответственность») позволяют эксплицитировать не только профессиональную лексико-концептуальную структуру, но и скрытые коммуникативные установки, влияющие на взаимодействие с пациентом [8].

Расширяется также сфера применения ассоциативного эксперимента в когнитивной и социолингвистике: с его помощью изучаются коллективные концепты, репрезентирующие пространственно-культурные образы, – например, «Арктика» в языковом сознании носителей русского языка, где ассоциативное поле выявляет семантический гештальт, объединяющий природные, идеологические и мифологические компоненты [4]. Более того, в исследованиях человеко-технологического взаимодействия (в частности, в изучении отношения рабочих к роботизации) ассоциативные реакции на стимулы вроде «робот», «работа», «будущее» служат индикатором когнитивных и эмоциональных установок, коррелирующих с готовностью к технологическим изменениям [10]. Во всех этих случаях ассоциативный эксперимент функционирует как инструмент доступа к имплицитному уровню сознания – тому, что не фиксируется прямым опросом, но определяет реальное речевое и поведенческое реагирование.

Исходя из этого, был проведён психолингвистический ассоциативный эксперимент, направленный на оценку лингвистической готовности студентов к восприятию текста исторического романа. Цель исследования состояла не столько в измерении уровня исторических знаний как таковых, а в выявлении степени включённости лексем, релевантных средневековому дискурсу, в структуру языкового сознания респондентов: если стимулы активируют устойчивые, семантически насыщенные и концептуально проработанные ассоциативные поля, можно предположить, что текст, построенный на этих единицах, будет восприниматься как когнитивно доступный; если же реакции носят фрагментарный, визуально-импрессивный или медиаиндуцированный характер, это указывает на потенциальные барьеры на пути глубокой интерпретации. Таким образом, эксперимент был задуман как диагностическая процедура, позволяющая прогнозировать трудности текстопонимания до непосредственного обращения к отрывку романа.

Материалы и методы исследований

В исследовании использован свободный ассоциативный эксперимент, дополненный анкетированием. Обработка и интерпретация данных осуществлялись на основе трёхуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова [5]. Данная типология выбрана, потому что она позволяет извлечь и дать оценку данным об ассоциативных полях и потенциале респондентов к интерпретации текстов, насыщенных историческими понятиями.

Результаты и обсуждения

Перед началом эксперимента студентам было предложено заполнить анкету с данными о себе, представленными в таблице 1. В исследовании приняли участие 69 студентов второго курса бакалавриата из трёх вузов: Московского политехнического университета (12 человек), Университета мировых цивилизаций им.В.В.Жириновского (15 человек) и Российского университета дружбы народов (42 человека). Возрастной диапазон – 18–23 года (мода – 19 лет); соотношение полов – 28 мужчин и 41 женщина. Респонденты оценивали свой интерес к истории и классической литературе по пятибалльной шкале (1 – «никакого», 5 – «очень высокий»): средний балл по истории составил 2,0 (мода – 3), по классической литературе – 3,0 (мода – 4), что указывает на умеренную вовлечённость в данные сферы при преобладании нейтрального или слабо положительного отношения.

Таблица 1

Данные о респондентах, принявших участие в ассоциативном эксперименте.

Table 1

Data on respondents participating in the associative experiment.

Количество участников	69
Университеты/(количество участников)	Московский политехнический университет (12), Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского (15), Российский университет дружбы народов (42)
Курс, уровень образования	2, бакалавры
Возраст (мода)	18-23 (19)
Пол (М/Ж)	28/41
Интерес к истории по шкале 1-5: мода/среднее	3/2
Интерес к классической литературе по шкале 1-5: мода/среднее	4/3

Собственно, эксперимент проводился в два этапа и состоял из двух частей:

1. Свободный ассоциативный эксперимент: респондентам предъявлялся список из 10 стимульных слов, релевантных средневековому дискурсу исторического романа. Задача респондентов состояла в том,

чтобы к каждому слову-стимулу как можно быстрее записать первое слово или словосочетание, возникшее в сознании. Время на ответ не ограничивалось, но подчёркивалась важность спонтанности. Данные о части 1 представлены в таблице 2.

Таблица 2

Часть 1: Ассоциации к стимулам.

Table 2

Part 1: Associations to stimuli.

Номер стимула	Стимул	Ассоциация (по частотности)	Ассоциация «оригинальная», логически неверная
1	Рыцарь	Воин, честь, доспехи	
2	Вассал	Раб; «вассал моего вассала не мой вассал»; нет ассоциаций	Сюзерен
3	Геральдика	Нет ассоциаций; герб	
4	Оммаж	Нет ассоциаций	омлет
5	Столетняя война	116 лет; Англия, Франция	
6	Рыцарский турнир	Поединок (бой, соревнование); лошади и копыя	
7	Аббатство	Нет ассоциаций;	
8	Феодал	Землевладелец; раб	Капиталист; раб
9	Рыцарский роман	Любовь; Айвенго	Нет ассоциаций
10	Арбалет	Лук, стрелы	

2. Завершение предложений: участникам были предложены 10 незавершённых фраз, имитирующих типичные синтаксические конструкции исторического романа. Требовалось закончить предложение первым пришедшим на ум образом, без редактирования и задержек. Инструкция во всех случаях подчёркивала: «Пишите то, что пришло в голову в первую очередь – не думайте, не исправляйте, не «улучшайте» ответ». Ответы фиксировались письменно, на листах бумаги и анонимно. Далее каждая реакция классифицировалась по трёхуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова. Данные о части 2 представлены в таблице 3.

Таблица 3

Часть 2: Продолжение предложений.

Table 3

Part 2: Sentence continuation.

Номер предложения	Начало предложения	Наиболее частное продолжение	Оригинальное
1	Столетняя война велась между...	Не знаю; Англия, Франция	Добром и злом; древними греками
2	Основной причиной Столетней войны был(-а/-о)...	Не знаю; земля	
3	«Париж стоит мессы» – это фраза, приписываемая...	Нет идей; Генриху 4му	Ломоносов; Наполеон
4	«Месса» в Средние века – это...	Не знаю	
5	Протестантизм возникает...	Не знаю; из за протеста	Назло Ватикану
6	Медиевист – это учёный, который изучает...	Не знаю; тот кто изучает сми; медиа пространства, тик ток; соц. сети	Мидии; медальки
7	Главным символом власти феодала был(-а/-о)...	земля, надел, власть	
8	Университеты в Средние века ...	Не существовали; только для мужчин; только для богатых; Оксфорд	были (но надо узнать); были (но это не точно)
9	Жанна д'Арк сражалась на стороне...	Франции; не знаю	Женщин
10	Инквизиция в Средние века занималась...	Огрублением голов, сожжением; массовыми убийствами и резней; борьбой с ересью	Истреблением умников; ерундой; инквизированием

В целях обеспечения репрезентативности и наглядности в таблицах 2 и 3 представлены наиболее частотные реакции, а также оригинальные, иронические или логически неверные ответы, демонстрирующие особенности когнитивной обработки стимулов. Количественный анализ, на основе которого проводилась классификация по уровням языковой личности Ю. Н. Караулова, учитывал все зафиксированные реакции (690 в части 1 и 690 в части 2), включая те, что приведены в таблицах. При этом реакции типа «не знаю», «нет ассоциаций» и буквализмы (*оммаж* - *омлет*) отнесены к нулевому уровню; точные определения и исторически релевантные связи – к первому; иронические, медиаиндуцированные и эмоционально окрашенные – ко второму.

Таблица 4

Трехуровневая модель языковой личности по Ю.Н. Караулову.

Table 4

Yu.N. Karaulov's Three-Level Model of Linguistic Personality.

Тип	Нулевой (семантический) (	Первый (логико-когнитивный)	Второй (прагматический)
Суть реакции	«Я слышу слово – и даю ближайший языковой/предметный эквивалент». Сознание испытуемого не видит выхода за пределы слова	«Я понимаю, как это устроено в мире текста». Уровень глубокого понимания исторического романа	«Я отношусь к этому и проецирую своё», Уровень вовлечённости, но не обязательно понимания
Подтип (пример)	синонимы, антонимы, гиперонимы (вассал – подчиненный)	точные определения (феодал - землевладелец)	эмоциональные/оценочные реакции (Инквизиция в средние века занималась – пролитием много крови)
Подтип (пример)	буквализмы, в том числе по звуковоспадению (<i>оммаж</i> – <i>омлет</i>)	функциональные связи (Протестантизм возникает – назло Ватикану)	медиаассоциации (Университеты в средние века – были (но это не точно)
Подтип (пример)	фрагментарные реакции (вассал - вассал моего вассала не мой вассал)	межпонятийные ассоциации (Рыцарский роман - любовь)	ирония и вербальная игра (медиевист изучает – мидии, медиа)
Подтип (пример)	отсутствие реакции		актуализация современных ценностей (Жанна д'Арк сражалась на стороне - женщин)
Процент от общей реакции (100%)	52 %	18%	32%

Представленная типология наглядно демонстрирует распределение ассоциативных реакций по уровням языковой личности и позволяет соотнести конкретные формы ответов с глубиной когнитивной обработки. Доминирование нулевого уровня (52 %) свидетельствует о том, что для подавляющего числа респондентов стимулы выступают прежде всего, как лингвистические или предметные единицы, не включённые в более широкую историко-культурную систему. Низкая доля первого уровня (всего 18 %) говорит о слабой представленности логико-когнитивного компонента: даже в тех случаях, когда студенты дают верные определения, они редко дополняют их функциональными или иерархическими связями, необходимыми для понимания сюжетных движущих сил исторического романа. В то же время значительная доля второго уровня (32 %) указывает на высокую эмоциональную и ценностную вовлечённость, однако, как показывают примеры, эта вовлечённость зачастую опирается не на исторический контекст, а на современные медиаобразы и иронические смещения, что, скорее, маскирует, чем компенсирует когнитивный пробел.

Таким образом, ассоциативный портрет студента-читателя исторического романа оказывается дисбалансным: при наличии базовой лексической узнаваемости и выраженной эмоциональной реактивности отсутствует ключевой компонент – концептуальная сеть, связывающая отдельные элементы в целостную картину средневекового мира. Этот разрыв между формой и содержанием, между узнаванием и пониманием, делает текст не трудным в техническом смысле, но семантически фрагментированным: студент может следить за сюжетом, но не воспринимает его как реализацию исторически обусловленной системы ценностей,

обязательств и власти. Именно эта фрагментация, зафиксированная в ассоциативных данных, и составляет главный барьер на пути глубокой интерпретации.

Выводы

Анализ данных двух частей эксперимента позволяет сделать следующий вывод: структура ассоциативного портрета студентов характеризуется неоднородной включённостью в исторический дискурс. В то время как отдельные стимулы активируют реакции как на нулевом, так и на первом уровне (свидетельствуя о наличии базовых, но фрагментарных знаний), ключевые термины, обозначающие институты и ритуалы эпохи, почти исключительно вызывают реакции нулевого уровня – вплоть до полного отсутствия ассоциаций. При этом второй уровень, проявляющийся в иронических, каламбурных и медиаиндуцированных реакциях, не компенсирует когнитивный пробел, а, напротив, сигнализирует о стратегии вербальной импровизации в условиях семантической неопределённости. Из вышесказанного можно заключить, что готовность к восприятию исторического романа оказывается асимметричной: студенты способны узнавать отдельные образы, но не обладают концептуальным аппаратом для понимания их функциональной роли в системе средневекового общества, что делает текст не трудным для прочтения, а структурно непрозрачным на уровне смыслов.

Важным направлением дальнейших исследований может стать сопоставительное изучение ассоциативных портретов у носителей разных языков при работе с одним и тем же набором лексем, релевантных средневековому дискурсу. Такое сопоставление позволит выявить, в какой мере структура языкового сознания определяется не историческим знанием как таковым, а спецификой родного языка – его коннотативными зонами, частотными паттернами и способами концептуализации власти, верности, чести. Параллельно представляется перспективным соотношение индивидуальных ассоциативных данных с корпусными наблюдениями: с одной стороны, зафиксированные реакции студентов, с другой – реальное употребление тех же лексем в исторических текстах, включённых в специализированные корпуса [7]. Этот синтез методов – ассоциативного эксперимента и корпусной лингвистики – открывает путь к более точной реконструкции того, как исторически насыщенная лексика функционирует в современном языковом сознании и в чём состоят основные расхождения между имплицитным восприятием и эксплицитной нормой [6]. В конечном счёте это позволяет рассматривать ассоциативный эксперимент не как разовую процедуру сбора данных, а как часть устойчивой методологической парадигмы в изучении динамики языкового сознания в условиях культурно обусловленной дистанции.

Список источников

1. Батурина Л.И., Симаков А.Ю. Ассоциативный портрет российского студента в контексте экстренного перехода на дистанционное обучение // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 1. С. 130 – 147. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-1-130-147.
2. Бекасова Е.Н. Оражение динамики медийного пространства в сознании студентов // Вестник ВУиТ. 2021. № 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-dinamiki-mediynogo-prostranstva-v-soznanii-studentov> (дата обращения: 11.01.2026).
3. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: ассоциативные нормы как фактор текстообразования // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. № 9 (150). С. 32 – 39.
4. Долгих А.И. К вопросу об ассоциативном образе Арктики // Филология и новое знание: сборник материалов I Российской науч. конф. с междунар. Участием. Белгород, 11–12 ноября 2021 года. Белгород: Белгородский гос. нац. исслед. ун-т, 2021. С. 129 – 136.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Кузина О.А., Вещпер Н.В., Родченкова Е.В., Поминова А.А. Ассоциативный эксперимент: методические подходы и практические аспекты // Management of Education. 2025. Vol. 15. P. 127 – 139. DOI: 10.25726/c6942-6903-8051-t.
7. Кузина О.А., Байкова И.В., Романова Т.В., Корюк Е.В. Методика ассоциативного эксперимента: теоретические основы и применение // Management of Education. 2025. Vol. 15. P. 65 – 80. DOI: 10.25726/11534-5248-2929-t.
8. Потапова Н.В., Румянцева А.А., Каменева В.А. Потенциал ассоциативного эксперимента с ключевыми словами-стимулами для экспликации коммуникативной установки врачей // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-assotsiativnogo-eksperimenta-s-klyuchevymi-slovami-stimulami-dlya-eksplikatsii-kommunikativnoy-ustanovki-vrachev> (дата обращения: 04.01.2026).

9. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание - перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование: тезисы докладов XIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 3.

10. Hampel N., Sassenberg K. Needs-Oriented Communication Results in Positive Attitudes Towards Robotic Technologies among Blue-Collar Workers Perceiving Low Job Demands. Computers in Human Behavior Reports, 2021. Vol. 3. DOI 10.1016/j.chbr.2021.100086.

References

1. Baturina L.I., Simakov A.Yu. Associative portrait of a Russian student in the context of an emergency transition to distance learning. Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 1. P. 130 – 147. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-1-130-147.

2. Bekasova E.N. Reflection of the dynamics of the media space in the consciousness of students. Bulletin of VU-iT. 2021. No. 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-dinamiki-mediynogo-prostranstva-v-soznanii-studentov> (date of access: 11.01.2026).

3. Bolotnova N.S. Communicative Stylistics of the Text: Associative Norms as a Factor in Text Formation. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University (TSPU Bulletin). 2014. No. 9 (150). P. 32 – 39.

4. Dolgikh A.I. On the Associative Image of the Arctic. Philology and New Knowledge: Collection of Materials from the 1st Russian Scientific Conf. with International Participation. Belgorod, November 11–12, 2021. Belgorod: Belgorod State National Research University, 2021. P. 129 – 136.

5. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. 7th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2010. 264 p.

6. Kuzina O.A., Vetsper N.V., Rodchenkova E.V., Pominova A.A. Associative Experiment: Methodological Approaches and Practical Aspects. Management of Education. 2025. Vol. 15. P. 127 – 139. DOI: 10.25726/c6942-6903-8051-t.

7. Kuzina O.A., Baykova I.V., Romanova T.V., Koryuk E.V. Methodology of Associative Experiment: Theoretical Foundations and Application. Management of Education. 2025. Vol. 15. P. 65 – 80. DOI: 10.25726/11534-5248-2929-r.

8. Potapova N.V., Rummyantseva A.A., Kameneva V.A. Potential of an associative experiment with keywords-stimuli for explicating the communicative attitude of doctors. Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-assotsiativnogo-eksperimenta-s-klyuchevymi-slovami-stimulami-dlya-eksplikatsii-kommunikativnoy-ustanovki-vrachey> (date of access: 04.01.2026).

9. Tarasov E.F. Linguistic Consciousness: Research Prospects (Preface). Linguistic Consciousness: Content and Functioning: Abstracts of the XIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow, 2000. 3 p.

10. Hampel N., Sassenberg K. Needs-Oriented Communication Results in Positive Attitudes Towards Robotic Technologies among Blue-Collar Workers Perceiving Low Job Demands. Computers in Human Behavior Reports, 2021. Vol. 3. DOI 10.1016/j.chbr.2021.100086.

Информация об авторах

Багдасарова И.Ю., старший преподаватель кафедры теории, практики и лингводидактики перевода Университета мировых цивилизаций им .В.В. Жириновского, г. Москва, Ленинский проспект, 1/2к1, artameli@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

¹ Го Лихун, ¹ Ван Цзыно

¹ Цицикарский университет

Языковая личность и имидж политика (на примере официальных выступлений С.В. Лаврова)

Аннотация: статья посвящена анализу языковых особенностей речи министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова как одного из компонентов формирования его политического имиджа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения представлений о роли языковой личности в создании имиджа политика. Цель работы состоит в проведении анализа языковых особенностей речи С.В. Лаврова как элементов его языковой личности, участвующих в формировании его политического имиджа. В методологическом плане исследование опирается на концепцию языковой личности Ю.Н. Караулова и модель политического имиджа А.В. Пеконди. Эмпирическим материалом выступают тексты интервью, в которых представлены менее формализованные, эмоциональные и индивидуальные проявления речи. В результате проведенного исследования выявлено, что в речи политика сочетаются единицы терминологической лексики, а также лексемы, придающие эмоциональность речи: метафоры, фразеологизмы и лингвокультура. Ряд грамматических приемов – условные предложения, простые и сложноподчиненные предложения наряду с гибридизацией стилей позволяют политику демонстрировать глубокое знание политических и культурных реалий, делают его речи уверенной, убедительной и тактичной, что играет важную роль в формировании его политического имиджа.

Ключевые слова: языковая личность, имидж политика, языковые особенности, вербально-семантический уровень, лингво-когнитивный уровень

Для цитирования: Го Лихун, Ван Цзыно. Языковая личность и имидж политика (на материале официальных выступлений С.В. Лаврова) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 172 – 177.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Guo Lihong, ¹ Wang Zinuo

¹ Qiqihar University

Language personality and the image of a politician (based on the material of official speeches by Sergey Lavrov)

Abstract: the article is focused on the analysis of the linguistic features of the speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov as one of the components of the formation of his political image. The relevance of the research is explained by the necessity to expand the understanding of the role of language personality in shaping the image of a politician. The aim of the study is to analyze the linguistic features of Sergey Lavrov's speech as elements of his language personality involved in shaping his political image. Methodologically, the research is based on the concept of language personality by Y.N. Karaulov and the model of political image by A.V. Pecondi. The empirical material is the interview texts, which present less formalized, emotional and individual manifestations of speech. As a result of the conducted research, it was revealed that the speech of a politician com-

bines units of terminological vocabulary, as well as lexemes that give emotionality to speech: metaphors, phraseological units and linguocultural units. A number of grammatical techniques – conditional sentences, simple and complex sentences, along with the hybridization of styles, allow a politician to demonstrate a deep knowledge of political and cultural realities, make his speech confident, convincing and tactful, which plays an important role in shaping his political image.

Keywords: language personality, image of a politician, linguistic features, verbal-semantic level, linguistic-cognitive level

For citation: Guo Lihong, Wang Zinuo. Language personality and the image of a politician (based on the material of official speeches by Sergey Lavrov). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 172 – 177.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы заключается в необходимости улучшения понимания влияния лингвистических средств на формирование имиджа политика. Анализ речи политика способствует выявлению всего комплекса языковых средств, имеющихся в его арсенале и активно используемых им для реализации коммуникативных целей, что в итоге позволяет сформировать представление о языковой личности политика, которая, как представляется, отражается в его имидже.

Цель исследования заключается в анализе языковых особенностей речи С.В. Лаврова как компонентов его языковой личности, выступающих, наряду с рядом невербальных факторов, способами формирования его политического имиджа. Достижение поставленной цели включает решение следующих задач: проведение контент-анализа текстов выступлений политика; выявление характерных для политика языковых средств, представляющих разные уровни его языковой личности; определение роли языковой личности в формировании имиджа политика.

Материалы и методы исследований

Для исследования языковых особенностей речи С.В. Лаврова как компонентов его языковой личности в ходе работы использовались следующие методы: аналитический обзор научных публикаций по теме исследования – для оценки существующего уровня знаний по проблеме исследования и их систематизации; контент-анализ текстов – для выявления главных тем и репрезентирующего их комплекса лексических и грамматических средств; метод речевого портретирования – для выявления и описания личностных и социальных качеств политика, проявляющихся в лексических и грамматических особенностях речи, а также стратегиях его речевого поведения.

Исследование выполнено на материале трех текстов интервью С.В. Лаврова, опубликованных на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации [2, 3, 4]. Выбор интервью в качестве материала исследования обусловлен особенностями интервью как жанра политического дискурса. Во-первых, интервью подразумевает живое общение, в ходе которого политик имеет возможность выразить свои мысли в менее формализованном виде, что, в контексте предлагаемого исследования, обладает особой актуальностью, поскольку демонстрирует индивидуальные особенности языковой личности. Во-вторых, в интервью затрагиваются разные темы, раскрывая профессиональную компетентность политика, а неожиданные вопросы и личные мнения интервьюеров обеспечивают более широкий диапазон языковых проявлений его личности по сравнению с официальными заявлениями. Наконец, спонтанные ответы наиболее ярко отражают индивидуальные особенности темперамента, эмоциональность и юмор, что в сопокупности способствует формированию более полного представления о его языковой личности.

Методологической основой работы выступает концепция языковой личности, разработанная Ю.Н. Карауловым [6, с. 3-8], и модель политического имиджа, предложенная А.В. Пеконди [11, с. 60].

Результаты и обсуждения

Языковая личность, понимаемая как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [6, с. 3], представляет собой актуальное направление современных лингвистических исследований по целому ряду причин. Как отмечает Т.П. Палий, индивидуальные особенности говорящего, в частности, его картина мира и коммуникативные цели и задачи оказывают влияние на его языковое поведение [10, с. 190], что выходит за рамки традиционных представлений о языке как абстрактной системе.

Кроме того, исследования языковой личности раскрывают взаимосвязь между личностью и языком, поскольку в речевой деятельности отражается не только культурная принадлежность говорящего [8, с. 30], но и его языковое сознание [13, с. 83]. Далее, исследователи полагают, что важным аспектом языковой личности выступает ее коммуникативная составляющая, т.к. в речи реализуются разнообразные коммуникативные стратегии и приемы, в том числе эмоциональное воздействие [1, с. 12, 12, с. 7], что вносит вклад в разработку теории коммуникативной компетенции.

Учитывая трехуровневую структуру языковой личности [7, с. 157], а также тот факт, что «языковые средства в настоящий момент являются основным орудием политического влияния в целом и создания политического имиджа в частности» [5, с. 82], перейдем к анализу материала исследования, чтобы на конкретных примерах продемонстрировать, какие языковые средства и в какой мере участвуют в создании политического имиджа С.В. Лаврова.

На вербально-семантическом уровне отметим, что в речи политика присутствуют терминологические единицы, относящиеся к сфере международной политики (*альянс, баланс интересов / сил, коалиция, полномочия, санкции, сотрудничество, союзник, территориальная целостность*), а также единицы других профессиональных терминосистем (*иск, жалоба, конфисковать, неприкосновенность собственности, партнерство, реформа, сокращение вооружений, урегулирование споров*), представляющих смежные профессиональные сферы – безопасности, международного права, экономики, энергетики, юриспруденции.

Рецепт простой – в полной мере уважение международного права. И прежде всего (я уже в очередной раз цитирую Устав ООН) – принцип суверенного равенства государств, невмешательство во внутренние дела друг друга. Налаживание взаимодействия, основанного на балансе интересов, который нужно искать [2].

Приведенный пример насыщен терминами сферы международных отношений. Однако наряду с ними политик использует метафорическое выражение *рецепт простой* (несложный способ решения проблемы), которое помогает снизить формальность речи. Также он апеллирует к авторитетному источнику (*Устав ООН*), что укрепляет легитимность занимаемой им позиции. В целом в примере выражена четкая позиция говорящего, его уверенность в ее правильности, что подкрепляется эмоциональной фразой *я уже в очередной раз цитирую Устав ООН*.

Рассмотрим еще один пример.

Президент России В.В.Путин не раз говорил, что за последние пару десятилетий у нас не было недостатка доброй воли для налаживания равноправного, честного сотрудничества с Североатлантическим альянсом [3].

В приведенном выше примере фиксируем использование метафоры *добрая воля* и свойственного официально-деловому стилю речи устоявшегося словосочетания *налаживание сотрудничества*. Полагаем, что использование метафоры в профессиональном контексте помогает, с одной стороны, кратко и наглядно выразить абстрактное понятие [9, с. 101], с другой стороны, способствует выразительности речи. Сочетание экспрессивной лексемы и лексемы официально-делового стиля указывает на гибридизацию стилей в данном примере, однако необходимо отметить, что такой прием является типичным для политической коммуникации, поскольку позволяет обеспечить точность речи и ее эмоциональную привлекательность, что способствует формированию положительного имиджа политика.

Россия никогда не сможет противостоять Китаю – это невозможно представить. Сотрудничество между Россией и Китаем – это эффективная передовая модель, основанная на неприсоединении: здесь вовсе нет ролей «руководителя» и «последователя» [3].

В приведенном примере формулировка «неприсоединение» четко обозначает существенную разницу между отношениями России и Китая и традиционными военными альянсами (например, НАТО), избегая пропагандистской ловушки «альянса России и Китая». В то же время она подчеркивает, что сотрудничество двух стран основывается на добровольности и взаимном согласии, а не на принудительной привязке – это сохраняет дипломатическую самостоятельность каждой из сторон и предотвращает возникновение стратегической тревоги у третьих стран, создавая благоприятные международные условия для двустороннего сотрудничества.

С точки зрения грамматики полагаем необходимым отметить использование условных предложений с реальным и нереальным условием, с помощью которых С.В. Лавров выражает политическую осторожность – он избегает категоричных утверждений, а введение условия смягчает категоричность высказывания.

Если судить по статистике, объему ВВП, другим показателям, которые определяют долю голосов стран-участниц МВФ, то Соединенные Штаты (если бы эта статистика отражалась в реальных решениях) давно утратили бы право вето на решения, которые применяются советом директоров Фонда [3].

В вышеприведенном примере наблюдается одновременное использование условных предложений с реальным (*если судить... то*) и нереальным условием (*если бы ... отразалась, то ... утратили бы*), по сути, прерывающим предложение с реальным условием, что, как мы полагаем, позволяет политику озвучить факты, ставя их под сомнение на гипотетическом уровне.

Еще одним характерным грамматическим приемом, проявляющимся на уровне синтаксической организации речи политика, выступает чередование простых и сложных, в частности, сложноподчиненных предложений. Данный прием зафиксирован в нескольких фрагментах исследуемых текстов, что указывает на его намеренное использование.

В БРИКС развивается сотрудничество в сфере экономики и финансов. Есть набирающий силу новый банк развития. Есть сотрудничество в политической сфере, гуманитарной, спортивной, образовательной, культурной. Как председатели БРИКС в этом году, мы провели уже 150 мероприятий. Ещё несколько десятков запланированы. Все эти мероприятия вызывают живой интерес. Приезжают соответствующие делегации, министерства, парламенты, общественные организации. Наблюдаем за мероприятиями, которые проводятся в странах БРИКС и видим неподдельный интерес граждан этих стран [3].

Простые предложения в речи способствуют ее ясности и динамичности. В сложноподчиненных предложениях содержится уточнение деталей и даются дополнительные объяснения, что в совокупности обеспечивает логическую завершенность высказывания. Намеренное использование поочередного использования в речи простых и сложноподчиненных предложений демонстрирует высокий уровень развития языковой компетенции – политик осознает, какие языковые средства и с какой целью нужно использовать в речи, чтобы она была грамотной, логически выстроенной, понятной и насыщенной необходимым смыслом.

Также отметим, что простые предложения достаточно часто используются в речи политика. Они указывают на стремление к достижению емкости, краткости и убедительности речи, а также выражают уверенность говорящего в своей позиции.

Развивается, гуманитарное, образовательное и культурное сотрудничество. Русский язык всё более популярен в Китае, а китайский – в Российской Федерации. Мы – два великих государства, два великих народа, непосредственные соседи. У нас общие интересы в обеспечении своей безопасности.

Лингво-когнитивный уровень языковой личности политика представлен достаточно широко, поскольку в своей речи он часто апеллирует к общечеловеческим ценностям, позитивным образам и стереотипам, активно используя паремии (*закон, что дышло; как хочу, так и ворочу; слон в посудной лавке; стрелять себе в ногу*), прецедентные феномены (*9 мая, Громыко, Крым, Новороссия*), фразеологизмы (*вернуться к истокам, делать из-под палки, закончить плачевно, нанести поражение, оставить на совести*), характерные для его картины мира.

Современный мир многополярен, да и мало кто хочет в нынешних условиях «таскать каштаны из огня» для бывших метрополий, жертвовать своими национальными интересами ради того самого «золотого миллиарда» [4].

Этот фразеологизм означает заниматься очень трудной или опасной работой, результатом которой воспользуются другие. Этот фразеологизм происходит из басни французского баснописца Жана Лафонтена «Обезьяна и Кот». В басне обезьяна заставила кошку таскать каштаны из огня. Обезьяна съела жареные каштаны, но кот ничего не получил и даже обжег себе лапы. С.В. Лавров использовал это выражение в своем выступлении, чтобы показать, что теперь мир развивается в направлении многополярности, и ни одна страна не поступится своими собственными интересами ради других стран.

В следующем примере встречается целая серия лингвокультурем – это и фразеологизмы (*встал стеной, перетягивание каната, находится «под крылом»*), и прецедентные феномены (*«осадок» остался, «крыша»*):

Запад «встал стеной» против того, чтобы восточные европейцы получили такое право. Долго шло «перетягивание каната». Развивающиеся страны – азиатские, африканские, латиноамериканские – предпочли не втягиваться в эту «тяжбу». Тогда мы согласились на компромиссную фигуру, которой был А. Гутерреш. Но «осадок» остался. И восточноевропейские страны, которые сейчас находятся под натовским «крылом» и евросоюзской «крышей», должны понимать, как к ним относятся их «хозяева» [5].

В этом примере опять наблюдаем гибридизацию стилей – в официальном контексте политик использует жаргонизмы, чтобы пояснить негативное отношение к ЕС и НАТО и дать отрицательную оценку их действиям, которые, учитывая используемые лексемы, представляются чуть ли не преступной группой, для которой характерно использование таких лексем, как *крыша, хозяева*.

Полагаем, что весь комплекс проанализированных языковых средств помогает сформировать образ большого профессионала, компетентного во многих вопросах, способного к построению убедительных, при этом выверенных и корректных высказываний. Его речь серьезна и официальна, однако включение лингво- и социокультурных маркеров позволяет ему ненавязчиво транслировать ценности своей страны, а юмор помогает не только усилить выразительность, но и смягчить высказывания, отличающиеся прямолинейностью и остротой.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. В формировании языковой личности С.В. Лаврова задействован целый комплекс языковых средств, включая средства вербально-семантического и лингво-когнитивного уровней.
2. Выявленные языковые средства создают общий имидж политика как харизматичного государственного деятеля, обладающего высокой компетентностью, тактичностью, глубоким знанием национальной культуры.

Выводы

В формировании языковой личности Сергея Викторовича Лаврова задействован широкий комплекс языковых средств, отражающих как вербально-семантический, так и лингво-когнитивный уровни. Данные языковые средства присущи его языковой личности и влияют на формирование его политического имиджа.

Отметим, что высказывания С.В. Лаврова насыщены единицами разных слоев лексики, включая профессиональные термины международных отношений и смежных областей. Он использует метафоры, фразеологизмы, различные лингвокультуемы, что придает его речи глубину и экспрессивность. Такое лексическое разнообразие также выступает признаком гибридизации стилей, что способствует одновременно достижению точности и эмоционального эффекта.

Грамматические средства, в частности, условные конструкции с реальным и нереальным условием выступают средством вербализации политической осторожности и тактичности, поскольку позволяют снизить категоричность высказываний. Чередование простых и сложноподчиненных предложений обеспечивает логичность, понятность и динамичность речи.

Выявленный комплекс языковых средств, характерных для С.В. Лаврова, участвует в формировании его политического имиджа как компетентного и харизматичного государственного деятеля, обладающего широким диапазоном профессиональных знаний и глубоким пониманием своей национальной культуры и языка.

Список источников

1. Гавриш А.Д., Желтухина М.Р. Эмотивы в речи языковой личности политика в американском и русском медиадискурсе: сопоставительный анализ // *Филология: научные исследования*. 2021. № 12. С. 11 – 20.
2. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу «Скай Ньюс Арабия». Москва, 18 сентября 2024 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1970551/.
3. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова Издательскому дому «Аргументы и факты». Москва, 20 октября 2024 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1976783/.
4. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для документального фильма «ООН из XX в XXI век». Москва, 25 сентября 2024 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1971107/.
5. Калинин О.И. Политический имидж как объект лингвистических исследований // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10-1 (52). С. 79 – 83.
6. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность: сборник статей*. М.: Наука, 1989. С. 3 – 8.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2001. 264 с.
8. Литвишко О.М. Культурная обусловленность профессионального языкового сознания юриста (на материале английского языка) // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. 2024. № 17-3. С. 29 – 37.
9. Литвишко О.М., Черноусова Ю.А., Цолоева С.Б. Юридическая метафора в структуре профессионального языкового сознания: лингвопрагматический аспект // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2024. № 4. С. 98 – 111.
10. Палий Т.П. Проблемы формирования первичной и вторичной языковых личностей в условиях различных образовательных моделей // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. 2021. № 14. С. 188 – 194.
11. Пеконди А.В. Конструирование политического имиджа России современными печатными средствами массовой информации США: дис. ... канд. полит. наук. Владикавказ, 2012. 246 с.

12. Путина О.Н., Балакин С.В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 4 – 9.

13. Ширяева Т.А., Катермина В.В. Специфика речевого поведения градоначальников в условиях пандемии: лингвокультурные и кросс-культурные аспекты // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 4. С. 74 – 88.

References

1. Gavrish A.D., Zheltukhina M.R. Emotives in the speech of linguistic personality of the politician in the Us and Russian media discourse: comparative analysis. *Philology: Scientific Researches*. 2021. No. 12. P. 11 – 20.
2. Interview of Russian Foreign Minister Sergey Lavrov to Sky News Arabia TV channel. Moscow, September 18, 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1970551/.
3. Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov to the Argumenty i Fakty Publishing House. Moscow, October 20, 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1976783/.
4. Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov for the documentary "The United Nations from the XX to the XXI century". Moscow, September 25, 2024. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1971107/.
5. Kalinin O.I. Political image as an object of linguistic studies. *Philology. Theory and Practice*. 2015. No. 10-1 (52). P. 79 – 83.
6. Karaulov Y.N. The Russian language personality and the tasks of its study. *Language and personality: collection of art*. Moscow: Nauka, 1989. P. 3 – 8.
7. Karaulov Y.N. The Russian language and language personality. M.: Editorial URSS, 2001. 264 p.
8. Litvishko O.M. Culture causality of a lawyer's professional verbal consciousness (based on the material of the English language). *Professional Communication: Top Issues of Linguistics and Teaching Methods*. 2024. No. 17-3. P. 29 – 37.
9. Litvishko O.M., Tsoioeva S.B., Chernousova Y.A. Legal metaphor in the structure of professional verbal consciousness: linguistic and pragmatic aspect. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2024. No. 4. P. 98 – 111.
10. Paliy T.P. Problems of formation of primary and secondary language personalities under different educational models. *Professional Communication: Top Issues of Linguistics and Teaching Methods*. 2021. No. 14. P. 188 – 194.
11. Pekondi A.V. Constructing the political image of Russia by modern print media in the USA: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Vladikavkaz, 2012. 246 p.
12. Putina O.N., Balakin S.V. Verbal communication: the pragmatic aspect. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2022. No. 1. P. 4 – 9.
13. Shiryaeva T.A., Katermina V.V. Specifics of Speech Behavior of Mayors during a Pandemic: linguocultural and cross-cultural aspects. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. Vol. 22. No. 4. P. 74 – 88.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта научного фонда искусств провинции Хэйлуцзян Китая, номер проекта №2024B049.

Информация об авторах

Го Лихун, доцент, Институт иностранных языков, Цицикарский университет, Китай, Кемеровский государственный университет, Россия, 1120475263@qq.com

Ван Цзыно, Цицикарский университет, Китай, 2903477819@qq.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 811.111

¹ Косоножкина Л.В.

¹ Донской государственный технический университет

Эллиптические конструкции в английской художественной литературе

Аннотация: рассматриваются структурные модели эллиптических предложений (ЭП), встречающиеся на страницах романа английской писательницы Айлин Рамзи "Someday, Somewhere", который не был переведён на русский язык. Приводится определение ЭП, исследуются их структурно-семантические разновидности как в монологической, так и в диалогической речи романа. По структурному составу ЭП выступают в качестве одночленных и двучленных, распространённых и не распространённых второстепенных членов. По семантическому составу одночленные языковые фрагменты подразделяются в соответствии с морфологической выраженностью стержневого компонента на субстантивные, глагольные, прономинальные, адъективные, адвербиальные. ЭП. ЭП могут также выражаться одними вопросительными словами. Двучленные языковые фрагменты подразделяются на: а) с репрезентированными членами и б) при опущении вспомогательных глаголов в вопросительных предложениях. Также в статье описываются ЭП с повторами лексических компонентов; ЭП, выраженные придаточными частями сложноподчинённых предложений и комплексы эллиптических предложений.

Ключевые слова: двучленные и одночленные эллиптические предложения, ЭП-повторы, эллиптические комплексы

Для цитирования: Косоножкина Л.В. Эллиптические конструкции в английской художественной литературе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 178 – 184.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Kosonozhkina L.V.

¹ Don State Technical University

Elliptical constructions in English fiction

Abstract: this article examines the structural patterns of elliptical sentences (ES) found in Eileen Ramsay novel "Someday, Somewhere," which has not been translated into Russian. A definition of ES is provided, their structural and semantic variations in both monologue and dialogue speech of the novel are explored. Structurally ES can be one member or two member, with or without secondary members of the sentence. Based on their semantic composition, one member linguistic fragments are subdivided according to the morphological expression of the core component into substantive, verbal, pronominal, adjectival, and adverbial. ES can also be expressed by only the interrogative words. Two-member linguistic fragments are subdivided into: a) with represented members and b) with the omission of auxiliary verbs in the interrogative sentences. The article also describes EPs with repetitions of lexical components; EPs expressed by subordinate clauses of complex sentences and elliptical sentence complexes.

Keywords: two-member and one-member elliptical sentences, EP-repetitions, elliptic complexes

For citation: Kosonozhkina L.V. Elliptical constructions in English fiction. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 178 – 184.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность. Вследствие изменения структурного оформления предложений в современном английском языке (то есть её редуцирования или расширения) возникает разнообразие эллиптических (фрагментарных, сокращённых) или осложнённых синтаксических конструкций. Художественный стиль английских произведений изобилует данными языковыми структурами.

Основной целью статьи является рассмотрение структурных и семантических особенностей эллиптических предложений (далее ЭП), которые представлены на страницах романа английской писательницы Айлин Рамзи “Someday, Somewhere”.

Для достижения данной цели встала необходимость решить следующие задачи:

- провести анализ лингвистической литературы, посвящённой ЭП;
- проанализировать структурно-семантические особенности ЭП, встречаемых в романе;
- показать структурные сходства и различия данных ЭП, проявляющиеся при переводе с английского языка на русский.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили примеры ЭП, встречающиеся в художественном жанре. Актуальность темы исследования статьи обусловлена тем, что ЭП широко представлены во всех языковых жанрах, особенно в художественном. Для исследования структурно-семантических характеристик ЭП в монологах и диалогах современного английского языка, представленных в книге шотландской писательницы Айлин Рамзи «Someday, Somewhere», применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. А также методы сплошной выборки и лингвистического анализа эллиптических предложений.

Результаты и обсуждения

Теоретическая основа представлена в работах отечественных и зарубежных лингвистов, изучавших процесс эллиптизации в различных языках мира [1, 13, 6]. В данных работах ЭП рассматриваются как экономия языковых средств, возникающая вследствие ускорения темпа современной жизни. Данные фрагментированные структуры в английском языке, несмотря на свою «ущербность» (несоответствия двухчленной структуре классического полносоставного предложения), передают всю полноту мысли автора произведения, подчёркивая так же экспрессивно-стилистическую окрашенность. Поэтому исследование данных языковых конструкций в структурном и семантическом ракурсе представляют собой широкое поле деятельности для лингвистов. Данные ЭП изучаются на материале разных языков. Е.Н. Воробьёва, изучая данные структуры на материале русского языка, отмечает, что ЭП часто определяются как функционально-конструктивный вид неполного предложения с не вербализованными членами [1]. На настоящий момент в современной лингвистике оформилось понимание самодостаточности ЭП как структурно-семантических образований.

Также на материале азербайджанского языка ЭП изучаются в работах Назарли Фидан, в которых подчёркивается их текстообразующая роль. ЭП выступают как интеграторы контекстуальной информации [3]. Важность изучения ЭП с разных ракурсов ставит их в центр лингвистического рассмотрения зарубежными языковедами [5, 14, 11]. Но мнения зарубежных лингвистов разнятся по поводу лингвистических особенностей ЭП в разговорном, публицистическом, научном и художественном стилях. Противоречивая их трактовка встречается в работах Р. Эленбург, Стайнбон Р., Шортхэнд Л., Гунтер Р. и других [2, 4].

Явление эллипсиса рассматривается на материале различных языков мира. Так, при рассмотрении эллиптических вопросов на материале испанского языка изучаются требования к смешанной идентичности в эллипсисе [12]. Эллипсис изучается как экономия языковых знаков не только на уровне предложений, но и глагольных словосочетаний на материале английского и чешского языков [7]. Наблюдается также смешение дискурсивно и конструктивно ориентированных подходов к изучению отрицательных ЭП в английском языке [8].

В современном английском языке ЭП образуются в результате опущения тех или иных членов двусоставного предложения, таким образом их объём значительно меньше традиционных предложений, что способствует широкому использованию в монологической, диалогической, разговорной речи, которое находит широкое применение на страницах художественных произведений. Поэтому ЭП «при минимальной структуре обладают максимальной семантикой, вследствие конситуативной поддержки» [9].

Рассмотрев примеры ЭП в произведении Айлин Рамзи «Someday, Somewhere», можно увидеть, что они по своей структуре оформляются как в качестве трёх моделей [10]. Первую модель составляют ЭП, состоящие из одного основного члена предложения, а вторую модель составляют ЭП, состоящие из двух основных членов предложения (двучленных структур ЭП) английского языка. Систематизация первых ЭП проводится по такому фактору как морфологическое оформление главного компонента ЭП. Данный компонент может выражаться такими частями речи как именем существительным, глаголом, местоимением, прилагательным, наречием, числительным. Не только главные, но и второстепенные члены предложения выступают в качестве модель образующего стержня ЭП. Служебные части предложения также образуют ЭП (в частности, вопросительные слова «what, where, who, when, which etc»). В соответствии с нашей категоризацией одночленные ЭП со стержневым компонентом, выраженным английским именем существительным, выступают как субстантивные ЭП; с глаголом – глагольные ЭП, с местоимением – проминальные ЭП; с прилагательным – адъективные ЭП, с числительными – числительные ЭП. Большую группу составляют ЭП, которые выражаются придаточной частью сложноподчинённых предложений.

Следующую вторую структурную модель составляют ЭП, состоящие из двух смысловых центров, так называемые двучленные ЭП, представленные в трёх разновидностях: а) когда в английских вопросительных предложениях опущены вспомогательные глаголы, б) когда опущение связочного глагола происходит в английских составных именных или глагольных сказуемых, в) когда в английских эллиптических ответных предложениях происходит замещение опущенного члена предложения вспомогательными глаголами.

Если в тексте романа А. Рамзи встречаются примеры ЭП, состоящие из нескольких употреблённых подряд ЭП, то мы можем говорить об их сочетаниях. Они образуют третью модель ЭП.

Выделенные нами три модели ЭП широко представлены в монологах и диалогах романа. ЭП встречаются в различных видах диалогических единств современного английского языка, т.к. они имитируют в художественном произведении обмен естественной разговорной речью двух собеседников. Из-за того, что мысль говорящего высказывается по мере её формирования, становится возможным появление ЭП и в монологах, когда отсутствует собеседник. Нами будет рассмотрен только один тип диалога, а именно вопросно-ответное диалогическое единство с ЭП в его составе, либо в вопросе, либо в ответе. А также диалогические единства с ЭП.

Рассмотрим первую структурную модель ЭП, основным компонент которой состоит из одного члена, имеющего различное морфологическое оформление.

Одночленные ЭП

А) Одночленные ЭП с основным компонентом именем существительным.

Разнообразна семантика данных структур. Они включают:

- идентификацию определённого лица:

Clever little Holly. He'll go higher. Maybe even ten (191).

В данном примере из романа Айлин Рамзи “Someday Somewhere” ЭП выражено в монологе собственным существительным.

ЭП в монологе может иметь вопросительную форму, например:

She will not go to France under the protection of this young man. A singing student? Only one in a million is any good and their morals are extremely dicey to say the least. (71).

Данный вид структуры ЭП встречается особенно часто в диалогических единствах, например:

‘Blaise? Where are you?’ ‘In the foyer. May I come up?’ (227).

Если в ДЕ реплика первого собеседника выражается повествовательным предложением, то ЭП второго собеседника представляет собой продолжение мысли, выраженной в первой реплике, например:

‘He still has an enormous following.’ ‘Of people who loved to hear him sing.’ (120).

Лингвистический анализ примеров из произведения Айлин Рамзи свидетельствует, что семантическое значение ЭП, в которых основной синтаксический элемент выражается английским именем существительным, характеризуется различными семантическими значениями.

Помимо идентификации лица они могут также включать:

- идентификацию определённого места, например:

Where are you going? – Covent Garden. (160).

- идентификацию количества:

But how could there have been anything? Surely Mr Gilbert... Otto... – Agents, Holly. A bit of sensation and the price goes up. (90).

В данном примере в сложносочинённом предложении эллипсису подверглась структура «there +to be».

Б) Одночленные ЭП с основным компонентом, выраженным глаголом:

a) She picked up her fork. The Hartman Corporation? Sounds like money (79).

б) 'Those damn papers had to be read. Forgive me?' 'Of course.' (123).

В примере б) опущено подлежащее и вспомогательный глагол "will", а в следующем примере с) при опущении подлежащего и вспомогательного глагола, выраженного настоящим совершенным временем, стержневой компонент ЭП выражается причастием вторым (participle 2), которое переводится на русский язык глаголом настоящего времени «имеется»:

с) 'Got anything to eat in the freezer?' ... 'There's a farmhouse just round the bay a little. I'll see if they'll sell me some eggs.' (100).

Данный вариант является демонстрацией грамматического различия между английским и русским языками, что отчетливо проявляется при переводе с одного языка на другой.

В) Одночленные ЭП с основным компонентом числительным или наречием:

Clever little Holly. He'll go higher. Maybe even ten (191).

'The jewellery is in a vault.' 'Not important: I was interested only in the style.' (133).

Where are you, Holly? Achahoish? – No, still here at the flat. (121).

Г) Основной синтаксический элемент выражается английским именем прилагательным в разных степенях сравнения, например:

Should she say to him....she had hoped to go ...to an art gallery ? Better not (94). – одночленное ЭП, в котором основной компонент выражен именем прилагательным. Семантика данного типа ЭП является квалификативной.

ЭП со стержневым элементом, выраженным прилагательным, встречаются как в монологах, так и в диалогах, например:

Freddie said nothing but her father swelled with disapproval. 'A Catholic?' 'Roman.' (172). She told me you were dead. Obliterated. (239).

Д) Одночленные ЭП с основным компонентом местоимением в качестве стержневого компонента. ЭП представлены как в монологах, так и в диалогах романа, например: What's wrong, Blaise? – Nothing, cherie. (201).

Е) набором различных вопросительных слов.

Модель ЭП, выраженных только вопросительными словами, широко используются автором романа.

He loved her; he's told me that... – When? (130).

Двучленные ЭП

(ЭП с двумя смысловыми центрами)

А) Двучленные ЭП представляют собой имя подлежащее плюс вспомогательный глагол, замещающий глагол-сказуемое. То есть происходит его замещение глаголами "to do, be" в соответствующем времени. Они могут употребляться как в вопросе, так и в ответе, например:

Were you to come to London with the French National Opera?... – You did, she said. (202).

Sit down, Holly; you're not going to like what I have to say. – She stayed standing. – Then I will. (206).

Также в монологическом единстве современного английского языка ответное ЭП может быть выражено вопросом, например: He would be most grateful. – Would he indeed? (121).

Для понимания данных ЭП необходимо наличие предшествующего контекста. ЭП с репрезентированными членами употребляется и в монологе, например: 'It mustn't happen', she said - but it did. (136).

В монологе романа Айлин Рамзи данная модель ЭП обладает высокой частотностью употребления. В данном примере ЭП обладает семантикой эмфазы.

Б) ЭП, выраженные двумя основными смысловыми центрами, представлены в романе тремя моделями:

а) общими и специальными вопросительными структурами с опущением вспомогательных глаголов; You speak French? – No... (33) - опущение вспомогательного глагола "do". б) с неполным выражением состава глагольного или именного сказуемого; в) ЭП, в которых происходит замещение опущенного глагола-сказуемого такими вспомогательными глаголами, как "to be, to do, to have" в соответствующем времени: You wish? - Yes, I do (103).

В) ЭП с двумя смысловыми центрами, в которых наблюдается неполное выражение состава глагольного или именного сказуемого. Наглядным примером выступает следующее предложение, в котором ЭП образуются при опущении глагола-связки «to be», например: двучленные ЭП представляют собой имя подлежащее плюс вспомогательный глагол, замещающий глагол-сказуемое. То есть происходит его замещение глаголами "do, be" в соответствующем времени.

Holly turned to him. Face radiant, eyes sparkling (156).

В следующем примере монологического единства эллипсису подверглись сказуемое и второстепенные члены предложения «must have sat here day after day, night after night»:

Tony must have sat here day after day, night after night: Blaise Fougère too. (129).

Сочетания эллиптических предложений

Последовательное употребление нескольких ЭП приводит на страницах романа Айлин Рамзи “Someday, Somewhere” к образованию их сочетаний.

Это представляет собой особенность стиля писательницы. В следующем примере из романа Айлин Рамзи “Someday, Somewhere” мы видим комплекс, состоящий из четырех вопросительных предложений, двое из которых ЭП:

How could she love someone so much who was so different from everything she believed in? Desperation? Was that really what kept her in this relationship? Apathy? Acceptance? Fear? (191).

Ещё один пример. What are you painting with, Miss Noble? What are you trying to convey? A photographic likeness? (139).

В данной модели ЭП представлены одночленными структурами с именем существительным в качестве стержневого компонента.

Приведем другие примеры комплексных ЭП из монолога романа.

He examined them critically. Bien. And now I think we should be introduced, don't you think? Who will introduce us? This little sparrow? (38).

В данном монологе представлены три вопросительных предложения, и только последнее является эллиптической вопросительной формой с семантикой идентификации лица. Именно в целях создания экспрессии монологического текста автор прибегает к вопросительным комплексам, включающим ЭП, причём чаще всего используются комплексы ЭП с существительными и глаголом в качестве стержневых компонентов.

ЭП – придаточные части сложноподчиненных предложений

Следующую структурную модель составляют ЭП, образованные придаточными частями сложноподчиненных предложений в современном английском языке, например: Why? Surely because she knew that, basically, Holly was like her. (192). В данном примере ЭП оригинала обладает семантикой причины. Данный вид ЭП получил широкое распространение и в диалогах романа Айлин Рамзи. Также они встречаются в монологических единствах, например: I would be worried sick. If I loved someone. (152). ‘Taylor,’ he said. ‘I wondered when you would use my name. To show us that we're equal.’ (103).

ЭП с повтором:

ЭП с повтором широко используются автором, например:

It's the appalling waste that gets to me. Waste of her life, her child-bearing years. (159).

‘I'm moving,’ she said casually as she filled the percolator. ‘Getting married and moving to where? Across town?’ (231)

В данных примерах ЭП-повторы используются с целью уточнения информации.

Выводы

Итак, в данной статье по итогам исследовательской работы мы пришли к следующим выводам:

1) ЭП представляют собой самостоятельную синтаксическую структуру, которая образуется в современном английском языке из-за возможности опереться на предшествующий контекст как диалогической, так и монологической речи. Они широко представлены на страницах романа шотландской писательницы Айлин Рамзи “Someday, Somewhere...”. Данные языковые структуры по характеру выражения основной мысли являются одночленными (состоящими из одного смыслового центра) и двучленными ЭП (состоящими из двух смысловых центров). В данных моделях происходит дальнейшее структурное подразделение. Семантика ЭП характеризуется большой вариативностью: идентификационной, квалификативной в самых различных разновидностях. Вполне естественно, что данные языковые структуры интегрируют в себе когнитивную и эмоционально-экспрессивную информацию английского текста, что превращает их в семантико-синтаксически самодостаточные структуры.

2) Эллиптические предложения (ЭП) были классифицированы по двум основаниям. Во-первых, по количеству стержневых компонентов: на одно и двучленные (односоставные и двусоставные). Во-вторых, односоставные ЭП были далее подразделены в зависимости от того, какая часть речи выступает в роли их главного элемента. Выделены группы с субстантивным, глагольным, местоименным, числительным, адекватным основным компонентом, а также выраженным наречием.

3) Двучленные эллиптические конструкции (ЭП) были разделены на несколько типов. К ним мы отнесли общие и специальные вопросы, построенные по схеме прямого порядка слов; ЭП с опущенными элементами

ми сложного именованного сказуемого, а также конструкции, где некоторые члены предложения представлены глаголами-заместителями. В отдельные категории отнесены ЭП, выраженные вопросительными словами, и ЭП, представленные придаточными предложениями и лексическими повторами.

4) В стилистических целях Эйлин Рамзи активно применяет такие приёмы, как повтор элементарных предложений и включение в текст вопросительных комплексов, содержащих ЭП. Это позволяет достичь эмпазы и привлечь внимание читателя к ключевым смыслам романа.

5) Проведённый анализ показал, что семантические функции ЭП в диалогических и монологических единствах характеризуются значительным разнообразием. Данные конструкции выступают нормативными элементами синтаксиса устной английской речи и находят в романе Айлин Рамзи многочисленные и разнообразные реализации.

6) В монологе романа Айлин Рамзи данные ЭП имеют широкий спектр стилистического употребления.

7) Материал статьи может быть использован при обучении теоретической грамматики, стилистики английского языка. Он представляет интерес для всех тех, кто изучает английский язык самостоятельно.

Список источников

1. Воробьева Е. Н. Теория эллиптических предложений в отечественной русистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 9. С. 3020 – 3026.
2. Eluburg R. Shorthand. Syntactic Ellipsis and the Pragmatic Determinates of What is Said. Oxford: Oxford University Press, 2004. Vol. 19. № 4. P. 442 – 471.
3. Fidan N. Ellipsis in English text linguistics. Scientific Journal of Fergana State University. 2025. № 02. P. 1158 – 1163.
4. Gunter R. Elliptical Sentences In American English // *Lingua*. Amsterdam: North Holland Publishing Company. 2010. P. 137 – 157.
5. Hong S. A Corpus-Based Study on the Spoken Ellipsis in English Movie Lines and its Pragmatic Functions. // *Advances in Education, Humanities and Social Science Research*. 2025. Vol. 14. № 1. P. 310 – 326.
6. Kaiser A., Naqvi U. Laila. Syntactic analysis of public comments in the 2025 Indo-Pak conflict. // *Journal of Applied Linguistics and Teaching English for Speakers of Other Languages (Japan Association for Language Teaching)*. 2025. Vol. 8. № 3. P. 311 – 319.
7. Kučerová I., Szczegielniak A. Remnant licensing and structural economy in VP ellipsis: Evidence from Czech. // *Journal of Slavic Linguistics*. 2024. Vol. 31. № 3. P. 1 – 20.
8. Kim Jong-Bok. (Negated) fragment answers in English: a discourse-oriented and construction-based perspective. // *English Language & Linguistics*. 2024. Vol. 28. № 3. P. 553 – 588.
9. Косоножкина Л.В. Специфика типовых моделей неполносоставных предложений в английской художественной литературе (на материале романа Энди Мак Наба и Кима Джордана «The war torn») // *Актуальные проблемы теории и практики перевода*. Ростов-на-Дону: издательство Донского Государственного Технического Университета. 2017. С. 133 – 136.
10. Ramsay E. *Someday, Somewhere*. London. Coronet Books. Hodder and Stoughton. 2003. 471 p.
11. Stevani M., Wijayati W., Tarigan J.R., Saragi A.A. Redefining Challenges in English Listening Comprehension through Ellipsis Repair, Boundary Overrun, and Disfluent Clause Markers // *Journal of English Language and Education*. 2025. Vol. 10. № 5. P. 103 – 116.
12. Stigliano L. Mixed-identity requirements in ellipsis: the case of topic-remnant elided questions in Spanish // *Syntactic Theory and Research*. 2025. Vol. 1. №1. P. 156 – 178.
13. Супрун А.Г., Прохорова О.Н. Когнитивные установки процесса эллиптации в английском языке (на материале новостных текстов медиадискурса) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Том 13. № 7. С.194 – 197.
14. Vela-Plo L. Agreement and ellipsis // *The Linguistic Review*. 2025. Vol. 42. № 3. P. 279 – 293.

References

1. Vorobyova E. N. Theory of Elliptic Sentences in Russian Studies: A Systematic Review. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023. Vol. 16. Iss. 9. P. 3020 – 3026.
2. Eluburg R. Shorthand. *Syntactic Ellipsis and the Pragmatic Determinates of What is Said*. Oxford: Oxford University Press, 2004. Vol. 19. No. 4. P. 442 – 471.
3. Fidan N. Ellipsis in English Text Linguistics. *Scientific Journal of Fergana State University*. 2025. No. 2. P. 1158–1163.

4. Gunter R. Elliptical Sentences In American English. *Lingua*. Amsterdam: North Holland Publishing Company. 2010. P. 137 – 157.
5. Hong S. A Corpus-Based Study on the Spoken Ellipsis in English Movie Lines and its Pragmatic Functions. *Advances in Education, Humanities and Social Science Research*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 310 – 326.
6. Kaiser A., Naqvi U. Laila. Syntactic analysis of public comments in the 2025 Indo-Pak conflict. *Journal of Applied Linguistics and Teaching English for Speakers of Other Languages (Japan Association for Language Teaching)*. 2025. Vol. 8. No. 3. P. 311 – 319.
7. Kučerová I., Szczegielniak A. Remnant licensing and structural economy in VP ellipsis: Evidence from Czech. *Journal of Slavic Linguistics*. 2024. Vol. 31. No. 3. P. 1 – 20.
8. Kim Jong-Bok. (Negated) fragment answers in English: a discourse-oriented and construction-based perspective. *English Language & Linguistics*. 2024. Vol. 28. No. 3. P. 553 – 588.
9. Kosonozhkina L.V. Specificity of typical models of incomplete sentences in English fiction (based on the novel by Andy McNab and Kim Jordan “The war torn”. *Current problems of translation theory and practice*. Rostov-on-Don: Don State Technical University Publishing House. 2017. P. 133 – 136.
10. Ramsay E. *Someday, Somewhere*. London. Coronet Books. Hodder and Stoughton. 2003. 471 p.
11. Stevani M., Wijayati W., Tarigan J.R., Saragi A.A. Redefining Challenges in English Listening Comprehension through Ellipsis Repair, Boundary Overrun, and Disfluent Clause Markers. *Journal of English Language and Education*. 2025. Vol. 10. No. 5. P. 103 – 116.
12. Stigliano L. Mixed-identity requirements in ellipsis: the case of topic-remnant elided questions in Spanish. *Syntactic Theory and Research*. 2025. Vol. 1. No. 1. P. 156 – 178.
13. Suprun A.G., Prokhorova O.N. Cognitive attitudes towards the elliptical process in English (based on news texts of media discourse). *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. 2020. Vol. 13. No. 7. P. 194 – 197.
14. Vela-Plo L. Agreement and ellipsis. *The Linguistic Review*. 2025. Vol. 42. No. 3. P. 279 – 293.

Информация об авторах

Косоножкина Л.В., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Донской государственный технический университет», Россия, lucy_kos@mail.ru

© Косоножкина Л.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Курбанова Э.О., ¹ Сиражудинова К.К.

¹ Дагестанский государственный университет

Сопоставительный анализ изучения вопросов фразеологии и фразеологии английского и русского языков

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы сопоставительного анализа фразеологии и фразеологии английского и русского языков. Словари фразеологизмов обоих языков комплексно отражают эту часть языка. В фразеологических единицах отражаются визуальное мышление, межъязыковая коммуникация, убеждения людей. Коммуникативно-прагматический подход к фразеологическому компоненту языка должен учитывать коммуникативные интенции говорящего. Это и потребности в обобщении опыта, и номинации предметов внеязыковой действительности. К ним можно причислить оценку и выражение эмоций. Именно эти свойства и формируют в конечном счете характер содержания ФЕ и особенности их использования в речи. В семантической стратификации ФЕ большое значение имеет каждый компонент словарной статьи. В связи с этим важно рациональное использование всех лексикографических средств. Наглядный материал в этом случае играет существенную роль. Поэтому данный материал должен быть подобран очень внимательно.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, английский язык, русский язык, фразеология, фразеология, лексикография, фразеологическая семантика, парадигма, частеречная отнесенность

Для цитирования: Курбанова Э.О., Сиражудинова К.К. Сопоставительный анализ изучения вопросов фразеологии и фразеологии английского и русского языков // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 185 – 189.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Kurbanova E.O., ¹ Sirazhudinova K.K.

¹ Dagestan State University

Comparative analysis of the study of phraseography and phraseology of the English and Russian languages

Abstract: the article discusses the issues of comparative analysis of phraseography and phraseology of the English and Russian languages. Dictionaries of phraseological units of both languages comprehensively reflect this part of the language. Phraseological units reflect visual thinking, interlanguage communication, and people's beliefs. A communicative and pragmatic approach to the phraseological component of a language should take into account the communicative intentions of the speaker. These are the needs for generalization of experience, and the nomination of subjects of non-linguistic reality. These include evaluating and expressing emotions. It is these properties that ultimately shape the nature of the content of the FE and the features of their use in speech. In the semantic stratification of vocabulary, each component of a dictionary entry is of great importance. In this regard, the rational use of all lexicographic means is important. Visual material plays an essential role in this case. Therefore, this material should be selected very carefully.

Keywords: comparative analysis, English, Russian, phraseography, phraseology, lexicography, phraseological semantics, paradigm, partial attribution

For citation: Kurbanova E.O., Sirazhudinova K.K. Comparative analysis of the study of phraseography and phraseology of the English and Russian languages. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 185 – 189.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Актуальность работы. Современный этап в развитии теории фразеологии и фразеографии отличает стремление к пересмотру некоторых устоявшихся положений, стереотипов. Наличие таких стереотипов обусловлено не только заблуждениями исследователей, но во многом питается многомерностью языковых сущностей, их переходностью, обусловленными их многообразными связями с другими языковыми явлениями.

На практике подобная многоаспектность языковых особенностей показывает множество связей и положений между субстанциями и явлениями окружающего мира.

Вопросы фразеографии и фразеологии английского и русского языков в сопоставительном плане до настоящего времени мало исследованы. В данной работе впервые проводится анализ указанных вопросов.

Основная цель – сопоставительное исследование вопросов, связанных с фразеографией и фразеологией английского и русского языков.

Задачи:

1. Обзор тенденций и проблем фразеографии и фразеологии;
2. Сопоставительный анализ исследования вопросов фразеографии и фразеологии двух языков.

Материалы и методы исследований

В работе использованы сопоставительный метод, и лексикографический метод, который способствует изучению ФЕ с точки зрения их репрезентации в словарях. В качестве исследования послужили материалы из двуязычных фразеологических словарей: «Англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина [6], «Русско-английский фразеологический словарь» Д.И. Квеселевича [4], «Фразеологический словарь русского языка» А.И. Молоткова [10].

Результаты и обсуждения

Ранжировка фразеологических единиц по семантико-грамматическим классам, как известно, основывается на морфологической классификации слов. Разные точки зрения лингвистов связаны не только с вопросом о системности частей речи во фразеологии, но и с характеристикой отдельных единиц. Например, в русском языке ФЕ рукой подать квалифицируется А.И. Молотковым и В.П. Жуковым как адвербиальная единица со значением места. А некоторые другие исследователи данную ФЕ относят к атрибутивно-предикативным.

Исследованием вопросов фразеографии и фразеологии рассматриваемых языков занимались А.И. Молотков [7], А.В. Кунин [6], Аюпова Р.А. [1], Котелова Н.З. [5].

Компликации, касающиеся частеречной рубрикации данных сочетаний идиоматического характера, как более гомогенной по характеру содержания и логико-семантическим установкам происхождения, в значительной степени увеличивается. А исследователю в таких случаях требуется иметь дело с многословными формированиями с особым смыслом и их применением.

На наш взгляд, такие разночтения обусловлены во многом тем, что частеречная классификация слов (тем более фразеологических единиц) отражает практику вчерашнего дня в науке, рассматривавшей свой объект в статичности. На современном этапе формируется новая социально-культурная парадигма, в центре которой находится действующий – думающий, чувствующий, творящий и интерпретирующий текст – человек. «Человек в языке» и «язык в действии» – это символы функционирующего языка и изучающих его когнитивных наук.

Извлеченные из фразеологических работ, сведения имеют «прямой выход во фразеографию» [11].

Изображая предмет по какой-либо внешней примете, подобные фразеологизмы сравнивают их с объективной реальностью. Тем самым они, «привязывают» его к условленным субстанциям внешнего мира.

В последние десятилетия заметно активизировались процессы формирования ФЕ с идентифицирующим значением за счет устойчивых перифраз с конкретным предметным значением (белый тигр – снежная лавина, желтый кекс – урановый концентрат) и с собирательным значением лица [5].

Реконструкция деривационных процессов дает основание предположить, что в актах первичного речеупотребления такие дескрипции имели признаковое значение: часть их функционировала в качестве предикатива (снежные лавины – это белые тигры), другая часть – в качестве вторичного предиката-определения.

Они «охватывают как сферу лексической семантики (в данном случае - собственно предикативы), так и сферу фразеологии» [9].

В ретранслировавшихся процессах языкового взаимодействия такие категории приписали номинальный ранг, который может быть свойственным их производящим основам. Они стали появляться в общении как их заменители, реализуя вторичные функции номинативов.

Распознавание предметов происходит также посредством дейктических фразеологизмов, осуществляющих в общении дейктическую миссию.

Большое количество русских устойчивых выражений характеризуется признаковой семантикой. Такие единицы демонстрируют и олицетворяют, такие признаки субстанций, как параметры, атрибуты, способы, состояния.

Допускается и соответственно кодировать в тезаурусах виды индикативных идиом.

К устойчивым сочетаниям с рациональным смыслом причисляются так называемые модальные (грешным делом; в самом деле; чего доброго; неровен час; шутка сказать; если на то пошло; нечего греха таить) и междометные единицы (вот так клюква; милое дело; мать честная; ни дна ни покрывки; такое вот кино) [10].

Основное назначение их – обслуживать прагматику языка – сферу коммуникации, связанную с выражением отношения (через интеллектуальную и эмоциональную оценку) человека к сообщаемому и реальному миру.

К дискуссионным относятся также разного рода фразеологические корреляции (считать их вариантами или разными единицами): прижать к ногтю – к ногтю; держать камень за пазухой – камень за пазухой; брать в руки – в руках; ударить в спину – удар в спину [8].

Они имеют шаблонное значение признака. Все, упомянутые нами вопросы представляют и теоретическую ценность и практическое значение.

Фразеологические словари комплексно отражают ту часть языка, в которой отражаются визуальное мышление, межъязыковая коммуникация, ментальность, убеждения людей, представителей различных языков.

Фразеографическое описание рассматриваемых языков началось с конца 19 века. Фразеография английского языка развита хорошо. В английском языке имеется ряд одно- и двуязычных фразеологических словарей. В русском языке также имеются фразеологические словари под редакцией А.И. Молоткова, Н.Т. Бухаревой и других.

Анализ аксиологических аспектов английской фразеологии и особенностей ее репрезентации в толковых словарях английского языка общетеоретическое значение [3].

Чем шире осмысляются задачи фразеологического словаря, тем значительней может быть его роль как источника при последующих лингвистических обобщениях [2].

В смысловой обработке фразеологической единицы большое значение имеет любая деталь словарной статьи, поэтому необходимо рациональное использование всех лексикографических средств. Иллюстративный материал в этом случае играет немаловажную роль. В то же время данный материал должен быть подобран очень тщательно. Правильно сгенерированные примеры должны органично восполнять материалы словарной статьи.

Системы фразеологии английского и русского языков занимают равное положение, они тесно взаимосвязаны из-за широкой распространенности данных языков. Оба языка являются языками международного общения. В них немало фразеологических эквивалентов, тематические классы в обоих языках представлены также примерно одинаково.

Проанализировав имеющуюся типологию словарей фразеологизмов этих языков, важно учесть такие критерии, как вид парадигматической связи фразеологизмов в словарях (антонимы, омонимы, синонимы), условия и спецификация фразеологических единиц (этимология, узуальные слова), а также сам вид словаря (электронный, печатный).

Исходя из этого должна быть составлена типология фразеологических словарей.

Словарная обработка фразеологизмов данных разрядов должна исходить из их семантического и функционального своеобразия, которое может быть представлено в виде множества параметров. Большую труд-

ность для фразеографов представляет, как известно, конфигурация так называемых субстантивных и адъективных фразеологизмов, которые в словарях интерпретируются по-разному.

На самом деле, они обладают одинаковым признаком – типом значения, что не исключает их дальнейшей семантической дифференциации со значением действия, со значением состояния и др. Например: стреляный воробей (очень опытный человек) и не от мира сего (отрешенный от реальной жизни человек). Признаковые фразеологические единицы корректнее сформулировать по формуле «такой, который»: важная птица (такой человек, который занимает высокое служебное или общественное положение). Препозиция детерминанта такой, вводящего развернутое описание значима содержательно: объект идентифицируется как признак.

Следует отказаться и от словарных дефиниций типа «о ком или о чем-либо», как не отражающих адекватно функционально-семантического статуса фразеологических единиц: держать себя (держаться определенным образом). О манере ходить, сидеть, разговаривать: пуп земли (центр, сосредоточие самого главного). О ком-либо или о чем-либо: кровь с молоком (здоровый, цветущий вид, хороший цвет лица) [10].

Выводы

Таким образом, последующие успехи фразеографии на данном этапе ее развития зависят от поступательного развития теории фразеологии, от возможности эффективнее использовать новейшие теоретические достижения в практике словарного дела. И здесь следует отказываться от традиционных точек зрения на языковые явления, от устаревших методов и приемов лексикографической обработки языкового материала. Адекватная функционально-семантическая параметризация языковых явлений – базовые требования теории и практики современной фразеографии.

Все эти успехи зависят от анализа крупных фразеологических словарей английского и русского языков, в которых должна быть установлена фразеологическая дефиниция, как значимый элемент словарной статьи. Ее составление зависит от учета типа словаря, а также от возникновения каждой ФЕ и от уровня ее фразеологизации.

Выбор автора словаря чаще всего зависит от объективных процессов, которые определяют форму и содержание ФЕ.

В фразеографии русского языка отмечается большая системность и методичность в применении помет. В английской – широкая употребительность стилистических помет, но в английском они применяются реже, чем в русском.

Список источников

1. Аюпова Р.А. Фразеология и фразеография английского и русского языков. Казань: издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2013. 269 с.
2. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 76 с.
3. Гуай Е.Ю. Аксиологический аспект английской фразеографии: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 27 с.
4. Квеселевич Д.И. Современный русско-английский фразеологический словарь: Свыше 5000 фразеологизмов соврем. рус. яз. Москва: Астрель, АСТ, 2002. 620 с.
5. Котелова Н.З. Текстовые лексико-фразеологические материалы как лингвистический источник // Национальные лексико-фразеологические фонды / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1995. С. 11 – 18.
6. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20 000 фразеологических единиц: издание в pdf-формате. Москва: Просвещение, 2021. 1210 с.
7. Молотков А.М. Основы фразеологии русского языка. Ленинград: Наука, 1977. 283 с.
8. Новое в русской лексике: Словарные материалы / Н.З. Котелова, В.П. Петушков, Ю.Е. Штейнсапир, Н.Г. Герасимова; Под ред. Н.З. Котеловой; АН СССР. Институт русского языка. Москва: Русский язык, 1980. 176 с.
9. Топорков П.Е. Семантический статус предикатива в фразеологической системе языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 830 – 834.
10. Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4-е / под ред. А.И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986. 544 с.
11. Чепасова А.М. Фразеография – зеркало фразеологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 256 – 263.

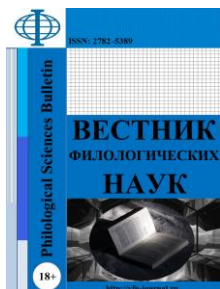
References

1. Ayupova R.A. Phraseology and Phraseography of the English and Russian Languages. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University Publishing House, 2013. 269 p.
2. Babkin A.M. Lexicographic Development of Russian Phraseology. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. 76 p.
3. Guay E.Yu. Axiological Aspect of English Phraseography: Abstract of a Cand. Sci. (Philology). Moscow, 2009. 27 p.
4. Kveselevich D.I. Modern Russian-English Phraseological Dictionary: Over 5,000 Phraseologisms in the Modern Russian Language. Moscow: Astrel, AST, 2002. 620 p.
5. Kotelova N.Z. Textual lexical and phraseological materials as a linguistic source. National lexical and phraseological funds. Ed. by F.P. Sorokoletov. St. Petersburg: Nauka, 1995. P. 11 – 18.
6. Kunin A.V. Comprehensive English-Russian phraseological dictionary: about 20,000 phraseological units: PDF edition. Moscow: Prosveshchenie, 2021. 1210 p.
7. Molotkov A.M. Basics of Russian phraseology. Leningrad: Nauka, 1977. 283 p.
8. New in Russian vocabulary: Vocabulary materials. N.Z. Kotelova, V.P. Petushkov, Yu.E. Shteynsapir, N.G. Gerasimova; Ed. by N.Z. Kotelova; USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. Moscow: Russkiy Yazyk, 1980. 176 p.
9. Toporkov P.E. Semantic Status of the Predicative in the Phraseological System of Language. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. No. 3. P. 830 – 834.
10. Phraseological Dictionary of the Russian Language. 4th ed. by A.I. Molotkov. Moscow: Russkiy Yazyk, 1986. 544 p.
11. Chepasova A.M. Phraseography – a Mirror of Phraseology. Problems of History, Philology, and Culture. 2011. No. 3. P. 256 – 263.

Информация об авторах

Курбанова Э.О., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru

Сиражудинова К.К., старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.09

¹ Ма Юаньшао

¹ Южно-китайский педагогический университет

"Текст в тексте" в романе «Мастер и Маргарита» и механизм порождения смысла

Аннотация: настоящее исследование направлено на анализ текстовой структуры и механизма порождения смысла в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с точки зрения теории «текста в тексте», разработанной Ю.М. Лотманом. В работе рассматривается множественность проявлений структуры «текста в тексте» в произведении, включая сосуществование двух «реальностей», феномен двойников и взаимную соотнесённость событий. Исследование показывает, что посредством структурного анализа текста выявляется особая организация «текста в тексте», основанная на различии кодов и способов кодирования двух текстовых уровней, что позволяет роману создавать двойственную «реальность» и усложняет игру между «реальным» и «вымышленным». Коренной причиной способности структуры «текста в тексте» в романе обеспечивать переход и диалог между «реальностью» и «фикцией» является зеркальная симметрия, выстроенная на принципах тождества и различия, благодаря чему осуществляется непрерывное порождение и обновление смыслов произведения.

Ключевые слова: текст в тексте, «Мастер и Маргарита», теория Ю.М. Лотмана, зеркальная симметрия

Для цитирования: Ма Юаньшао. "Текст в тексте" в романе «Мастер и Маргарита» и механизм порождения смысла // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 190 – 196.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Ma Yuanshao

¹ South China Normal University

The 'text within a text' structure of The Master and Margarita and its mechanism of meaning generation

Abstract: this study aims to analyse the textual structure and meaning-generation mechanisms of Bulgakov's novel *The Master and Margarita* through the lens of Juri Lotman's theory of "text within text". The study explores the multifaceted manifestations of the 'text within text' structure in the work: dual realities, double identities, and the reciprocal correspondence of events. It demonstrates that through structural textual analysis, the novel's two texts reveal a 'text within text' framework constructed upon divergent codes and encoding methods. This creates a dual reality within the narrative, further complicating the interplay between "reality" and 'fiction'. The fundamental reason this 'text-within-text' structure enables the transformation and dialogue between "reality" and 'fiction' lies in the novel's establishment of mirror symmetry through identity and difference, thereby achieving the continuous generation and renewal of its meaning.

Keywords: text within text, *The Master and Margarita*, Juri Lotman's theory, mirror symmetry

For citation: Ma Yuanshao. The 'text within a text' structure of *The Master and Margarita* and its mechanism of meaning generation. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 190 – 196.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Роман «Мастер и Маргарита» является главным произведением русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова и по праву считается одним из важнейших романов XX века. Действие произведения развивается в Москве сталинской эпохи и объединяет в себе сатиру на реальность, религиозную притчу и фантастическое воображение: дьявол Воланд внезапно появляется в человеческом мире и с помощью абсурдных и жестоких ситуаций разоблачает социальное лицемерие и слабости человеческой природы; в то же время писатель Мастер, подвергшийся гонениям за верность истине, находит спасение лишь благодаря безусловной любви и мужеству Маргариты, которая борется за его свободу и достоинство. Через изображение московской действительности, а также историческое повествование о Иешуа и Понтии Пилате роман осмысливает вечные темы добра и зла, власти и совести, искусства и свободы, демонстрируя глубокую и уникальную художественную ценность.

Актуальность исследования «Мастера и Маргариты» заключается в том, что роман посредством абсурда и фантазии раскрывает духовные кризисы, которые могут повторяться в любую эпоху: подавление истины, страх перед свободой и отказ от совести. Философская глубина произведения и сегодня сохраняет свою интеллектуальную проницательность и значительный предупреждающий потенциал.

Целью настоящего исследования является применение лотмановского понятия «текст в тексте» для анализа текстовой структуры романа «Мастер и Маргарита» и выявления механизмов порождения и непрерывного обновления смыслов, заложенных в произведении.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: анализ способов конструирования структуры «текста в тексте» в романе; выявление характерных особенностей данной структуры; определение роли структуры «текста в тексте» в процессе смыслообразования произведения.

Наиболее релевантным методом решения данных задач является интерпретация и анализ текстовой структуры романа на основе семиотической теории Ю.М. Лотмана.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методологии анализа русского романа с позиции «текста в тексте», а также в расширении исследований структуры художественного текста и механизмов порождения смысла.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в преподавании курсов по современной русской литературе, при разработке специальных курсов, посвящённых феномену «текста в тексте» в литературе, а также в дальнейших исследованиях творчества М.А. Булгакова.

Научная новизна исследования заключается в применении лотмановского понятия «текста в тексте» к анализу современного русского романа, что позволяет выявить новые аспекты художественной структуры произведения и механизмы его смыслообразования.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования служит теория «текста в тексте» Ю.М. Лотмана, рассматривающая структуру художественного текста как особый тип текстовой организации, благодаря которой осуществляется непрерывное порождение смыслов.

В работе используется комплексный подход, сочетающий семиотический анализ структуры художественного текста с исследованием конкретного литературного произведения, что позволяет раскрыть принципы построения текстовой структуры романа и механизмы генерации его смыслов. Материалом исследования послужили роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также критические работы, посвящённые анализу данного произведения.

Результаты и обсуждения

«Текст в тексте» как распространённый художественный приём широко представлен в искусстве. Уже в драматургии, живописи и скульптуре эпохи Возрождения и барокко можно обнаружить стилистические следы структуры «текста в тексте», тогда как в искусстве и культуре XX века она проявляется особенно ярко. Как правило, автор стремится к целостному единству художественного стиля, обеспечивая плавную взаимосвязь между различными компонентами текста с целью сохранения общей гармонии и тематической согласованности. В рамках обычного читательского восприятия различия внутри текста чаще всего остаются скрытыми и становятся заметными лишь при сознательной смене перспективы или контекста. Однако в структуре «текста в тексте» «различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [1, с. 14], иными словами,

автор намеренно вводит в целостный текст гетерогенное кодирование, разрушая плавность и непрерывность чтения посредством наглядно ощутимых различий и тем самым создавая напряжение. Именно включение гетерогенного текста является ключевым условием формирования структуры «текста в тексте».

Роман «Мастер и Маргарита» состоит из двух текстов, обладающих единым кодом, но различающихся способами кодирования. Первый – это основной московский текст, закодированный автором однократно; второй – исторический роман о Древнем Иерусалиме, созданный персонажами Воландом и Мастером, который подвергается повторному кодированию со стороны персонажей основного текста и, таким образом, представляет собой двойное кодирование. Главный и вторичный тексты не только формируют структуру «романа в романе», но и создают двойственную реальность – московский мир и мир Древнего Иерусалима.

Двойственная реальность прежде всего усиливает игру между «фикцией» и «реальностью». Когда в одном тексте одновременно сосуществуют две «реальности», возникает вопрос о том, какая из них является подлинной, а какая – мнимой; весь текст разворачивается в пространстве соперничества между реальным и вымышленным в рамках основного и вторичного текстов, что является одной из характерных черт художественного текста. Однако по сравнению с обычным художественным произведением конфликт в структуре «текста в тексте» оказывается значительно более острым. Как правило, игра между реальностью и вымыслом в художественном тексте строится на его двойной интерпретации: с одной стороны, «текст прикидывается самой реальностью, прикидывается имеющим самостоятельное бытие, независимое от автора, вещь среди вещей реального мира» [2, с. 116-117], то есть обладает безусловной достоверностью; с другой стороны, «он постоянно напоминает, что он - чье-то создание и нечто значит» [2, с. 117], будучи результатом авторской воли. В структуре «текста в тексте», помимо двойственной природы художественного знака, на процесс различения влияет также разница в кодировании основного и вторичного текстов, а равно и их взаимное сопоставление как двух «реальностей», что делает игру между реальным и вымышленным ещё более сложной.

Двойное кодирование вторичного текста не только расширяет художественное пространство романа, создавая сложный и многоуровневый текстовый мир, но и благодаря своей предположительности усиливает ощущение достоверности основного текста, вследствие чего пространство основного текста воспринимается как «реальное». При этом автор сознательно акцентирует данное различие: «Московский текст обладает признаками «реальности»: он имеет бытовой характер, перегружен правдоподобными, знакомыми читателю деталями и предстает как прямое продолжение знакомой читателю современности. ... а ершалаимские – как рассказ, который слушают и читают» [2, с. 117-118]. Используя различие в количестве актов кодирования основного и вторичного текстов, автор выстраивает первый уровень границы между «реальностью» и «фикцией».

Однако по мере развития сюжета эта граница начинает размываться. Московский мир оказывается насыщенным разнообразными фантастическими событиями: в театре сыплются рубли, костюм разговаривает, сожжённая рукопись восстанавливается, Маргарита, намазавшись омолаживающим кремом, мгновенно возвращает себе молодость и т.д. В то же время «воображаемый» мир романа Мастера подчиняется строгим нормам повседневной правдоподобности. Иудейский прокуратор Римской империи Понтий Пилат, находясь под политическим давлением, против своей воли выносит приговор и казнит воплощение «добра» и «истины» – Иешуа; несмотря на попытки искупления и стремление смыть с себя вину, Пилат не может избежать мучений совести. Таким образом, мир вторичного текста, кажущийся вымышленным, обретает черты реальности, тогда как мир основного текста, выглядящий реальным, обнаруживает свою фиктивность, и только что выстроенная автором первая граница между ними постепенно утрачивает чёткость.

Можно утверждать, что игра между «реальностью» и «фикцией» является одной из ключевых характеристик структуры «текста в тексте». Некоторые исследователи, исходя из этого, рассматривают двойной текст, прежде всего, как модель отношения между текстом и реальностью. Так, советский лингвист В.П. Руднев в «Словаре культуры XX века» определяет «текст в тексте» как структуру бинарной оппозиции текста и реальности, в рамках которой «происходит игра на границах прагматики внутреннего и внешнего текстов, конфликт между двумя текстами за обладание большей подлинностью» [3, с. 308]. В связи с этим Руднев полагает, что структура «текста в тексте» характерна лишь для произведений не-реалистической направленности, таких как «Мастер и Маргарита», «Бесконечный тупик», «Бледный огонь» и др.

Подобная точка зрения не лишена оснований: игра основного и вторичного текстов между «фикцией» и «реальностью» точно отражает психологическое состояние человека в бурном и нестабильном XX веке. Технический прогресс и индустриальное развитие сопровождались глобальными потрясениями – победой пролетарской революции в России, двумя мировыми войнами, Великой депрессией и другими радикальными социальными изменениями, которые нанесли мощный психологический удар по человечеству. В этих условиях художники и писатели стремились отразить в искусстве хаотичный мир, в котором границы между иллюзией и действительностью постепенно размываются.

Однако функция двойного кодирования текста не ограничивается лишь многократным воспроизведением переходов между реальным и вымышленным. Гораздо более существенным является то, что в процессе взаимного отражения и сопоставления двух реальностей раскрывается истина, достигается цель «восхождения от кривляющейся кажимости мнимо-реального мира к подлинной сущности мировой мистерии» [2, с. 120]. Ю.М. Лотман называет эту глубинную связь между двойными текстами «установлением зеркальности»: они образуют пары зеркальных изоморфных структур (энантиоморфизм), или зеркальную симметрию. По его словам, «Зеркальный механизм, образующий симметрично-асимметричные пары, имеет столь широкое распространение во всех смыслопорождающих механизмах, что его можно назвать универсальным, охватывающим молекулярный уровень и общие структуры вселенной, с одной стороны, и глобальных созданий человеческого духа, с другой» [4, с. 23]. Несомненно, зеркальная симметрия присутствует и в художественном тексте.

Московский мир и мир Древнего Иерусалима в романе «Мастер и Маргарита» на первый взгляд представляют собой два не связанных между собой параллельных пространства, однако в действительности зеркальные связи между различными частями романа встречаются на каждом шагу. Их соотносённость проявляется не только в особой композиционной организации глав: иерусалимские главы постоянно отсылают к финалам московских глав, а окончания московских глав становятся началом иерусалимских. Например, конец первой главы «Никогда не разговаривайте с неизвестными»: «– Всё просто: в белом плаще...» [5, с. 32] становится началом второй главы «Понтий Пилат»: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат» [5, с. 33]. Конец второй главы: «Было около десяти часов утра» [5, с. 37] переходит в начало третьей главы «Седьмое доказательство»: «– Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, – сказал профессор» [5, с. 38] и так далее. И в системе соответствий времени, пространства и персонажей, формирующих глубокую взаимосвязь двух текстов.

«Двойник» является литературным эквивалентом зеркала, и в романе «Мастер и Маргарита» можно выделить несколько общепризнанных пар двойников: Понтий Пилат и Воланд, Иуда и Могарыч, Берлиоз и Каиафа, Иван и Левий Матвей и др. Предательства Иуды и Могарыча объединяет алчность; бездомные Иван и Левий Матвей выполняют сходную сюжетную функцию – они выступают как созерцатели и мыслители. Берлиоз и Каиафа являются искусителями, тогда как Пилат и Воланд наделены почти неограниченной властью, хотя порой оказываются бессильными перед условиями жизни и установленными обычаями. Эти персонажи с родственными типами духовности у Булгакова образуют систему зеркал, размещённых под разными углами, в отражении которых чувства и эмоции внутреннего мира героев преломляются и трансформируются, порождая различные варианты внутренней реальности и её соотносённости с внешним миром.

Кроме того, события, происходящие в Москве и в Древнем Иерусалиме, также разворачиваются как зеркальные отражения друг друга. Можно отчётливо увидеть, как «неделя суда» Воланда над московскими жителями соотносится со Страстной неделей в Древнем Иерусалиме, с первым пришествием Иисуса Христа и со вторым пришествием Сатаны. Спор Нозри и Пилата о истине перекликается со спором Берлиоза и Сатаны о истине; празднование еврейской Пасхи в Древнем Иерусалиме – с грандиозным балом у Сатаны; наказание, которому подвергается Могарыч за предательство Мастера по инициативе Матвея, – с возмездием Иуде за предательство Иешуа и т.д. Фантастические, на первый взгляд нереальные события московского мира, отражаясь в «зеркале» иерусалимских событий, обретают особый философский смысл: мир оказывается перевёрнутым, а его жестокость и бессмысленность становятся очевидными.

Помимо самого текста, авторы вводят «зеркальное отражение» текста. Эта практика служит не только для повышения эстетического качества произведения и удовольствия от чтения, как обсуждалось ранее, но и вытекает из практических соображений обхода цензуры прессы. Это было особенно актуально в советскую эпоху, когда эстетическое мышление доминировала теория отражения, отстаиваемая такими фигурами, как Т.Д. Павлов. Эта теория постулировала, что «искусство должно быть верным подражанием реаль-

ной жизни» [6, с. 17]. В то время как такие элементы, как зеркала, считались ни имитацией, ни отражением реальности, а были признаны ложными и нереальными. Основываясь на этом суждении и понимании, создатели намеренно создавали «зеркальные тексты» и другие «ложные» тексты. Такой подход позволял им избежать критики и цензуры, одновременно передавая правду через ложь. В отличие от интерпретации зеркальных образов теорией отражения, точка зрения Лотмана указывает на то, что отношения между текстовыми зеркальными образами и исходным текстом не являются отношениями отражения и отражения. Понимание этих отношений варьируется среди ученых, что напрямую влияет на их интерпретации генерации смысла в текстах.

Представительная перспектива классифицирует зеркальную симметрию как форму повторения. Например, в своем исследовании «Значение 'повторения' с семиотической точки зрения: на примере романа "Мастер и Маргарита"» китайский ученый Чэнь Гуанбин обобщает бесчисленные зеркальные аналогии романа как проявления принципа повторения. Он классифицирует их как повторения идентичности, пространственные повторения и повторения безумных противодействий. Их постоянное появление приводит к тому, что «персонажи снова оживают, события постоянно повторяются, а повествование непрерывно наполняется свежим содержанием» [7, с. 124]. Важно, что эта динамика гарантирует, что «интерпретация читателя никогда не прекратится» [7, с. 124] – важный компонент текстового значения. Камелия Спасова из Софийского университета разделяет подобную точку зрения, хотя она использует биологический термин «аутопойезис» для обозначения этого явления, утверждая, что «зеркальный механизм в тексте представляет собой прямой аутопойетический процесс» [8, с. 15]. «Аутопойезис» – это концепция, введенная Матураной и Варелой для описания живых систем, относящаяся к способности системы достигать собственного существования и развития через процессы самопроизводства и самоподдержания. Применение «автопоэзиса» в качестве рамки для анализа литературных текстов предшествует работе Камелии. Например, в книге «Автопоэзис и литература: Краткая история бесконечного процесса» аутопоэзис определяется с помощью примеров из рассказа фон Клейста «Превращение всех идей» и романа Франца Кафки «Процесс» [9]. Марджори Левинсон в работе «Дидиалектический и постдиалектический материализм: моделирование практики без субъектов и объектов» описывает аутопоэтические механизмы в литературе как рекурсивные и рефлексивные процессы между системами и их средой [10, с. 111-127]. Однако единого определения «литературной аутопоэзиса» пока не существует. Камелия прямо утверждает, что двойное или множественное кодирование зеркальной симметрии составляет самовоспроизведение и самопроизводство кода. Зеркальный механизм раскрывает мощную аутопоэтическую способность литературы: она не только может повторяться, но и неизменно порождает творчество в процессе повторения. Таким образом, текст становится самоорганизующейся, саморегулирующей и саморазвивающейся системой.

Все вышеупомянутые точки зрения рассматривают зеркальную симметрию как средство преобразования одного текста в множество текстов. Подобно тому, как объект, отраженный в зеркале, создает сотни перевернутых изображений в его фрагментах, непрерывное повторение одного текста порождает огромное количество зеркальных текстов. Вертикальный изоморфизм зеркальных текстов, расположенных на разных уровнях, приводит к увеличению объема информации. Естественно, гибридность и количество текстов имеют решающее значение для создания смысла. Однако непреходящая жизнеспособность текстов в основном проистекает из их взаимного взаимодействия. Формирование зеркально-симметричных двойных текстов выходит за рамки упрощенных отношений между копированием и копируемым, или симуляцией и симулируемым.

Лотман использовал термин «зеркальная симметрия» не только для яркого описания двойного кодирования в текстах, но и, что более важно, потому что он по сути выражает взаимосвязь между ними. В зеркально-симметричной структуре химических молекул две половинки являются зеркально эквивалентными, но не накладываются друг на друга. То есть их взаимосвязь представляет собой противопоставление левой и правой сторон, отличное как от идентичности, так и от несвязанного различия, образуя связь, которая объединяет тождество и различие. Так же как оригинал и его зеркальное отражение не могут перекрываться, так и двойные тексты, составляющие зеркальную симметрию. Зеркальное отражение идентично оригиналу, но, что более важно, одновременно отличается от него. Оригиналы трехмерный, но он появляется на гладкой плоскости, образуя проекцию и обладая собственным имитированным языком. Особенно когда само зеркало вогнутое или выпуклое, неровное или перекошенное, мир, который оно отражает, становится искаженным. Зеркальное отражение никогда не отражает объекты естественным, объективным образом, а скорее более сложным, символическим образом. Оно «создает другой мир, похожий на отраженный мир, но отличный от него – мир, который «как будто бы» существует» [11, с. 308].

Выводы

Таким образом, независимо от того, представлена ли «реальность» вторичного текста как прямое отражение – например, зеркальный текст, или как метафорическое отражение – через двойников, сюжетные параллели и другие приёмы, двойственная «реальность» основного и вторичного текстов формирует зеркальную симметрию на основе тождества и различия. В биологии зеркальная симметрия рассматривается как источник развития, эволюции и появления нового, в семиотике же она позволяет двум текстам вступать в диалог. Если участники диалога полностью идентичны, диалог теряет смысл; если они полностью различны, диалог становится невозможным. Зеркальная симметрия обеих сторон обеспечивает возможность построения диалогических отношений: «С одной стороны, системы не тождественны и выдают различные тексты, а с другой, они легко преобразуются друг в друга, что обеспечивает текстам взаимную переводимость» [4, с. 21].

Неопределённость смысла, порождаемая диалогом зеркальной симметрии, распространяется и за пределы текста. Между романом и реальностью, между читателем и романом существует невидимая граница, тогда как «роман в романе» пересекает границы внутреннего и внешнего, иллюзии и реальности. Это пересечение превращает формальный парадокс в парадокс реальности. Читателю необходимо постоянно рефлексировать над соотношением вымысла и реальности, интерпретируя многоуровневые, насыщенные метафорами образы. При этом читатель не ограничивается лишь завершением глубинной структуры саморефлексии «роман в романе», но включает в эту структуру себя и свой мир, проявляя психологический эффект воздействия структуры «текста в тексте». Мы ощущаем тревогу перед такой структурой: вымышленный Древний Иерусалим оказывается подлинным, а обладающая признаками реальности Москва – фиктивной; степень реальности романа, существующего в слове и на бумаге, иногда выше, чем у материальных объектов. Эта трансформация подразумевает: если реальный мир вымышлен, то неужели и наш мир, мир читателя, тоже ложен? Таким образом, процесс диалога между двойными текстами, образующими зеркальную симметрию, полон неопределённости и сопровождается резким увеличением информационной нагрузки.

Список источников

1. Лотман Ю.М. От редакции // Труды по знаковым системам. Том XIV. 1981. С. 3 – 18.
2. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва: «Гнозис»; Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 105 – 123.
3. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1999. С. 300 – 310.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллин: Александра, 1992. С. 11 – 24.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2022. 382 с.
6. Павлов Т.Д. Теория отражения. Москва: Изд-во иностр. лит., 1949. 522 с.
7. Чэнь Гуанбин. Значение 'повторения' с семиотической точки зрения: на примере романа "Мастер и Маргарита" // Русская литература и искусство. 2016 (03). С. 119 – 125.
8. Камелия Спасова. Двойные коды: текст в тексте у Лотмана и Кристевой // Филологические работы Литературоведение. 2018. № 8 (11). С. 13 – 28.
9. Марсель Шмид. Автопоэзис и литература: Краткая история бесконечного процесса. Билефельд: Издательство Transcript, 2016. 250 с.
10. Марджори Левинсон. Дидиалектический и постдиалектический материализм: моделирование практики без субъектов и объектов // Культурная критика. 1995. № 31. С. 111 – 127.
11. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. III. Таллин: Александра, 1993. С. 308 – 315.

References

1. Lotman Yu.M. From the Editor. Works on Sign Systems. Vol. XIV. 1981. P. 3 – 18.
2. Lotman Yu.M. Culture and the Explosion. Moscow: Gnosis; Progress Publishing Group, 1992. P. 105 – 123.
3. Rudnev V.P. Dictionary of 20th Century Culture. Moscow: Agraf, 1999. P. 300 – 310.
4. Lotman Yu.M. Selected Articles in Three Volumes. Vol. I. Tallinn: Alexandra, 1992. P. 11 – 24.
5. Bulgakov M.A. The Master and Margarita. St. Petersburg: SZKEO, 2022. 382 p.
6. Pavlov T.D. Theory of Reflection. Moscow: Foreign Language Publishing House. lit., 1949. 522 p.
7. Chen Guangbing. The Meaning of 'Repetition' from a Semiotic Point of View: The Case of the Novel "The Master and Margarita". Russian Literature and Art. 2016 (03). P. 119 – 125.
8. Kamelia Spasova. Double Codes: Text within Text in Lotman and Kristeva. Philological Works Literary Studies. 2018. No. 8 (11). P. 13 – 28.

9. Marcel Schmid. *Autopoiesis and Literature: A Brief History of an Infinite Process*. Bielefeld: Transcript Publishing House, 2016. 250 p.
10. Marjorie Levinson. *Predialectical and Postdialectical Materialism: Modeling Practice without Subjects and Objects*. *Cultural Criticism*. 1995. No. 31. P. 111 – 127.
11. Lotman Yu.M. *Selected articles in three volumes. Т. III*. Tallinn: Alexandra, 1993. P. 308 – 315.

Информация об авторах

Ма Юаньшао, Южно-китайский педагогический университет, 2015584739@qq.com

© Ма Юаньшао, 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.16

¹ Бараненко А.П.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Актуальная классификация лингвистических методов информационных войн в печатных СМИ

Аннотация: методы ИВ изучены достаточно хорошо, однако существующие классификации обладают неполнотой и не ограничиваются лингвистическими методами в печатном виде. Для разработки новой классификации ставятся задачи: сформулировать критерии новой классификации, изучить существующие в научной литературе классификации и актуальные материалы ИВ в печатных СМИ. В качестве научных источников взяты актуальные работы на русском [5-16] и английском [1-3] языках. За материалы ИВ в печатных СМИ берутся более 200 публикаций New York Times и Fox News за 2024г. Использовались методы контент-анализа, дискурс-анализа, сравнительного и типологического анализа. Критериями классификации выделяются: полнота и актуальность; достаточная, но не чрезмерная конкретизация; обобщение конкретных манипуляций в методы по критерию схожего воздействия на читателя. Приводится новая классификация, состоящая из 13 методов: манипуляция композицией; манипуляция контекстом; манипуляция оценками; грубые и умеренные манипуляции эмоциональной нагрузкой; манипуляции на почве бездоказательных утверждений, на почве «полуправды» и лжи, на почве истинных фактов; использование эмоционально нагруженных штампов, лозунгов; образ превосходства целевой общности; образ всеобщей поддержки; образ авторитета; опора на цитаты. Новая классификация обладает большей полнотой, чем существующие. Она может быть интересна профильным исследователям (например, в задаче оценки эффективности методов).

Ключевые слова: методы информационных войн, методы пропаганды, информационные войны, пропаганда

Для цитирования: Бараненко А.П. Актуальная классификация лингвистических методов информационных войн в печатных СМИ // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 197 – 203.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Baranenko A.P.

¹ Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Current classification of linguistic methods of information warfare in print media

Abstract: the methods of IW (information warfare) have been studied well; however, the existing classifications are incomplete and are not limited to linguistic methods in printed form. To develop a new classification, the following tasks are set: to formulate the criteria for a new classification, to study the classifications existing in the scientific literature and current IW materials in print media. The current works in Russian [5-16] and English [1-3] are taken as scientific sources. More than 200 publications of the New York Times and Fox News for 2024 are taken as IW materials in print media. The methods of content analysis, discourse analysis, comparative and typological analysis were used. The following criteria are formulated: completeness and relevance;

sufficient, but not excessive specification; generalization of specific manipulations into methods according to the criterion of similar impact on the reader. A new classification is presented, consisting of 13 methods: manipulation of composition; manipulation of context; manipulation of assessments; severe and moderate manipulation of emotional load; manipulation based on unsubstantiated statements, based on "half-truths" and lies, based on true facts; the use of emotionally charged cliches and slogans; image of superiority of the target community; image of universal support; image of authority; reliance on quotations. The new classification is more comprehensive than existing ones. It may be of interest to specialized researchers (for example, in the task of assessing the effectiveness of methods).

Keywords: *methods of information wars, methods of propaganda, information wars, propaganda*

For citation: Baranenko A.P. Current classification of linguistic methods of information warfare in print media. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 197 – 203.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Лингвистические методы информационных войн (далее сокращенно ИВ) изучены достаточно хорошо. Первые классификации встречаются у классиков теории пропаганды: Г. Лассуэлл, Э. Бернейс, Ж. Эллюль и другие (конечно, методы ИВ и методы пропаганды – понятия не тождественные, но близкие, и потому исследовались работы, посвященные обеим темам). Обзор выделенных в классических работах методов ИВ можно увидеть, например, в статье С.Г. Кареповой [6]. В русскоязычной литературе тема классификации методов ИВ также затрагивалась много раз, например, в работах С.Г. Кара-Мурза [7], И.Н. Панарина [10], О.В. Мухина [9], А.А. Даниловой [16] и многих других.

Однако настоящая работа ставит перед собой более узкую задачу: разработать актуальную классификацию лингвистических методов в печатных СМИ. Существующие работы, на наш взгляд, эту задачу решают не в полной мере: лингвистические методы часто смешаны с организационными, воспитательными и т.п.; печатные – с аудио и визуальными методами; классификации часто не обладают полнотой (даже методы, уже упомянутые в более ранних работах, могут не включаться в более поздние).

В работе ставятся задачи:

1. Сформулировать критерии, которым должна соответствовать классификация методов ИВ.
2. Изучить классификации методов ИВ в актуальной научной литературе.
3. Изучить актуальные публикации СМИ ведущих ИВ.
4. Разработать новую классификацию методов ИВ, отвечающую сформулированным критериям.

Актуальность работы вытекает из факта, что различные структуры (государства, политические блоки и партии, и т.п.) постоянно находятся в информационном противостоянии, объектом которого становятся все, кто присутствует в информационном пространстве. Актуальность ИВ в текстовом виде также вполне ясна – социальные сети и мессенджеры с преобладающе текстовым форматом (Reddit, Telegram и др.), а также цифровые версии печатных СМИ продолжают посещать многие миллионы пользователей: только платных подписчиков New York Times на момент публикации насчитывается более 11 млн [4]. Актуальная классификация методов ИВ может быть интересна как профильному исследователю, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в распознавании манипуляций.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов использовались:

1. Работы по теории и практике ИВ, затрагивающие тему классификации лингвистических методов ИВ (не всегда создание классификации является единственной задачей работ ниже). Из русскоязычной научной литературы были использованы работы [5-16], из англоязычной – статьи [1-3]. Особенно полные и подходящие к нашей задаче классификации приведены в [9, 15].

2. Публикации СМИ США, участвующих в ИВ вокруг президентских выборов 2024г. – конкретно New York Times и Fox New (были выбраны самые крупные представители СМИ с разных сторон политического спектра, использующие несколько разные наборы методов ИВ). Было проанализировано более 200 статей в период с 1 июля по 1 ноября 2024г. (напомним, что голосование состоялось 5 ноября 2024 г.).

В исследовании использовались методы контент-анализа, дискурс-анализа, лексико-семантического и сравнительного анализа, типологического анализа.

Результаты и обсуждения

На наш взгляд, классификация методов лингвистических методов ИВ должна соответствовать следующим критериям:

Полнота и актуальность (включены все методы, выделенные в научной литературе или представленные в работе современных СМИ в значимом объеме).

Достаточная, но не чрезмерная конкретизация. Если в классификации методов слишком мало, они будут слишком общими, чтобы иметь ценность. Если методов очень много, опять же затруднится решение задач, часто стоящих перед исследователем – например, сравнительного анализа. Анализ затруднен без адекватной выборки по каждому методу, и, если методов много, такая выборка станет чрезмерно трудоемкой (если не прибегать к помощи языковых моделей – которые, вероятно, не могут в полной мере распознавать манипулятивные техники).

Конкретные манипулятивные техники обобщаются в методы (категории, группы) по критерию схожего характера воздействия на читателя (апеллирование к схожим психологическим и социологическим принципам, схожий уровень сложности обнаружения манипуляции, и т.п.).

Перейдем к перечислению выделенных методов. Первый: манипуляция композицией. Одно из самых частых проявлений – заголовок, не в полной мере адекватный содержанию. Тон заголовка задает тон всему тексту, искажая восприятие, чем этот метод и пользуется. Часто происходит вынесение в заголовок искаженного или вырванного из контекста факта, утверждения, цитаты. Далее в тексте этой информации обычно не касаются, адекватность заголовка содержанию не обсуждается. К этой же категории относим повторение утверждений (фактов, оценок и т.п.) ради более сильного воздействия; неравную детализацию выгодных и невыгодных фактов (большая – для выгодных, меньшая – для невыгодных); также более выгодные факты могут помещаться в начало и конец текста, невыгодные – в середину.

Второй метод: манипуляция контекстом и акцентированием. Чаще всего выражается в помещении фактов, утверждений в выгодный контекст и вырывании фактов из контекста (например, сообщить «кандидат выигрывает по 3 ключевым вопросам», не сообщая, что «ключевых вопросов» всего 20). Выгодный контекст (факты, аргументы, поставленные в один ряд с предметом обсуждения) может заставить мало-значимый выгодный факт смотреться важным; спорный факт представить как положительный; внимание с невыгодного факта может переводиться на другой, не имеющий к нему прямого отношения. Выгодной позиции может даваться контраргументация настолько слабая или абсурдная, что это поддерживает исходную позицию. Манипуляция акцентированием может выглядеть так: можно сказать «бойцы не вернутся домой до конца войны», можно «бойцы вернутся домой сразу после конца войны». Факт и лексика одинаковы, эффект совершенно разный – т.к. внимание фокусируется либо на «не вернутся», либо на «вернутся».

Третий метод: манипуляции на почве оценок и оценочной лексики. Дается выгодная оценка (используется выгодная лексика) по отношению к выгодному событию (обратное для невыгодного). Например, политик X отвечает на некий острый вопрос журналиста. Можно назвать это просто «X отвечает», а можно – «X загнан в угол» или «X ставит журналиста на место». В эту же категорию относим (более или менее явные) высмеивание, иронию, оскорбления нежелательных объектов (событий, личностей, идей и т.д.), восхваление и возвышение желательных. Эффективно создание контраста: в одном тексте союзников можно описать словами с более позитивной коннотацией, оппонентов – более негативной, и за счет возникшего контраста либо можно усилить воздействие на читателя, либо сделать манипуляцию менее явной, использовав менее яркую лексику («их толпа ворвалась, наши представители уклонились от ответа»).

Четвертый метод: грубые манипуляции эмоциональной нагрузкой. Текст явным образом стремится вызвать у читателя сильные эмоции по отношению к чему-либо. Чаще всего стараются вызвать страх, отвращение, чувство справедливости (праведный гнев), гордость. Для вызова отвращения, праведного гнева часто обращаются к спекуляциям на теме страданий (увечий, жертв) людей и животных, часто с фокусом на уязвимые слои населения (дети, пожилые, больные, малоимущие и т.д.). Для вызова страха, гордости – часто подаются соответствующие факты и оценки разной степени «грубости» подачи и соответствия реальности.

Пятый метод: умеренные манипуляции эмоциональной нагрузкой. От предыдущего пункта отличается тем, что стараются вызвать менее явные и яркие эмоции (сомнение, доверие, симпатия), для чего часто достаточно менее явной манипуляции. Сомнение легко вызвать соответствующей оценкой или подачей подходящих фактов, контекста. Для вызова доверия и симпатии, например, используется прием «простого парня» («своего парня»). Достигается через употребление просторечий, фамильярность, построение в коротких

и простых фразах, апеллирование к якобы имеющей место близости некоторой личности к народу. Для вовлечения и обращения к эмоциям также могут использоваться приемы, свойственные художественной литературе: создание антагониста и протагониста, повествование от первого лица и другие: это, например, описано в статье Л.К. Салиевой [12].

Шестой метод: манипуляции на почве фактов и утверждений, подаваемых без доказательств. Самый «грубый» из способов подачи утверждений. Кроме полного отсутствия доказательств (подачи спекуляций как факта), может происходить апелляция к неким высшим материям («нам даровано право...»); или к тому, что факт якобы общеизвестен; или единственно верен с точки зрения здравого смысла («как вы понимаете...»); или утверждение не упоминается прямо, закладывается как предпосылка («мистер X давно должен сидеть в тюрьме» - заложена предпосылка, что он преступник и заслужил это). Интересный подвид – «утверждение-лозунг»: «сегодня они, значит завтра мы», «не зря...». Также популярны ни к чему не обязывающие формулировки: «решение X может привести к катастрофе». Подразумевается, что некий исход более вероятен, но не дается сколько-нибудь точных предсказаний. Слово «может» (и аналогичные конструкции) одинаково описывает событие с бесконечно малым и бесконечно большим шансом произойти, потому с точки зрения фактажа оно практически бессмысленно.

Седьмой метод: манипуляции на почве низкокачественных доказательств, «полуправды», прямой лжи или данных, которые невозможно проверить. По уровню соответствия утверждений реальности принципиально не отличается от предыдущего метода. Отделяем этот метод от прошлого мы в первую очередь потому, что, как нам представляется, «менее грубая ложь» может лучше восприниматься читателем (особенно качественного СМИ) – если конструкция «очевидно, что мистер X преступник» довольно грубая, и может «зацепить глаз» даже не искушенного в пропаганде читателя, то, например, в конструкции «сообщается, что мистер X преступник» манипуляцию увидеть сложнее, а не раскрытие источника можно принять за краткость ради читаемости.

Факт может поступать от чрезвычайно обобщенного источника («жители страны X говорят...»); или про источник ничего не говорится, но подразумевается его наличие («сообщается...»); или источник скрыт другим образом («аналитики считают...»).

Либо доказательство (факт, аргументация) приводится, но не доказывает исходный тезис в полной мере. Сюда относятся: подача единичного факта (малой выборки фактов) как правила; некорректные исторические параллели; упрощение или искажение причинно-следственных связей. Пример упрощения: говорить про один фактор, влияющий на событие, как будто он единственный или решающий – когда на деле это не так. Пример искажения: «политик X не сортирует бытовые отходы, значит ему плевать на всех вокруг» - логика прослеживается, но строгой связи нет.

Могут приводиться заведомо ложные факты, либо факты, проверка которых невозможна.

Может происходить обращение к материалам (вплоть до обладающих значимым авторитетом: оформленных как научные изыскания или заключения экспертных комиссий), которые необъективны (например, политически мотивированы).

Вместо позиции оппонента критикуется её искаженная (гипертрофированная) версия, которую критиковать легче, и которая сама по себе более неприятна аудитории (т.н. прием «соломенного чучела»).

Восьмой метод: опора на истинные факты и качественные доказательства. Применим, если реальный инфоповод достаточен, чтобы вызывать желаемую реакцию у читателя. Этот метод редко выделяется исследователями, однако мы считаем это несправедливым – даже при наличии выгодного инфоповода издатель (автор) имеют выбор: исказить факт ради более яркого эффекта или нет.

Девятый метод: обращение к простым, эмоционально нагруженным, повторяющимся конструкциям, символам, образам, часто в составе лозунгов, штампов, призывов. Эти конструкции эксплуатируют существующие стереотипы, культурные феномены, сильные исторические образы и т.п. – для реципиента они должны быть очевидно хорошими («свобода») или очевидно плохими («фашист») и подаются как таковые (при попытке критики часто видно, что конструкция либо несправедливо употреблена, либо крайне неоднозначна, либо недостижима на практике и т.д.). Нередко в основе оценки лежит истинный факт, но он гиперболизируется (умеренно авторитарный правитель становится «кровавым диктатором»). Зачастую эти конструкции очень специфичны определенной культуре, стране, времени; также одинаковые конструкции могут переживать периоды спада и набора популярности. В качестве подвидов упомянем: навешивание ярлыков (опять же: «кровавый диктатор»); подмена понятий (например, политика, критикующего нелегальную миграцию, называют «нацистом»); простые ответы на сложные вопросы («напечатать и раздать»).

Десятый метод: создание образа превосходства целевой общности (государства, партии и т.д.): в мо-

ральном, культурном, технологическом, экономическом, военном и других аспектах. Также обратное в сторону соперника – его отсталость в обозначенных сферах.

Одиннадцатый метод: создание образа всеобщей (всеобщей, безапелляционной) поддержки вашей общности или идей, подачи социального примера: «все делают – значит так правильно». Для воздействия на оппонента создается обратный образ всеобщего осуждения. Очень часто сочетается с подачей малой выборки фактов как правила. Важный подвид – образ единства или расслоения. Постулируется расслоение внутри общности соперника на почве иерархических, социальных, экономических, этнических, культурных факторов (положения, интересов, задач). Обратное в сторону союзных общностей – утверждение крайнего единства (опора на те же группы факторов). Воздействие часто очень специфично конкретной группе, на которую направлено. Для расслоения часто говорится об эксплуатации целевой общности в каком-либо роде.

Двенадцатый метод: создание и/или эксплуатация образа авторитета (героя, легенды, эксперта). Происходит манипулирование фактами касающейся некоторой личности (политик, военнослужащий, ученый и др.), создание вокруг неё нарратива об её исключительных качествах (моральных, профессиональных, умственных и т.д.), либо таковая исключительность подразумевается, как очевидная. Часто приводятся взгляды этой личности вне сферы ее компетенций (например, мнение музыкантов о политике). Часто уже давно погибшей личности приписываются взгляды на вещи, о которых она не высказывалась (например, популярная в политическом дискурсе США формула: «отцы-основатели были бы на нашей стороне»).

Последний, тринадцатый метод: опора на цитаты. Цитаты – один из самых тонких инструментов влияния. В материале может вовсе не говориться прямо о поддержке выгодной позиции, но будут приводиться преимущественно цитаты в поддержку этой позиции (критики невыгодной). Цитат так много (особенно в случае очень публичных фигур – политиков, блогеров, знаменитостей и т.д.), что их можно подобрать на любой случай, к тому же вырывая из контекста, искажая и просто придумывая (не всегда есть материал, дающий возможность объективной верификации). Соответственно задаче подбирается тон и качество цитат – благовидные и словесно удачные для освещения выгодной позиции, обратное для невыгодной. Часто сочетается с опорой на авторитет (цитируемого лица) и/или эффектом всеобщей поддержки (цитируемых лиц много, их положение выгодно – например, по определенной теме с вами соглашаются соперники).

Выводы

Считаем, что поставленные во введении задачи исследования выполнены, и разработанная классификация (на наш взгляд) обладает рядом преимуществ перед существующими. Так, ни один из использованных источников не раскрывает с такой же полнотой приведенные выше методы, что легче всего видеть на примере методов, затрагивающих работу с фактами и доказательной базой (пункты №6-8 в классификации выше), и методе опоры на цитаты (последний пункт).

Ответим также на возможный вопрос о том, почему часть методов, выделяемая в других работах, здесь не приводится. Объем формата статьи ограничен, потому каждый такой случай разбирать не станем. Почти во всех случаях такие методы не включены в классификацию, так как нам представляется, что они являются подвидом какого-либо из методов выше. Так, например, часто выделяемый метод «сияющих обобщений» описывает позитивно нагруженные повторяющиеся конструкции (метод №8 выше); метод «tu quoque» («посмотри на себя») обычно отвлекает и переводит внимание с невыгодного факта (манипуляция контекстом, метод №2 выше); и т.д. Вторая причина – метод неприменим или неэффективен в рамках конкретной текстовой публикации (нужен ряд публикаций, или он требует аудиовизуального формата, и т.п.).

Разработанная классификация может использоваться как отправная точка для дальнейшей доработки и актуализации, включения в более общие классификации, а также для широкого спектра задач профильных исследователей: например, сравнительного анализа публикаций разных субъектов ИВ или оценки эффективности отдельных методов.

Список источников

1. Chernyavskiy A. [и др.]. ZenPropaganda: A Comprehensive Study on Identifying Propaganda Techniques in Russian Coronavirus-Related Media // Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024). 2024. № 1548. С. 17795 – 17807.
2. Da San Martino G. [и др.]. SemEval-2020 Task 11: Detection of Propaganda Techniques in News Articles // Proceedings of the Fourteenth Workshop on Semantic Evaluation. 2020. С. 1377 – 1414.

3. Levitskaya A., Fedorov A. Typology and Mechanisms of Media Manipulation // International Journal of Media and Information Literacy. 2020. № 1. С. 69 – 78.
4. Statista. New York Times digital subscribers by type. Статистика по цифровым подписчикам New York Times по типам // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1424757/new-york-times-digital-subscribers-by-type> (дата обращения: 27.11.2025).
5. Астаркин А.С. Приемы и средства ведения информационной войны в СМИ // Коммуникология: электронный научный журнал. 2020. № 1. С. 71 – 79.
6. Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212 – 229.
7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000. 864 с.
8. Ковалев А.А. Пропаганда как ведущий метод когнитивной войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 176 – 184.
9. Мухин О.В. Информационные войны в современной российской прессе (на примере вооруженных конфликтов в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине) // Воронежский государственный университет. 2017. 160 с.
10. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика: учебное пособие для вузов. 1-е изд. Москва: Горячая линия-Телеком, 2006. 352 с.
11. Приходько М.В. О коммуникативных стратегиях информационных войн современности // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 117 – 125.
12. Салиева Л.К. Художественная литература и пропаганда как прием: точки схождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (793). С. 211 – 221.
13. Сороченко В.А. Энциклопедия методов пропаганды. 1-е изд. М.: Дрофа, 2002. 41 с.
14. Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность: учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. 126 с.
15. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн: учебное пособие для студентов вузов. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 128 с.
16. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет: КДУ, 2009. 232 с.

References

1. Chernyavskiy A. [et al.]. ZenPropaganda: A Comprehensive Study on Identifying Propaganda Techniques in Russian Coronavirus-Related Media. Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024). 2024. No. 1548. P. 17795 – 17807.
2. Da San Martino G. [et al.]. SemEval-2020 Task 11: Detection of Propaganda Techniques in News Arts. Proceedings of the Fourteenth Workshop on Semantic Evaluation. 2020. P. 1377 – 1414.
3. Levitskaya A., Fedorov A. Typology and Mechanisms of Media Manipulation. International Journal of Media and Information Literacy. 2020. No. 1. P. 69 – 78.
4. Statista. New York Times digital subscribers by type. Statistics on New York Times digital subscribers by type. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1424757/new-york-times-digital-subscribers-by-type> (accessed: 27.11.2025).
5. Astarkin A.S. Techniques and means of waging information warfare in the media. Communicology: electronic scientific journal. 2020. No. 1. P. 71 – 79.
6. Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Propaganda as a Method of Influencing Public Consciousness: General Theoretical Aspect. NSUEM Bulletin. 2020. No. 4. P. 212 – 229.
7. Kara-Murza S.G. Manipulation of Consciousness. Moscow: Eksmo, 2000. 864 p.
8. Kovalev A.A. Propaganda as a Leading Method of Cognitive Warfare. State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2023. No. 4. P. 176–184.
9. Mukhin O.V. Information Wars in the Contemporary Russian Press (Based on Armed Conflicts in Afghanistan, Iraq, Libya, Syria, and Ukraine). Voronezh State University. 2017. 160 p.
10. Panarin I.N. Information Warfare, PR, and World Politics: A Textbook for Universities. 1st ed. Moscow: Goryachaya Liniya-Telecom, 2006. 352 p.
11. Prikhodko M.V. On Communication Strategies of Modern Information Wars. Political Linguistics. 2021. No. 3 (87). P. 117 – 125.

12. Salieva, L.K. Fiction and Propaganda as a Technique: Convergence Points. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. No. 4 (793). P. 211 – 221.
13. Sorochenko V.A. *Encyclopedia of Propaganda Methods*. 1st ed. Moscow: Drofa, 2002. 41 p.
14. Suleimanova Sh.S., Nazarova E.A. *Information Wars: History and Modernity: A Textbook*. Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium", 2017. 126 p.
15. Viren G. *Modern Media: Techniques of Information Warfare: A Textbook for University Students*. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2017. 128 p.
16. Danilova A.A. *Manipulation of Words in the Mass Media*. M.: Dobrosvet: KDU, 2009. 232 p.

Информация об авторах

Бараненко А.П., кафедра журналистики и медиатехнологий СМИ, институт медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, bar1998@yandex.ru

© Бараненко А.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)

УДК 811.11-112

¹ Климкина Е.А., ² Гильфанова Г.Т.,
³ Садриева Г.А.

¹ Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского
² Набережночелнинский институт (филиал), Казанский (Приволжский) федеральный университет
³ Набережночелнинский государственный педагогический университет

Дискурсивные маркеры как репрезентанты категорической достоверности в диалогической коммуникации

Аннотация: в данной статье обсуждаются модальные наречия категорической достоверности, способные выполнять дискурсивную функцию при вербальном взаимодействии. Цель работы заключается в анализе дискурсивных маркеров как репрезентантов категорической достоверности в диалогической коммуникации на материале художественных текстов немецкого языка. К основным задачам исследования можно отнести: 1) уточнение понятия дискурса и дискурсивных слов; 2) определение инвентаря дискурсивных маркеров, репрезентирующих категорическую достоверность в немецком языке; 3) выявление и описание ключевых маркеров на основе частотности их употребления в дискурсах различных типов; 4) выявление полифункциональной природы анализируемых дискурсивных маркеров. Центральное место в исследовании занимает дискурсивный маркер *wirklich*, который рассматривается как ключевое слово, в силу высокой частотности употребления в разных дискурсах. В меньшей степени употребляются дискурсивные маркеры *bestimmt* и *tatsächlich*. Анализ материала продемонстрировал возможность использования дискурсивных маркеров с персуазивной семантикой в разных типах дискурса: бытовом конфликтном, медицинском, административном, дружеском дискурсах, а также в дискурсе продаж. Помимо актуализации значения категорической уверенности в достоверности изучаемые дискурсивные маркеры используются для акцентирования внимания собеседника на сообщении и тем самым проявляют полифункциональность. Полученные результаты пополняют наши знания о дискурсивных маркерах и могут использоваться в теоретических курсах по анализу дискурса, а также в практике преподавания немецкого языка.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный маркер, полифункциональность, категорическая достоверность, немецкий язык

Для цитирования: Климкина Е.А., Гильфанова Г.Т., Садриева Г.А. Дискурсивные маркеры как репрезентанты категорической достоверности в диалогической коммуникации // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 204 – 209.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Klimakina E.A., ² Gilfanova G.T.,
³ Sadrieva G.A.

¹ K.G. Razumovsky Moscow State University of
Technologies and Management
² Naberezhnye Chelny Institute (Branch) of Kazan
(Volga Region) Federal University
³ Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Discursive markers as representatives of categorical certainty in dialogic communication

Abstract: *this article discusses modal adverbs of categorical certainty that can perform a discursive function in verbal interaction. The purpose of the work is to analyze discursive markers as representatives of categorical certainty in dialogic communication based on the material of literary texts of the German language. The main objectives of the study include: 1) clarification of the concept of discourse and discursive words; 2) definition of the inventory of discursive markers representing categorical certainty in the German language; 3) identification and description of key markers based on the frequency of their use in various types of discourses; 4) identification of the multifunctional nature of the analyzed discursive markers. The central place in the study is occupied by the discursive marker *wirklich*, which is considered as a keyword due to the high frequency of use in different discourses. To a lesser extent, the discursive markers *bestimmt* and *tatsächlich* are used. The analysis of the material demonstrated the possibility of using discursive markers with invasive semantics in different types of discourse: domestic conflict, medical, administrative, friendly discourses, as well as in sales discourse. In addition to actualizing the meaning of categorical confidence in authenticity, the discursive markers studied are used to focus the interlocutor's attention on the message and thus exhibit polyfunctionality. The results obtained add to our knowledge of discursive markers and can be used in theoretical courses on discourse analysis, as well as in the practice of teaching German.*

Keywords: *discourse, discursive marker, polyfunctionality, categorical certainty, the German language*

For citation: Klimakina E.A., Gilfanova G.T., Sadrieva G.A. Discursive markers as representatives of categorical certainty in dialogic communication. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (1). P. 204 – 209.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

Современная лингвистика, истоки которой берут свое начало в далеком прошлом, отличается многогранным процессом исторического развития. В становлении лингвистики выделяется поэтапная смена нескольких научных парадигм. На рубеже XX-XXI веков происходит формирование новой антропоцентрической парадигмы, которая связана с феноменом самого человека. В предшествующих лингвистических парадигмах, сравнительно-исторической и системно-структурной, при изучении языка человек, его мышление и речевое поведение в процессе вербального общения игнорировались. Этот пробел стремятся восполнить в настоящее время изыскания в рамках когнитивной лингвистики и лингвистической прагматики. Последнее направление и стало тем пространством, в котором анализируются понятия, конституирующие тему нашей статьи. Актуальность исследования обусловлена обращением к проблемам, связанным с изучением языковых единиц в аспекте их связи с говорящей личностью.

В изучении дискурса наблюдается постепенное смещение вектора исследований в сторону изучения, наряду с семантическим составляющим, различных аспектов его организации, в том числе и с точки зрения участия дискурсивных маркеров в разных типах дискурса. В настоящей статье обсуждаются основные дискурсивные маркеры как репрезентанты категорической достоверности в диалогической коммуникации на материале художественных текстов немецкого языка.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили тексты диалогической коммуникации, воспроизведенные посредством художественных средств в прозаических произведениях немецкоязычных авторов. При проведении исследования использовались такие традиционные методы, как теоретическое обобщение, описательный метод, метод сплошной выборки и контекстуальный анализ, который позволил определить семантический потенциал дискурсивных маркеров. Особое место при исследовании занял дискурсивный анализ, ко-

торый способствовал пониманию коммуникативно-прагматической природы дискурсивных маркеров в рамках диалогической коммуникации.

Результаты и обсуждения

Говоря о дискурсивных маркерах, о которых идет речь в настоящей статье, следует в первую очередь определиться с самим понятием дискурса, многоплановый характер которого привел к появлению множества трактовок вследствие востребованности в разных сферах научного познания: в лингвистике, литературоведении, социолингвистике, философии, психолингвистике и т.д. Старшее поколение отечественных лингвистов при определении дискурса исходило из противопоставления письменного текста устному дискурсу, связывая дискурс исключительно с устной формой речевой деятельности [2, 5]. Между тем такой упрощенный подход, имеющий отношение лишь к каналу передачи информации, не раскрывает в полной мере уникальность дискурса. Понятие дискурса представляет собой более сложное и многогранное коммуникативное явление, которое учитывает помимо лингвистических также и экстралингвистические факторы. Американский лингвист Д. Шиффрин рассматривает три подхода к трактовке дискурса в свете лингвистической теории дискурса. Во-первых, дискурс определяется как язык, возвышающийся над уровнем предложения или его части. Во-вторых, дискурс рассматривается как язык в использовании, который демонстрирует в сущности взаимосвязь функций дискурса и языка. В-третьих, дискурс понимается как высказывание в употреблении. В определении дискурса автором прослеживается его стремление к фокусированию внимания на коммуникативной и речевой направленности [12, с. 23].

В лингвистике дискурс изучается с точки зрения коммуникативного процесса как продукт речемыслительной деятельности в контексте с экстралингвистическими факторами. Социальная составляющая и интеракциональность как выражение отношений между субъектами речевой интеракции считаются ведущими условиями организации дискурса [7, с. 29]. Думается, что вполне можно согласиться с мнением О.М. Мокшиной, которая вслед за Н.Д. Арутюновой, понимает под дискурсом погруженную в реальные условия жизни речь [4, с. 228].

Говоря далее о термине «дискурсивный маркер» (ДМ), можно обнаружить как точки соприкосновения, так расхождения в его определении. Одни исследователи обращают внимание главным образом на способность ДМ структурировать дискурс. Так, С. Шефер отмечает, что ДМ являются слова или выражения, которые помогают связывать высказывания в более крупные фрагменты дискурса [13]. Другие ученые отмечают помимо организации дискурса также семантическую и прагматическую составляющую ДМ. Такие авторы, как К.М. Шилихина и А.В. Малюгина под ДМ понимают компоненты дискурса, обеспечивающие связность дискурса и представляющие собой некие импульсы, передающие смыслы [11, с. 65]. По мнению О.А. Прохоровой, ДМ, с одной стороны, принадлежат к языковому компоненту структурирования дискурса, а с другой – являются маркерами интенций коммуникантов [6, с. 143]. Подход к пониманию дискурса как к упорядоченному тексту в контексте его взаимосвязи с прагматическими факторами позволяет нам рассматривать дискурсивные маркеры в качестве коммуникативных показателей, способствующих пониманию и интерпретации намерений адресанта в определенном дискурсе.

ДМ приписывают огромное множество различных функций, среди которых выделяются: текстообразующая [3]; связующая [8]; прагматическая функции [1]; функция подчеркивания важности и значимости нового [8] и ряд других функций. Одной из доминирующих функций является способность ДМ выполнять эпистемическую функцию, которая заключается в экспликации оценки достоверности сообщения. Иначе говоря, речь идет о такой ключевой функции ДМ, как актуализация субъективной оценки адресанта по отношению к содержанию речи [9, с. 9]. Несмотря на некоторые разногласия в понимании, достоверность представляет собой в лингвистике один из семантических подтипов категории модальности, основное предназначение которой заключается в субъективной квалификации сообщения в аспекте определения его соответствия объективной реальности с позиции адресанта в зависимости от различных параметров информации [10, с. 87]. В рамках эпистемической модальности выделяются такие ее подвиды, как категорическая (персуазивные значения) и проблематическая (презумптивные значения) достоверности.

Достоверность, будучи скалярной категорией, способна градуировать значение на шкале оценки, на которой выделяются зоны ее категорически высокой и проблематической степени. Тем самым адресант имеет возможность передавать разный уровень своей уверенности в истинности сообщения. В этом проявляется синкретизм языковых единиц плана выражения категории модальной достоверности. По нашим наблюдениям, к средствам выражения высокой степени уверенности в достоверности сообщения в диалогической коммуникации можно отнести наречия: *bestimmt, freilich, gewiss, keinesfalls, keineswegs, selbstverständlich, tatsächlich, unbedingt, wahrhaftig, wirklich, zweifellos, zweifelsfrei, zweifelsohne* и другие.

Ключевыми словами, репрезентирующими категорическую достоверность с передачей высокой степени уверенности адресанта в сообщении в диалогической коммуникации, оказываются ДМ *wirklich*, в меньшей степени ДМ *bestimmt* и *tatsächlich* как наиболее частотные среди этой группы. Другие маркеры можно отнести к периферии средств выражения персуазивного значения с учетом их низкой частотности.

Как показали наблюдения, ДМ *wirklich* употребляется в разных типах дискурса. Рассмотрим ситуацию деструктивного взаимодействия кормилицы Жанны Бюсси и отца Терьера в контексте бытового конфликтного дискурса из романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы», когда женщина отказывается ухаживать за младенцем, аргументируя свой отказ страхами из-за отсутствия присущего всем детям запаха у ребенка. Во время перепалки отец Терьер дважды эмоционально с интервалом использует в своей ответной реплике ДМ *wirklich*, который демонстрирует высокую степень уверенности конфликтанта. Причем в обоих случаях при употреблении ДМ он повторяет предыдущее высказывание. Такое употребление может сигнализировать собеседнику о нежелании идти на уступки: »Ich verstehe nicht, was du willst. Ich verstehe *wirklich* nicht, worauf du hinauswillst.«; »Ich rieche nichts Absonderliches«, sagte er ... »*wirklich* nichts Absonderliches.« (P. Süskind „Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders“).

ДМ *wirklich* встречается и при конструктивном взаимодействии, например, врача с близкими больного в рамках медицинского дискурса. Коммуникативная цель врача, который занимает активную позицию в паре «врач – родственник/окружение пациента», заключается в сообщении диагноза больного. Дискурсивная стратегия состоит в убеждении собеседника в непредсказуемости течения болезни, которую он сам наблюдает как врач: »Ich brauche Ihnen wohl nicht zu sagen«, fuhr Jaffé fort, »daß diese Krankheit ganz unberechenbar ist. Vor einem Jahr schien sie zu stehen, die Verkapselung war eingetreten, und es war anzunehmen, daß sie geschlossen blieb. Ebenso, wie sie jetzt wieder aufgebrochen ist, kann sie überraschend wieder zum Stillstand kommen. Ich sage das nicht so daher – es ist *wirklich* so. Ich selbst habe merkwürdige Heilungen erlebt.« (E.M. Remarque „Drei Kameraden“).

ДМ *wirklich* применяется также в дискурсе продаж в рамках маркетингового дискурса: »Herr Blumenthal«, erwiderte ich, »haben Sie heutzutage schon mal jemanden getroffen, der auf einen Preis was anders antwortet?« ... »Stimmt. Aber der Wagen ist *wirklich* zu teuer.« (E.M. Remarque „Drei Kameraden“).

Обратим внимание, что в диалогической коммуникации ДМ *wirklich* зачастую используется при повторе высказывания: »Kolossal, *wirklich* kolossal ... « (B. Schlink “Liebesfluchten”); »Ich freue mich schrecklich«, sagte sie, »*wirklich* schrecklich ... « (H. Böll „Billard um halbzehn“); »Danke«, erwiderte Guido frostig, »danke *wirklich!*« (E.M. Remarque „Drei Kameraden“). Для адресанта сообщаемая информация оказывается настолько значимой, что он пытается обратить на нее повышенное внимание собеседника. Безусловно, можно говорить о полифункциональной природе ДМ, которая заключается, с одной стороны в маркировке категориически высокого уровня достоверности высказывания, а с другой – в акцентировании внимания адресата.

В меньшей степени в диалогической коммуникации используется ДМ *bestimmt*. Рассмотрим диалог в условиях административного дискурса, основанного на субординативном отношении пары «руководитель – подчиненный», между парижским парфюмером Джузеппе Бальдини и его подмастерьем Шенье из упомянутого романа. Они обсуждают духи, которые созданы, по их мнению, бездарным тупицей. В ходе беседы его подмастерье замечает, что эти духи не идут ни в какое сравнение с продукцией его хозяина. Его высказывание содержит заведомо искаженную информацию, поскольку именно Бальдини не обладает креативными потенциалом в парфюмерии, несмотря на хорошее знание технологии производства ароматов. При этом Шенье использует ДМ *bestimmt* для передачи своей уверенности в достоверности ложного высказывания и акцентирования внимания хозяина. Несомненно, он преследует меркантильные цели, угодливо восхваляя посредственные способности своего хозяина: Es kann sich *bestimmt* in keiner Weise messen mit dem, welches Sie komponieren werden, Herr Baldini (P. Süskind „Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders“).

Более низкой частотностью употребления в диалогической коммуникации характеризуется ДМ *tatsächlich*. Рассмотрим речевое взаимодействие в ходе дружеского дискурса между двумя участниками, находящимися в паритетных отношениях. Речь идет о лжи во благо, адресованной третьему лицу, которая привела в дальнейшем в замешательство одного из собеседников при обсуждении данной ситуации благодаря искренности лжеца. В ответной реплике адресанту приходится оправдываться и употребить ДМ *tatsächlich* для усиления уверенности собеседника в сообщаемом; он реализует функцию выделения части высказывания с целью акцентирования внимания адресата: »Du lügst gut«, sagte Margarete zu Henner. »So gut, daß mir unheimlich wird, selbst wenn du nur für gute Zwecke lügen solltest. Lügst du nur für gute Zwecke?« ... »Ich habe so gut gelogen, weil ich damals *tatsächlich* überlegt habe, zur Hütte zu fahren ... (B. Schlink „Das Wochenende“). Дискурсивная стратегия направлена на убеждение адресата в достоверности сообщения.

В художественном тексте ДМ категорической достоверности способствуют уменьшению эмоционального дефицита в силу тесной связи категоричности и эмоциональности и тем самым приближают диалогическое взаимодействие персонажей к реальным условиям жизни.

Выводы

Резюмируя результаты проведенного исследования, можно констатировать, что уточнение понятий дискурса и дискурсивных слов позволило выделить наиболее частотные ДМ с персуазивным значением в диалогической коммуникации на материале художественных текстов немецкого языка. К ключевым ДМ, актуализирующим значение категорической достоверности, можно отнести ДМ *wirklich*, в меньшей степени ДМ *bestimmt* и *tatsächlich*, полифункциональная сущность которых заключается, с одной стороны, в экспликации категорической уверенности коммуниканта, а с другой – в акцентировании внимания речевого партнера. Как показали наши наблюдения, ДМ категорической достоверности используются в различных типах дискурса как при конструктивном, так и деструктивном коммуникативном взаимодействии. ДМ в диалогической речи художественного произведения направлены на ее дискурсивизацию и приближение к реальным условиям вербального общения.

Список источников

1. Белова В.М., Белов В.А. Прагматические функции дискурсивных слов в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 46 – 57. DOI: 10.17223/15617793/474/6.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Прогресс, 1981. 139 с.
3. Данилевская В.А. Textoобразующий потенциал дискурсивных маркеров в научной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Вып. 4. С. 1265 – 1272.
4. Мокшенинова О.М. Дискурсивные практики как знак репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 227 – 232.
5. Москальская О.И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): учебное пособие. Москва: Высшая школа, 1981. 183 с.
6. Прохорова О.А. Дискурсивные маркеры в структуре дискурса медитации // Modern Studies of Social Issues. 2022. Vol. 14. № 4. С. 141 – 154.
7. Сапиева С.К., Малова Н.Е., Шхумишхова А.Р. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4. С. 27 – 35.
8. Сереброва О.Ф. Немецкие дискурсивные маркеры в текстах различных функциональных стилей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Вып. 7. С. 2166 – 2172.
9. Тюкина Л.А., Бабаян В.Н. Дискурсивные маркеры юмора в анекдотах: лингвопрагматический анализ (на материале немецко- и русскоязычных анекдотов) // Современный ученый. 2025. № 11. С. 7 – 14.
10. Шакирова Р.Д., Щербакова И.А. Лингвистическое понимание достоверности (на материале английского языка) // Современный ученый. 2023. № 2. С. 85 – 89.
11. Шилихина К.М., Малюгина А.В. Дискурсивные эмфатические маркеры и особенности их функционирования в средневековом английском художественном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 64 – 75.
12. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Basil Blackwell, 1994. 470 p.
13. Schaefer S. SO, Discourse Marker: Invariance, Positioning and Prosody // Anglophonia. 2025. 39. URL: <http://journals.openedition.org/anglophonia/6370>; DOI: <https://doi.org/10.4000/15bw1> (дата обращения: 21.11.2025).

References

1. Belova V.M., Belov V.A. Pragmatic functions of discursive words in online communication. Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 474. P. 46 – 57. DOI: 10.17223/15617793/474/6.
2. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. Moscow: Progress, 1981. 139 p.
3. Danilevskaya V.A. Text-forming potential of discursive markers in scientific communication. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. Iss. 4. P. 1265 – 1272.
4. Moksheninova O.M. Discursive Practices as a Sign of Knowledge Representation in the Russian-Church Slavonic Linguistic Personality. Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 11. P. 227 – 232.
5. Moskal'skaya O.I. Text Grammar (a manual on German grammar for institutes and departments of foreign languages): a study guide. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981. 183 p.

6. Prokhorova O.A. Discursive Markers in the Structure of Meditation Discourse. *Modern Studies of Social Issues*. 2022. Vol. 14. No. 4. P. 141 – 154.
7. Sapieva S.K., Malova N.E., Shkhumishkhova A.R. Literary and artistic discourse and its interpretation in modern linguistics. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy*. 2021. No. 4. P. 27 – 35.
8. Serebrova O.F. German discursive markers in texts of various functional styles. *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023. Vol. 16. Iss. 7. P. 2166 – 2172.
9. Tyukina L.A., Babayan V.N. Discursive markers of humor in jokes: a lingua-pragmatic analysis (based on German- and Russian-language jokes). *Modern Scientist*. 2025. No. 11. P. 7 – 14.
10. Shakirova R.D., Shcherbakova I.A. Linguistic understanding of credibility (based on the English language). *Modern Scientist*. 2023. No. 2. P. 85 – 89.
11. Shilihina K.M., Malyugina A.V. Discursive emphatic markers and features of their functioning in medieval English fiction discourse. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 1. P. 64 – 75.
12. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford: Basil Blackwell, 1994. 470 p.
13. Schaefer S.S.O., Discourse Marker: Invariance, Positioning and Prosody. *Anglophonia*. 2025. 39. URL: <http://journals.openedition.org/anglophonia/6370>; DOI: <https://doi.org/10.4000/15bw1> (accessed: 21.11.2025).

Информация об авторах

Климакина Е.А., кандидат филологических наук, доцент, Институт Социально-гуманитарных технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

Гильфанова Г.Т., кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский институт (филиал), Казанский (Приволжский) федеральный университет

Садриева Г.А., кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 1 / 2026, Vol. 6, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.776.3

¹ Шестов Н.А.

¹ ИМПЭ им Грибоедова

Игровые стримеры: новые лидеры мнений, формирующие информационное пространство XXI века

Аннотация: статья посвящена анализу игровых стримеров как новых лидеров мнений в цифровом медиaprостранстве XXI века. На основе комплексного изучения статистических данных рынка игрового стриминга и медиатекстов выявлены ключевые тенденции развития института стриминга, включая перераспределение платформенного ландшафта и эволюцию форматов рекламных интеграций. Установлено, что рекламодатели всё чаще отдают предпочтение микро- и нано-стримерам (10-100 тыс. подписчиков) благодаря высокому показателю вовлечённости и построению доверительных отношений с аудиторией. Проведён дискурс-анализ языковых и коммуникативных стратегий стримеров, включая использование сленга, стратегию имитации диал. Показано, что стрим представляет собой гибридный жанр, синтезирующий элементы спортивного репортажа, ток-шоу, приватной беседы и рекламы. Влияние стримеров обусловлено не только медийным охватом, но и специфическими языковыми практиками, формирующими аутентичное коммуникативное пространство.

Ключевые слова: игровые стримеры, лидеры мнений, инфлюенсер-маркетинг, дискурс-анализ, лингвопрагматика, гибридный жанр

Для цитирования: Шестов Н.А. Игровые стримеры: новые лидеры мнений, формирующие информационное пространство XXI века // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 1. С. 210 – 216.

Поступила в редакцию: 05 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 16 января 2026 г.

¹ Shestov N.A.

¹ Griboyedov Institute of World Economy and International Relations

Game streamers: new opinion leaders shaping the mediaspace of the 21st century

Abstract: this article analyzes game streamers as emerging opinion leaders in the 21st-century digital media landscape. A comprehensive study of game streaming market statistics and media texts reveals key trends in the development of streaming, including the redistribution of the platform landscape and the evolution of advertising integration formats. It is established that advertisers increasingly prefer micro- and nano-streamers (10,000-100,000 subscribers) due to their high engagement rates and the building of trusting relationships with their audience. A discourse analysis of streamers' linguistic and communicative strategies is conducted, including the use of slang and dial-up imitation. It is shown that streaming is a hybrid genre, synthesizing elements of sports reporting, talk shows, private conversations, and advertising. Streamers' influence is determined not only by their media reach but also by specific linguistic practices that shape an authentic communicative space.

Keywords: gaming streamers, opinion leaders, influencer marketing, discourse analysis, linguopragmatics, hybrid genre

For citation: Shestov N.A. Game streamers: new opinion leaders shaping the mediaspace of the 21st century. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (1). P. 210 – 216.

The article was submitted: December 05, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: January 16, 2026.

Введение

В последнее десятилетие феномен стриминга видеоигр прошёл путь от некоммерческого хобби энтузиастов до полноценного сегмента глобальной медиаиндустрии. Прямые трансляции игрового процесса стали не только формой досуга, но и важным каналом формирования цифровой идентичности, социализации и потребления медиаконтента для миллионов зрителей по всему миру, прежде всего представителей новых цифровых поколений Gen Z и Alpha [10]. Для этих аудиторий стримеры всё чаще заменяют традиционных журналистов, критиков и телеведущих в качестве источников информации, рекомендаций и интерпретации событий игрового рынка [3, 4, 8, 9]. Сам процесс стриминга представляет собой специфическое коммуникативное пространство, в котором формируются новые языковые практики, гибридные речевые жанры и модели коммуникации.

Актуальность исследования игровых стримеров как новых лидеров мнений обусловлена несколькими факторами. Во-первых, наблюдается стремительный рост самого рынка стриминговых платформ и сопутствующих сервисов монетизации: по оценкам аналитических компаний, объём глобального рынка игрового стриминга в 2025 году достиг примерно 8,4 млрд долларов США с прогнозом увеличения до 13,8 млрд к 2030 году. Во-вторых, ведущие игровые издатели и разработчики всё активнее интегрируют стримеров в собственные маркетинговые стратегии, делая ставку на инфлюенс-маркетинг. В-третьих, происходит качественное изменение статуса самого стримера: он перестаёт быть только «игроком-комментатором» и превращается в медиаперсону с устойчивым символическим капиталом, способную задавать повестку и влиять на потребительский выбор аудитории [3, 5, 7, 8-13].

Постановка проблемы настоящего исследования связана с недостаточной теоретической и эмпирической проработанностью феномена игровых стримеров в рамках филологических и медиакоммуникационных исследований. Несмотря на наличие работ о «новых медиа», блогосфере и цифровой журналистике, специфическая конфигурация стриминга как кросс-форматного жанра (игра, комментарии, перформанс, чат-коммуникация, реклама) недостаточно изучена. Кроме того, в исследованиях зарубежных и отечественных ученых в настоящий момент в недостаточной степени представлены систематические данные о том, как именно и в какой степени игровые компании используют стримеров в рекламных кампаниях, каким категориям стримеров отдают предпочтение и какие факторы определяют эффективность таких интеграций.

Таким образом, цель данной статьи - комплексно рассмотреть феномен игровых стримеров как новых лидеров мнений, формирующих информационное пространство XXI века, через призму их взаимодействия с индустрией видеоигр. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. анализ темпов развития института стриминга и динамику ключевых платформ;
2. описание частоты и характера использования стримеров в рекламных активностях игровых компаний;
3. выявление основных критериев отбора брендами тех или иных инфлюенсеров;
4. анализ языковых и дискурсивных стратегий, которыми стримеры строят доверие и реализуют воздействие на аудиторию;
5. описание жанровой специфики стрима и его гибридной природы как синтеза устной речи, письменной коммуникации, визуальности и интерактивности.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования является комплексный анализ статистических данных и медиатекстов с комбинацией методов лингвистического анализа, позволяющие выявить языковые средства, дискурсивные стратегии и жанровые особенности стриминга как специфического коммуникативного феномена.

В качестве эмпирической базы использовались отчёты аналитических агентств (Mordor Intelligence, Streams Charts), посвящённые рынку игрового стриминга и инфлюенсер-маркетинга в игровой индустрии за 2020-2025 годы, открытые данные и индустриальные обзоры, отражающие структуру рекламных бюджетов крупных игровых издателей и независимых разработчиков, кейсы рекламных кампаний и спонсорских интеграций на ведущих стриминговых платформах Twitch, YouTube Live и TikTok Live [7, 11, 13], а также

примеры стриминговых текстов, включающие записанные трансляции, комментарии, использованные для дискурс-анализа и выявления языковых паттернов.

Методы исследования:

1. Сравнительный анализ. Проводится сопоставление динамики основных стриминговых платформ по доле просмотров и вовлечённости аудитории, а также сравнительный анализ разных типов инфлюенсеров по эффективности рекламных интеграций.

2. Классификация стримеров по объёму аудитории. Используется распространённая в маркетинговых исследованиях типология по количеству подписчиков на каналах: нано-инфлюенсеры (до 10 тыс.), микро- (10–100 тыс.), макро- (100 тыс.–1 млн), мега-инфлюенсеры (свыше 1 млн). Эта классификация позволяет связать количество подписчиков и среднюю вовлечённость с предпочтениями рекламодателей.

3. Контент-анализ рекламных интеграций. Из выборки трансляций выделяются форматы рекламного взаимодействия (спонсируемые стримы, продуктовые интеграции, дропсы, брендированные события) и оценивается степень их нативности, то есть интегрированности в естественный ход стрима.

4. Дискурс-анализ: на основе методологии, разработанной в работах по интернет-лингвистике и анализу цифровой коммуникации, проводится анализ языковых особенностей стримерской речи.

Результаты и обсуждения

Важным индикатором трансформации рынка становится перераспределение долей между ключевыми платформами. Если ранее Twitch фактически монополизировал нишу игрового стриминга, то к 2024–2025 годам наблюдается укрепление позиций YouTube Live и особенно TikTok Live, который демонстрирует стремительный рост по числу часов просмотра и количеству активных стримеров. По данным Streams Charts за первый квартал 2025 года, на YouTube Live приходится около 50% глобальных часов просмотра, TikTok Live удерживает примерно 27%, Twitch – порядка 16%, тогда как доля прочих платформ (Kick, AfreecaTV и т.д.) не превышает 7%. Эти цифры отражают общую тенденцию мультиплатформенности, когда стримеры распределяют активность между несколькими сервисами для расширения охвата и диверсификации источника доходов [2, 11].

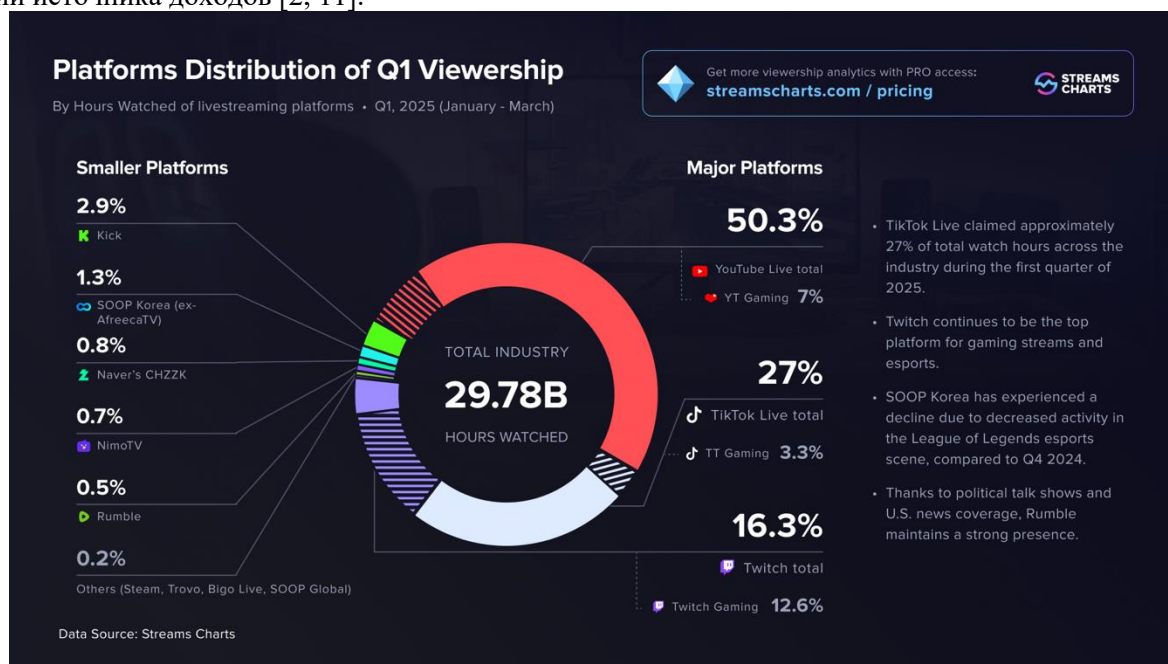

Рис. 1. Распределение доли просмотров по ведущим стриминговым платформам за 1 квартал 2025 года [11].

Fig. 1. Distribution of the share of views across leading streaming platforms for the first quarter of 2025 [11].

С точки зрения медиакommunikаций такой рост означает рост влияния стримеров как лидеров общественного мнения (ЛОМ). Чем шире аудитория и глубже регулярность потребления контента, тем выше вероятность того, что именно в данной среде сформируются первичные интерпретации, общественные дискуссии вокруг индустрии и даже локальные повестки, что позволяет влиять на рынок видеоигровой индустрии [3, 4].

Жанровая природа стрима характеризуется гибридностью, возникающей в реальном времени за счёт взаимоинтеграции разнородных элементов: нарратива спортивного репортажа, интерактивности ток-шоу,

доверительности приватной беседы и персуазивности рекламного сообщения. Эта синтетичность позволяет стримеру гибко переключаться между ролями комментатора, ведущего, собеседника и бренд-амбассадора в рамках единого коммуникативного акта и является жанрообразующей особенностью стрима, определяющей его коммуникативный потенциал. Аудитория ценит стримеров именно за способность балансировать между этими элементами, создавая контент, который одновременно информативен, развлекателен, эмоционален и влияет на потребительский выбор.

Кроме того, стрим демонстрирует синтез устной и письменной речи. В то время как стример говорит, его аудитория общается в чате в письменной форме, однако в момент коммуникативного акта письменная речь приобретает черты устности (краткость, спонтанность, использование эмодзи вместо для эмоциональной окраски сообщения). Эта гибридность создаёт новый тип компьютерно-опосредованного дискурса.

В ряде сегментов видеоигр (онлайн-шутеры, мобильные игры, киберспортивные дисциплины) стримеры рассматриваются как основной канал привлечения и удержания аудитории, сопоставимый по эффективности с таргетированной рекламой в социальных сетях. Согласно финансовым отчетам, примерно четверть брендов (около 26%) выделяют на инфлюенсер-маркетинг свыше 40% общего маркетингового бюджета, сокращая при этом расходы на телевидение, наружную рекламу и баннерные форматы. Для молодых аудиторий, слабо ориентирующихся на традиционные медиа, именно нативные интеграции у любимых стримеров становятся ключевым источником информации о новых релизах, внутриигровых событиях и брендированных коллаборациях, помогая сформировать решение о приобретении продукции [13].

Форматы использования стримеров в рекламных целях значительно эволюционировали по сравнению с началом 2010-х годов. На смену простым предзаписанным роликам и баннерам пришли спонсируемые трансляции выхода игры с эксклюзивным доступом к контенту, длинные Let's Play-серии, в которых рекламный компонент совмещён с развлекательным и образовательным, интеграции с механикой «дропсов» (от англ. «drop» – бросать, кидать), когда в качестве мотивации зрители получают внутриигровые бонусы за просмотр стрима, брендированные челленджи и коллаборации с киберспортивными организациями.

С точки зрения медиакмпании эти форматы демонстрируют высокий уровень нативности: рекламное сообщение встраивается в саму структуру медиатекста стрима, в результате чего стирается граница между «контентом» и «рекламой», усиливая доверие к транслируемым рекомендациям.

Существенным результатом анализа является выявление сдвига в предпочтениях игровых компаний с «мега-» инфлюенсеров к микро- и нано-стримерам. Если на ранних этапах становления рынка основным показателем эффективности считалось абсолютное количество подписчиков, то к 2020-м годам рекламодатели всё чаще ориентируются на показатели вовлечённости (от англ. «engagement rate») и качество связи стримера с аудиторией. Как правило, у микро-инфлюенсеров с аудиторией от 10 до 100 тысяч подписчиков средний показатель может достигать большей вовлечённости благодаря ограниченности аудитории благодаря возможности таргетированной коммуникации [6, 7].

Для игровых компаний это означает, что сотрудничество с несколькими десятками микро- или нано-стримеров окажется эффективнее и экономически выгоднее, чем одиночная интеграция у звезды с многомиллионным охватом. Микро-стример как правило выстраивает более доверительные отношения с подписчиками: он активно взаимодействует с чатом, персонализирует обращения, уделяет внимание обратной связи и тем самым формирует ощущение общности, в которой его рекомендация воспринимается скорее, как совет знакомого, чем как рекламный слоган. Кроме того, такие стримеры лучше чувствуют специфику локальных рынков и нишевых жанров, что позволяет брендам более точно таргетировать коммуникацию [3, 6, 11].

Аргументом в пользу микро- и нано-инфлюенсеров служит и сниженный репутационный риск. Крупные мега-стримеры находятся под постоянным вниманием медиа и аудитории, и любые скандалы могут мгновенно трансформироваться в кризис для связанных с ними брендов. Меньшие по размеру каналы, напротив, обеспечивают более контролируемое и гибкое поле для эксперимента с формами интеграций и стилистикой подачи. В результате многие издатели комбинируют стратегии: используют нескольких крупных лиц как «якорь» кампании, но распределяют значительную часть бюджета между широким пулом микро-стримеров, создавая эффект присутствия бренда во множестве локальных сообществ [11].

Ландшафт платформ также влияет на выбор партнёров. Рост доли YouTube Live и TikTok Live побуждает бренды ориентироваться не только на традиционную «игровую» аудиторию Twitch, но и на зрителей коротких вертикальных видео и мобильного потребления контента. Платформы различаются по алгоритмам

рекомендаций и демографическому составу пользователей, поэтому один и тот же бренд может формировать разные линейки инфлюенсеров для каждой экосистемы [11].

Анализ языковых особенностей стриминга показывает, что влияние стримеров на аудиторию обеспечивается не только медийным охватом, но и специфическими коммуникативными практиками, встроенными на уровне языка и дискурса. Так, одной из центральных характеристик стриминга является использование специализированного сленга и игровой терминологии. Термины, такие как «GG» (good game), «CLUTCH» (выигрыш в сложной ситуации), «OPed» (overpowered), «BTTV» (Better Twitch TV), становятся маркерами принадлежности к сообществу и создают атмосферу инклюзивности. Для новых пользователей в силу отсутствия фоновых знаний такая лексика может быть непрозрачной, но для постоянных зрителей она служит сигналом аутентичности и экспертизы стримера. Использование англицизмов и гейминг-терминологии создаёт «свой» язык, в котором стирается граница между стримером и аудиторией, выстраивая свое лингвокультурное пространство [14].

Следовательно, в данном контексте сленг выполняет важную функцию социального маркера, усиливающего доверие и близость между коммуникантами. Когда стример использует «правильный» язык сообщества, он демонстрирует, что является «своим», что его опыт и мнение авторитетны [1].

Также следует отметить, что стримеры активно применяют стратегию имитации диалога с аудиторией. Обращения типа «ребята», «народ», «братья и сёстры» создают иллюзию приватной беседы, несмотря на потенциально миллионную аудиторию. Это явление исследователи интернет-коммуникации называют созданием «parasocial interaction» (от англ. парасоциальных интеграций) – системы односторонних отношений, в которых зритель чувствует себя участником приватного общения.

Вопросы, направленные к пользователям в формате чат-переписки («Что вы думаете по этому поводу?», «Согласны ли вы?»), выполняют двойную функцию: с одной стороны, они стимулируют интерактивность и вовлечённость, с другой – создают ощущение, что мнение аудитории важно и учитывается стримером. Таким образом, формируется совместное конструирование дискурса, где стример и аудитория становятся соавторами медиатекста.

Выводы

Проведённое исследование подтверждает, что игровые стримеры стали неотъемлемой частью информационного пространства, выполняя роль новых лидеров мнений для молодых «цифровых» поколений. Динамичный рост индустрии и смещение внимания с платформы Twitch на мультиплатформенность показывают, что стриминг перестал быть узконаправленным увлечением и превратился в мощный канал массовой коммуникации. Уникальность этого канала заключается в формировании особой культуры «соприсутствия», где прямое общение и мгновенная реакция аудитории создают пространство для коллективного осмысления игровых и околоигровых событий.

Ответом игровой индустрии на этот феномен стала стратегическая интеграция стримеров в маркетинговые процессы. Компании вкладывают значительные средства в нативные форматы сотрудничества. Стримеры выступают одновременно как ретрансляторы и соавторы контента, чья аутентичность напрямую влияет на репутацию бренда и лояльность игроков.

Важно подчеркнуть, что влияние стримера заключается не только в цифрах охвата, но и в специфике его коммуникации. Неформальный язык, сленг, интерактивность с чатом и гибридная жанровая природа стрима (где смешиваются игра, общение и реклама) создают уникальную доверительную среду. Именно эти языковые и дискурсивные практики являются ключом к пониманию механизма их воздействия на аудиторию.

Таким образом, можно прогнозировать дальнейшее усиление роли стримеров как ключевых медиаторов между индустрией и потребителем. Параллельно с этим будет расти и научный интерес к стримингу как к сложному коммуникативному феномену, подтверждая перспективы дальнейших междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, медиатеории и социологии.

Список источников

1. Акимова О.В., Галичкина Е.Н. Игровой стрим как новая коммуникативная среда интернет-пользователей // Вестник Калмыцкого университета. 2025. № 1 (65). С. 58 – 66. DOI: 10.53315/1995-0713-2025-65-1-58-66.
2. Жильцова Д.Д. Монетизация стриминга: доход от игровых и коммерческих трансляций // Актуальные направления повышения доходности проектов креативных индустрий: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 24–25 апреля 2024 года. Москва: ООО «Русайнс», 2024. С. 42 – 45.

3. Ильченко С.Н., Турунов Д.М. Цифровая трансформация российских игровых медиа: анализ основных онлайн-платформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 655 – 668. URL: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/download/46785/25713> (дата обращения: 25.12.2025).
4. Козин Д.Н. Коммуникативные практики как инструмент формирования отношения аудитории к игровому стримеру // Молодые медиа: тезисы докладов участников I студенческой научно-практической конференции. Москва, 21 декабря 2023 года. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024. С. 89 – 93.
5. Мирошник М.А. Формирование стрима как нового медиаформата распространения информации и взаимодействия с аудиторией. Игровые и неигровые стримы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 76 – 82. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10210.
6. Dewi D.A., Kurniawan T.B. Analyzing the Impact of Social Media and Influencer Endorsements on Game Revenue using Multiple Linear Regression in the Metaverse // International Journal Research on Metaverse. 2025. Vol. 2. № 2. P. 167 – 182. URL: <https://ijrm.net/index.php/ijrm/article/download/29/25> (дата обращения: 27.12.2025).
7. El Afi F., Smail O. The Rise of Video-Game Live Streaming: Motivations and Forms of Viewer Engagement // HCI International 2021 – Posters: 23rd HCI International Conference, HCII 2021, Virtual Event, July 24-29, 2021, Proceedings, Part III / ed. C. Stephanidis et al. Cham: Springer, 2021. P. 156 – 163. DOI: 10.1007/978-3-030-78645-8_20.
8. Game Streaming Market Size, Companies & Share Analysis // Mordor Intelligence. 2025. URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/game-streaming-market> (дата обращения: 24.12.2025).
9. Haryacha P. Gaming Influencer Marketing in 2025: The Ultimate Guide / P. Haryacha // CloutBoost. 2024. URL: <https://www.cloutboost.com/blog/the-ultimate-guide-to-gaming-influencer-marketing-in-2024> (дата обращения: 25.12.2025).
10. Miloradov G. Streaming – live-content for younger generation // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сборник статей по материалам CLXXXVIII международной студенческой научно-практической конференции. 2024. № 9 (187). С. 449 – 452. URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/9\(187\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/9(187).pdf) (дата обращения: 25.12.2025).
11. Q1 2025 Global Livestreaming Landscape – TikTok Live surpassed Twitch in the streaming platforms ranking // Streams Charts. 2025. URL: <https://streamscharts.com/news/q1-2025-global-livestreaming> (дата обращения: 25.12.2025).
12. The Rise of Ad Spend in Gaming: A Booming Industry with Limitless Potential // Prado. 2025. URL: <https://www.prado.co/post/the-rise-of-ad-spend-in-gaming-a-booming-industry-with-limitless-potential> (дата обращения: 24.12.2025).
13. The State of Influencer Marketing in Gaming 2025 // HypeAuditor. 2025. URL: <https://hypeauditor.com/state-of-influencer-marketing-in-gaming-2025/> (дата обращения: 25.12.2025).
14. Zou J., Fu X. Understanding the purchase intention in live streaming from the perspective of social image // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. № 1. № 1247. P. 1 – 14. DOI: 10.1057/s41599-024-04054-6.

References

1. Akimova O.V., Galichkina E.N. Game Streaming as a New Communicative Environment for Internet Users. Bulletin of Kalmyk University. 2025. No. 1 (65). P. 58 – 66. DOI: 10.53315/1995-0713-2025-65-1-58-66.
2. Zhiltsova D.D. Streaming Monetization: Income from Gaming and Commercial Broadcasts. Current Directions for Increasing the Profitability of Creative Industries Projects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Moscow, April 24–25, 2024. Moscow: Rusains LLC, 2024. P. 42 – 45.
3. Ilchenko S.N., Turunov D.M. Digital Transformation of Russian Gaming Media: Analysis of Main Online Platforms. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism. 2025. Vol. 30. No. 3. P. 655 – 668. URL: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/download/46785/25713> (accessed: 25.12.2025).
4. Kozin D.N. Communicative Practices as a Tool for Shaping Audience Attitudes toward Gaming Streamers. Young Media: Abstracts of Participants in the 1st Student Scientific and Practical Conference. Moscow, December 21, 2023. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2024. P. 89 – 93.

5. Miroschnik M.A. Formation of Streaming as a New Media Format for Disseminating Information and Interacting with the Audience. Gaming and Non-Game Streams. Znak: A Problematic Field of Media Education. 2022. No. 2 (44). P. 76 – 82. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10210.

6. Dewi D.A., Kurniawan T.B. Analyzing the Impact of Social Media and Influencer Endorsements on Game Revenue using Multiple Linear Regression in the Metaverse. International Journal Research on Metaverse. 2025. Vol. 2. No. 2. P. 167 – 182. URL: <https://ijrm.net/index.php/ijrm/article/download/29/25> (accessed: 27.12.2025).

7. El Afi F., Smail O. The Rise of Video-Game Live Streaming: Motivations and Forms of Viewer Engagement. HCI International 2021 – Posters: 23rd HCI International Conference, HCII 2021, Virtual Event, July 24-29, 2021, Proceedings, Part III / ed. C. Stephanidis et al. Cham: Springer, 2021. P. 156 – 163. DOI: 10.1007/978-3-030-78645-8_20.

8. Game Streaming Market Size, Companies & Share Analysis. Mordor Intelligence. 2025. URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/game-streaming-market> (accessed: 24.12.2025).

9. Haryacha P. Gaming Influencer Marketing in 2025: The Ultimate Guide. P. Haryacha. CloutBoost. 2024. URL: <https://www.cloutboost.com/blog/the-ultimate-guide-to-gaming-influencer-marketing-in-2024> (accessed: 25.12.2025).

10. Miloradov G. Streaming – live content for the younger generation. Scientific community of students: interdisciplinary research: a collection of articles based on the materials of the CLXXXVIII international student scientific and practical conference. 2024. No. 9 (187). P. 449 – 452. URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/9\(187\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/9(187).pdf) (accessed: 25.12.2025).

11. Q1 2025 Global Livestreaming Landscape – TikTok Live surpassed Twitch in the streaming platforms ranking. Streams Charts. 2025. URL: <https://streamscharts.com/news/q1-2025-global-livestreaming> (accessed: 25.12.2025).

12. The Rise of Ad Spend in Gaming: A Booming Industry with Limitless Potential. Prado. 2025. URL: <https://www.prado.co/post/the-rise-of-ad-spend-in-gaming-a-booming-industry-with-limitless-potential> (accessed 24.12.2025).

13. The State of Influencer Marketing in Gaming 2025. HypeAuditor. 2025. URL: <https://hypeauditor.com/state-of-influencer-marketing-in-gaming-2025/> (accessed: 25.12.2025).

14. Zou J., Fu X. Understanding the purchase intention in live streaming from the perspective of social image. Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. No. 1. No. 1247. P. 1 – 14. DOI: 10.1057/s41599-024-04054-6.

Информация об авторах

Шестов Н.А., факультет журналистики, ИМПЭ им Грибоедова, zzzikuratt@mail.ru

© Шестов Н.А., 2026